УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Г. А. Леонтьева
П. А. Шорин
В. Б. Кобрин

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ВЛАДОС

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

Г.А. ЛЕОНТЬЕВА
П.А. ШОРИН
В.Б. КОБРИН

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Под редакцией профессора Г.А. Леонтьевой

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС

2003

УДК 930(075.8)
ББК 63.2
Л47

Авторы:
Г.А.Леонтьева — введение, глава 1,
глава 4 (совместно с П.А.Шориным);
П.А.Шорин — глава 2, глава 3,
глава 4 (совместно с Г.А.Леонтьевой), глава 5, глава 6;
В.Б.Кобрин — глава 7, глава 8

Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.

Л47 Вспомогательные исторические дисциплины: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Г.А. Леонтьевой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. — 368 с.: ил.

ISBN 5-691-00495-6.

Учебник состоит из глав, посвященных палеографии (науке о рукописях), геральдике (науке о гербах), сфрагистике (науке о печатях), хронологии (науке о системе счета времени), метрологии (науке об измерении расстояний, веса, объема), генеалогии (науке о происхождении родов и фамилий) и др. Эти науки объединены понятием «вспомогательные исторические дисциплины», поскольку без них невозможно изучение и понимание прошлого.

В книге раскрываются особенности методических приемов каждой из дисциплин, специфика предмета. Главное — помочь студенту всесторонне изучить исторический источник, дать максимальную информацию о его происхождении.

УДК 930(075.8)
ББК 63.2

© Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б., 2000
© Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2000
© Серийное оформление обложки. Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2000

ISBN 5-691-00495-6

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Историческая наука строит свои выводы на материале исторических источников. Под *историческим источником* понимают все остатки прошлого, которые связаны с деятельностью людей и отражают историю человеческого общества. Продукты и следы деятельности людей дошли до нас в виде источников вещественных (остатков орудий труда и оружия, предметов быта, архитектурных сооружений), лингвистических (языка), этнографических (нравов, обычаев), устных (фольклора) и т.д. С появлением и развитием письменности возникли письменные источники, а в новейшее время, благодаря развитию техники, — звуковые записи, фото- и кинодокументы. Приемами выявления, классификацией, разработкой комплексной методики обработки, изучения и использования источников занимается *источниковедение*.

Как выглядит процесс работы с историческими источниками? Каковы основные принципы и методы их научной критики, разрабатываемые источниковедением?

Первый этап научной критики связан с получением информации о происхождении источника. Для письменного источника это означает установление времени и места его составления, авторства, условий написания и подлинности, восстановление утраченных мест и первоначального текста, установление редакций, копий, списков. Первый этап критики требует от исследователя глубокого анализа текста, данных языка, имен собственных, географических и топографических сведений, наблюдения за формуляром, почерком, знаками письма и материала для письма, использования метрологических, хронологических, сфрагистических и нумизматических данных. Условно этот этап анализа исторического источника называется этапом *внешней критики*. Решив задачи внешней критики, имеющей целью определение степени правомерности использова-

ния источника в научном исследовании, историк переходит к следующему этапу, условно называемому *внутренней критикой* источника.

Внутренняя критика основана на изучении содержания источника и имеет целью установление его достоверности, т.е. выяснение степени соответствия жизненных явлений их отражению в источнике. В процессе внутренней критики устанавливается полнота информации и научной ценности источника. Задачи внутренней критики письменных источников требуют прежде всего учета социальной позиции, национальной и культурной принадлежности их авторов. Совокупность этих факторов оказывает решающее влияние на содержание и полноту такого источника. Автор может проигнорировать или видоизменить одни факты и, напротив, выделить те из них, в подробном освещении которых он заинтересован. Определенное влияние на автора оказывает и историческая обстановка, в которой он живет и работает.

Задачи внешней и внутренней критики нельзя рассматривать изолированно. Напротив, они тесно связаны между собой, поскольку служат общей цели — всестороннему изучению, оценке содержания и значения источника.

Источниковедческая критика источника предусматривает использование приемов так называемых вспомогательных исторических дисциплин. *Вспомогательными историческими дисциплинами* называются дисциплины, имеющие свою область исследования и разрабатывающие специфические методики и технические приемы в целях решения задач преимущественно внешней критики определенного вида источника. К числу вспомогательных исторических дисциплин относятся *палеография, археография, метрология, хронология, сфрагистика, геральдика, нумизматика, генеалогия, ономастика, дипломатика, эпиграфика, кодикология* и др.

Предмет исследования вспомогательных исторических дисциплин и разрабатываемые этими дисциплинами теоретические вопросы определяются характером материала источника, содержащего письменную информацию (пергамен, бумага, береста, камень, металл), типом источника (письменный источник, печать, монета, герб), видом источника (акт, летопись, хроника, мемуары).

Объектом исследования *палеографии* являются внешние признаки рукописных источников и связанные с ними графика букв, материал для письма, художественные украшения. *Хронология* исследует различные системы счисления времени, разрабатывает методики обработки прямой и косвенной датирующей информации. *Метрология* исследует существовавшие в разные периоды истории меры длины (протяженности), веса (тяжести), поверхности (площа-

ди) и вместимости (объема), их соотношения с современной системой мер. Областью изучения *сфрагистики* являются печати, сохранившиеся при документах и в отрыве от них, а *геральдики* — гербы. *Нумизматика* изучает денежно-весовые системы, монеты, надписи на них и денежное обращение. *Генеалогия* занимается вопросами происхождения семей и родов, отдельных лиц и родственных связей, составлением родословных. *Ономастика* изучает имена собственные, а историческая ономастика — их историю. Объектом изучения *дипломатики* является формулярный анализ и содержание актов, т.е. вообще официальных документов (грамот, протоколов, записей и т.д.). *Эпиграфика* исследует надписи и эволюцию знаков письма на твердых телах (камне, металле, кости, глиняных предметах). *Археография* разрабатывает правила и методы издания исторических источников. (Археографию можно отнести к прикладным историческим дисциплинам.)

Особенности методических приемов каждой из вспомогательных исторических дисциплин обусловлены спецификой предмета их исследования, а эффективность приемов зависит от уровня разработки теоретических вопросов любой из дисциплин. Таким образом, каждая из вспомогательных исторических дисциплин имеет свои приемы и свой объект исследования. Но цель у них одна — помочь исследователю всесторонне изучать исторический источник, дать максимум информации о его происхождении.

Любая из вспомогательных исторических дисциплин сопоставляет свои наблюдения с наблюдениями других смежных дисциплин и развивается во взаимодействии с ними. Так, палеография тесно связана с хронологией. Знание палеографии помогает прочесть буквенные изображения цифр, а палеографические наблюдения над материалом для письма, знаками графики, украшениями могут служить косвенным доказательством точности датировки. Без палеографических навыков трудно прочесть надпись на камне, старинной монете или печати, а особенности графики букв могут приблизительно указывать на время их появления. В этом плане нумизматика, сфрагистика, эпиграфика связаны с палеографией. Генеалогия тесно связана с хронологией, без данных которой невозможно проследить родословную. Изображение гербов на печатях и монетах сближает сфрагистику и нумизматику с геральдикой. Генеалогия тесно связана с ономастикой, а область денежно-весовых систем метрологии — с нумизматикой. Археография тесно связана с палеографией, так как разрабатывает методы передачи архивных текстов. Связь между вспомогательными историческими дисциплинами говорит о необходимости *комплексного* использования их методик и сопоставления выводов каждой из них.

Каково соотношение источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин? Задачи и исследовательские приемы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин переплетены и взаимосвязаны. Но источниковедение, занимающееся классификацией источников, разрабатывающее комплексную методику всесторонней внешней и внутренней критики источника и анализирующее всю их совокупность, шире любой из вспомогательных исторических дисциплин, поскольку каждая из них ограничена «своим» объектом исследования и «работает» своими методами. Выводы же любой из вспомогательных исторических дисциплин в совокупности используются в источниковедческом анализе для определения как происхождения, так и содержания источника.

Углубление теоретических вопросов и на их основе частных методик вспомогательных исторических дисциплин привело к тому, что они стали решать не только традиционные задачи источниковедческой критики, но и давать материал для выводов в области социально-экономической, политической и культурной истории. Например, наблюдения над графикой букв в палеографии помогли в решении вопроса об уровне развития письменности, образованности и специфике работы государственных учреждений; водяные знаки, служившие в палеографии средством датировки бумаги, рассматриваются как показатель технологии бумажной промышленности и культурных связей. Печати, сохранившиеся в отрыве от документов, служат материалом для выводов об эволюции государственного аппарата и древних государственных институтов, а монеты и монетные клады используются для характеристики уровня товарно-денежных отношений и рыночных связей. Знание метрологических единиц помогает уяснению тяжести фискального обложения, объема сельскохозяйственного производства и т.д. Генеалогия имеет значение для выводов о характере экономических и политических отношений, социальной структуры общества, а примыкающая к ней система социального этикета раскрывает определенные социальные отношения. Ономастика позволяет глубже раскрыть демографические процессы.

Прямой выход вспомогательных исторических дисциплин на историю свидетельствует о том, что их применение не ограничивается только рамками источниковедческой критики, а может иметь и вполне самостоятельное значение в исследовании общих вопросов исторического процесса. В связи с этим вспомогательные исторические дисциплины имеют достаточное основание называться *специальными*, и это наименование (наряду с традиционным) сегодня принято.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В РОССИИ

Появление и развитие приемов и понятий, ставших впоследствии неотъемлемой частью вспомогательных исторических дисциплин, было связано с чисто практическими нуждами. Древние писцы в целях установления подлинности документов сравнивали почерки, вырабатывали приемы анализа актового формуляра, следили за способом прикрепления печати. Летописцы стремились к изложению событий в определенной исторической последовательности. Установление чисел церковных праздников потребовало хронологических вычислений пасхалий, а необходимость фискального обложения и бытовые нужды способствовали выработке метрологических единиц.

Таким образом, использование приемов вспомогательных исторических дисциплин первоначально определялось практическими задачами. Исходя из этого каждую из вспомогательных исторических дисциплин до ее научного изучения и использования можно условно рассматривать как *практическую*: практическую палеографию, практическую метрологию, практическую хронологию и т.д.

По мере дальнейшего развития Русского государства практические знания в области вспомогательных исторических дисциплин не только находили более высокую и разнообразную форму воплощения, но и все более часто применялись в жизни.

В XVI–XVII вв. развитие практической палеографии выразилось в составлении учебных пособий, отразивших практические навыки в области рукописной и печатной графики, а также украшений рукописей. Появились рукописные азбуки-прописи, задачей которых было обучение грамоте. Азбуки писались на столбце, т.е. листе бумаги определенного формата. В них в алфавитном порядке приводились различные варианты написания скорописных букв, слогов, лигатур, слов и даже отдельных текстов (молитв, нравоучительных писем, образцов деловых бумаг). В руководстве для писцов-рисовальщиков, оформлявших рукописные книги, содержались разъяснения того, как разглаживать бумажный лист, наносить на него золотой грунт, составлять и подбирать краски, пользоваться кистью, линейкой («правилом»), циркулем («кружалом»). Практические знания в области палеографии нашли отражение в графике книжного шрифта и украшении печатных книг, а также в оформлении печатных азбук и букварей: «Азбуки» Ивана Федорова (1574 г.), «Азбуки» Василия Бурцева (1634 г.), «Букваря» Кариона Истомина (1694 г.). Но особенно большое значение приобрело использование приемов практической палеографии в судебной экспертизе. В усло-

виях единого Российского государства обострились противоречия и борьба за землю, ренту, рабочие руки. Появилось много фальшивых документов, фальсифицирующих право тех или иных лиц на землевладение и душевладение. Экспертами документов выступали специалисты-подьячие. При разборке судебных дел, в том случае если одна из тяжущихся сторон обвиняла другую в подделке документов, подьячие специально обращали внимание на почерки, дополнительные приписки и подчистки в документах. Нередко в установлении истины на помощь экспертам приходили знания в области практической дипломатики, а именно знания структурного построения документов, особенностей их формуляров.

Развитие внутренней и внешней торговли, начало складывания всероссийского рынка, попытки усовершенствования податного обложения повысили потребность в знаниях, необходимых при подсчетах площадей, длины, веса, объема. Эта же потребность вызвала к жизни специальные руководства — справочники, содержащие обобщенные сведения из области практической метрологии. Среди них важное место занимала «Торговая книга», составленная в XVI и существенно дополненная в XVII в. Книга содержала сведения о товарах и ценах и предназначалась для обучения молодых людей торговому делу. В одной из ее статей «О мерах» был дан достаточно полный перечень и описание существовавших тогда мер и указывалось на соотношение между ними. Статья «О мерах» вошла в состав еще одного сочинения XVII в. — «Счетных мудростей», своего рода руководства по арифметике и основам алгебры. В XVI—XVII вв. для составителей писцовых книг было создано руководство по измерению земельных площадей «Книга сошного письма».

В XV—XVII вв. практическая хронология развивалась по двум направлениям. Одно из них было связано с накоплением практических знаний в области астрономии и математики, необходимых для определения времени. Другое продолжало предшествующие традиции вычисления пасхалий как главных вех, к которым привязывались остальные переходящие праздники церковного календаря. Необходимость проведения этой работы в конце XV в. была вызвана тем, что подсчет церковных праздников на Руси был доведен только до 7000 г. (по эре от сотворения мира), с наступлением которого в древности ожидался конец света и Страшный суд. Пророчество не оправдалось, и по прошествии 7000 г. были сделаны расчеты пасхалий и составлен так называемый «Круг Миротворный». В XVI в. его дополнили информацией о високосных годах, месяцах, временах года, числах церковных праздников.

Развитие практической генеалогии в XV—XVII вв. было связано с деятельностью государственной власти и нуждами боярства и

дворянства. В Русском государстве требовалось соблюдение строгой иерархичности назначения на службу и необходим был учет местнических порядков при получении того или иного места. Это и явилось причиной появления частных родословных книг, которые после их проверки и переработки были включены в середине XVI в. в официальный источник — «Государев родословец». Он употреблялся для справок в местнических спорах. В 1682 г., в связи с отменой местничества, была сделана попытка обновить и пополнить родословные росписи. Результатом работы явилось создание «Бархатной книги», содержащей родословия старинного русского боярства и дворянства и представляющей собой первую часть задуманной общей родословной книги.

Уже в конце XVII в. родовые гербы и родословицы дворянства не рассматривались изолированно. В пользу этого говорит появление «Книги в десть о родословии и гербах российских знатных шляхетских фамилий», составленной в Посольском приказе в 1686—1687 гг. Судя по ее названию (сама книга не сохранилась), генеалогическая информация сочеталась в ней с описанием частных родовых гербов тех из служилых людей, которые в прошлом прибыли на российскую службу из западноевропейских стран и предки которых имели гербы.

Эволюция сословно-представительной монархии в абсолютную, особенно отчетливо проявившаяся во второй половине XVII в., отразилась и на внешней атрибутике царской власти: составлении генеалогии царского рода, попытке доказать родство Романовых с династией Рюрика, составлении территориальных гербов, соблюдении точности титулования. В 1672 г. по указу царя Алексея Михайловича в Посольском приказе была подготовлена «Большая государственная книга, или Корень российских государей» (сокращенно «Титулярник»[1]). Книга содержала помещенные в хронологической последовательности портретные изображения киевских и московских великих князей и царей (от Рюрика до Алексея Михайловича включительно) и портретные изображения правителей, с которыми Россия имела дипломатические отношения. В «Титулярнике» был записан полный царский титул и давались рисунки государственного герба и 33 гербов земель и княжеств, названия которых входили в царский титул. Эмблематика гербов повторяла изображения на большой и малой государственных и некоторых городских печатях. Рисунки сопровождались комментариями, сделанными прекрасным каллиграфическим почерком. «Титулярник» имел рос-

---

[1] Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г — СПб , 1903

кошные украшения в виде рукописного орнамента «барокко», выполненного цветными красками и золотом. Создание «Титулярника» с полным основанием можно считать вершиной комплексного использования практических знаний в области палеографии, хронологии, генеалогии, геральдики, исторической ономастики, сфрагистики.

Следующая ступень в развитии вспомогательных исторических дисциплин была связана с выявлением, публикацией и критикой исторических источников и написанием научных трудов по истории России.

Большое значение для сохранности источников имели указы Петра I от 1720 и 1722 гг., предписывающие монастырям и церквам присылать в Москву в Синод из своих библиотек и архивов древние грамоты, книги и «прочие куриозные письма». В 1722 г. по указу Петра I при Сенате была создана Геральдмейстерская контора, обязанностью которой являлось составление не только городских, но и частных гербов. Герботворческая деятельность, начатая при Петре, продолжалась и в течение XVIII и XIX вв., создавая необходимую базу публикации источников по геральдике. Составление гербов в Геральдмейстерской конторе находилось в тесной связи с другой стороной ее деятельности — историческим подтверждением положения, генеалогической преемственностью дворянских родов, необходимых для получения родового герба. Контора, а затем Департамент Геральдии ведали делами принадлежности к дворянству и к другим титулованным родам, составлением списков дворян. С 1725 г. основные нумизматические находки начали сосредоточиваться в Академии наук. С 1775 г. сбором монет стал заниматься нумизматический кабинет Эрмитажа. Государственные нумизматические коллекции пополнялись за счет деятельности Археографической комиссии и частных коллекций.

В первой половине XIX в. группой ученых (Е.А.Болховитинов, К.Ф.Калайдович, П.М.Строев) была проведена большая работа по выявлению в библиотеках и архивах памятников древнерусской письменности. Возглавленная П. М. Строевым Археографическая экспедиция сделала известным содержание многих архивных хранилищ страны. Систематизация архивных фондов и их изучение способствовали накоплению информации о печатях, сохранившихся при документах.

Выявление исторического материала сопровождалось его изданием. Первые публикации русских источников относятся ко второй половине XVIII в. и связаны с деятельностью известного просветителя Н.И.Новикова, а также Академии наук и других учреждений. В 1773—1791 гг. Н.И.Новиков осуществил многотомное из-

дание «Древней Российской Вивлиофики»[1] (вивлиофика — библиотека), в которой впервые опубликовал духовные и договорные грамоты князей, ханские ярлыки, родословицы («Бархатную книгу») и другие источники.

В деле издания источников в XIX — начале XX в. главная роль принадлежала правительственным комиссиям, ведомствам, комитетам, научным обществам и журналам. Например, созданная в 1834 г. Археографическая комиссия опубликовала Полное собрание русских летописей и целый ряд актов публичного и частного характера, объединенных в многотомные собрания, в том числе «Акты Археографической экспедиции» (т. 1—4, СПб., 1836—1838), «Акты Исторические» (т. 1—5, СПб., 1841—1842), «Дополнения к Актам историческим» (т. 1—12, СПб., 1846—1879) и многие другие издания.

Издание разнообразных по характеру и содержанию источников требовало не только подготовки их к печати (правильного прочтения, датировки), но и составления справочного аппарата, включающего описание графики букв, материала для письма, объяснения значения метрологических единиц и внешнего вида печатей. Эта работа способствовала накоплению и осмыслению приемов научной критики источников методами, характерными для палеографии, сфрагистики, метрологии, хронологии и других вспомогательных исторических дисциплин.

Первые наблюдения в области вспомогательных исторических дисциплин прослеживаются в сочинениях XVIII в. Уже В.Н.Татищев, который открыл и исследовал два важнейших памятника феодального права — Русскую Правду и Судебник 1550 г., а также использовал большое количество летописных и других источников в своей «Истории Российской», указал на необходимость знания историком палеографии, древней хронологии, геральдики и генеалогии. Например, говоря о генеалогии, он подчеркивал: «Генеалогию или родословие государей нужно знать, кто от кого родился, кого детей имел, с кем браком обязан был, из чего можно уразуметь правильные наследства и домогательства»[2]. Сведения по хронологии, палеографии, генеалогии, топонимике давались в исторических трудах М.В.Ломоносова, М.М.Щербатова, И.И.Болтина, в комментариях к изданиям источников Н.И.Новиковым.

Таким образом, деятельностью ученых XVIII в. был поставлен на очередь дня вопрос о необходимости изучения материалов вспо-

---

[1] Древняя Российская вивлиофика... издаваемая Николаем Новиковым. — СПб., 1773—1775. — Изд. 1. — Ч. 1—10; М., 1788—1791. — Изд. 2. — Ч. 1—20.

[2] *Татищев В.Н.* История Российская. — М.; Л., 1962. — Т. 1. — С. 82.

могательных исторических дисциплин. Но само понятие о палеографии, метрологии, хронологии, сфрагистике, нумизматике, ономастике как особых исторических дисциплинах получило развитие только в XIX в.

В первой половине XIX в. вспомогательные исторические дисциплины развивались преимущественно как описательные. На этом этапе шло выявление и накопление фактического материала, имеющее итогом появление работ, в которых давалось описание материала, делались первые шаги по его научному осмыслению, обобщению и классификации.

Для развития палеографии в первой половине XIX в. и в последующее время имели особое значение научные палеографические описания рукописей, составленные Е.А.Болховитиновым[1], А.Х.Востоковым[2], А.В.Горским и другими, сборники палеографических текстов, снимков, изданные П.И.Ивановым и И.П.Сахаровым[3], таблицы водяных знаков, выявленных и изданных И.П.Лаптевым и К.Я.Тромониным[4].

Публикацией статей о русских мерах длины и веса, о торговых ценах на товары и хлеб началось описание материалов по русской метрологии, завершившееся книгой Ф.И.Петрушевского «Общая метрология», вышедшей в 1849 г. и обобщившей ранее собранный материал. Практическая необходимость научной датировки публикуемых источников, в первую очередь Полного собрания русских летописей, открыла страницу жарких споров о летосчислении Древ-

---

[1] *Евгений Болховитинов.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. — 1818. — Ч. 100. — № 15—16; Ч. 101. — № 20.

[2] *Востоков А.Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. — СПб., 1842; *Востоков А. Х.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1855—1869. — Вып. 1—5; М., 1917. — Вып. 6.

[3] *Иванов П.И.* Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства. — М., 1844; *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, снимки с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.). — СПб., 1841, 1852.

[4] *Лаптев И.П.* Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. — СПб., 1824; *Тромонин К.Я.* Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. — М., 1844.

ней Руси, «старшинстве» мартовского или сентябрьского годов[1]. Тогда же были обобщены и популярно изложены сведения о календарях[2], а П.В.Хавский обратился к составлению хронологических таблиц, существенно облегчивших определение дат исторических событий[3].

К середине XIX в. относится начало издания специальных альбомов снимков русских печатей и попытка их классификации[4]. Итогом накопления материала по дворянской геральдике явилось издание с конца XVIII в. «Общего гербовника дворянских родов»[5], в котором частные гербы объединялись по группам: гербы потомков Рюриковичей, Гедиминовичей, древних дворянских родов и родов, пожалованных княжескими, графскими, баронскими, дворянскими титулами. Несколько позже дворянских началась публикация городских гербов. Их рисунки были изданы в 1843 г. отдельной книгой в виде Приложения к Полному собранию законов Российской империи.

Сводным трудом по сфрагистике и геральдике стала работа А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (кн. 1—2, СПб., 1855). В первой книге этого труда давался исторический обзор русских печатей и делалась попытка их научной классификации. Вторая книга содержала историю дворянских гербов. В тесной связи с геральдикой развивалась генеалогия. Столкнувшись с необходимостью разобраться в чрезвычайном обилии повторяющихся имен князей в ранний период Российской истории, авторы трудов по истории России приступили к составлению княжеских родословных росписей и таблиц[6].

---

[1] *Хавский П.* О тысячелетии государства Российского. — М., 1861; *Беляев И.* Хронология Нестора и его продолжателей // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1846. — № 1, и др.

[2] *Штейнгель В.И.* Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля. — СПб., 1819.

[3] *Хавский П.* Хронологические таблицы в трех книгах. — М., 1848; *Хавский П.* Таблицы для проверки годов в русских летописях. — М., 1856.

[4] *Иванов П.И.* Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1858.

[5] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. — СПб., 1798 и след. — Ч. 1—10.

[6] *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. — СПб., 1794—1805. — Т. 1—2. — Приложения; *Екатерина II.* Записки касательно российской истории. — Ч. V; Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. — СПб., 1793; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — СПб., 1816—1829. — Т. 1—12. — Приложение. — Родословные владетельных князей российских. — 9 таблиц.

К 20–30-м гг. XIX в. относятся попытки разработки методики систематизации и наглядно-графического изображения родословных, включающих как основные, так и параллельные родственные связи[1].

Накопление, научное описание, попытки систематизации материала, предпринятые в первой половине XIX в., создали прочную основу для развития вспомогательных исторических дисциплин в последующее время. Конечно, представление о каждой из вспомогательных исторических дисциплин складывалось не сразу. Например, в XIX — начале XX в. некоторые из исследователей считали, что предметом палеографии является изучение «древлеписания», т.е. древнего письма и его изменений. Поскольку древним письмом могли быть написаны не только рукописные тексты, но и тексты на твердых предметах, к сфере изучения палеографии долгое время относили надписи на металле, камне и других предметах. Так, первый палеографический труд «Письмо... о камне Тмутороканском», написанный в 1806 г. А.Н.Олениным, был посвящен изучению надписи XI в., выбитой на камне. В опубликованной почти через 80 лет «Славяно-русской палеографии XI–XVI вв.» (СПб., 1885) И.И.Срезневского палеография продолжала рассматриваться еще не вполне откристаллизовавшейся дисциплиной, поскольку к объекту ее изучения были отнесены надписи, сделанные на твердых предметах: иконах, монетах, камнях.

Только со временем к области палеографии отошло изучение внешних признаков рукописей. Изучение надписей на камне стало уделом эпиграфики, надписей на металлической печати — сфрагистики, на монете — нумизматики.

Более четкое разделение вспомогательных исторических дисциплин стало возможным благодаря углублению методик критики источников и развитию исторической науки в целом. Исследователи второй половины XIX — начала XX в. продолжали выявление и обобщение материала, связанного со вспомогательными историческими дисциплинами. Но вместе с тем в работах этого периода более отчетливо проявилось стремление вычленить каждую из вспомогательных исторических дисциплин, определить ее место и предмет, наметить цели, усовершенствовать методические приемы и отойти от описательности.

---

[1] *Хавский П.* О наследстве завещательном, родственном и выморочном на основании всех российских законов, существовавших и доселе существующих по сему предмету. — М., 1817–1820. — Кн. 1–5; *Гостев М.О.* Материалы для вспомогательных наук истории. — М., 1835. — Кн. 2. — Для генеалогии.

В работах Е.Ф.Карского, Р.Ф.Брандта, Н.М.Каринского, И.А.Соболевского, И.А.Шляпкина[1] и других содержался интересный фактический материал и получили дальнейшее развитие попытки уточнить предмет, задачи, приемы палеографии. Возможность использования более частных палеографических приемов датировки давала работа Н.П.Лихачева, посвященная бумажным водяным знакам[2]. Достижением историографии явился учебник по палеографии В.Н.Щепкина, вышедший в 1918 г. Работа В. Н. Щепкина и сегодня в значительной степени сохранила свою научную ценность[3].

Интерес к вопросам летосчисления, усилившийся главным образом в связи с кампанией, проводимой в пользу замены юлианского календаря григорианским, дал толчок к изучению часосчисления и летописного летосчисления на Руси[4]. Компромиссная гипотеза Н.В.Степанова об отставании мартовских годов от сентябрьских на полгода или, наоборот, опережении их (так называемые «ультрамартовские годы») положила конец спорам о начале года на Руси, продолжавшимся еще с первой половины XIX в.[5] Совершенствование технических приемов и методов хронологии привело к модернизации таблиц и составлению математических формул, несколько упростивших обработку и проверку «прямой» датировки исторических источников. Тогда же введением в научный оборот таблиц с расчетами лунных и солнечных затмений, появления комет и т.д.

---

[1] *Карский Е.Ф.* Очерк славянской кирилловской палеографии. Лекции, читанные в Варшавском университете в 1912—1913 акад. году. — Варшава, 1913; *Брандт Р.Ф.* Лекции по славяно-русской палеографии, читанные в Московском Археологическом институте в 1908, 1909, 1910 гг. — М., 1910; *Каринский Н.М.* Славянская палеография. Лекции, читанные в императорском Археологическом институте. — Пг., 1915; *Соболевский И.А.* Славяно-русская палеография. С 20 палеографическими таблицами. — СПб., 1908; *Шляпкин И.А.* Русская палеография. По лекциям, читанным в императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте. Перепечатано с издания слушателей 1905—1907 гг. с разрешения, но без просмотра автора. — СПб., 1913.

[2] *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. — СПб., 1899. — Ч. 1—3.

[3] *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. — М., 1918 (переиздан в 1967 г. под названием «Русская палеография»).

[4] *Прозоровский Д.О.* О старинном русском счислении часов. Труды II Археологического съезда в Москве 1890 г. — М., 1897. — Т. III.; *Степанов Н.В.* Исследование «лунного течения». — М., 1913.

[5] *Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописи. — М., 1909; *Степанов Н.В.* Календарно-хронологический справочник // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1917. — Кн. I.

была усовершенствована методика «косвенной» датировки, связанная с проверкой упомянутых в источниках астрономических явлений по объективным данным астрономии[1].

Трудами Н.П.Лихачева начала XX в. были заложены основы научной сфрагистики[2].

Генеалогическая литература характеризовалась продолжением традиционного изучения княжеских родословий[3] и появлением нового типа трудов — генеалогических справочников, обобщающих родословные росписи русского дворянства. Вслед за «Российской родословной книгой» П.В.Долгорукова вышли справочники дворянских родов А.Б.Лобанова-Ростовского, В.В.Руммеля, В.В.Голубцова[4]. Забота представителей дворянского класса о превращении своих родословных в фамильную историю вызвала появление сочинений об отдельных родах[5]. Расширение документированности генеалогических известий и попытка теоретического осмысления и обобщения накопленных генеалогических материалов в конце XIX— начале XX в. была предпринята в трудах Л.М.Савелова[6].

---

[1] *Перевощиков Д.М.* Правила времясчисления, принятого православной церковью. — М., 1880; *Черухин Н.И.* Календарь для хронологических справок // Русская старина. — 1873. — № 7; *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. — М., 1915.

[2] *Лихачев Н.П.* Из лекций по сфрагистике. — СПб., 1905—1906.

[3] *Тихомиров Дм.* Историческое исследование о генеалогии князей рязанских, муромских, пронских с приложением росписей. — М., 1844; *Головин Н.И.* Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. — М., 1851; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. — СПб., 1906; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1889—1890. — Т. 1—2.

[4] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. — СПб., 1854—1857. — Ч. 1—4; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. — СПб., 1873—1875. — Т. 1—2; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб., 1886—1887. — Т. 1—2.

[5] *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. — СПб., 1880—1894. — Т. 1—5; *Барсуков А.* Род Шереметевых. — 1881—1904. — Кн. 1—8; О роде Юсуповых... — СПб., 1867. — Ч. 1—2; *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. — СПб., 1892; *Богданович Е.* Род князей Барятинских. Исторические очерки. — СПб., 1898.

[6] *Савелов Л.М.* Библиографический указатель по истории геральдики и родословию российского дворянства. — Острогожск, 1897; *Савелов Л.М.*Родословные записи (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). — М., 1906—1909. — Вып. 1—3; *Савелов Л.М.* Лекции. Первое полугодие. Второе полугодие. — М., 1908.

В геральдике, наряду с выяснением и публикацией отдельных тематических сводов гербов[1], развернулась разработка справочной литературы о гербах, разъясняющая их эмблематику в истории[2]. Исключительная роль в публикации гербов, создании обобщенных работ по истории русской геральдики, справочной литературы, помогающей в определении гербов, принадлежала В.К.Лукомскому, который впервые рассмотрел герб как исторический источник.

Появление в XVIII и XIX вв. частных и государственных нумизматических коллекций сделало возможным составление русской нумизматической систематики. Активизации работы русских нумизматов во второй половине XIX – начале XX в. способствовало создание нумизматических обществ и отделений, по инициативе которых были налажены выпуски специальных серий нумизматических трудов. В ценных работах И.И.Толстого, А.В.Орешникова, А.К.Маркова был изучен, обобщен и классифицирован материал русской, античной и восточной нумизматики[3].

Таким образом, в результате развития исторической науки и источниковедения в целом в области вспомогательных исторических дисциплин был выявлен и собран значительный материал, опубликовано и изучено большое количество источников, написаны ценные статьи, справочники, монографическая литература. Со второй половины XIX в. в ряде высших учебных заведений было введено чтение лекционных курсов по палеографии, нумизматике, метрологии, сфрагистике, генеалогии и геральдике.

---

[1] Гербовник дворянских родов Царства Польского. – Варшава, 1893. – Ч. 1–2; *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. – СПб., 1914; *Тройницкий С.Н.* Гербы лейб-компании обер- и унтер-офицеров и рядовых. – СПб., б. г.

[2] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в Полное собрание законов Российской империи за 1649–1900 гг. – СПб., 1900; *Винклер П.П.* Русская геральдика. История русских гербов с изображением всех дворянских гербов, внесенных в Общий гербовник Всероссийской империи. – СПб., 1892–1894. – Вып. 1–3; *Лукомский В.К., Типольт Н.А.* Указатели к высочайше утвержденному «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» и гербовнику дворянских родов Царства Польского. – СПб., 1910. – Ч. 1–2.

[3] *Толстой И.И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. – СПб., 1882; *Толстой И.И.* Русская допетровская нумизматика. – СПб., 1884. – Вып. 1; Монеты Великого Новгорода. – СПб., 1884. – Вып. 2; Монеты псковские. – СПб., 1886; *Орешников А.В.* Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России. – М., 1887; *Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. – М., 1896; *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910.

Однако в конце XIX — начале XX в. все еще продолжали оставаться нечетко выраженными предмет и задачи отдельных вспомогательных исторических дисциплин. Некоторые из них рассматривались в качестве прикладных по отношению к другим вспомогательным историческим дисциплинам: сфрагистика — как прикладная дипломатики, геральдика — как прикладная генеалогии. Хронология, находившаяся в процессе становления, часто рассматривалась в учебных курсах по палеографии. Разработка теоретических вопросов отличалась неравномерностью. Например, палеография развивалась преимущественно на источниках, написанных уставом и полууставом. Деловые бумаги, в том числе и частные акты, написанные скорописью, исследовались недостаточно. Не стали объектом исследования такие признаки бумаги, как клейма и штемпели. Неравномерно развивались отдельные разделы нумизматики. Серьезным недостатком нумизматического собирательства являлась недооценка монетного клада как комплексного нумизматического источника. Метрология ограничивалась преимущественно изучением древнерусских мер, сфрагистика проявляла больший интерес к печатям XVI—XVII вв., чем к печатям древним, причем изучались печати, сохранившиеся при документах. Что же касается печатей, найденных в земле, в отрыве от документов, то за неимением методик их обработки они еще не привлекли должного внимания исследователей. Введенные во второй половине XIX в. в научную практику формулы перевода дат все еще отличались громоздкостью и неудобством. Некоторые классификации печатей и монет нуждались в критической переоценке.

Разработка материала каждой из вспомогательных исторических дисциплин отличалась хронологической ограниченностью. Например, в курсах Н.С.Тихонравова, И.А.Соболевского, Е.Ф.Карского вопросы палеографии рассматривались главным образом до XVI—XVII вв. В учебнике по палеографии В.Н.Щепкина рассмотрение палеографических признаков ограничивалось преимущественно XVIII в. Не стали объектом должного изучения печати «моложе» XVI в.

Некоторые разработки в области вспомогательных дисциплин содержали ошибочные положения. Например, весовая метрология отрицала самобытное развитие русских единиц веса и утверждала, что славяне их заимствовали у арабов, греков, скандинавов. Факт раннего развития единиц и систем веса, в том числе гривны, у восточных славян еще до их контактов с Востоком, Византией и Скандинавией учеными-метрологами игнорировался. Противореча показаниям монетного материала о значительном дроблении денежных единиц, метрологи отрицали пестроту областных мер в период феодальной раздробленности. В генеалогии неверным был вывод об отсутствии

письменных источников о родословных рабочих и крестьян и о невозможности восстановлении их генеалогии[1].

Заполнение белых пятен, уточнение ряда положений стало делом развития вспомогательных исторических дисциплин в последующий период. Интерес к вспомогательным историческим дисциплинам выразился в появлении учебных курсов, обобщивших материал нескольких вспомогательных исторических дисциплин[2].

Важным моментом в развитии вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения в целом явилось издание на протяжении ряда лет сборников и журналов, в которых публиковались источники и исследования по палеографии, сфрагистике, геральдике, нумизматике, ономастике, археографии и в целом по источниковедению[3]. Большое значение для развития вспомогательных исторических дисциплин имела дальнейшая публикация источников[4] и факсимильное воспроизведение ряда рукописных текстов[5].

В научный оборот были вовлечены новые вещественные источники, найденные в ходе археологических раскопок. Еще в самом начале XX в. была открыта сфрагистическая сокровищница Руси — Новгородское городище. На протяжении периода существования Новгородской республики оно было главной резиденцией князя. На городище находились княжеская канцелярия и архив. Материальные остатки этих учреждений сохранились в виде печатей или их осколков, находки которых не прекращаются до настоящего времени, составив громадный сфрагистический фонд. Большое значение для накопления сфрагистического материала имели раскопки в Пскове Довмонтова городища. Открытие археологами начиная с 1951 г. в Новгороде, а затем в Пскове, Смоленске, Старой Руссе, Витебске и других городах берестяных грамот дало в руки исследователям несколько сотен единиц ранее неизвестных источников. Ежегодные находки все новых и новых монетных кладов расширили исследовательскую базу нумизматов.

---

[1] *Савелов Л.М.* Лекции... — С. 13.

[2] *Большаков А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1924.

[3] Архивное дело; Советские архивы; Археографический ежегодник (с 1957 г. до настоящего времени); Вспомогательные исторические дисциплины (с 1968 г. до настоящего времени); Источниковедение отечественной истории (с 1973 г.).

[4] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М; Л., 1949; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952—1974. — Т. 1—3 и др.

[5] Факсимильным способом изданы списки «Русской Правды», «Мерило праведное», «Закон судный людем», «Задонщина» и др.

Разработке вспомогательных исторических дисциплин в последние десятилетия способствовали лучшие возможности координации исследовательской работы, выход в свет монографической литературы по ряду дисциплин, ранее мало привлекавших внимание ученых, возрастание роли вспомогательных исторических дисциплин в учебном процессе и в связи с этим — создание учебных пособий по этим дисциплинам.

В работах Л.В.Черепнина, М.Н.Тихомирова, А.В.Арциховского, Б.А.Рыбакова, И.Г.Спасского, В.Л.Янина, Н.В.Устюгова, Е.И.Каменцевой, В.А.Никонова, А.И.Аксенова, Н.А.Соболевой и других получили развитие глубокий исторический подход, теоретическое переосмысление целей и задач, совершенствование методик палеографии, метрологии, сфрагистики, геральдики, нумизматики, ономастики, хронологии[1].

Главным достоинством этих работ явилось рассмотрение объектов и явлений, которыми занимаются отдельные вспомогательные исторические дисциплины, в тесной связи с конкретным социально-политическим и экономическим развитием страны. Такой подход дал возможность использовать выводы вспомогательных исторических дисциплин для решения важных исторических проблем. Например, благодаря палеографическим наблюдениям за техникой письма (размером букв, их пропорцией, расстоянием между буквами и строчками, способом держания пера) были получены выводы о почерках, степени развития письменности, школах письма. Наблюдения за водяными знаками на бумаге дали материал об уровне тех-

---

[1] *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. — М.; 1948; *Бережков Н.Г.* Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н.э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «сотворения мира» // Проблемы источниковедения. — 1958. — Вып. VI. — С. 347—353; *Черепнин Л.В.* Русская палеография. — М., 1956; *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М., 1969; *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. — М., 1966; 2-е изд. — М., 1982; *Спасский И.Г.* Русская монетная система. — Л., 1970; *Янин В.Л.* «Я послал тебе бересту...» — М., 1975; *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. — М., 1970. — Т. 1—2; *Каменцева Е.И.* Хронология. — М., 1967; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. — М, 1974; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. — М., 1976; *Никонов В. А.* Имя и общество. — М., 1974; *Веселовский С.Б.* Ономастика. Древнерусские имена, прозвища, фамилии. — М., 1974; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории классов служилых землевладельцев. — М., 1969; *Костюхина Л.М.* Книжное письмо в России XVII в. — М., 1976; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. — М., 1981; Гербы городов России. Альбом-справочник / Сост. Н.А.Соболева и др. — М., 1998.

нологии производства бумаги и развитии бумагоделательного производства[1]. Изучение печатей, найденных в отрыве от документов, помогло воссоздать историю древних русских государственных институтов, проследить основные моменты их развития, зафиксировать не отраженные в других источниках административные реформы, показывающие становление аппарата государственной власти на Руси. Использование комплексного источника нумизматического исследования — монетного клада — позволило представить развитие экономики, денежного хозяйства, формирование монетных систем, экономических связей, существование и количество монетных дворов и их экономический потенциал. Метрология внесла самостоятельный вклад в реконструкцию древних монетных систем, земельных отношений и налогового обложения, в определение степени эксплуатации крестьян. Собранные и систематизированные генеалогические сведения дали материал о формировании социальных групп населения и форм землевладения, процессах образования и становления государственного аппарата, развитии общественно-политических идей. Такой объект изучения геральдики, как городской герб, помог более глубокому рассмотрению проблем российского города и политики правительства в отношении городского населения.

Понимание симолики, например, креста и факта его водружения на новой территории в российской и международной средневековой практике позволили установить дату присоединения этой территории (например, Камчатки к России в 1697 г.). Указания на дату, связанную с церковным праздником в контексте с конкретным лицом и его действиями, помогают определить приблизительно или точно дату рождения этого лица[2].

Получили более обстоятельное освещение отдельные разделы вспомогательных исторических дисциплин, которым прежде уделялось недостаточное внимание. Палеографов привлекли скоропись XVII–XVIII вв., книжное письмо XVII в., бумажные клейма и штемпели. В сфрагистике получили рассмотрение группы печатей восковых, воскомастичных, сургучных преимущественно XVII–XVIII вв., в метрологии — меры и метрологическая политика правительства в XVIII–XIX вв., в геральдике — городские гербы. В области хронологии были усовершенствованы формулы для обработки дат.

---

[1] *Лауцявичус Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII вв. — Вильнюс, 1967; *Мацюк О.Я.* Папір та філіграні в українських землях (XVI — початок XX ст.). — Киев, 1974.

[2] *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М., 1994. — С. 87–90.

Объекты изучения методами вспомогательных исторических дисциплин стали более разнообразными. Например, внимание генеалогии привлекли ранее остававшиеся за рамками генеалогических разысканий династии купечества, крестьянства, рабочих, интеллигенции[1]. В палеографии появился новый объект изучения — берестяные грамоты, в сфрагистике — печати, сохранившиеся в отрыве от документов, в нумизматике — монетные клады как комплексный нумизматический источник. Герб стал осмысливаться как источник, раскрывающий судьбы его владельцев.

Усовершенствовались методики и технические приемы вспомогательных исторических дисциплин. Усилиями нумизматов разработана так называемая методика поштемпельного анализа монет. Для монет XV—XVII вв. она заключается в сравнении каждой из монет клада между собой, в выделении групп монет, совершенно идентичных как по лицевой, так и по оборотной сторонам, т.е. изготовленных с помощью одних и тех же штемпелей (чеканов). Благодаря этому методу удается датировать монеты, на которых отсутствует год выпуска, определить их тип и место чеканки, а в конечном итоге дать характеристику монетному производству. Если в прошлом в палеографии для прочтения угасших (выцветших, смытых, соскобленных) текстов пользовались химическими реактивами, то теперь пользуются безвредным для рукописей способом прочтения с помощью цветоотделительной фотографии и ультрафиолетовых лучей. В области хронологии были усовершенствованы и упрощены формулы для перевода и проверки дат[2]. Используются данные и методики далеких от истории и даже от наук гуманитарного цикла отраслей знания: астрономии, дендрохронологии[3], фенологии[4], орнитологии[5] и др. Получили развитие методические приемы работы с древнерусскими печатями, основанные не на выборочном, а на

---

[1] *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках — М., 1962; *Павленко Н.И.* История металлургии в России в XVIII в. Заводы и заводовладельцы. — М., 1962; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. — М., 1991.

[2] *Бережков Н.Г.* Общая формула определения дня недели по числу месяца в январских годах н.э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «сотворения мира». Проблемы источниковедения. — 1958. — Вып. VI; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. — М., 1963.

[3] *Дендрохронология* изучает возраст деревьев по числу древесных колец, соответствующих годовому приросту.

[4] *Фенология* — раздел биологии, изучающий периодичность явлений в жизни растений и животных, а также соотношения между этими явлениями.

[5] *Орнитология* — раздел биологии, изучающий птиц

исчерпывающем привлечении сфрагистического материала (в том числе и дублетного), его максимально полном описании, классификации, хронологическом определении и атрибуции.

На базе традиционных исторических дисциплин появились новые. Из палеографии выделилась кодикология — вспомогательная историческая дисциплина, связанная с изучением рукописных книг: выяснением социального и профессионального состава переписчиков книг, путей распространения книг из центров их переписки до современных книгохранилищ и т.д. Существует мнение о выделении из палеографии берестологии (изучает берестяные грамоты) и филигранологии (изучает признаки бумаги), а из нумизматики — фалеристики (изучает наградные знаки) и бонистики (изучает бумажные денежные знаки).

Расширились хронологические рамки вспомогательных исторических дисциплин. Наметились пути использования традиционных и разработки новых методик в работе с современными источниками[1]. Все шире стали использоваться приемы комплексного источниковедения[2].

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Овладение приемами и методами, разрабатываемыми вспомогательными историческими дисциплинами, является необходимой ступенью к активному восприятию курса источниковедения и получению навыков критики исторических источников: установлению их подлинности, времени и места составления, авторства. Особенно большое значение для историка эти навыки имеют в работе с архивными материалами, требующими их обязательной обработки методами и техническими приемами палеографии, хронологии, метрологии, сфрагистики и других вспомогательных исторических дисциплин.

Не в меньшей степени, чем исследователю-историку, знание вспомогательных исторических дисциплин нужно архивным работникам, обрабатывающим архивные фонды и приводящим их в такое состояние, чтобы каждому исследователю можно было легко

---

[1] *Гуковский А.И.* Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопросы истории. — 1964. — № 2; *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. — М., 1970.

[2] *Янин В.А.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. — М., 1977.

отыскать необходимые материалы и удобно пользоваться ими. Умение прочесть тексты и наблюдение за их палеографическими приметами помогают архивистам соединить воедино разрозненные источники. Примером такой работы служит обработка архивистами уникального собрания пергаменных рукописей XI—XVI вв., хранящихся в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. Особенности этого собрания состоят в том, что из его 195 единиц хранения 134 единицы были представлены рукописными фрагментами. Архивисты проделали работу по атрибуции каждого отрывка с точки зрения анализа его содержания, типа письма, почерка, цвета чернил, материала для письма и т.д. Благодаря этому удалось идентифицировать ряд отрывков между собой, установить их принадлежность к одной рукописи, привязать фрагменты, хранящиеся в этом собрании, к рукописям других коллекций или, наоборот, разъединить издавна существующие единицы хранения как относящиеся к разным рукописным книгам[1].

Навыки чтения текстов, наблюдений за делопроизводственной терминологией учреждений (приказов, коллегий, министерств) помогают архивистам соединить разрозненные источники в единые фонды, принадлежащие либо какому-то конкретному лицу, либо учреждению.

Совершенно очевидна необходимость использования приемов вспомогательных исторических дисциплин и в работе с опубликованными материалами. В публикациях часто упоминаются старые метрологические и денежные единицы, дается описание монет, печатей, гербов, обработка которых требует специальной источниковедческой подготовки, в том числе и владения приемами вспомогательных исторических дисциплин.

Материал вспомогательных исторических дисциплин может быть использован и в школе — в первую очередь на уроках истории. Уроки по проблемам социально-экономического развития, культуры, социальной борьбы будут построены более интересно, если учитель продемонстрирует и сам сумеет прочесть палеографические тексты, иллюстрирующие изучаемую тематику (например, одно из «прелестных писем» С Т.Разина или статью о закрепощении крестьян из «Соборного уложения» 1649 г.). Демонстрация типов письма, украшений книг сделает более понятным и наглядным объяснение вопросов культуры и ее важнейшей области — письменности. Знание метрологии поможет раскрыть содержание старых мер, перевести их на современную метрическую систему и более углубленно рас-

---

[1] Пергаменные рукописи библиотеки Академии наук СССР Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков — Л , 1976

крыть тяжесть фискального гнета. Перевод дат на новое летосчисление и новый стиль нагляднее раскроет суть календарных преобразований, проводимых в нашей стране в начале XVIII и XX столетий. Знание основ теоретической геральдики поможет учителю глубже и всестороннее объяснить эмблематику государственного, городских и частных гербов. Обращение к доходчивому дополнительному материалу в виде изображений и надписей на монетах значительно активизирует усвоение учащимися курса отечественной истории. Например, наличие на древнейших русских монетах («златниках» и «сребрениках») поясного изображения князя, «сидящего на столе», и «знака Рюриковичей» как княжеской печати или герба, помогает наглядно разъяснить учащимся факт политического усиления Древнерусского государства и его князей, начавших чеканить свою собственную монету. Дополнительному разъяснению теоретического материала служит и анализ надписей на монетах Василия II, Ивана III, Ивана IV, раскрывающих историческую закономерность усиления власти великих московских князей и их централизаторскую политику. Применение фактического материала и методик вспомогательных исторических дисциплин необходимо и в создании экспозиции школьного музея, краеведческой и экскурсионной работе, в факультативных занятиях и занятиях исторических школьных кружков.

Глава 1

ПАЛЕОГРАФИЯ И АРХЕОГРАФИЯ

Что такое палеография. Палеография — вспомогательная историческая дисциплина, исследующая внешние признаки (приметы) рукописных источников в их историческом развитии. Термин «палеография» состоит из двух греческих слов: «палайос» — древний и «графо» — пишу.

Внешние признаки, изучаемые палеографией, включают: знаки письменности, особенности их графики, почерк, материал, на котором пишут, орудия письма, украшения рукописей, краски, чернила, водяные знаки, клейма, штемпели, формат, переплет рукописей.

Важнейшими задачами палеографии являются: изучение графики букв, их эволюции, особенностей письма; безошибочное чтение текстов; датировка, т.е. установление времени написания источника; определение места написания документа и его автора; установление подлинности рукописей и выявление подделки. Кроме решения традиционных задач внешней критики источника, благодаря совершенствованию конкретных методик, палеография дает материал для выводов в области социально-экономической, политической и культурной истории.

Палеография тесно связана с эпиграфикой, сфрагистикой, нумизматикой, хронологией, дипломатикой, а также в целом с источниковедением.

Палеографический метод. В основе палеографического метода лежат наблюдения над совокупностью целого ряда палеографических признаков (графикой букв, материалом для письма, украшениями, орудиями письма и др.) и выявление их соответствия друг другу для определенного периода времени.

Уровень экономического и культурного развития в любую эпоху накладывает свой отпечаток на состояние письменности, определяет ее особенности и как бы увязывает между собой внешние признаки рукописей, служащие объектом изучения палеографии. Например, Древней Руси соответствовали документы, написанные на

пергамене и уставом. Потребности экономического, политического и культурного развития середины XIV — конца XV в. отразились на состоянии письменности и внешних признаках рукописных источников: медленное уставное письмо в делопроизводстве заменялось более ускоренным типом письма — полууставом, пергамен, как дорогой и дефицитный материал, который был не в состоянии удовлетворить возраставшие нужды делопроизводства, постепенно вытеснялся бумагой. Развитию Русского государства XV—XVII вв. соответствовал более высокий уровень экономики и государственной централизации. В этот период ведущим типом делового письма становится скоропись, а основным материалом для письма — бумага. Такую же эволюцию претерпевают и другие признаки рукописных источников, в том числе и украшения рукописей, особенности которых зависели от внутренних условий культурного развития, интенсивности внешнеполитических связей и взаимовлияния культур.

Таким образом, каждому историческому периоду соответствовала совокупность определенных палеографических признаков. Несоответствие отдельных признаков «своей эпохе» является свидетельством копии, списка и даже подделки рукописи. Например, фиолетовыми чернилами и стальным пером не могут быть написаны подлинники конца XVIII в., даже если все остальные признаки (тип письма, водяные знаки бумаги) будут соответствовать этому периоду. Источник не может считаться оригиналом, если он датирован XVI в., но при этом написан на гербовой бумаге XVIII в. и стальным пером, которое появилось в России в 30-х гг. XIX в.

Овладение методикой палеографического исследования требует учета совокупности всех палеографических признаков. Одновременно следует помнить, что главным принципом палеографии при датировке документов являются наблюдения над более поздними палеографическими приметами. Например, при датировке источника, написанного скорописью конца XVIII в. на бумаге, имеющей штемпель, исследователь будет ориентироваться на более поздний палеографический признак — штемпель, массовое употребление которого началось с 30-х гг. XIX в.

Палеографический анализ источника должен сочетаться с изучением текста, уяснением его смысла, а также с материалом, который дают другие вспомогательные исторические дисциплины.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПАЛЕОГРАФИИ

Первоначальные приемы, которыми пользуется палеография при анализе внешних признаков рукописей, зародились на Руси, воз-

можно, уже в раннефеодальный период в связи с чисто практическими целями: необходимостью написать и оформить документ, отличить подлинник от подделки. Как отмечал Л.В.Черепнин, в тот период русские писцы в зачаточном виде применяли методы, которые много позже стали рассматриваться в соответствующей научной дисциплине.

В XVI–XVII вв. в области практической палеографии делается шаг вперед: появляются специальные руководства для писцов-рисовальщиков, занимающихся художественным оформлением рукописей, а также азбуки-прописи, в которых давались наиболее типичные варианты графики скорописных букв.

Переход от практической палеографии к палеографии как научной дисциплине связан с развитием русской историографии, выявлением и публикацией исторических источников. Работы В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, Н.И.Новикова поставили на очередь дня вопрос о необходимости развития русской палеографии и наметили в общих чертах пути ее развития. В первой половине XIX в. группой ученых (Е.Болховитинов, К.Ф.Калайдович, А.Х.Востоков, П.М.Строев и др.) была проведена большая работа по собиранию и изучению памятников письменности. Созданные в XIX в. Археографическая комиссия, Общество истории и древностей Российских при Московском университете, Русское археологическое общество и другие внесли ценнейший вклад в дело публикации документов.

Издание источников сопровождалось наблюдениями над начерком букв, материалом для письма, водяными знаками, украшениями и другими палеографическими приметами. В связи с этим появляются первые палеографические описания рукописей (Е.Болховитинов, А.В.Горский, А.Х.Востоков), сборники палеографических снимков (П.И.Иванов, И.П.Сахаров), таблицы водяных знаков (И.П.Лаптев, К.Я.Тромонин), первые обобщенные графические таблицы. Во второй половине – последней четверти XIX в. наблюдается переход от собирания и описания отдельных палеографических признаков к обобщающим работам по палеографии. В вышедших во второй половине XIX – начале XX в. трудах И.И.Срезневского, А.И.Соболевского, Е.Ф.Карского, И.А.Шляпкина, В.Н.Щепкина и других[1] содержался интересный фактический материал и разраба-

---

[1] *Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI–XIV вв. – СПб., 1885; *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. – СПб., 1908; *Карский Е.Ф.* Очерк славянской кирилловской палеографии. – СПб., 1901; *Шляпкин И.А.* Русская палеография. – СПб., 1913; *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. – М., 1920 (переиздан в 1967 г. под названием «Русская палеография»).

тывались общие приемы палеографического исследования рукописей.

В послереволюционное время основным моментом методологического порядка палеографических исследований явилось все большее проникновение в них историзма. Палеографические выводы помогают не только в решении вопросов внешней критики источников, но и в получении выводов, связанных с социально-экономической, политической и культурной историей страны.

Усовершенствовались старые и появились новые методы и технические приемы (например, используются оптико-фотографические методы для прочтения угасших текстов, бета-радиографический метод для прочтения водяных знаков). Вышли работы, способствующие более углубленному изучению отдельных разделов палеографии: миниатюры, орнамента, бумажных водяных знаков, штемпелей, клейм, графики отдельных типов письма, берестяных грамот[1].

Глубокий исторический подход был положен в основу работы Л.В.Черепнина «Русская палеография», вышедшей в 1956 г. Показ эволюции письма и других внешних признаков письменных источников давался в ней на фоне исторической периодизации, в тесной связи с экономическим, политическим и культурным развитием страны.

Большое значение для овладения навыками чтения палеографических текстов и анализа особенностей их письма имело издание пособий, содержащих образцы рукописной графики[2].

Хронологические рамки палеографии расширились. Сделаны попытки дать теоретические установки, касающиеся палеографического анализа рукописей второй половины XIX — начала XX в. Подчеркивается особое значение для данного периода палеографических наблюдений над индивидуальным почерком[3]. Выде-

---

[1] *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. — М., 1944; *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. — М., 1959; *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX в. — М., 1978; *Свирин А.Н.* Древнерусская миниатюра. — М., 1950; *Свирин А.Н.* Искусство книг древней Руси XI–XVII вв. — М., 1965; *Подобедова О. А.* Миниатюра русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. — М., 1965; Орнаментика русских рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — М., 1974 — Сб. второй.; *Костюхина Л.М.* Книжное письмо XVII в. — М., 1974; *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте. — М., 1953; *Янин В.Л.* Я послал к тебе бересту... — М., 1965.

[2] *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. — М., 1982.

[3] *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. — М., 1970; *Николаева А.Т.* Палеография. — М., 1980.

лены признаки документов XX в., которые могут быть объектом изучения палеографии: почерки, материал для письма, машинописные тексты.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

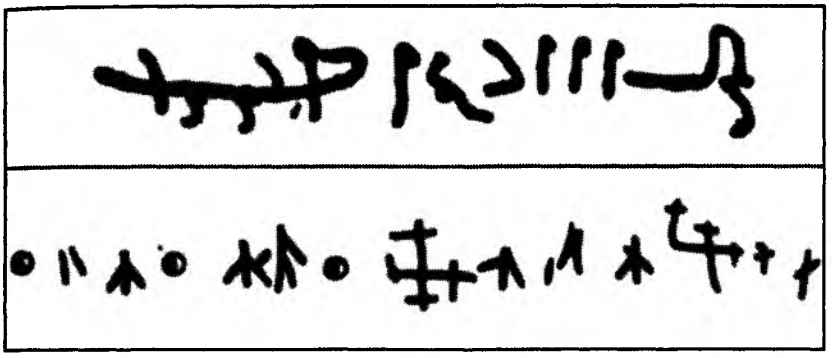
Славянские алфавиты

Создание восточнославянской письменности связано с процессом образования Русского государства, завершившимся к IX в. Благоприятные условия для развития письменности обусловливались и складыванием древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена и характеризовавшейся наличием единой этнической территории, общего языка и культуры.

Первоначально для выражения простых образов и понятий славянами использовалось рисунчатое письмо — пиктография. При помощи сочетания рисунков изображались предметы и действия. Например, кругом изображалось солнце, волнистой линией — вода, крестом — огонь. Возможность передачи информации с помощью рисунчатого письма очень ограниченна, и его смысл расшифровывался независимо от передачи звуковым языком. Со временем рисунчатое письмо было заменено слоговым, а затем звуковым — фонетическим.

Сохранились свидетельства о том, что до принятия христианства у славян была письменность. К этим свидетельствам относятся записи византийских и восточных авторов, а также летописные упоминания о составлении специально для «русов» копий договоров Руси с греками и русские тексты самих договоров в летописи. Заслуживает внимания свидетельство из Жития Константина (Кирилла) — составителя славянской азбуки о наличии книжной письменности с «русскими письмены», образцы которой Кирилл видел в Корсуни (Херсонесе) около 860 г.

При всей дискуссионности вопроса о происхождении этой письменности и ее букв учеными высказывается общее мнение о существовании в разных районах, населенных восточными славянами, одного и даже нескольких алфавитов. Ни один из этих — возможно, существовавших — алфавитов не сохранился. А первые из дошедших до нас памятников старославянского языка (конца IX и X в.) написаны «более поздними» славянскими алфавитами — кириллицей и глаголицей. Обе азбуки почти полностью совпадают по составу, порядку, названию и значению букв, но резко отличаются по их



Древнейшие надписи

графике. Глаголица характеризуется крючковатостью, замысловатостью. Буквенные изображения кириллицы более четки и просты и характеризуются близостью к греческому уставному письму IX в.

Вопрос о составлении славянских алфавитов связан с именами болгарских миссионеров Кирилла и Мефодия. Кирилл (ок. 827—869), носивший до принятия монашеского сана имя Константин, и его брат Мефодий (815—885) родились в Солуни — городе, имевшем преимущественно славянское население. В 863 г. братья были направлены византийским императором для проповеди православия в Моравию. Перед отъездом Кирилл создал славянскую азбуку и с помощью Мефодия перевел на славянский язык некоторые богослужебные книги. В науке нет единого мнения о времени составления алфавитов и о том, какой из них принадлежит Кириллу. Одни исследователи считают более ранним алфавит глаголицу, а его автором Кирилла. Другие полагают, что алфавит кириллица создан Кириллом, а глаголица появилась задолго до Кирилла. Существует мнение, что глаголица появилась через несколько десятилетий после создания Кириллом кириллицы как тайнопись в тех районах, где кирилловские книги подверглись особенно жестокому преследованию со стороны католической церкви. Известный лингвист В.А.Истрин высказал мнение о том, что до введения азбуки, созданной Кириллом, у славян было три типа письма: в виде «черт и резов», «протоглаголического» и «протокирилловского» письма. «Протокирилловское» письмо на разных славянских территориях использовало некоторые греческие, латинские или те и другие буквы. «Протокирилловское» письмо постепенно приспособилось к славянской речи, и с учетом его особенностей Кириллом был составлен алфавит кириллица.

Буква	Название	Пример	Буква	Название	Пример	Буква	Название	Пример
А	аз	СЛАВА	Н	наш	НАШИ	Ъ	ер	ТЪ
Б	буки	БОКЪ БЫТИ	О	он	ОКО	Ы	еры	ВЫ,МЫ
В	веди	ВЫ ЮБЫИ	П	покой	ПЛОДЪ	Ь	ерь	СЬ
Г	глаголь	НОГА	Р	рцы	РЫБА	Ѣ	ять	МѢРА
Д	добро	ДОМЪ	С	слово	СЕЛО	Ю	ю	ЮНОША КОНЮ
Є	есть	СЕЛО	Т	твердо	ТЫ,ТО	Ꙗ	я (и+а)	ꙖЗЫКЪ
Ѥ	е йотированное		ОУ	ук	СЛОУГА ТꙋГ	Ѧ	юс малый	МѦСО
Ж	живете	ЖИТИ	Ф	ферт	ФИЛИППЪ	Ѩ	юс малый йотированный	МОѨ
Ѕ	зело	ЅѢЛО	Х	хер	ОУХО	Ѫ	юс большой	РѪКА
З	земля	ЗЕМЛѦ	Ѡ	омега	ѠАННЪ	Ѭ	юс большой йотированный	ЖЕНОѬ
И	иже	БИТИ	Ц	цы	ОТЬЦѦ	Ѯ	кси	АЛЕЗАНЪДРЪ
І	и	ІХЪ	Ч	червь	ЧЕЛО	Ѱ	пси	ѰАЛЪМѢ
К	како	БРАКЪ	Ш	ша	НАШѢ	Ѳ	фита	ѲЕОДОРЪ
Л	люди	ПОЛЮ	Щ	шта	ЮЩЮ	Ѵ	ижица	МУРО
М	мыслите	МѦТИ						

Азбука кириллица

Судьба славянских алфавитов была разной. Сначала оба алфавита существовали параллельно. В дальнейшем алфавит глаголица, как более сложный для написания, был вытеснен у восточных и южных славян кириллицей.

Алфавит кириллица, выдержав испытание временем, лег в основу современных славянских систем письменности: русской, болгарской, сербской и др. Некоторые другие народы в настоящее время также пользуются алфавитом, имеющим в основе кириллицу.

В кирилловской азбуке первоначально насчитывалось 43 буквы, имеющих свои названия:

А — аз; Б — буки; В — веди; Г — глаголь, Д — добро; Є — есть; Ю — е йотованное; Ж — живете; Ѕ — зело; З — земля; И — иже; І — и; К — како; Л — люди; М — мыслете; Н — наш; О — он; Ѡ — от; П — покой; Р — рцы; С — слово; Т — твердо; Оу — ук; Ф — ферт; Х — хер; Ц — цы; Ч — червь; Ш — ша; Щ — шта; Ъ — ер; Ы — еры; Ь — ерь; Ѣ — ять; Ю — ю; Ꙗ — а йотованное; Ѧ — юс малый; Ѩ — юс малый йотованный; Ѫ — юс большой; Ѭ — юс большой йотованный; Ѯ — кси; Ѱ — пси; Ѳ — фита, Ѵ — ижица.

С X по XX в. алфавит кириллица претерпел изменения, которые выразились в исключении буквенных обозначений, ненужных для передачи фонем (звуков) современной русской речи. Исчезли юсы, а также буквы: Ѯ — кси, Ѱ — пси, Ѳ — фита, Ѵ — ижица, Ꙗ — А йотованное, Ю — Е йотованное, Ѡ — от (омега), Ѕ — зело, Ѣ — ять, частично буква І и Ъ в конце слова после твердых согласных. И наоборот, в алфавит были введены новые буквы: Й, Э, Ё.

Буквы кирилловского алфавита использовались и как цифры. При этом над буквой - цифрой обязательно ставился особый знак, называемый титло. Кроме титла, буквы - цифры могли быть выделены с двух сторон точками. Обозначение цифр было следующим:

·А҃· (1), ·В҃· (2), ·Г҃· (3), ·Д҃· (4), ·Е҃· (5), ·Ѕ҃· (6), ·З҃· (7), ·И҃· (8), ·Ѳ҃· (9), ·І҃· (10). Поскольку ·И҃· обозначало цифру 8, а ·І҃· цифру 10, их стали соответственно называть восьмеричным и десятеричным. Десятки и сотни писались следующим образом: ·К҃· — 20; ·Л҃· — 30; ·М҃· — 40; ·Н҃· — 50; ·Ѯ҃· — 60; ·О҃· — 70; ·П҃· — 80; ·Ч҃· — 90; ·Р҃· — 100; ·С҃· — 200; ·Т҃· — 300; ·У҃· — 400; ·Ф҃· — 500; ·Х҃· — 600; ·Ѱ҃· — 700; ·Ѡ҃· — 800; ·Ц҃· — 900.

Написание сложных цифр соответствовало их произношению: ·АІ· — 11; ·ВІ· — 12; ·КЕ· — 25; ·РЗ· — 107; ·ФПД· — 584. Для обозначения тысячи перед буквой ставился соответствующий знак ҂. Например, цифра 5643 писалась следующим образом:

҂ЕХМГ·

Старославянский и церковнославянский языки

Старославянский язык был некогда разговорным языком. В древнейшие времена он был понятен во многих славянских странах, хотя определенные различия между языками различных славянских

народов существовали с давних пор. Эти местные славянские языковые особенности, связанные с отклонениями от старославянской орфографии, принято называть «изводами». Среди изводов необходимо отметить болгарский (среднеболгарский), сербский и русский (древнерусский).

Если старославянский язык был разговорным языком, то церковнославянский — это язык богослужебных книг, богослужения у русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, македонцев. Этот язык сложился в IX в. и явился общим для всего славянского православного христианства. Поскольку средневековая культура имела религиозный характер, церковнославянский язык стал языком культуры в целом. Славяне читали на нем Библию, греческих, латинских богословов и учителей монашеской жизни, византийские исторические и научные сочинения.

Возникновение церковнославянского языка связано с именами Кирилла и Мефодия. Они утвердили славянскую письменность, наряду с греческой и латинской. Они не придумали церковнославянский язык, а лишь приспособили славянскую речь (старославянский язык солунского диалекта) к выражению тех понятий и представлений, которые диктовало христианское учение.

Говорить по-старославянски и писать — разные вещи. Для того чтобы сделать язык письменным и перевести на него Библию, Евангелие и все богослужение, мало было составить алфавит, нужно было найти слова, которые бы в языке язычников-славян подходили для выражения христианских понятий, нужно было дать такое же повествование, как в греческих оригиналах. Церковные понятия христианской веры не имели в языке язычников никакого соответствия Например, в молитве «Символ веры» есть слова: «Верую во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век, света от света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша». Мы должны понять, как трудно было в первый раз сказать эти слова по-славянски. У славян слово «Господь» к богу (т.е. к языческим богам) не прилагалось. Оно означало властителя или владельца. Прилагательного «единородный» в разговорном старославянском языке вообще не было. Оно было придумано Кириллом и Мефодием по смыслу его перевода с греческого образца. В процессе создания христианской терминологии также было создано слово «единосущный». Слово «век» у славян имело значение временного отрезка, соизмеримого с жизнью одного человека (в смысле «на мой век хватит»). Поэтому слова «прежде всех век» для славян-язычников никакого смысла не имели. Все это нужно было продумать, придумать и объяснить язычникам. И первый шаг сделали Кирилл и

Мефодий. Таким образом, церковнославянский язык, созданный Кириллом и Мефодием, всегда был книжным, в отличие от старославянского языка, который был бытовым.

Современный церковнославянский язык, как основа сегодняшнего богослужения, принято называть новоцерковным. Этот термин ввел известный палеославист Вячеслав Францевич Мареш.

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В IX в. складывается Древнерусское государство, или Киевская Русь. К X—XI вв. в Киевской Руси растут города, получают дальнейшее развитие феодальные отношения, утверждается свое законодательство.

В условиях раннефеодального государства высокого уровня достигает развитие культуры в целом и письменности в частности. Русь создает свои самобытные произведения (летописи, сказания). Письменность становится уделом не только господствующего класса. Она проникает и в среду ремесленников, торговцев, входит в быт простых людей. Свидетельство тому — берестяные грамоты, наиболее ранние из которых относятся к XI в., а также надписи ремесленников на предметах их труда: изделиях из металла, глины, камня, надписи на фресках и иконах, на церковных стенах.

Были в Древней Руси и книжники-профессионалы. Они переписывали книги и трудились в основном при больших монастырях и княжеских канцеляриях. Их труд требовал особого умения, текст нужно было переписывать без ошибок и правильно. Это было очень важно, поскольку речь шла не просто о каких-то книжках для чтения, а о словах, которые произносились в церкви и были обращены к Богу. Неправильность в таких текстах могла означать неправильность в вере, потому что в представлении людей того времени неправильное слово соответствовало «неправильной» вещи. Например, если сокращенное слово **аггл҃ъ**, произносившееся как «ангел», обозначало посланца Бога, то **аггел҃ъ**, произносившееся как «аггел», обозначало посланца сатаны.

К сожалению, время донесло до нас лишь минимальную часть поддающихся датировке рукописных источников древнерусского письма, на основе которых исследователи могут делать выводы об особенностях их палеографических данных. Наиболее ранние из рукописных источников относятся ко второй половине XI—XII в. Среди них нужно назвать прежде всего книги «Остромирово Евангелие» (1056—1057), два «Изборника» Святослава (1073, 1076),

«Мстиславово Евангелие» (1115), а также актовый материал— грамоту великого киевского князя Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю (около 1130 г.).

Названные Евангелия и изборники (сборники статей нравоучительного и богослужебного характера) – великолепные образцы книжного искусства Руси. Они сохранили имена писцов и заказчиков. Написаны уставным текстом на пергамене. Страницы книг богато орнаментированы, имеют иллюстрации (миниатюры). Грамота Мстислава Владимировича – образец актовой письменности Киевской Руси. Поскольку она была «жалованной», оформлявшей богатый дар князей Мстислава и его сына Всеволода по случаю освящения храма святого Георгия, «внешность» документа украшалась торжественно: буквы устава были написаны золотом, разведенным на камеди, документ удостоверяла вислая серебряная печать великого князя.

Исключительно важным источником явились и берестяные грамоты, первые находки которых имели место в Новгороде в 1951 г.

Материал для письма. Основным материалом для письма до XIV в. был пергамен. Пергамен получил свое название от города Пергама (ныне Бергама), расположенного в Малой Азии, где во II в. до н.э. была усовершенствована технология его изготовления. Он представлял собой особым способом обработанную кожу животных (преимущественно мелкого рогатого скота), причем считалось, что лучшие сорта пергамена получались из кож новорожденных телят, поскольку их кожа была тонкой и не испорчена укусами оводов и слепней. Снятую шкуру животного обрабатывали: счищали острым ножом шерсть и мясо, затем натягивали на раму, выстругивали, золили и обрезали для получения листов. Выделанный пергамен был белого или желтоватого цвета. На Русь пергамен попал через Византию. Первоначально его называли «кожами», «телятинами». Слово «пергамен» вошло в употребление в XVII в., проникнув в Россию через польский язык.

Наряду с высококачественными листами пергамена для письма использовались и менее удачные экземпляры. Они имели разрезы, сделанные ножом при начальной обработке и выскабливании кожи («дырявый пергамен»), или участки, с которых был плохо удален жир и поэтому они не впитывали чернила («зализы»).

Пергамен был дорогим материалом, и именно его дороговизной объясняется тот факт, что одни и те же листы пергамена могли использоваться два, три и более раз после предварительного соскабливания и смывания ранее написанного на них текста. Рукописи, написанные несколько раз на одном и том же материале, называют-

Грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. Около 1130 г

ся *палимпсестами* (от греческого «снова стираю»). Для прочтения палимпсестов разработаны разные способы. Наиболее ранний по времени и эффективный сводился к обработке их химическими реактивами. Этот способ был не безвреден для источников и мог привести к их безвременной утрате. В настоящее время при прочтении палимпсестов широко используются рентгеноскопия, инфракрасное и ультрафиолетовое просвечивание и фотографирование. Много палимпсестов сохранилось в библиотеках стран Западной Европы. Среди русских рукописей палимпсесты встречаются редко.

Надписи и рисунки на бересте новгородского мальчика Онфима

В качестве материала для письма Древняя Русь использовала также *бересту*. Грамоты из бересты были обнаружены в ходе археологических раскопок в Новгороде, Пскове, Смоленске, Витебске, Старой Руссе, Москве. Береста — кора берез, менее прочный, но более дешевый, чем пергамен, материал. Она лучше пергамена сохраняется в земле. Перед употреблением береста обрабатывалась и обрезалась сверху, снизу и с боков. Берестяные грамоты, найденные в земле, промывались в горячей воде с содой, затем расправлялись и помещались между стеклами, где высыхали.

Береста была дешевым материалом для письма. Поэтому на ней редко писали деловые документы (в частности акты). Чаще она использовалась для бытовой переписки, обучения грамоте, написания текстов по хозяйственной отчетности и подсчетам и т. д.

Графика письма. Известны три типа кирилловского письма: *устав, полуустав* и *скоропись*, последовательно сменяющие друг друга и отличающиеся графическим характером письма. Пергаменные документы и книги XI—XIV вв. написаны уставом, причем отдельные памятники, написанные уставом, встречаются и в более позднее время.

Общим каноном уставного письма являлась геометричность графики букв, отсутствие их наклона и расстояний между отдельными словами в строке. Вертикальные части букв стояли перпендикулярно, горизонтальные — параллельно строке. Буквы почти не выходили за линию строки. Лист, написанный уставом, имел справа и слева поля и разлиновывался. Устав знал знак препинания — точку, употребление которой в строке было произвольным. Точками с двух сторон могли выделяться и буквы-цифры. Между словами иногда употреблялся знак словоотделения — «паерок», заменявший знаки «еръ» и «ерь» в словах: ҃. Уставные тексты знают сокращение слов, которое достигалось путем исключения из слов гласных букв. Сокращались, как правило, слова духовного содержания, часто встречающиеся в тексте: бг҃ъ (бог), бъ҃ (бог), ст҃ои (святой), ст҃ая (святая), д҃ва (дева). Над сокращенными словами ставился знак «титло».

На протяжении своего развития графика устава не была однородной. Различался устав древнейший и поздний. Источники XI—

XII вв. писались древнейшим уставом, который в большей степени, чем поздний устав, соответствовал правилам, принятым для уставного письма.

Исследователи называют наиболее яркие графические особенности ряда букв, помогающие отличить древнейший устав от устава более позднего и, следовательно, более точно датировать рукопись. Буква «И» писалась в древнейшем уставе с горизонтальной перекладиной и напоминала современную печатную букву Н. Обе петли буквы «В» были почти одинаковыми. В буквах Ю, Ѥ, Ꙗ соединительная черта проходила посредине и горизонтально. Верхняя и нижняя половинки буквы Ж были одинаковой величины. Буква «Ч» писалась в виде округленной или заостренной чаши, стоящей на ножке: Ꙋ. Показателем древности источника являлось использование йотованных юсов с соединительной перекладиной, проходившей посредине: Ꙗ, Ѫ . Буква Ѣ в XI в. почти всегда умещается в строке, в XII в. – поперечная линия и верхняя часть мачты часто выходят за пределы строки. Буква Ѡ (омега) имела в XI в. высокую середину. В XII в. середина стала ниже благодаря разведенным в сторону петлям – ѡ. В XI в. буква Ѳ (пси) часто была похожей на изображение креста, а в XII в. напоминала изображение лилии – Ѱ.

Уставом писали рукописные книги и деловые бумаги. Сохраняя в своей основе главные уставные принципы, графика рукописных книг и документов все-таки отличалась в силу функционального назначения этих источников и условий их написания. Книги, предназначенные для чтения и церковной службы, созданные в монастырских книгописных мастерских, были написаны более аккуратно, нежели деловые бумаги, в которых даже в XII в. встречается неровность и скошенность элементов букв, известная небрежность. Этот вывод подтверждается сравнением графики наиболее раннего из дошедших до нас актов «Жалованной грамоты киевского князя Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю» (XII в.) и книг того же времени. Именно в деловом письме раньше, чем в книжном, происходили ускорение написания букв и эволюция древнейшего устава к позднему уставу, а в последующее время – к полууставу и скорописи.

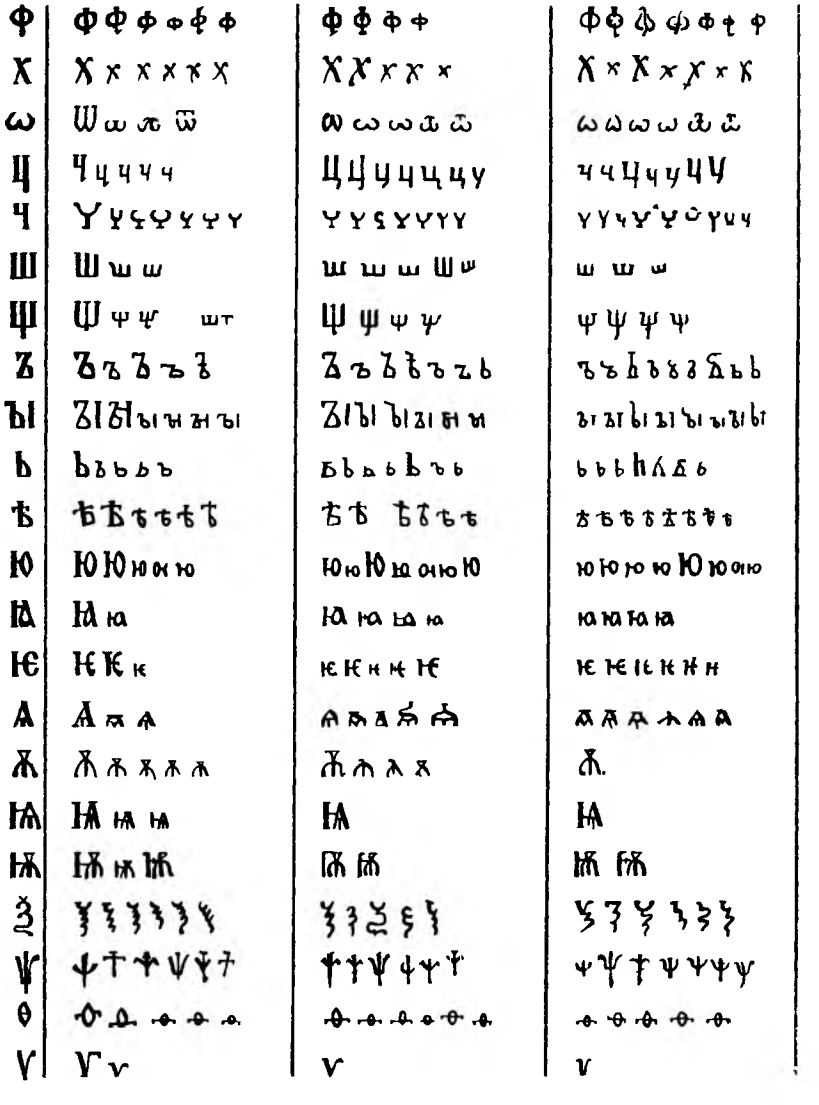
Графика *берестяных грамот* этого периода отличалась от графики букв, написанных на пергамене. Поскольку на бересте буквы не писались, а выдавливались, их графика характеризовалась большой заостренностью, угловатостью, наклоном к строке, выходом сверху и снизу за ее пределы. Наличие этих особенностей позволило утверждать, что графика букв берестяных грамот XI–XII вв. напоминала прототип полууставa и даже ранней скорописи.

Чернила, которыми писались древние русские рукописи, были плотными, густыми, обычно коричневого или бурого оттенка. Они глубо-

ко проникали в пергамен и с трудом размывались, даже если смочить письмо В основе их приготовления лежала реакция между солями, железистыми и дубильными веществами В практике встречались и черные чернила В этом случае в их состав добавлялась сажа Чтобы чернила не стекали с пера и были вязкими, в них добавляли камедь — клейкое вещество растительного происхождения

Устав XI—XIII веков

	XI в.	XII в	XIII в.
А			
Б			
В			
Г			
Д			
Є			
Ж			
S			
З			
И			
І			
К			
Л			
М			
Н			
О			
П			
Р			
С			
Т			
У			



Для датировки рукописей важен не только анализ цвета чернил, но и их химический состав, характерный для разного времени и, вероятно, для различных рукописных центров

Кроме чернил использовались *краски*, которыми писались заголовки, заглавные буквы и различные украшения Древние писцы знали киноварь — краску оранжево-красного цвета, охру — краску

желтого цвета, черную краску, свинцовые белила, лазурь. В богато украшенных рукописях использовалась золотая краска, приготовляемая из истертого в порошок золота, замешанного на камеди. Это было так называемое «твореное золото».

Орудия письма. В качестве *орудий письма* древние писцы использовали птичьи, преимущественно гусиные перья. Способ приготовления гусиных перьев был устойчивым и дожил до XIX в. Чтобы размягчить перо и очистить от жира, его втыкали в горячие и влажные песок или золу. Затем с помощью ножа очинивали. делали надрез с двух боков, оставляя небольшой полукруглый желобок, по которому стекали чернила. Для удобства нажима желобок расщепляли.

Для написания красками заглавных букв и заголовков пользовались кисточками.

На берестяных грамотах записи выдавливались острым костяным или железным предметом.

Украшения рукописей. Источники, являющиеся предметом палеографического изучения, могут иметь художественные украшения. Среди них первое место занимают книги. Художественный облик рукописной книги слагался из многих компонентов, начиная от графики букв и кончая окладом. Все компоненты, составлявшие древнерусскую книгу, как правило, были подчинены внутренней логике целостности ее оформления и восприятия. Отсюда и обязательная согласованность и взаимоувязка формата листов, расположения текста, длины строк и межстрочных расстояний, высоты, ширины и графики букв как с отдельными элементами художественных украшений, так и с общим художественным стилем, в котором они были выполнены.

Поскольку эволюция художественных стилей оформления рукописей была тесно связана с развитием других палеографических примет, наблюдения над художественными особенностями могут дать дополнительный материал, способствующий решению проблем датировки, места написания источника и его подлинности.

Основными средствами украшения русских рукописей были *орнамент*, в стиле которого выполнялись *заставки, концовки, инициалы*, а также *вязь, миниатюры* и *полевые цветки*.

Заставка — это рисунок, который находился над текстом, в начале отдельной главы или страницы. Концовка — рисунок под текстом, в конце главы или рукописи. Иногда роль концовки играл колофон, представляющий собой сведение конечного текста в воронку путем сокращения числа букв справа и слева строки.

Инициалом называлась начальная буква, которая открывала абзац, была по размеру больше остальных строчных букв и отличалась от них красивым оформлением

Полевой цветок — украшение на поле рукописи в виде цветка или узора.

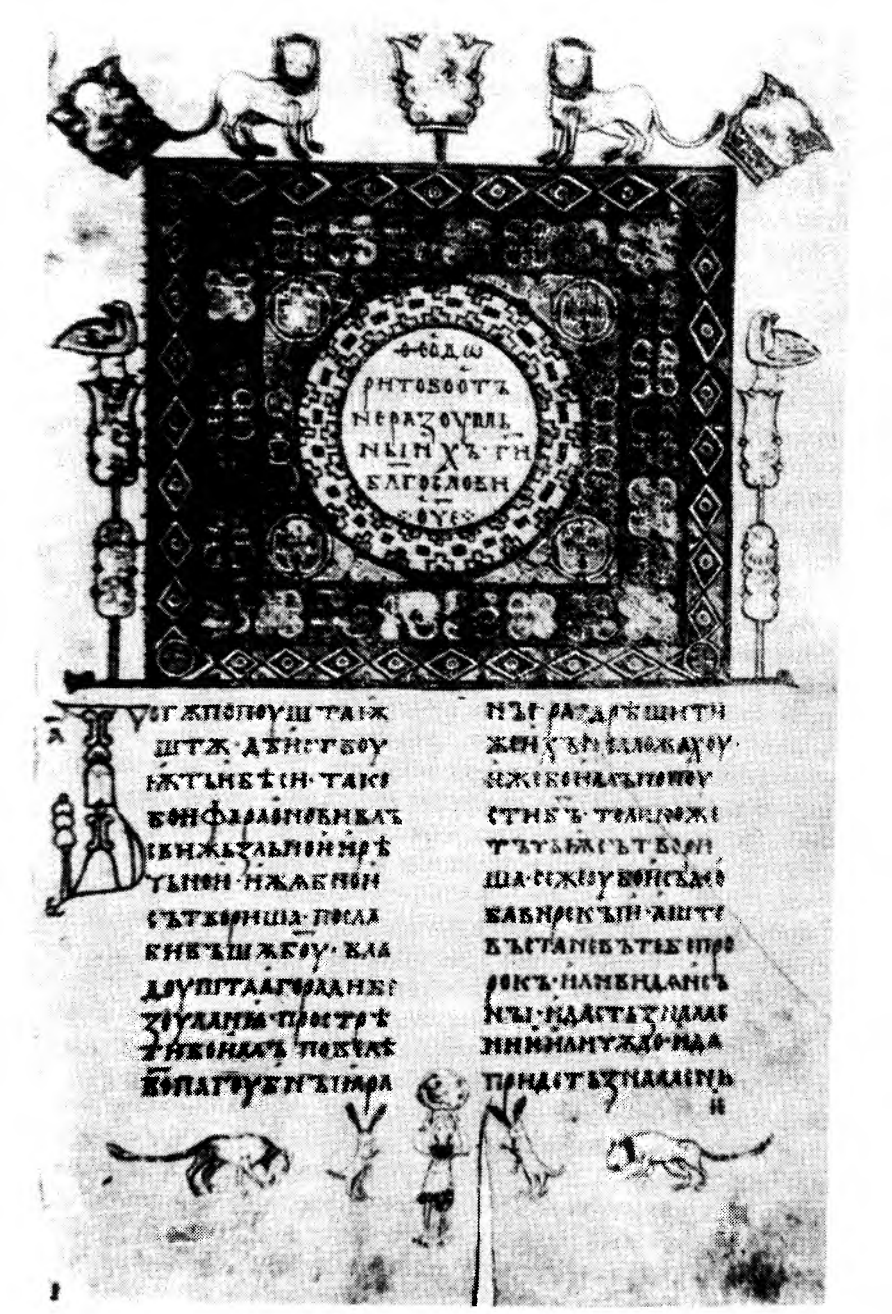
В основе оформления заставок и инициалов, как правило, лежал единый художественный принцип. Впервые последовательную классификацию художественных стилей и периоды их бытования дал В.Н.Щепкин. Эта классификация принята почти всеми учеными, в том числе и южнославянскими.

Древнейшим орнаментом русских рукописей является *старовизантийский*, или *древнерусский* (иногда его называют *геометрическим*). Он держался в рукописях на всем протяжении XI—XII вв. и совпадал по времени с пергаменом и древнейшим уставом. Этот орнамент пришел на Русь с болгарскими книгами в конце X в., но был видоизменен русскими книжниками в соответствии с национальным вкусом и традициями. Типичные образцы древнерусского (старовизантийского) орнамента, позволяющие наметить его общие черты и особенности, имеются в «Остромировом Евангелии», «Изборнике» Святослава, «Мстиславовом Евангелии» и других книгах.

В основе древнерусского орнамента лежат два мотива: растительный и геометрический. Заставка орнамента очерчена рамой характерной геометрической формы. в виде квадрата, прямоугольника, буквы «П», в виде схемы храма в разрезе. Внутреннюю часть рамы заполняют простейшие геометрические фигуры: прямоугольники, четырехугольники, ромбы, круги, полукружия, в которые врисовываются растительные мотивы: цветы и листья. Непременным мотивом этого орнамента является изображение византийского цветка «крин».

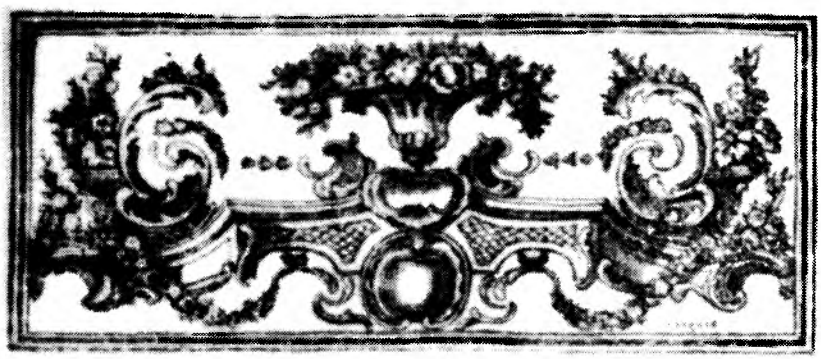
Сочетание геометрических и природных мотивов было характерно и для оформления инициалов, которые четки по форме и легко узнаваемы. Часто на полях за пределами заставки рисовались разные звери и птицы, имеющие реалистические изображения (куропатки, зайцы, львы). В простых рукописях орнамент рисовался одной киноварью, в роскошных он был многоцветным, с использованием золота: золотой фон, обводка или написание букв и цветов — золотом.

Кроме орнамента, древнейшие рукописи украшались *миниатюрами*, т.е. иллюстрациями. Простейшими формами миниатюр являются так называемые выходные, на фронтисписе. Согласно еще античной традиции, на выходной миниатюре давалось изображение автора, а иногда и заказчика. Так, в «Остромировом Евангелии» перед началом повествования евангелистов Иоанна, Луки, Марка бы-



Изборник Святослава. 1073 г.

Украшение рукописи



Заставка рукописи

ли даны их изображения. На одной из миниатюр «Изборника» Святослава (1073) изображен сам князь Святослав с женой и сыновьями. Великий князь изображен на первом плане в княжеской шапке. Он в платье темно-синего цвета, отороченном красной каймой. Синий плащ князя с золотой каймой застегнут на правом плече яхонтовой застежкой. На ногах князя — сапоги из зеленого сафьяна. Жена Святослава одета в верхнее короткое платье с широкими рукавами и длинное нижнее платье с узкими рукавами. Голову княгини закрывает платок. Шею украшает ожерелье из драгоценных камней. Сыновья князя одеты в меховые шапки и малиновые одежды, отороченные красными каймами и золотыми воротниками.

Отличительной особенностью древнейших миниатюр является их статичность, простота изображения и композиции, небольшое количество фигур.

Рукописи XI—XII вв., написанные на пергамене, дошли до нас в виде отдельных листов и книг. *Формат*, или размер, листов зависел от объема текста и назначения памятника письменности. Книги, как правило, состояли из отдельных тетрадей, переплетенных вместе. *Переплет* книг делался из деревянных досок, которые обтягивались кожей или тканью. Переплет дорогих книг мог быть окован серебряным или золотым окладом, украшен драгоценными камнями.

Так как кожаные листы древних пергаменных книг стремились свернуться в трубочку, да так, что снаружи оказывалась сторона, где раньше на коже была шерсть, пергаменные листы в книгах писались и сшивались таким образом, чтобы «шерстяная» сторона листов не примыкала к «мясной». Но это лишь частично предохраняло книгу от деформации. Более радикальным средством от нее были застежки, плотно стягивающие блок книги и прессующие его досками переплета. По окончании пользования книгой ее необходимо было застегивать. Поэтому на старинных книгах могли быть написаны такие предупреждения: «Аше кои поп или диакон чтет сию книгу, а не застегнет — проклят будет!» Застежки делались из кожи в виде ремешков, имеющих на концах медные петли. Они прибивались к нижней доске. В верхнюю доску вбивались медные стержни. Чтобы «застегнуть» книгу, чтецы набрасывали петли ремешков на стержни. Богатые рукописи могли иметь резные металлические застежки.

Для предохранения переплета от повреждений на его углах вбивались гвозди с широкими круглыми головками. Иногда эти головки делались в виде узорных блях — жуковин. В богатых книгах жуковины заменялись угольниками и середниками, сделанными из меди, золоченой бронзы, серебра, золота, украшенными изящной чеканкой, резьбой, эмалью.

Краткие выводы. В основе палеографических выводов о времени, месте составления, авторстве и подлинности источников XI—XII вв. лежат наблюдения за совокупностью палеографических признаков, свойственных данному периоду, и их соответствием друг другу. Древнейший устав как тип письма совпадает с пергаменом как материалом для письма. В книгах им сопутствует древнерусский (старовизантийский) орнамент. Важны наблюдения за чернилами, красками, орудиями письма, переплетом, форматом рукописей.

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ВТОРОЙ ТРЕТИ XII — КОНЦА XV в.

Следующий этап, на протяжении которого происходят дальнейшее развитие и качественные изменения в области русской письменности, совпадает с периодом феодальной раздробленности на Руси, начавшимся во второй трети XII и продолжавшимся до последней четверти XV в.

Русь распалась на ряд самостоятельных земель-княжеств со своими экономическими и политическими центрами, князьями и управленческим аппаратом.

Нашествие монголо-татар на Русь во второй четверти XIII в. нанесло непоправимый урон письменности. Во время нашествия и последующих набегов погибло большое количество памятников письменности и людей, руками которых они создавались.

Начавшийся со второй половины XIV в. новый подъем русской культуры был вызван развитием внутренних процессов, подготовивших объединение страны и формирование единого Российского государства. Центром объединения русских земель и будущей столицей единого государства стала Москва, которая возглавила борьбу с монголо-татарским игом. Тогда же началось складывание русской (великорусской) народности.

В обстановке борьбы за политическую независимость и объединение страны, развития феодального землевладения и зависимости крестьян возрастала роль актов. Среди них выделяются духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, договоры Новгорода с великими князьями, договоры Новгорода, Пскова с немецкими городами, княжеские жалованные грамоты духовным и светским феодалам. Частные акты представлены купчими, вкладными, закладными, рядными, кабальными и другими записями.

Древнейшим из актов этого периода является вкладная грамота Варлаама Хутынского 1192 г. Грамота была составлена новгород-

ским боярином Олексой Михалевичем. Она включала перечень земель, огородов, рыбных, птичьих ловель, а также холопов, пожалованных Олексой (в монашестве — Варлаамом) основанному им Хутынскому монастырю. Текст вкладной написан уставом, чернилами на небольшом куске пергамена. Из княжеских грамот большой интерес в палеографическом отношении представляет жалованная грамота рязанского князя Олега Ивановича монастырю (вторая половина XIV в.). В грамоте подтверждалось право на владение монастырем селом Арестовским, на сбор с него податей и пошлин. Грамота написана уставом на большом листе пергамена и украшена миниатюрами. В верхней части грамоты над текстом изображен с одной стороны Иисус Христос с Божьей Матерью, с другой стороны — Иоанн Предтеча. Ниже, слева от Христа, нарисован апостол Иаков — патрон князя Олега, а справа от Христа — коленопреклоненный, с протянутыми к Христу руками игумен Ольгова монастыря Арсений. Так в художественной форме получил воплощение акт княжеского пожалования в монастырь.

Наряду с деловыми документами от XII—XV вв. сохранились книги. Среди них следует выделить древнейший датированный список правовых норм Русского государства IX—XI вв. — Русскую Правду, дошедшую до нас в составе Кормчей книги — сборника церковного и гражданского права (1282 г.). Рукопись написана поздним уставом на пергаменных листах, часть из которых имеют зашитые прорези («сшивки») и дыры. Среди литературных памятников XII—XV вв известны служебники и жития, летописные своды, сказания, публицистические произведения. Большой интерес в палеографическом отношении представляют Синодальный список Новгородской летописи (XIII — вторая половина XIV в.), Лаврентьевский (1377 г.) и Ипатьевский (первая четверть XV в.) списки летописи, составленные на основе не дошедших до нас общерусских летописных сводов Датировка Синодального списка Новгородской летописи и Ипатьевского списка летописи сделана по палеографическим приметам типу письма, материалу для письма, переплету. Наблюдения за типом письма и почерками позволили утверждать, что переписка текста летописей сделана несколькими писцами.

Поступательное социально-экономическое развитие, усложнение в связи с этим функций письменности привело к ускорению письма и изменению материала для письма.

Материал для письма. Вплоть до XIV в. основным материалом для написания документов и книг был пергамен. Рядом с ним сосуществовал более дешевый материал — береста В XIV в. в дело-

производстве появилась бумага, которая стала медленно вытеснять пергамен сначала в центре страны, а затем и на ее окраинах.

Наиболее ранними из известных до настоящего времени русских актов, написанных на бумаге, являются жалованная грамота нижегородского князя Василия Давыдовича Ярославскому Спасскому монастырю (написана ранее 1345 г.) и договор московского великого князя Семена Ивановича с братьями (около 1340—1351 гг.). Древнейшая книга «Поучения Исаака Сирина», написанная на бумаге, относится к 1381 г.

До XVIII в. бумага была преимущественно привозной. Попытки наладить ее отечественное производство, сделанные в XVI и XVII вв., были малоуспешными. Наиболее ранней по времени (XIV в.) импортной бумагой была итальянская. К концу XIV столетия стала поступать французская бумага, широкое распространение которой на русском рынке относится к XV и XVI вв. С конца XV в появилась немецкая бумага. Импортная бумага привозилась в Русское государство через Кафу (Феодосию), Сурож (Судак), Ригу, Новгород и Смоленск.

Бумага имеет ряд особенностей, могущих служить показателем ее датировки. Одной из таких особенностей являются так называемые *водяные знаки.* До изобретения машинного способа бумагу делали вручную. Материалом служило пеньковое или льняное тряпье. Основными операциями при изготовлении бумаги были варка, промывка, измельчение тряпичной массы. Размельченную в толчее и отбеленную в извести тряпичную массу выливали в формы, внешне напоминающие противни. Ближе к дну формы располагалась сетка из тонких проволок В середине правой стороны формы к сетке приваривался проволочный рисунок. Проволочная сетка и проволочный рисунок задерживали жидкую бумажную массу, не давая ей осесть на дно формы

После того как лишняя вода стекала сквозь сетку, еще мятые и влажные листы прокладывались кусками грубого сукна или войлока и пропускались через пресс для удаления остатков влаги. Затем бумажные листы проклеивали, разглаживали, лощили. Поскольку на проволочной сетке и проволочном рисунке бумага ложилась более тонким слоем, на готовом листе получалось видимое на свет изображение и проволочной сетки, и рисунка — водяные бумажные знаки.

Водяной знак — любая прозрачная линия, фигура, буква (литера), полученная на листе бумаги вследствие истончения бумажной массы в местах ее соприкосновения с выступающими проволочками дна бумажной формы. В палеографии есть свои термины для обозначения водяных знаков. Водяной знак, оставленный на бума-

ге проволочной сеткой в виде вертикальной линии, получил название *пантюзо*, а в виде горизонтальной линии — *вержер*. Водяной знак бумаги, содержащий полное или частичное сюжетное или буквенное (литерное) изображение, образуемое проволочным рисунком, называется *филигранью*. Термин «филигрань» состоит из двух латинских слов: filum — нитка, granum — зерно и подчеркивает тонкость узора. Водяные знаки появились на бумаге европейского производства в XIII в. и продержались до настоящего времени на государственных бумагах и деньгах.

Для каких целей натягивалась проволочная сетка и проволочный рисунок? Если проволочная сетка была необходимым элементом технологии ручного производства бумаги, то проволочный рисунок и его отпечаток на бумаге — филигрань — имел иное значение.

Филиграни были одинаково нужны и фабрикантам, и потребителям бумаги. Фабриканты употребляли филиграни для того, чтобы отличить производство своей фабрики от производства конкурирующих фабрик. Индивидуальные малозаметные особенности одной и той же филиграни помогали каждому фабриканту знать мастера, который изготовлял бумагу и был ответствен за ее качество.

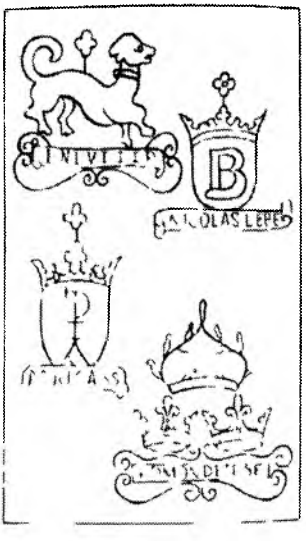
Другое назначение филиграней — дать указание потребителям на формат и качество бумаги. Бумага большого, среднего и малого формата иногда выпускалась только с филигранью, свойственной именно этим форматам. В этом случае размер бумажного листа связывался потребителями именно с конкретной филигранью. Бумага высшего сорта могла иметь более осложненный рисунок первоначальной филиграни по сравнению с филигранью бумаги низшего сорта той же фабрики.

В быту употребление бумаги с разными водяными знаками приобрело определенный смысл. Например, вдвое оскорбительным было получить письмо недоброжелательного содержания на бумаге с филигранью «шут» или «под дураком», как эту филигрань называли в народе. Любовное письмо старались послать на бумаге с филигранью «розовый куст». Морякам было приятно получить письмо с филигранью «якорь», «кораблик» и т. д.

Существует несколько десятков тысяч филиграней. Они различаются по типам. Это разнообразие объясняется технологией производства бумаги: быстрым снашиванием проволочной сетки и рисунка и их заменой. Исследователь западноевропейских филиграней Ш.Брике отмечал, что, по свидетельству старых фабрикантов ручной эпохи производства бумаги, даже в руках опытных мастеров проволочный рисунок мог служить не более двух лет. К этому времени проволочки изнашивались, смещались, разрывались, и возникала необходимость подновлять рисунок. Поскольку рисунок де-

лался вручную, то даже при возобновлении старого варианта он с абсолютной точностью не повторялся. Это приводило к тому, что полученный на бумаге от такого проволочного рисунка один и тот же тип филиграни насчитывал десятки и сотни вариантных особенностей. Преднамеренное видоизменение филиграни имело в большинстве случаев тенденцию к их усложнению и редко — к упрощению. Следует отметить, что некоторые филиграни, однажды появившиеся, могли продолжать свое существование в течение длительного времени и даже переходить на бумагу других стран. Например, филигрань «кувшин», появившись в Италии в первой четверти XIV в., со второй половины XV в. была прочно освоена французскими фабрикантами и использовалась ими еще в конце XVII в., продержавшись, таким образом, около четырех веков.

Наиболее распространенными филигранями на импортной бумаге XIV—XV вв. были следующие. на итальянской бумаге (XIV в.) — два круга, пересеченные линией с крестом наверху, кувшинчик, кораблик, секира; в XIV—XV вв. — гусь, три горы с крестом на средней из них Французской бумаге XV—XVI вв были свойственны филиграни: дельфин, собака, гербы владельцев мануфактур, кувшинчик (со второй половины XV в.). На немецкой бумаге XV—XVI вв. водяными знаками были· голова быка с украшениями, вепрь, орел.



Водяные знаки французской бумаги XV в

Как практически пользоваться филигранями для датировки документов? Несколько десятков тысяч филиграней скопировано, систематизировано по видам, датировано и расположено в определенной хронологической последовательности в ряде работ Для XIV и XV вв. имеют значение описания бумажных водяных знаков, сделанные в справочниках К.Я Тромонина[1], Н.П.Лихачева[2] и Ш.Бри-

[1] *Тромонин К Я* Знаки писчей бумаги Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов — М , 1844

[2] *Лихачев Н П* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве — СПб , 1891, *Лихачев Н П* Палеографическое значение бумажных водяных знаков — СПб , 1899 — Ч 1—3

ке[1]. Если исследователь встречает в архиве не датированный, но имеющий филигрань документ, он может датировать бумагу этого документа путем сопоставления ее филиграни с наиболее близкой по форме датированной филигранью, данной в одном из справочников. Как правило, обнаружить полное совпадение трудно. Поэтому необходимо проводить сравнение филиграни архивного документа не с одной, а с группой наиболее близких по форме филиграней, относящихся к одному и тому же типу. Этот метод помогает датировать бумагу в пределах от 5 до 10 лет. При большом количестве филиграней одного и того же типа следует обращать внимание не столько на эмблематическую часть водяного знака, сколько на его литерное сопровождение, включающее год производства бумаги, имя или инициалы фабриканта и начальные буквы названия фабрики.

Датирующими признаками бумаги могут служить расстояния между вержерами и пантюзо. Очень широкие расстояния между вержерами — показатель бумаги второй половины XIV в. Напротив, наибольшее сближение между пантюзо свидетельствовало о прогрессе, улучшении техники производства бумаги. Поэтому при наличии одного и того же водяного знака на двух различных листах бумаги более старой нужно считать ту, которая имеет более редкие вертикальные линии.

При датировке необходимо иметь в виду, что время выхода бумаги с той или иной филигранью и время написания на этой бумаге документа, как правило, не совпадают. Разница зависит от продолжительности времени доставки бумаги потребителю и сроков залежности бумаги в месте ее использования. Выяснение залежности бумаги — одна из задач палеографии. С.А.Клепиков считает, что залежность бумаги для периода с XIII по XIV в. может быть определена в 4,5 года, для XV в. — в 6—7 лет.

Существует понятие «черной» и «белой» даты. «Черная» дата — написана, воспроизведена на материале для письма (бумаге). «Белая» дата — получена в результате обработки бумажного водяного знака (филиграни, вержера, пантюзо) с помощью справочников водяных знаков.

Графика. Древнейший устав был медленным письмом. Ускорение написания привело к некоторому изменению его графики, которая в XIII—XIV вв. может характеризоваться как поздний устав. Буквы позднего устава теряют строгую геометричность начерка, свойственную древнейшему уставу. Они становятся более вытянутыми. В буквах «иже», «е йотованном», «ю» увеличивается скос го-

---

[1] *Briquet C.M. Les filigranes. — Geneve*, 1907.

ризонтальных перекладин: И,Ѥ,Ю. Постепенно увеличивается нижняя половина букв «в», «ж», «к». У буквы «ъ» — ять штиль выходит над строкой: Ѣ. Чашечка буквы «ч» приобрела форму воронки: Ч. Поздний устав производит впечатление более ускоренного по сравнению с древнейшим уставом. Уйдя с середины XIV в. из делового письма, он сохранился еще в XVI в. в качестве книжного письма.

В деловом письме поздний устав переходит в новый тип письма — *полуустав*. Полуустав был распространен в деловых бумагах со второй половины XIV—XV в. Основные черты полуустава следующие: более мелкое по сравнению с уставом написание букв, появление наклона букв, нарушение геометричности их графики, появление лигатур, частичного разделения фраз на слова, новых приемов сокращения слов, увеличение числа выносных букв.

Ранний полуустав исследователи называют «русским полууставом», поскольку он сохраняет известную близость к традициям русского устава XIV в., претерпевшего определенные изменения графики. Отличительными признаками русского полуустава явились начерки ряда букв, помогающие разобраться как в типах письма, так и в датировке полуустава: так называемое «Ч расщепом» Ч, которое потеряло ножку, «Е якорное» Є, «З полукружием» с небольшой крышечкой слева Ꙁ, буква «иже» с косой перекладиной, как современное «И». Трудной и непонятной становится для прочтения буква «Ж» Ѫ,Ꙗ, которая часто стала изображаться без некоторых деталей.

В конце XIV— начале XV в. в связи с расширением связей с южнославянскими книжниками, многие из которых были вынуждены эмигрировать в Россию в связи с захватом турками Балканского полуострова, памятники русской письменности претерпевают изменения. Эти изменения выразились в проникновении в письменность некоторых графических, орфографических, художественных и частично языковых черт, свойственных болгарским и сербским источникам того времени.

Влияние южнославянского полуустава на русский полуустав выразилось прежде всего в удлинении вертикальных деталей ряда букв. Появилось «Т» с опущенными до нижней строки крыльями: Т (трехногое), «Д» с удлиненными нижними концами: Д, буквы «Ѣ, Ъ, Ы» с удлиненными слева концами: Ѣ,Ъ,Ы. Тенденция в удлинении нижних хвостиков букв проявилась и в начерке буквы «Ч», которая стала писаться с длинной ножкой справа: Ч. Русский и южнославянский полууставные начерки легли в основу полуустава, условно получившего название «московский». Вобрав в себя наиболее удобные в графическом отношении полууставные начерки, московский полуустав развил ряд графических, отличающих его черт, в числе

которых в первую очередь выделяются буквы: «В калачиком» ѿ, «З», похожая на цифру «три», резко выделяющаяся своим размером в строке ʒ.

Кроме графических признаков, отличительной особенностью полуустава от устава является наличие большего разнообразия приемов сокращения. Сокращение достигалось пропуском гласных и согласных не только в словах духовного, но и гражданского содержания. Над сокращенным словом ставилось титло: дрвня (деревня), чл҃къ (человек), мс҃ць (месяц) и т.д. Способ сокращения слова — вынос букв, причем выносные буквы также писались под титлом. Способом сокращения было усечение слова до нескольких букв и даже одной (начальной) буквы. Усекались обычно распространенные, всем известные слова, часто повторяемые в тексте: дер. (деревня), пус. (пустошь) и т.д. Усеченные части слов обводились кружком.

В полууставе делаются первые попытки связного написания двух стоящих рядом букв. Полуустав знает более десяти вариантов лигатур типа: ҂ (т, р), ҂ (т, н), ПК (п, к), НК (н, к), Ф (а, р) и др. В полууставе XV в. появляется запятая, которая была принесена болгарскими книжниками.

На рубеже XIV–XV вв. на базе полуустава развивается новый тип письма — скоропись, которая стала господствующей в деловом письме единого Российского государства. Что касается полуустава, то он стал преимущественно книжным письмом.

Украшения рукописей. Время позднего устава и его эволюции в полууставное письмо совпадает с распространением нового художественного стиля, получившего название *тератологического, чудовищного* или *звериного* орнамента. Этот орнамент был распространен в XIII и особенно в XIV в. Книги этого периода, как правило, написаны на пергамене. Наибольшее число книг, украшенных орнаментом тератологического стиля, сохранилось в Новгороде и Пскове.

По вопросу о происхождении тератологического орнамента существуют разные мнения. Ряд авторов (Ф.И.Буслаев[1], В.Н.Щепкин[2]) высказывались о заимствовании тератологии от южных славян. Некоторые зарубежные исследователи (венские искусствоведы Иозеф Стржиговский, В.Борн), решая вопрос в духе идеи пангерманизма, утверждали, что Русь восприняла тератологический

---

[1] *Буслаев Ф И.* Русское искусство в оценке французского ученого; Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени // Буслаев Ф И Соч – Л , 1930. – Т. III.

[2] *Щепкин В.Н.* Русская палеография. – М., 1967. – С. 67.

орнамент из Скандинавии и Северной Германии, что тератологический орнамент Руси был местной ветвью орнамента германо-скандинавского культурного центра. Ряд историков искали корни тератологии на Востоке.

Большинство исследователей (А.В.Арциховский, Б.А.Рыбаков, М.К.Каргер и др.), признавая взаимовлияние русской и южнославянской культур, говорят о самобытности развития русской тератологической орнаментики, о ее связях с древнерусским прикладным искусством, деревянной резьбой, предметами художественного ремесла (из металла, серебра), с местными художественными традициями и фольклорными мотивами[1].

Тератологический орнамент был известен во всех рукописных центрах Руси, но подлинного расцвета он достиг в XIV в. в Новгороде.

Переход к тератологии был постепенным. Уже в XII в. нарушается строгость старовизантийского стиля. Рядом с натуралистическими изображениями животных появляются фантастические звери, о которых нельзя сказать, кто это — птица, собака или лев. На смену растительным и геометрическим мотивам приходят тератологические комбинации животных форм и плетений из ремней и змеиных хвостов.

Заставка тератологического орнамента не имеет правильной геометрической формы. Она напоминает изображение ткани, по которой «стелется» плоскостной орнамент. Сверху заставку часто венчает цветочный узор — навершие, углы заставки оформлены византийской веткой. Узор заставки мог состоять из двух симметрично расположенных друг к другу живых существ — чудищ, запутавшихся в ремнях. Ремни исходили из клювов, пастей, крыльев, хвостов, ног чудищ, оплетали их туловище и переходили в «средник»— вертикальное плетение, спускающееся в заставку с навершия и разделяющее ее как бы на левую и правую части.

Из таких же ремней, плетений, нередко завершающихся головами чудищ, образовывались инициалы. Для облегчения чтения инициалов, которые потеряли рельефность, живописцы стали давать цветной силуэт буквы. В XIII в. в тератологии появился мотив человеческой фигуры. Это так называемые тератологические человечки.

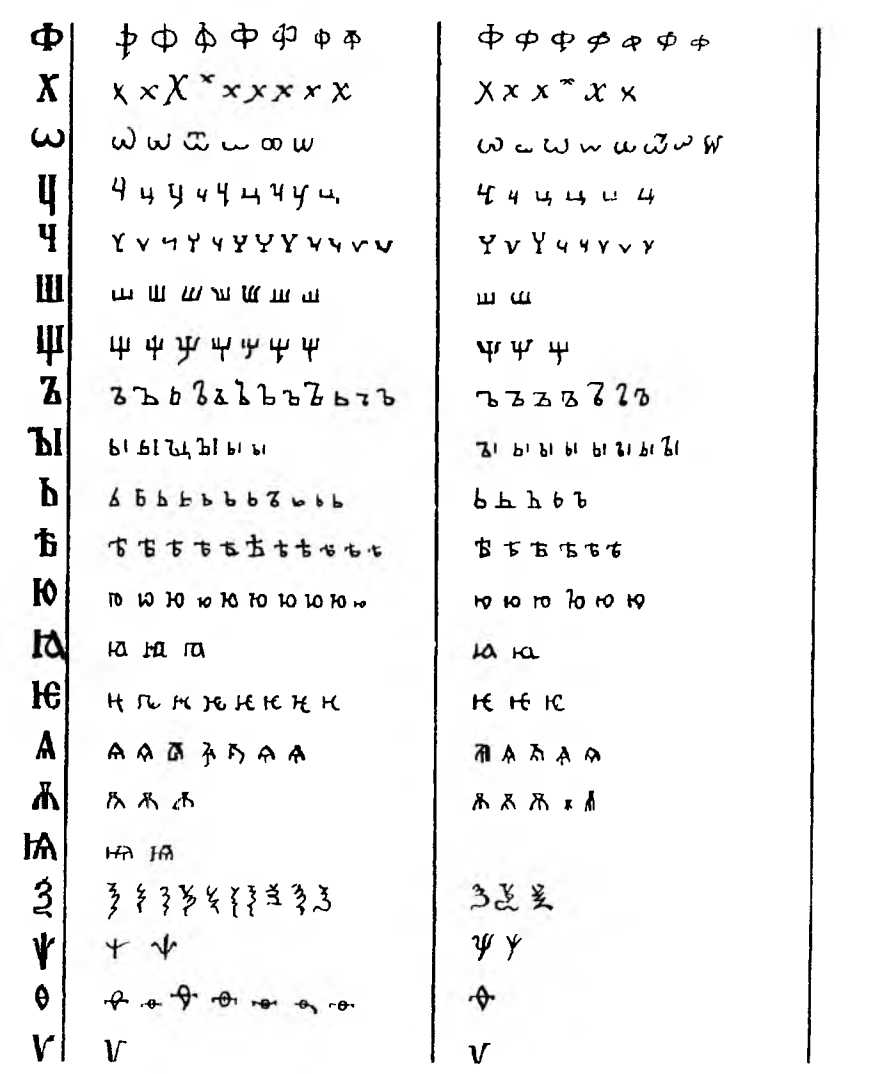
---

[1] *Арциховский А.В.* Прикладное искусство Новгорода // История русского искусства. — М., 1954. — Т. II. — С. 284–304; *Каргер М.К.* Живопись // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. — М.; Л., 1951. — Т. II — С. 341–395; *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. — М., 1948; *Рыбаков Б А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. — Т. II. — С. 394–464.

В XIV в. они одеты в шапку конической формы. В XIV в. более интересными, чем заставки, стали инициалы, в которых появились целые жанровые сценки с использованием изображения людей Так, буква «М» изображается в виде двух людей, тянущих сеть с рыбой. Букву сопровождает текст, написанный над фигурами людей и пред-

Полуустав XIV—XV веков

	XIV в.	XV в.
А		
Б		
В		
Г		
Д		
Є		
Ж		
S		
З		
Н		
І		
К		
Л		
М		
Н		
О		
П		
Р		
С		
Т		
У		



ставляющий их перебранку: «Потяни, коровин сын! — Сам еси таков!» Буква «Д» изображалась в виде человека, играющего на гуслях. Над буквой имелась надпись. «Царь Давид играет на гуслях».

Основу цвета тератологического орнамента составляет киноварь — краска ртутного состава, огненного оттенка. Применялись также синяя, зеленая, желтая, серая краски и цвет чернил. Для передачи белого цвета использовался естественный цвет пергамена.

Золотая и серебряная краски в тератологии не применялись

Тератологический орнамент имел свои местные особенности Для новгородский тератологии был характерен серо-синий или голубой фон. Псковской тератологии были свойственны более крупные по величине, чем новгородские, инициалы, преимущественно зеленый колорит фона, использование желтого цвета в контурах рисунка В рязанских рукописях в качестве фона инициалов использовался зеленый цвет.

Тератологический стиль был характерен не только для рукописей. Он существовал в художественном ремесле (например, колты, наручи — женские украшения), в архитектурной пластике (рельефы Дмитровского во Владимире, Георгиевского в Юрьеве-Польском, Борисоглебского и Благовещенского соборов в Чернигове).

В XV в. тератология угасает. В заставках исчезают изображения зверей, остаются только плетения. Так же как и устав, тератология медленнее уходит из пергаменных книг. В появившихся в XIV—XV вв образцах бумажных книг сочетание тератологии и устава встречается реже, чем в пергаменных книгах. Дольше всего тератологический орнамент продержался в рязанских рукописях (до XVI в.).

В конце XIV — начале XV в. получают распространение новые типы орнамента: *балканский* и *нововизантийский*. Подобная смена была одним из результатов «второго южнославянского влияния», которым оказалась затронута русская культура в результате наплыва произведений южнославянской письменности в русские земли.

В XV в. был распространен главным образом балканский (плетеный, или жгутовой) орнамент. В XVI в. он сохраняется на территории Юго-Западной Руси.

Ранний балканский орнамент был простым, без деталей наполнения и, так же как тератологический, рисовался от руки. Со второй половины XV в. он усложняется. Характерными особенностями балканского орнамента были следующие: четкие геометрические круги, вплетенные друг в друга, в несколько ярусов, бесконечная восьмерка, прямоугольные решетки, переплетенные между собой, плетения, образующие сложный без просвета рисунок, напоминающий ткань — рогожку или ковер. Деталями наполнения орнамента были жемчужины, ромбики, точки, крестики, квадраты. Заставка орнамента не имела рамы. Но ее могло венчать навершие в виде изображения букета цветов. Углы заставки украшались стилизованными цветами, шишками, бутонами. В стиле плетения выполнялись и инициалы, которые стали четкими и легко читались. Яркие образцы заставок балканского орнамента имеются в «Апостоле», написанном в 90-х гг. XV в. В этой книге 48 заставок балканского стиля, причем ни одна из них не повторяется.

Богатые книжные переплеты XIII—XV вв. имели серебряные оклады, украшенные тисненым рисунком, чернью, сюжетными средниками и наугольниками.

Миниатюра. В период феодальной раздробленности содержание миниатюр стало более разнообразным. Наряду с сюжетами, изображающими святых, появились сюжеты из области быта и политической жизни. В конце XIV — начале XV в. фигуры людей в отдельных миниатюрах стали приобретать подвижность, живость, реалистичность. Существует мнение, что новые черты, появившиеся в книжном рисунке, складывались под влиянием живописи Андрея Рублева и его школы. Примером этого влияния может служить миниатюра из Евангелия боярина Хитрово (XIV — начало XV в.), символически изображающая евангелиста Матфея в виде летящего ангела. Изображение ангела поражает пластичностью, легкостью, подвижностью

Характер нового материала для письма (бумага) отразился и на внешнем облике миниатюр. С исчезновением гладкости и прочности пергамена исчезают гладкость, плотность, блеск красок, контрастность темных и светлых тонов в миниатюрах. Впитываясь в бумагу, краски выглядели более жидкими, блеклыми, напоминали акварель При акварельной манере рисунок теряет монументальность, выглядит более детальным.

Тайнопись. В рукописях XII—XV вв. встречается так называемое «тайное письмо» — криптография. Криптография была понятна только посвященным. Сначала по разным причинам она использовалась для зашифровки имени автора. Со временем тайнописью стали пользоваться по политическим, дипломатическим и иным соображениям.

Русская тайнопись XII—XV вв знала несколько систем: 1) систему «чуждых письмен», суть которой сводилась к замене букв кирилловского алфавита буквами других алфавитов, например глаголическими, латинскими, греческими; 2) систему измененных знаков кирилловского алфавита, при которой некоторые детали букв не дописывались или, напротив, путем добавления новых деталей буквы изменялись до неузнаваемости; 3) систему замены одних букв кирилловского алфавита другими буквами этого же алфавита, или так называемую литорею, которая подразделялась на «простую» и «мудрую». В «простой» литорее использовались без изменения все гласные, твердый и мягкий знаки, а из согласных букв — зело ѕ и фита ф . Остальные 20 согласных писались в два ряда, по десять в каждом, в порядке алфавита. Верхний ряд согласных букв писался слева направо, нижний — справа налево:

Б, В, Г, Д, Ж, З, К, Л, М, Н.
Щ, Ш, Ч, Ц, Х, Ф, Т, С, Р, П.

Для зашифровки текста согласные верхнего ряда писались вместо согласных нижнего ряда; 4) счетная (цифровая) система тайнописи основывалась на использовании цифрового значения букв кирилловского алфавита. Эта система подразделялась на три разряда: а) цифровой разряд, в котором цифра разлагалась на слагаемые. В сумме они давали число, обозначающее зашифрованную букву. Например, букву «Л» могли зашифровать как КІ, т.е. как 20 +10, в сумме дающие «30», или букву «Л»; б) описательный разряд, при котором значение букв-цифр передавалось словами. Например, слова «десятерица дващи» (десять дважды, т.е. $10 \times 2 = 20$). Цифра двадцать же обозначалась буквой «К»; в) значковый разряд. В этой системе некоторые буквы-цифры зашифровывались условными значками. Например, кирилловские буквы из разряда единиц заменялись соответствующим числом точек. Буквы из разряда десятков заменялись соответствующим числом вертикальных черточек, сотни заменялись кружками.

В этой системе знаки необходимо переводить в числа, а числа — в их буквенные обозначения. Например, три точки соответствовали цифре 3 и букве «Г», четыре вертикальные черточки — цифре 40 и, следовательно, букве «М», три кружка — цифре 300 и, следовательно, ее буквенному обозначению — «Т»; г) наиболее простой и поэтому реже употребляемой была система обратного письма, заключающаяся в написании букв в словах в обратном порядке.

Изучение тайнописи необходимо для дешифровки документов и правильного прочтения текстов. Кроме того, изучение тайнописи помогает понять закономерности и особенности развития системы письма Русского государства и устанавливать авторство

Вязь. Начиная с конца XIV в. для украшения рукописей русские книжники стали использовать особое декоративное письмо — вязь. В рукописях вязью украшались заголовки, начальные строки глав, разделов, расположенные под художественным украшением — заставкой. Вязь характеризовалась двумя приемами: сокращением деталей букв и буквенными и межбуквенными украшениями. Если для большого заголовка места было мало, писцы прибегали к сокращениям букв и слов. Если пространство для письма было значительным, то пустоты между буквами заполнялись украшениями в виде веточек, крестиков, листиков, усиков, хоботков и т.д. Вязь выполнялась красной и черной красками, а в более позднее время — золотой краской (твореным золотом).

В XV в. вязь приобретает широкое распространение, особенно в Новгороде, Пскове, Твери и Москве. Древнейший датированный образец старинной русской вязи имеется в «Стихираре», написанном в 1380 г. в книгописной мастерской Троице-Сергиева монастыря.

Основные приемы вязи:

1) совпадение сходных частей букв:

а) мачта + мачта: ГР — ПР;

б) мачта + полумачта: НИ — НИ;

в) полумачта + полумачта: КД — КД;

г) петля + петля: Ѣ — РЕ,

2) подчинение одной буквы другой, при котором одна из букв уменьшается и вписывается — «прячется» между деталями большей по размерам буквы: ПО — ПО, КО — КО, ОК — ОК,

3) сокращение частей буквы в целях их сближения. РКА — РКА, ВА — ВА;

4) соподчинение двух букв, при котором две смежные буквы уменьшаются и становятся одна на другой: МР — МР.

Наблюдения над вязью, так же как и другие палеографические признаки, служат для датировки, установления подлинности источника. Для этих целей используют показатель вязи, т е. соотношение высоты буквы к ее ширине Показатель, равный двум, свидетельствует о соотношении высоты к ширине как двух к одному. Эти показатели соответствовали раннему периоду использования вязи Вязь с показателем три и четыре была распространена в XV в.

Краткие выводы. В XIII—XIV вв. необходимо учитывать совпадение позднего устава, пергамена, тератологии. В XV в. типом книжного письма остается поздний устав, а также используется полуустав. Им соответствует, особенно полууставу, бумага. Книги украшаются тератологическим, балканским, отчасти нововизантийским орнаментом. В деловом письме пергамен постепенно вытесняется бумагой. В деловом же письме быстрее происходит замена позднего устава полууставом, а затем скорописью. Как качественно новый палеографический признак следует назвать вязь, наличие которой свидетельствует о том, что документ написан не ранее конца XIV в

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XV—XVII вв.

Период XV—XVII вв. ознаменовался важнейшими событиями социально-экономической, политической и культурной жизни В конце XV — начале XVI в. образовалось единое Российское госу-

Летописец 40-х гг. XVI в.

дарство. В этом государстве получил оформление самодержавный политический строй, сложилась своя организация управления — приказы. Укреплялось поместное землевладение и дворянство, ставшее опорой оформлявшегося со второй половины XVII в. абсолютизма. Получили разработку законодательные нормы крепостного права.

Заметные изменения во всех областях экономической, политической и культурной жизни Российского государства способствовали расширению сферы применения письма и функций письменности в целом. Поскольку нити управления всем государством сосредоточивались в приказах, именно там в XV—XVII вв. отложилось наибольшее число деловых документов. Приказная система и ее делопроизводство в центре породили подобную организацию управления и делопроизводства на местах — в воеводских избах (канцеляриях), в монастырских и церковных учреждениях, в боярских вотчинах и дворянских поместьях. Авторами приказного делопроизводства в центре и на местах были дьяки и подьячие. Дьяки возглавляли приказные канцелярии, отвечали за делопроизводство. Подьячие составляли наиболее многочисленный рядовой штат канцеляристов — исполнителей переписки бумаг.

В XVII в. не только в Москве, но и на периферии все шире стала прослеживаться практика наследственного замещения подьячих должностей. Поэтому обучение письму начинающих подьячих могло быть домашним, а навыками делопроизводства они овладевали непосредственно в приказах.

Большое значение для выработки делового письма имела работа так называемых площадных подьячих, которые составляли бумаги на городских площадях по заказу. Из-под пера площадных подьячих вышла громадная масса актов частного характера: вкладных, данных, купчих, порядных, закладных и т.д.

Несмотря на то что в России в середине XVI в. появилось книгопечатание, оно не удовлетворяло спроса книжного рынка: тиражи печатной продукции были небольшими, а издания ограничивались почти исключительно церковными книгами. Этим объяснялось продолжение и расширение практики переписки произведений как светской, так и духовной литературы. Переписчиками книг были монастырские и церковные писцы, представители посадского населения, служилые люди и даже крестьяне. Крупными центрами переписки книг продолжали оставаться Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, московский Чудов монастыри и Посольский приказ. Многие писцы переписывали книги в одиночку. Учителями книжных переписчиков были подьячие, представители низшего духовенства, книжные мастера. Учебными пособиями служили рукописные азбуки-прописи, печатные книги, буквари. Традиционной формой

приобретения книг был их заказ у переписчиков. Но в XVI и особенно в XVII в. книгу можно было купить в торговых рядах, либо у самих переписчиков, либо у продавцов-скупщиков.

В XV—XVII вв. объектом палеографического изучения являются источники делового характера, вышедшие из центральных и местных учреждений: акты, судебно-следственные дела, документы финансовой и хозяйственной отчетности и т. д. Среди общих законодательных памятников ведущее место принадлежит Соборному Уложению 1649 г., дошедшему до нас в подлиннике. Длина свитка, на котором было написано Уложение, составила 347,5 м. Свиток состоял из 959 «ставов». На лицевой стороне листов был написан текст статей Уложения, на оборотной 315 подписей участников Земского собора. Основной текст написан пятью почерками. По склейкам — «ставам» лицевой стороны стоит «скрепа» думного дьяка Ивана Гавренева. На оборотной стороне свитка по склейкам — «скрепа» думных дьяков Федора Елизарова и Михаила Волошенинова и дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова. Из памятников церковной и светской литературы особый интерес представляют «Великие Четьи-Минеи» (50-е гг. XVI в.), т.е. помесячные чтения, составленные по инициативе митрополита Макария, включающие произведения житийной литературы, проповеди и поучения; «Лицевой летописный свод» (60—70-е гг. XVI в.), получивший свое название в связи с наличием в нем большого числа миниатюр; «Временник дьяка Ивана Тимофеева», сохранившийся в единственной рукописи 30-х гг. XVII в., написанный несколькими скорописными почерками, украшенный старопечатным орнаментом. «Временник» содержит описание Смутного времени; «Титулярник» 1672 г., составленный в Посольском приказе, содержащий портретные миниатюры великих князей и царей и образцы великолепного полууставного письма подьячих этого приказа. Напечатанный в 1564 г. на Московском печатном дворе «Апостол» — великолепный образец средневекового печатного дела, иллюстрирующий старопечатный орнамент, заимствованный из рукописных книг.

Материал для письма. Основным материалом для письма в XVI—XVII вв. становится бумага. Поскольку первые попытки завести отечественное производство бумаги в XVI в. окончились неудачей, а основанные в XVII в. мануфактуры (бумажные мельницы) не могли обеспечить потребности страны в писчем материале, Россия вплоть до первого десятилетия XVIII в. пользовалась преимущественно привозной бумагой.

До середины XVI в. это была главным образом итальянская бумага с водяными знаками в виде перчатки, кувшина и др. С конца XVI — в

XVII в. распространилась бумага французских фабрик, показателем которой были филиграни «виноградная кисть», «кувшин», гербы французских городов. Среди последних часто встречалась филигрань с гербом города Базеля, более 500 вариантов которой было дано в работах Ш.Брике, П.Хейца, А.А.Гераклитова и др. В XVII в. стала использоваться голландская бумага, потеснившая во второй половине XVII в. французскую. Наиболее распространенной для этой бумаги с 1650 г. была филигрань «герб Амстердама», максимальное использование которой относится к 1701—1725 гг. Такой же распространенной филигранью голландской бумаги был знак «шут». Появившись впервые на бумаге немецкого происхождения в XVI в., филигрань «шут» стала использоваться в XVII в. в несколько усложненном варианте и голландскими мастерами. Следует отметить, что, поскольку отечественные мануфактуры в XVII в. находились в руках голландских мастеров, филиграни русской бумаги сначала подражали голландским знакам. Поэтому голландские филиграни «герб Амстердама» и «шут» появились и на бумаге отечественного производства.

Для датировки с помощью филиграней бумаги XVI—XVII вв. рекомендуется использовать таблицы водяных знаков К.Я.Тромонина, Н.П.Лихачева, Ш.Брике, о которых упомянуто выше, а также работы С.А.Клепикова, В.Черчиля, Е.Хивуда, Г.Эйнедера[1], в которых дано изображение водяных знаков XVII—XVIII вв. Специально филиграням XVII в. посвящена работа А.А.Гераклитова «Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения» (М., 1963), в которой дается изображение более 1500 знаков. Залежность бумаги XV—XVI вв. определяется в 6—7 лет, в XVII в. — в среднем в 5 лет.

В XVI—XVII вв. в качестве материала для письма продолжали использовать и бересту. Правда, на бересте в этот период писали уже на окраинах и притом в тех случаях, когда долгое время не было привоза бумаги.

Графика письма. Большой объем работы в государственных учреждениях, связанный с написанием деловых бумаг, заставил писцов искать варианты более убыстренного написания букв и отойти

---

[1] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. — М., 1959; *Churchill W.A.* Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnections. — Amsterdam, 1935; *Heawood E.* Watermarks, Mainlv of the 17th and 18th Centuries. — Amsterdam, 1950. — Vol. 1; *Eineder G.* The Ancient Paper-mills of the Former Austroungarian Emrire and Their Watermarks. — 1960. — Vol. VIII.

от полууставных начерков. Внешним выражением этого процесса явился переход в XV в. полуустава в скоропись. В XVI и особенно в XVII в. скоропись становится главным типом письма в делопроизводстве, повсеместно вытеснив из него полуустав. Полуустав же стал письмом рукописных книг.

Скоропись — это беглое, ускоренное письмо, отличающееся раскованностью написания букв. Путь к ускорению письма лежал в первую очередь через слитное написание букв в слове. Чтобы научиться этому, потребовалось длительное время, в течение которого рука писца искала лучшие, наиболее приемлемые для слитного написания варианты графики отдельных букв. Вот почему скоропись отличает многообразие вариантов одной и той же буквы иногда не только в одном тексте, но даже и в одном слове. Раскованность написания, поиск лучших вариантов графики стали возможны только при наличии более дешевого и распространенного по сравнению с пергаменом, более прочного по сравнению с берестой материала, каким стала бумага. Поэтому скоропись и бумага — два сопутствующих друг другу палеографических признака.

Графика каждой из букв скорописи прошла длительный путь развития. Она имела в определенные отрезки времени свои особенности, которые могут служить датирующими показателями.

В XVI в. буква «В» могла писаться с одной петлей, положенной на строчку: Д. В таком начерке ее трудно отличить от буквы «Д». Иногда «В» похожа на четырехугольник П. Буква «Д» имела треугольную или в виде буквы «О» верхнюю часть, лежащую на длинной прямой или дугообразной перекладине: ; буква «Ж» могла писаться в виде лежащей петли и небольшой черточки посредине или сбоку петли: ; буква «К» получила начерк в виде двух палочек: ; у буквы «Л» правая сторона стала писаться с большим нажимом и выше левой стороны: . Трудно читалась буква «Ю», ставшая похожей на «е» с приписанным снизу кружком: . Еще более сложными и разнообразными становятся скорописные начерки в XVII в. Особенным многообразием отличался начерк букв «В» и «Д». «В» — ; «Д» — . Буква «Е» стала похожей на современную заглавную букву, но ее верхняя часть могла быть больше нижней: . Новым вариантом буквы «К» наряду с ее изображением в виде двух палочек явился начерк, напоминающий латинскую или близкое к нему изображение: . Большее распространение, чем в XVI в., получило «П» с навесом: . В XVII в. появилось написание «Р», напоминающее восьмерку с маленькой нижней петлей: ; буква «Ы» приобрела вид закорючки: ; буква «Ю» в XVII в. стала более похожей на заглавное «Е» с закорючкой внизу или писалась почти как современная: .

Ускоренное написание скорописного текста достигалось большим, чем в полууставе, числом выносных букв. Особенно много выносных букв в текстах XVII в., который считается временем расцвета скорописи в период единого Русского государства. Иногда в одном слове выносилось сразу несколько букв. Как правило, выносились согласные: В, Г, Д, Ж, З, К, Л, М, Н, Р, С, Т, Х, Ч. Некоторые писцы практиковали вынос и отдельных гласных. В XV в. графика выносных букв была такой же, как и графика строчных букв. В первой половине XV в. над выносными буквами ставилось титло. Во второй половине XV в. титло стало исчезать. В скорописи XVI—XVII вв. оно не ставилось уже над большинством выносных букв, поскольку их начерки в какой-то степени стали напоминать форму титла: ⊿ — В, ⊿ — Д, ∝ — Ж, ⌒ — З, ⊾ — Т. Наблюдения за наличием или отсутствием титла могут также оказать помощь в датировке.

Некоторые выносные буквы стали читаться с большим трудом. Например, буква «Н», которая в выносе писалась двумя палочками без отрыва руки и напоминала либо небрежно написанную букву «П», либо «Л» с округлым верхом: ∩ ∩ . Начерк выносной буквы «М» упростился до изображения ее в виде прямой и изогнутой вверх черточки, даже запятой: ⌣ ⌣ .Похожей на выносную «М» стал начерк выносной «З»: ⌒.Но в отличие от «М» выносная «З» раскрывалась концом вниз ⌒.

В XVI в. в скорописи начали появляться скорописные лигатуры. Прослеживается слитное написание двух рядов стоящих строчных букв, двух рядом стоящих выносных букв (надстрочных). Разновидностью лигатур стали взметы, характеризующиеся слитным написанием строчной буквы с надстрочной. Причем взметом писались преимущественно буквы, стоящие последними в слове: З, М, Т, Р, Х. Иногда с использованием взмета слитно писались целые выражения: СА — «СЕ АЗ». В целом в XVII в. насчитывается около 70 лигатур в строке и около 20 — над строкой.

В скорописи еще больше, чем в полууставе, слов, сокращение которых достигалось путем пропуска гласных букв. Это слова духовного, социально-экономического и бытового содержания, которые обычно часто встречались в тексте: БГЪ (бог), ДЧЬ (дочь), СНЪ (сын), АЛТНЪ (алтын), КНГА (книга), ТЧС (тотчас), МСЦЪ (месяц), ЦРЬ (царь), ДРВНЯ (деревня), ГДРЬ (государь) и др. Сокращение слов практиковалось через их усечение до нескольких букв. Усечение слов особенно часто стало практиковаться в документах экономико-статистического характера: писцовых, переписных, дозорных книгах. Причем часто повторяемые в практике письма слова могли условно заменяться их начальной буквой, которую обводили кружком. Так, слово «лавка» могли записать как Ⓛ , слово «деревня» — как Ⓓ .

Практика сокращать слова, разнообразить взметы, писать те или иные выносные буквы у каждого из писцов-профессионалов была индивидуальной и как бы отражающей их стремление к украшению деловых бумаг с помощью графических приемов и форм. Особенно ярко скорописные элементы украшения делового письма проявились в личных подписях подьячих.

Благодаря разнообразию графики отдельных букв, приемов написания и раскованности письма скорописи свойственно уже более четкое проявление почерков отдельных писцов. *Почерк* — это индивидуальная особенность письма. Кроме того, следует иметь в виду, что в скорописи графика одних и тех же текстов приобретает большую зависимость от назначения документов. Чистовики писались с большим старанием и тщательностью и поэтому были более четкими и понятными, чем черновики этих же документов. Документы центральных учреждений (приказов) в своей основе отличались более современными начерками букв и грамотностью, чем документы местных воеводских изб. Из числа подьячих московских приказов были наиболее грамотными и имеющими особенно хороший почерк подьячие Посольского приказа. Не случайно именно им поручалась переписка книг по заказу царя и обучение грамоте царских детей.

Образец подписи подьячего воеводской избы города Тобольска Богдана Александрова. XVII в.

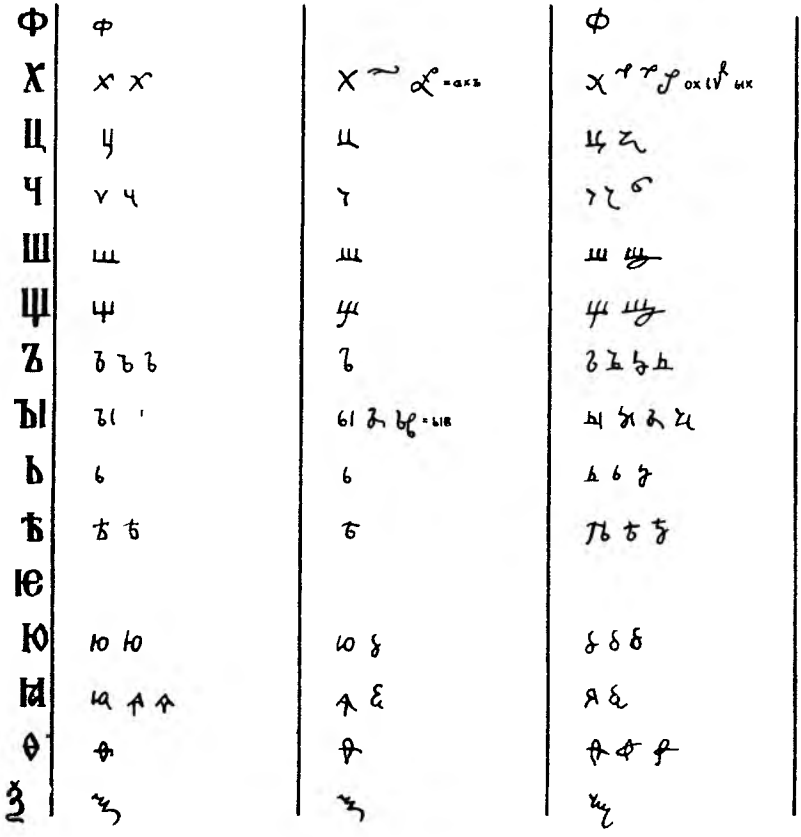
В качестве орудия письма продолжали использоваться гусиные перья. Вероятно, в конце XVII в. появился карандаш. Для раскраски инициалов, орнамента, вязи, миниатюр использовались кисти. В качестве краски, широко вошедшей в обиход со второй половины XVII в., стал употребляться сурик — краска розово-оранжевого цвета свинцового происхождения. В XVI—XVII вв. все шире употребляется в письменности твореное золото и серебро.

Книжное письмо. Сменившая полуустав скоропись стала деловым письмом. Но поскольку скоропись была трудночитаемой, в книжном письме продолжал сохраняться полуустав. В середине XVI в. полуустав лег в основу первопечатного шрифта Ивана Федорова. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. в России, наряду с рукописными произведениями, получили распространение московские печатные книги. Многие из них стали служить для переписчиков такими же оригиналами, как и рукописи. Пере-

писывая книги с печатных изданий, мастера невольно брали за образец графику печатных букв и старопечатный орнамент. Так в рукописных книгах появился полуустав, подражающий старопечатному шрифту, или полуустав «со старопечатной основой». Он лег в

Скоропись XV—XVII веков

	XV в.	XVI в.	XVII в.
А	а а ꙗ ꙗ ꙗ	а	а п А
Б	б б б	б б	б б б б = бч
В	в в в в	д п	д ш п в в в = ов
Г	г г	г	г г б
Д	д д д	д д я R я д	д д д д д
Є	є є є є	є ꙋ ꙋ = сє	є е г
Ж	ж ж ж ф	ф	ж ф ф ф
З	з з з з	з з	з у б = оз = зу
И	и и	и	и п и
І	ї ї	ꙗ = іє	ꙗ є = єй
К	к к к	к к	к R б а а
Л	л л	л л	л л
М	м	м	м = му
Н	н н	н	н
О	о о ѡ	о ѡ ѡ	о ѡ
П	п	т	п п п
Р	р	р	р ѵ ꙋ ꙋ = ер ꙋ = ор
С	с с	с с	с с = ск
Т	т т з з а а	т т т	т т т т б = от
Ѵ	оу ꙋ у	ꙋ	ꙋ у

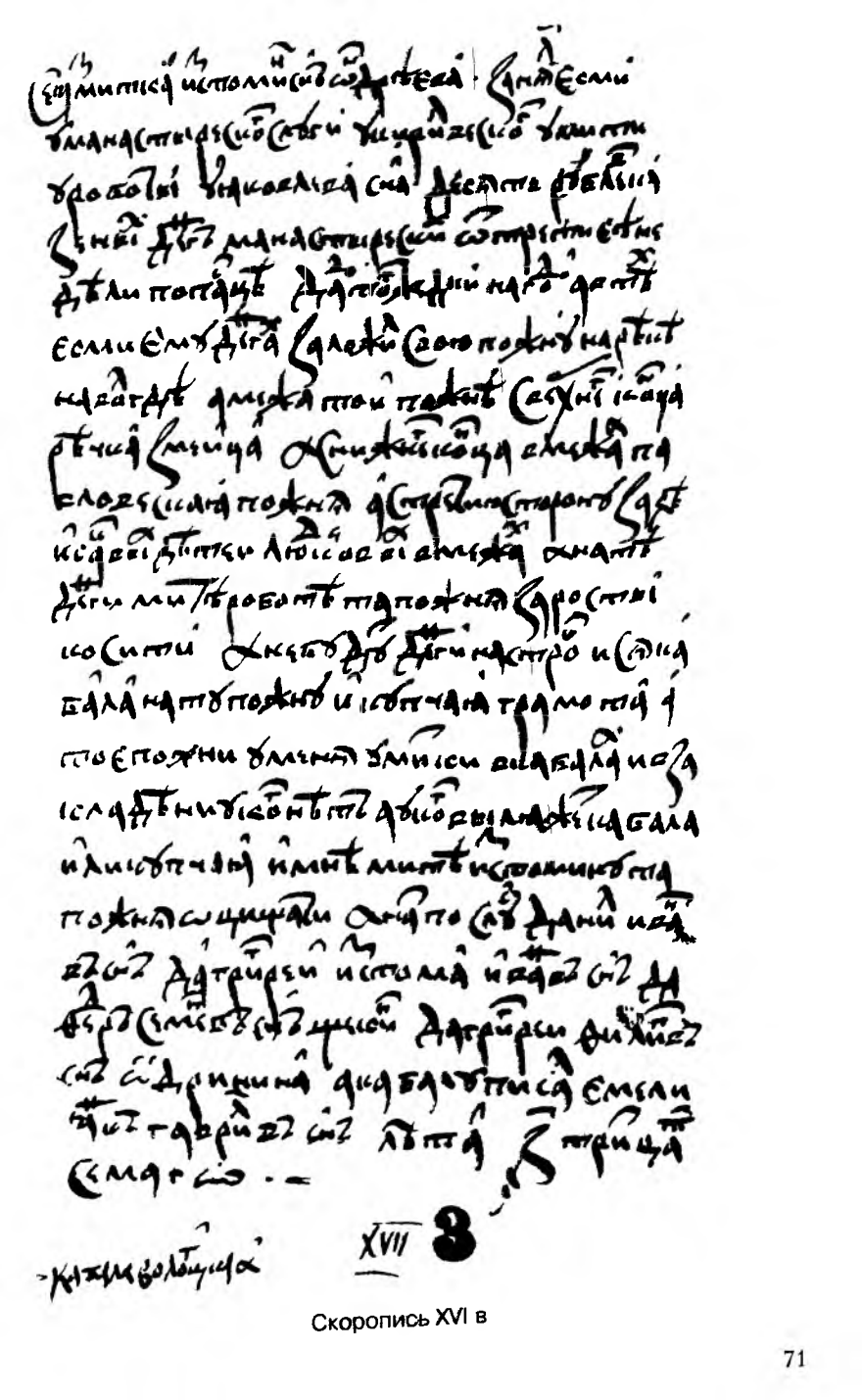


основу так называемого «поморского» полуустава, долгое время удерживавшегося среди писцов-старообрядцев

После воссоединения Украины с Россией усилились культурные русско-украинские связи На почерки некоторых книжных переписчиков оказала влияние украинская графика Она отличалась угловатостью буквенных начертаний, их наклоном и заменой некоторых славянских букв греческими или латинскими

Спрос на рукописную книгу привел к ускорению письма и к появлению в последней четверти XVII в беглого или, «круглящегося, полуустава» Для него были характерны красивые, округлые начертания букв, манерные изгибы петель и хвостов, применение отдельных скорописных приемов

Писцы XVI—XVII вв прекрасно знали функциональное размежевание между полууставом и скорописью Скоропись — письмо



Скоропись XVI в

Скоропись XVII в.

деловых бумаг, полуустав — письмо, которым писались книги. Однако писцами из этого правила делались исключения. Четкой скорописью в XVII в. могли быть написаны книги внецерковного круга. В XVI—XVII вв. имели место случаи, когда при переписке богослужебных книг один и тот же писец мог использовать полуустав и скоропись. Тогда полууставом писался основной, читаемый при богослужении текст, а скорописью — небольшой по объему и второстепенный по значимости справочный материал.

Украшения рукописей. Появившийся в книгах одновременно с балканским нововизантийский, или растительный, орнамент вытеснил балканский в XVI в. В нововизантийском орнаменте была восстановлена византийская заставка в виде рамы геометрической формы. Ее снова заполнили цветочные мотивы с обязательным цветком «крин». Но в отличие от старовизантийского, нововизантийский орнамент был стилизованным, имел иную цветовую гамму и более сложное членение заставки.

Цветовая гамма нововизантийского орнамента включала синий (преобладающий), вишневый, зеленый цвета, которые нередко давались на золотом фоне. Так же как и балканский, нововизантийский орнамент по времени совпал с распространением бумаги. Большинство книг, украшенных нововизантийским орнаментом, написано полууставом.

С XVI в. в украшениях рукописных книг стал использоваться старопечатный орнамент. Главными элементами этого стиля были изображения трав, ветвей, листьев, цветов, плодов, ягод, шишек. Для раскраски использовались главным образом черный и белый цвета.

Первоначально считалось, что старопечатный орнамент появился впервые в печатных книгах, а затем перешел в орнаментику рукописей. Этим и объяснялось его название. В настоящее время доказано, что старопечатный орнамент использовался для украшения рукописных книг еще в первой половине XVI в. и именно из них перешел в книги, изданные типографским способом.

Первые старопечатные мотивы в рукописных книгах появились в виде черно-белых клейм, которые стали вписывать в нововизантийские заставки, концовки, инициалы. Сюжеты этих клейм черпались из «Большого прописного алфавита», созданного в 80-х гг. XV в. гравером из Вестфалии Израэлем ван Мекенемом, хорошо известным в России. Русские книжники не просто копировали буквы и украшения алфавита Мекенема, а весьма остроумно использовали их детали, создав оригинальные композиции нового стиля. Этому стилю были свойственны растительные мотивы (сочетания листьев, трав, плодов), заполнявшие все поле заставки, концовки и кар-

Заглавный лист рукописи «Душевное лекарство»

Заглавный лист рукописи «Сказание Авраамия Палицына»

каса инициалов Оригинальным в этом стиле было использование контрастной штриховки, придававшей черно-белому орнаменту объемность формы

Печатная книга вобрала в себя все лучшее, что было создано в художественном облике рукописной книги В основу старопечат-

ного шрифта лег полуустав с его четкой графикой букв. Рукописный старопечатный орнамент перешел в художественные украшения печатной книги, получив на ее страницах дальнейшее развитие и завершение в черно-белом варианте.

С середины XVI в. наблюдается обратный процесс влияния печатной книги на рукописную, который выразился в появлении в рукописях первых печатных заставок, скопированных из «Апостола» Ивана Федорова.

Со второй половины XVII в. рукописи стали украшаться орнаментом *барокко*. Появление нового стиля связано с развитием в XVII в. тенденции к обмирщению культуры, одним из выражений которой явилось стремление к узорочному оформлению декора культовых архитектурных сооружений, предметов прикладного искусства, книг. Книжный орнамент барокко строился на сочетании растительных мотивов и геометрических форм (эллипсов, спиралей). Этот стиль как бы соединился со старопечатным стилем, вобрав в себя его растительные мотивы (пышные листья, цветы, плоды), которые получили реалистическое и рельефное изображение. Орнамент барокко отличается пышностью раскраски с использованием киновари, белой, черной и золотой красок. В конце века из орнамента барокко развивается более упрощенный так называемый поморский стиль, получивший распространение в рукописной книге старообрядцев. Этот стиль характеризовался наличием золотого фона, на котором давались изображения белых или разноцветных трав вычурной изогнутой формы.

Миниатюра. Миниатюра XV—XVII вв. испытала на себе тенденции, развиваемые в живописи А. Рублевым, Дионисием, Симоном Ушаковым. Источников, украшенных миниатюрами, в рассматриваемый период сохранилось достаточно много. Среди них необходимо выделить Лицевой летописный свод XVI в., содержащий более 16 тыс. миниатюр.

Для датировки миниатюр важны наблюдения над их композицией, наполнением деталями, особенностями красок. В миниатюрах XV — первой половины XVI в. изображение природных и архитектурных деталей давалось более стилизованно и абстрактно, чем в последующий период. Раскраска миниатюр этого периода отличалась многообразием оттенков. Золото использовалось преимущественно для покрытия фона и нимбов святых.

Со второй половины XVI в. изображение архитектурных форм стало более реальным и направленным на отражение конкретных сооружений. Миниатюра XVII в. часто бывает перегруженной множеством фигур и деталей. В ее цветовой гамме доминируют красный, зеленый, желтый цвета. Золото используется в роскошных ру-

кописях. Наполнение миниатюр бытовыми деталями (изображением одежды, орудий труда) облегчает их датировку путем установления соответствия изображаемых на них предметов с предметами, употребляемыми в быту в момент написания миниатюр. Одновременно миниатюры являются ценным историческим источником, позволяющим уточнить наше представление об оружии, архитектуре, бытовых предметах того или иного периода. Возможность опознания на некоторых миниатюрах архитектурных построек, а также элементов географической среды расширяет информацию о месте написания книг, а также об их писцах и художниках.

Вязь. В XVI—XVII вв. продолжается распространение вязи, которая в XVII в. используется даже в документах делового характера: писцовых, переписных книгах В XV—XVI вв. в связи с созданием местных «школ» вязи в ряде городов (Новгороде, Пскове, Москве) наблюдается ее стилевое разнообразие, которое служит показателем места написания источника К середине XVII в. происходит унификация приемов вязи, выработка ее единого стиля.

Вязь получила распространение и в так называемых книжных знаках — экслибрисах, показывающих имя владельца книг. Наиболее ранние находки экслибрисов относятся к концу XV — началу XVI в. Они обнаружены в знаменитой библиотеке Соловецкого монастыря. Основателем книжного знака там стал игумен Досифей. Он нашел остроумный вид экслибриса: из первой буквы слова, обозначающей его звание «священноинок», он сделал круг — «оправу», куда вязью вписал свое звание и имя в родительном падеже: «Священноинока Досифея». Наблюдения за книжными знаками могут оказать помощь в определении места написания книги, установлении ее заказчика или владельца, а также и возможного автора

Датирующий показатель вязи в XVI в. составил 4 и 8. В XVII в. датирующий показатель вязи вырос до 10 и 12. Буквы вязи стали высокими, вязь читается с трудом.

Тайнопись. Использование тайнописи в условиях единого Русского государства диктовалась нуждами зашифровки документов, носящих политический и дипломатический характер. В XVI—XVII вв. происходило совершенствование и дальнейшее развитие ранее существовавших систем тайнописи: системы «чуждых письмен», системы замены знаков кирилловского алфавита, «литореи», а также счетной (цифровой) системы. Рядом с «простой литореей» в XVI—XVII вв. получила распространение «литорея мудрая». В этой системе при сохранении алфавитного порядка согласных букв верхнего ряда (как и в «простой литорее») согласные нижнего ряда ставились не в алфавитной, а в условно принятой шифровальщиком последовательности.

Иногда замене подлежали и гласные буквы. Видом тайнописи стал акростих, т.е. стихотворение, начальные буквы каждой строки которого скрывали зашифрованные надписи. Своеобразной тайнописью XVII в. становится вязь, высокие показатели которой делают ее практически трудночитаемой. В источниках XVII в. можно встретить тайнопись с нарочито усложненным шифром, ключ к которому можно подобрать, используя не одну, а несколько систем тайнописи. Примером может служить тайнопись князей Барятинских.

Чернила. Чернила имели оттенки от темно-коричневого до светло-бурого. Чернила черного цвета (с примесью сажи) придавали документам несколько неряшливый вид и в практике встречались реже. От XVII в. сохранилось много рецептов приготовления чернил. В основе этих рецептов лежала реакция между железистыми и дубильными веществами. В XVII в. для убыстрения приготовления чернил вместо железных предметов (ломаных ржавых гвоздей, подков и т. д.) стали использовать медный купорос. Для просушки чернил пользовались чистым речным песком, которым присыпались написанные тексты.

Переплет. Книги состояли из сшитых между собой тетрадей. Доски и переплет книг обтягивались кожей, бархатом, атласом и камкой[1]. С конца XVII в. стали употреблять и более дешевый бумажный переплет. В XVII в. кожаный переплет стал украшаться золотым тиснением. В XVI–XVII вв. корешок книг имел поперечные выпуклые валики, внутри которых прятались нитяные узлы переплета. Срез листов книг раскрашивался красками или золотился. До середины XVII в. обрез рукописных книг совпадал с досками переплета, затем в целях сохранения краев страниц переплет стал выдвигаться над обрезом. Роскошные книги имели позолоченные оклады, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

Переплеты делопроизводственных книг были проще. Они делались из досок, обтягивались грубым холстом или кожей. Иногда в XVII в. приказные книги вкладывались в сумки-футляры. Внешне сумка напоминала портфель. Сумку связывали посредством тесемки или ремешка-завязки.

Формат рукописей. Подавляющая часть источников XV–XVII вв. написана на бумаге. Источники дошли до нас в виде книг, свитков, тетрадей, отдельных листов. В условиях распространения бумаги как основного материала для письма особую важность приобретают наблюдения за форматом бумажных рукописей.

---

[1] *Камка* – дешевый вид ткани, привозимой с Востока, преимущественно из Китая, с конца XVII в

Листы бумаги не имели стандартных размеров. Их величина зависела от размеров форм — противней, в которые выливалась бумажная масса. Поэтому в источниках формат рукописей не выражался в каких-либо конкретных единицах измерения, а определялся в зависимости от того, сколько раз целый лист бумаги перегибался и разрезался перед употреблением. Термину «дестный» лист, или лист «в десть», соответствовал целый лист бумаги, перегнутый пополам и переплетенный в месте сгиба. При формате «в полдесть» лист дважды перегибался и один раз разрезался на две части и т. д.

Формат рукописей можно определить по расположению филиграни. Поскольку филигрань находилась в правой стороне целого листа, при перегибе листа пополам она оказывалась посредине одной из его половинок. Такое положение филиграни свидетельствует о том, что рукопись написана в формат «десть». При вторичном перегибе листа и его разрезе на четыре части две половинки части филиграни оказывались у корешка книги и показывали на формат «в полдесть», или в четверку. Для рукописей, имеющих формат «в восьмушку», листы разрезались на восемь частей. Четверть водяного знака находилась у корешка книги, вверху или внизу страницы.

Формат книги определялся ее назначением. Книги, предназначавшиеся для чтения в полутемной церкви, писались на листах «в десть». Размер в восьмую долю листа мог применяться для так называемых «путных» рукописей, предназначенных для чтения в дороге. По числу листов книги также были разными — от нескольких десятков до тысячи.

В приказном делопроизводстве в центре и на местах были распространены две формы фиксации документов — книга и столбец. Система записи документов в книге отвечала потребностям в постоянных справках. В делопроизводстве известны книги: писцовые, переписные, дозорные, таможенные. Делопроизводственные книги, так же как и книги светского и духовного содержания, имели поля, нумерацию страниц. Их формат соответствовал перегибу и разрезу листов бумаги.

Для формата, называемого столбцом, бумагу нарезали полосами, ширина которых была намного меньше их длины. На столбцах писались документы так называемого «столбцового» делопроизводства: грамоты, указы, отписки, памяти, наказы, росписи, расспросные и пыточные речи и т. д.

По мере заполнения бумажные полосы склеивались между собой, образуя длинные свитки. Место склейки полос называлось «ставом». Столбцовое и книжное приказное делопроизводство имеет ряд особенностей, на которые следует обращать внимание. Например, на оборотной стороне столбцов имелись «пометы» — дополнительные записи, содержащие сведения об адресе лиц и учре-

ждений, которым предназначался документ, имя человека, доставившего этот документ, дату его отправки и получения. Особенно важны пометы на документах, рассматриваемых Боярской думой или самим царем, содержащих информацию о вершении дел.

Для предохранения документов от хищения и подлогов на них ставились «скрепы» (подписи) дьяков или подьячих «с приписью», т.е. подьячих, имеющих право подписи документов. Подпись разбивалась на слоги. Например: «ди-акъ Гри-го-рей Про-то-по-повъ». В столбцах она ставилась в месте «сстава», на оборотной стороне листов с таким расчетом, чтобы верхняя и нижняя части каждого слога подписи были на обоих склеенных листах. В делопроизводственных книгах подпись дьяка или же подьячего «с приписью», разбитая на слоги, помещалась на поле лицевой стороны каждого листа. Незаполненные листы книг отмечались словами «лист порозжей», т. е. пустой, и также имели дьячью подпись.

Наблюдения за «сставами», «скрепами», «пометами» документов чрезвычайно важны для выводов о месте, времени, авторстве. Наличие подписи дьяка на обороте или на полях, а также подписей свидетелей, упомянутых в тексте, разные почерки свидетелей говорят о подлинности документов.

Для разлиновки листов применялась рамка (карамса) с натянутыми нитями, или «жилами». Рамка накладывалась на лист и по ее нитям костяным шильцем, которое не оставляло цветного следа, надавливались строки. Разлиновывались, как правило, листы книг. Надавливание линий позволяло заполнять лицевую и оборотную стороны листа книги с одинаковой равномерностью расположения строчек. Формат бумаги в столбец разлиновывался крайне редко.

Краткие выводы. В XV—XVII вв. главным материалом для письма становится бумага. Она употребляется как в деловом письме, так и для написания книг. В делопроизводстве бумаге сопутствует скоропись, заменившая полуустав. Полуустав, вытесненный из деловых бумаг, стал книжным письмом. Пергамен использовался в исключительных случаях: для написания торжественных царских грамот, редко книг. Для датировки рукописей этого периода исключительно важное значение имеют наблюдения за водяными знаками, начерками букв, книжным орнаментом, форматом.

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ РУКОПИСЕЙ XVIII И XIX вв.

На содержание и структуру деловых бумаг XVIII и XIX вв. большое влияние оказала новая форма делопроизводства, основные принципы которой сложились при Петре I.

В связи с реформой системы центрального управления и заменой приказов коллегиями в 1720 г. был издан «Генеральный регламент». Он установил порядок канцелярского делопроизводства, общий для всех коллегий. Согласно «Генеральному регламенту» в центральных государственных учреждениях устанавливался канцелярский штат, состоящий из секретарей, нотариусов, актуариусов, канцеляристов, копиистов, регистраторов, переводчиков. Коллежский секретарь отвечал за правильность делопроизводства и подготовку дел к докладу. Специалистом по составлению протоколов заседания коллегии был нотариус. Актуариус ведал хранением коллежских документов. Копиисты размножали документы. Строго регламентированное коллежское делопроизводство усложнилось по сравнению с приказным. В коллегиях велась тщательная регистрация входящих и исходящих бумаг, делались подшивки их копий и черновиков, появились новые разновидности документов, носящих иностранные названия: рапорт, регламент, манифест и т. д.

Правилам составления различных бумаг уделялось большое внимание. После «Генерального регламента» они нашли соответствующую разработку в указе «О должности Сената» (1722 г.), в «Учреждении для управления губерний» (1775 г.) и др.

Очень важным условием для сохранности документов было создание в первой четверти XVIII в. архивов. *Архив* — специальное учреждение для хранения старых документов, отделенное от канцелярий как места составления документов. Указом 1724 г. был образован Генеральный архив Старых государственных дел, сосредоточивший материалы Посольского приказа. Сформировались архивы Военной коллегии, Сената и Синода, а в 1780 и 1782 г. — Государственные архивы Старых дел в Петербурге и Москве. В 1811 г. создаются архивы министерств и их департаментов. В 1852 г. крупным архивом становится Московский архив Министерства юстиции, объединивший фонды архивов Разрядного, Вотчинного и Старых дел. В дальнейшем этот архив стал основой Российского государственного архива древних актов.

В XVIII—XIX вв. расширяется и еще больше детализируется круг документов, обслуживающих нужды монархии, развивающейся промышленности, внутренней и внешней торговли.

Введение гражданского шрифта внесло коренные изменения в развитие русского книгопечатания. Расширилась тематика и возросли темпы книгопечатания. Однако рукописная книга стала выходить из употребления только со второй половины XVIII в. Причина этого заключалась в наличии пробелов в тематике книгопечатания, в дороговизне книжных изданий. В XIX в. практика переписки книг от руки сохранилась как одно из средств распростра-

нения нелегальной литературы. Например, известны рукописные экземпляры «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева.

Наряду с деловыми бумагами и рукописными книгами в качестве объекта палеографического изучения возрастает роль источников, составивших рукописное наследие выдающихся политических и государственных деятелей, а также деятелей культуры и искусства.

Материал для письма. В XVIII–XIX вв. материалом для письма была бумага. В начале XVIII в. употреблялась преимущественно иностранная бумага. С организацией и развитием в первой четверти XVIII в. отечественного бумажного производства потребность в писчем материале все больше стала удовлетворяться за его счет. При этом не исключалась возможность использования и импортной бумаги. В XVIII в. это была преимущественно французская и голландская бумага. Среди филиграней голландской бумаги наиболее распространенными были «герб Амстердама», «шут», знак «pro Patria» («за Родину»), изображающий аллегорическую сценку.

Филиграни бумаги отечественного производства часто имели изображения гербов: государственного герба Российской империи в виде двуглавого орла, гербов городов, в которых находились бумажные фабрики. Например, на бумаге ярославских фабрикантов давалось изображение ярославского герба – медведя с протазаном. Чтобы отличить бумагу разных ярославских фабрик, на ней давались, помимо ярославского герба, литеры, изображающие начальные буквы названия мануфактуры или инициалы ее владельца. Например, литеры 1760 г. «ЯМСЯФ» следует расшифровывать как «Ярославская мануфактура Саввы Яковлева фабриканта», литеры 1789 г. «ЯМВСЯ» – как «Ярославская мануфактура внуков Саввы Яковлева». Такие же особенности были характерны и для бумаги, выпускаемой в других городах.

Отличительной чертой русских филиграней XVIII–XIX вв. от западных является более частое указание на русских филигранях года отлива бумаги.

Датирующим признаком бумаги стало гербовое клеймо, которое появилось после издания в 1699 г. указа об обязательном написании актов на гербовой бумаге. Клеймо в виде российского герба (отсюда и происхождение названия бумаги – гербовая) ставилось в правом верхнем углу листа бумаги. Оно отличалось размером: меньшее, среднее, большое. В соответствии с величиной клейма бумага различалась по стоимости.

В основе датировки бумаги с гербовым клеймом лежит принцип соответствия разных форм клейма определенному отрезку времени. Причем показателем датировки являются две крайние даты,

связанные с появлением и заменой клейма. Например, клеймо образца 1724 г. соответствовало периоду 1724—1726 гг., клеймо образца 1727 г. — периоду с 1727 по 1764 г.

Дополнительным датирующим признаком бумаги с клеймом может быть водяной знак. С 1723 г. гербовую бумагу стали делать с филигранью, изображавшей государственный герб. Усложнение этой филиграни добавлением в 60-х гг. указания года изготовления бумаги, а с 70-х гг. — стоимости бумаги оказывает помощь в уточнении (сужении) датировки клейменой бумаги в данный период. Гербовой бумагой широко пользовались и в XIX в.

Датировать бумагу помогает и фабричный знак слепого тиснения — *штемпель*. Самый ранний штемпель на бумаге отечественного производства С.А.Клепиков относит к 1828 г. Значение штемпеля как способа датировки бумаги особенно увеличивается в 1840—1880 гг., когда из-за стремления фабрикантов удешевить производство бумаги филиграни стали встречаться реже.

Форма штемпеля отличалась разнообразием: овальная, прямоугольная, со срезанными углами, круглая, фигурная, гнутая, в виде гербового щита или вписанного в овал круга. В связи с разнообразием форм штемпелей их размеры не могли быть стандартными. Штемпель в виде круга имел в диаметре 12—19 мм, овальная форма штемпеля могла составить в длину от 13 до 24 мм, прямоугольная форма со срезанными углами — 13—17 мм. В начале XIX в. в среде дворянства и купечества стало модным писать письма на почтовой бумаге, выполненной по личному заказу. В этом случае штемпели могли изображаться в виде сложных монограмм или начальных литер заказчиков.

Поскольку штемпель был средством товарной маркировки бумажного производства, в нем указывались название фирмы и стоимость бумаги. Изменение имени владельца предприятия приводило к изменению информативного содержания штемпеля. Основываясь на этом, можно датировать штемпель, а вместе с ним и бумагу. Датировка штемпеля будет более точной, если она сопоставляется с датировкой филиграни. Штемпель и филиграни удержались на почтовой и писчей бумаге вплоть до первой четверти XX в. Справочный материал, помогающий их датировать, содержится в работах С.А.Клепикова[1].

---

[1] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. — М., 1959; *Клепиков С.А.* Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX—XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 год. — М., 1968.

С конца XVIII в. бумагу стали подкрашивать преимущественно в синие тона. Плотные сорта синеватой бумаги датируются концом XVIII – началом XIX в. Бумага более густого синего цвета характерна для второй четверти XIX в.

С введением во втором десятилетии XIX в. машинного способа производства бумага стала более гладкой, плотной, могла иметь штампованные водяные знаки и машинный обрез. Во второй половине XIX в. Россия приступила к производству бумаги из тряпья с примесью механической древесной массы и целлюлозы. Качество бумаги зависело от состава бумажной массы. Бумага, изготовленная из чистого льняного тряпья, имела высокую прочность, плотность, эластичность, хорошую звучность. Применение хлопчатобумажного тряпья делало бумагу рыхлой и поэтому малозвучной. Включение в состав бумажной массы примеси целлюлозы улучшало внешний вид бумаги, но снижало ее прочность. Механическая древесная масса ускоряла пожелтение бумаги, увеличивала ее шероховатость и ломкость.

В конце XIX – начале XX в. писчая бумага подразделялась на несколько сортов, обозначенных особой нумерацией, помещаемой на штемпеле. Под первым номером выпускалась бумага высшего сорта, сделанная из тряпичного сырья. По мере увеличения примесей к тряпью и ухудшения качества бумаги номера понижались от второго до девятого.

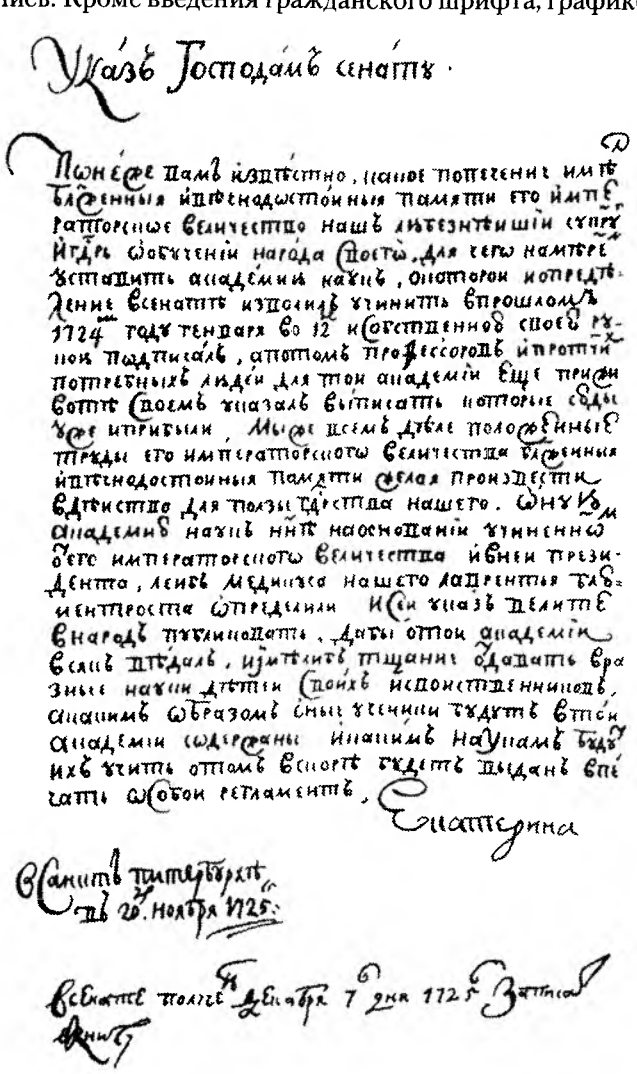
Производственная практика выдвигала определенные требования к качеству бумаги в соответствии с ее назначением. Например, с 1904 г. военные ведомства стали использовать для документов вечного хранения бумагу под первым номером, для документов, подлежащих хранению 15 лет и более, – бумагу под вторым номером На бумаге под четвертым номером в военных ведомствах писались документы, не требующие хранения.

В годы гражданской и Великой Отечественной войны бумажная промышленность испытала большие трудности. Ухудшение качества бумаги может служить важным палеографическим признаком, помогающим в датировке источников военных лет.

Графика письма. Графика скорописи XVIII в. испытала на себе влияние нескольких факторов. Главнейшим из них было введение гражданского шрифта. До 1708 г. книги печатались церковнославянским шрифтом, изобретенным еще в XVI в. первопечатником Иваном Федоровым. В основе этого шрифта лежал рукописный полуустав с замысловатым начерком букв, с написанными под титлом сокращенными словами, с буквами греческого алфавита типа «кси», «пси», «ижица»

Гражданский шрифт был более простым. Некоторые буквы — дубли, обозначавшие цифры, были из него выброшены. Форма литер (букв) гражданского алфавита была упрощена. Существует мнение, что первооснову гражданского шрифта составило скорописное письмо начала XVIII в., переработанное на основе латинской антиквы — шрифта.

Новая азбука вызвала к жизни и новую, ориентированную на нее скоропись. Кроме введения гражданского шрифта, графике которо-



Указ господам сенату Екатерины I

го стали подражать в рукописях, на скоропись XVIII в. оказало влияние коренное изменение делопроизводства, выработка приемов особого «писарского почерка». В XVI–XVII вв. развитие делопроизводства в городах находилось в руках подьячих, в сельской местности – церковных дьячков. Систематического обучения не было. При Петре I под контроль государственных органов было поставлено написание деловых бумаг Будущих канцелярских служащих стали обучать порядку делопроизводства, стандартному рукописному письму, началам грамматики и арифметики.

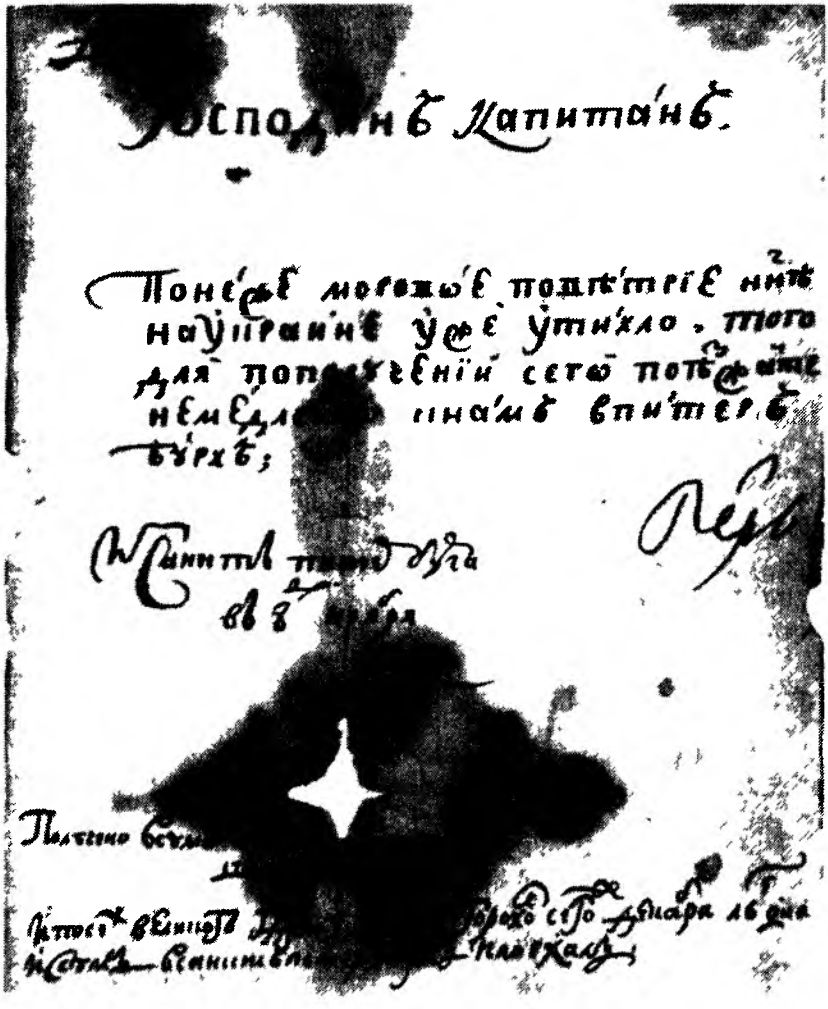
Громадное влияние на графику второй половины XVIII в. оказало издание в 1755 г. «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Создание в 1780-х гг. общеобразовательных школ (главных и малых народных училищ) вызвало к жизни издание пособий по чистописанию. В 1787 г. вышло «Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах» В 1789 г. появилась «Азбука российского чистописания, расположенная на французский манер».

Развитие скорописи XVIII в. традиционно принято делить на два этапа. скоропись первой половины XVIII в., которая характеризовалась многообразием начерков, и скоропись второй половины XVIII в , отличающаяся стандартизацией графики. Однако скоропись первой четверти XVIII в. значительно отличается от скорописи не только конца столетия, но и второй четверти XVIII в. Основываясь на этих наблюдениях, А.Т.Николаева предложила выделить в развитии скорописи XVIII в. три этапа. скоропись первой четверти, скоропись второй четверти, скоропись второй половины XVIII в. (примерно со времени выхода в свет «Российской грамматики» М.В. Ломоносова).

Скоропись первой четверти XVIII в характеризовалась сочетанием ярко выраженных рукописных традиций XVII в. с элементами графики XVIII в. Традиции предшествующего периода, более заметные в провинциальных учреждениях, сказались в использовании старых орфографических приемов, начерках отдельных букв, в манере написания взметов и выносных букв, в беспорядочном использовании заглавных букв и знаков препинания.

Элементы нового были видны прежде всего в отходе от размашистого написания отдельных букв к их четкому написанию, как бы подражающему графике гражданского шрифта.

Скоропись второй четверти XVIII в. обнаруживала уже меньшее влияние традиций XVII в. В ней ярче проявились элементы нового, чем старого. Она характеризовалась уменьшением размашистости начерков, сокращением разновидностей выносных букв, из числа которых в первую очередь стали исчезать «б», «к», «л», «р». Во второй четверти XVIII в. продолжала развиваться тенденция к умень-



Письмо Петра I. 1719 г.

шению вариантных особенностей букв и к упрощению их начерков. Частым стало использование лигатур, в основе написания которых лежала более упрощенная графика двух рядом стоящих букв. Для второй половины XVIII в. характерны упрощение графики, стандартизация и приближение к современному написанию подавляющего большинства строчных букв: а, б, д, е, з, к, л, м, р, т, у, ф, х, ы, ь, ю, я. Одновременно с этим продолжало сохраняться графическое разнообразие букв: в, ж, с, ч, ъ. Буквы «в», «к», «и» могли сохранять графику XVII в.

131

Указъ Господамъ сенату.

Понеже вамъ извѣстно, какое попечение имѣ
блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его импе
раторское величество нашъ любезнѣйшій супругъ
и гдрь о обученіи народа своего, для чего намѣре
ставить академию наукъ, о которой и предѣ
ление в сенатѣ изволилъ учинить, е прошломъ
1724 году генваря во 12 и собственною своею ру
кою подписалъ, а потомъ профессоровъ и прочихъ
потребныхъ людей для той академіи еще прижи
вотѣ своемъ указалъ выписать, которые суды
уже и прибыли; Мы же всемъ дѣйствие положенные
труды его императорского величества блаженныя
и вѣчнодостойныя памяти желая произвести
в дѣйство для пользы гдрства нашего. Ѡнуюю
академию наукъ нынѣ на основаніи учиненномъ
от его императорского величества и в ней прези
дента, леиб медикуса нашего лаврентья блю
ментроста ѡпределили. И сей указъ велите
в народъ публиковать, дабы о той академіи
всякъ вѣдалъ, и имѣлиб тщание отдавать вра
зные науки дѣтей своихъ и своихъ и своихъ
а какимъ образомъ оные ученики будутъ в той
академіи содержаны, и какимъ наукамъ будутъ
ихъ учить, о томъ вскорѣ будетъ выданъ спе
чать особой регламентъ;

Екатерина

В Санктъ Питербурхѣ
въ 20 ноября 1725.

13

В сенатѣ получ. декабря 7 дня 1725 [illegible]

Указ Екатерины I о назначении президентом Академии наук Л.Л.Блюментроста. 1725 г.

Резко сократилось число выносных букв. Их начертания упростились и приблизились к начертанию строчных букв. В конце XVIII в. выносные буквы почти вышли из употребления. Разнообразятся варианты скорописных лигатур. Письмо развивается в сторону связного написания букв в слове. Слова в строке пишутся раздельно.

Из знаков препинания использовались точка, запятая, двоеточие. Правильность их расстановки зависела от образованности писца.

Стандартизация букв и манеры письма приводит к тому, что к концу XVIII— началу XIX в. в скорописи вырабатываются два типа письма: более замедленное, квадратное — *академическое* письмо и ускоренное, округлое — *канцелярское*. Последнему были свойственны двунажимность и небольшой наклон. В конце XVIII—XIX в. в круглом канцелярском письме выделились три почерковые особенности, получившие в обиходе свои названия: 1) «немецкий» почерк, характеризовавшийся прямотой, остроконечностью и элементами готической декоративности букв; 2) «английский» почерк, отличающийся ровным, круглым, связным написанием всех букв в слове; 3) «французский» почерк, одной из разновидностей которого был «ронд» — круглый почерк. Его своеобразие выработалось в процессе использования пера «рондо», имеющего закругленный конец.

Датировка скорописных текстов второй половины XVIII—XIX в. в значительной степени исходит из наблюдений над знаками препинания, орфографией и другими грамматическими особенностями текстов. Например, после выхода в свет «Российской грамматики» М. В. Ломоносова в скорописных текстах стали соблюдаться правила расстановки знаков препинания и раздельного написания предлогов с именами существительными и прилагательными. Такое же значение для наблюдения над появлением новых грамматических особенностей рукописей имеет появление «Практической русской грамматики» Н.И.Греча и «Русской грамматики» А.Х.Востокова.

Следует учитывать и те изменения, которые происходили в алфавите. Например, после введения гражданского шрифта в 1708 г. из скорописи стали постепенно исчезать юсы, йотованные буквы, а также греческие буквы «кси», «пси», «омега». Во второй четверти XVIII в. в алфавит вошли «Э оборотное», «Й краткое». В 1918 г. из алфавита были исключены «і десятеричное», «фита», «ять», «ижица» и твердый знак после твердой согласной в конце слова.

При работе с историческими источниками XVIII—XX вв. возрастает значение палеографических наблюдений над авторскими текстами. Методические приемы установления авторства и подлинности рукописей, сохранившихся полностью или в отрывках, тре-

При записке въ Университетъ показаны изъ дворянъ, съ чего и по спискамъ числятца, а подлинноль изъ Россійскихъ дворянъ, по Университету неизвѣстно.

№	Имена	Лѣта	Съ котораго времени вступили въ Университетъ	Съ котораго времени вступили въ Студенты	Какимъ языкамъ и наукамъ обучались и какъ далеко въ оныхъ дошли.	Какого обхожденія въ благонравіи.	Кто какую стипендію и тѣлѣ жаніе къ наукамъ имѣетъ.
1	Левъ Остаповъ, Дворцовой Конюшенной Канцеляріи Прапорщика Ефима Остапова сынъ	19	1755. года Августа 21 дня.	1760 года Апрѣля 26. дня, но находился еще въ отборномъ классѣ Гимназіи 1763 года Іюня по 30 число.	Обучался въ Гимназіи съ самаго начала Латинскому языку, началамъ Философіи, Реторики, Поэзіи и Ариѳметикѣ; а въ Университетѣ обучается Метафизикѣ, Исторіи Универсальной, и Краснорѣчію Латинскому и Россійскому. Знаетъ хорошо Латинской языкъ. Успѣхи въ Гимназіи оказалъ хорошіе, которыхъ отъ него и въ Университетѣ не меньше ожидать можно.	Поступокъ изрядныхъ.	Понятіе и прилѣжаніе имѣетъ
2	Михайло Баталзинъ Рязанскаго пѣхотнаго полку Капитана Василья Баталзина сынъ.	22	1756. года Генваря 26. дня.	1760. года Апрѣля 26 дня, но находился еще въ отборномъ классѣ Гимназіи 1761. года по 26 число Апрѣля	Обучался въ Гимназіи съ начала Латинскому языку, началамъ Реторики, Поэзіи, Философіи и чистой Математики; а въ Университетѣ окончалъ Логику, Философію Нравоучительную и Краснорѣчіе Латинское и Россійское. Нынѣ обучается Метафизикѣ, Исторіи Универсальной, чистой Математикѣ, Физикѣ Экспериментальной и Минералогіи и Химіи Металургической. Знаетъ хорошо Латинской языкъ. Успѣхи имѣетъ довольные.	Поступокъ честныхъ.	Понятенъ и прилѣженъ

Ведомость Императорского Московского Университета

буют изучения индивидуальных особенностей отдельных почерков и знания приемов их сравнения.

Анализ почерка требует проведения наблюдения над: 1) степенью автоматизма письма, т.е. над его выработанностью; 2) графикой каждой буквы, манерой написания лигатур, переноса слов; 3) степенью сжатости и размахом написания букв, их высотой и шириной; 4) углом наклона букв, нажимом пера.

Известное значение в выявлении почерка имеют наблюдения над стилистическими и орфографическими особенностями письма. Необходимо также помнить, что почерк у одного и того же лица, сохранив в основе свою индивидуальность, может иметь варианты, особенности, которые зависят от возраста, состояния здоровья пишущего, условий написания (позы), характера записей (черновых, чистовых).

Наблюдения за особенностями отдельных почерков важны при подготовке публикаций авторских материалов и широко практикуются историками и филологами.

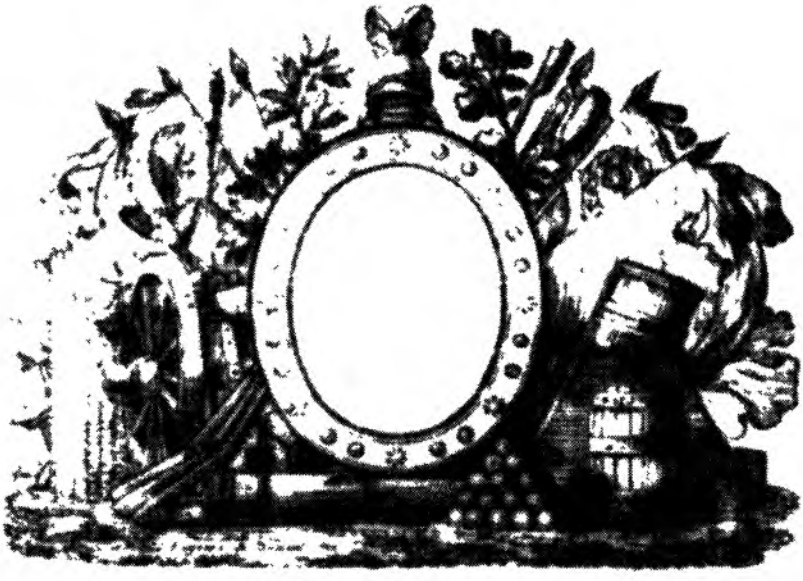
Украшения рукописей. Распространившийся со второй половины XVII в. орнамент «московское барокко» удерживался в рукописях и в XVIII в. На его базе складывается так называемый «поморский» стиль, который находит широкое применение в XVIII—XIX вв. в книгописании старообрядцев Русского Севера. Этот стиль характеризовался рельефным изображением трав и цветов, даваемых на золотом фоне.

В середине XVIII в. в рукописях светского характера (например, в модных в высшем свете альбомах стихов), некоторых памятниках церковного характера распространился орнамент *рококо*. Для заставок этого стиля было характерным отсутствие рамы, наличие украшений в виде медальонов, раковин, виньеток.

Во второй половине XVIII в. появились украшения рукописей, выполненные в *стиле Людовика XVI*. Их содержание составляли цветы, преимущественно розы, вазы с цветами, корзины с фруктами, рога изобилия.

В первой половине XIX в. в рукописях встречается художественный стиль *ампир*, в основу которого были положены символические изображения государственной и военной жизни поздней Римской империи. Заставки этого стиля наполнены изображениями симметрично расположенных по отношению к центру доспехов, оружия, знамен, лавровых и дубовых венков.

Художественные стили рококо, Людовика XVI и ампир нашли воплощение в архитектуре дворцов, дворцовых интерьеров, мебели.



Украшение в стиле ампир французского издания 1808 г.

Миниатюра. Миниатюра XVIII в. отличалась большим разнообразием. Влияние станковой живописи сказалось в более реалистическом изображении людей, пейзажей, зданий. Новые художественные стили — рококо, Людовика XVI нашли отражение и в изображении некоторых деталей на миниатюрах (например, мебели, зданий). Цветовая гамма миниатюр обогатилась новыми красками: ярко-лиловой и кармином. В XVIII в. появилась книжная гравюра, вытеснившая миниатюру. В XIX в. практика украшения рукописей миниатюрами сохранилась у старообрядцев.

В источниках светского характера большой интерес представляют рисунки, сделанные на полях авторских рукописей известными писателями и поэтами. Изучение манеры, стилевых особенностей этих рисунков помогает в определении подлинности и авторства рукописей, особенностей творческого процесса автора.

Формат рукописей. С начала XVIII в. столбцовая форма делопроизводства изживается. По указу Петра I делопроизводство переходит к использованию больших листов бумаги, связанных в «дестевые» тетради. В целях экономии бумаги записи нередко делаются с обеих сторон документа. В XVIII — первой половине XIX в. наиболее распространенный формат рукописей был представлен кни-

гами, тетрадями и полными (четырехстраничными) листами. Формат документов более позднего периода характеризовался еще большим разнообразием: от книг и тетрадей до отдельных листов различной величины. В конце XIX – начале XX в. особым разнообразием отличались форматы бланков государственных ведомств и учреждений, которые делались на заказ. В начале XX в. наиболее распространенным для нужд письма считался формат писчей бумаги размером 220 × 350 мм.

Орудия письма и чернила. До первой половины XIX в. главным орудием письма было птичье перо. В 1830-х гг. в России появляются привозные металлические перья. Переход от гусиных перьев к металлическим был постепенным и первоначально захватил Москву и Петербург, затем крупные города и в последнюю очередь сельские местности. В школьной практике стальное перо стало утверждаться только с 1880-х гг. Переход к стальным перьям имел итогом убыстрение и большую индивидуализацию письма. Кроме стальных перьев, в XIX в. употреблялись карандаши.

В XVIII–XIX вв. изменился химический состав *чернил*. Уже в XVII в. для их изготовления вместо ржавых металлических предметов стали использовать купорос. Чернила имели коричневый и бурый оттенок. В 1880-х гг. появились ализариновые чернила фиолетового оттенка.

Краткие выводы. От XVIII–XIX вв. осталось громадное количество источников. Палеографические наблюдения производятся над деловыми бумагами, книгами, рукописным наследием выдающихся государственных и политических деятелей науки и культуры.

В XVIII–XIX вв. палеографическими приметами бумаги, кроме водяных знаков, становятся гербовое клеймо, цвет, а также различные свидетельства машинного производства бумаги: машинный срез, штамповка водяных знаков, штемпели. На протяжении XVIII в. графика проходит длительную эволюцию в сторону упрощения и стандартизации начерков большинства букв. В конце XVIII – начале XIX в. вырабатываются и получают распространение несколько почерковых вариантов скорописного письма. В XVIII и особенно начиная с XIX в. большое значение для палеографических выводов приобретают наблюдения над отдельными почерками. Изучение скорописи со второй половины XVIII в. необходимо проводить с учетом орфографических и синтаксических правил. В плане комплексного использования всех палеографических примет для XIX в. особое значение приобретают наблюдения за чернилами и орудиями письма.

АРХЕОГРАФИЯ

Археография — прикладная историческая дисциплина, разрабатывающая правила и методы издания исторических источников. Задачей археографии является: выявление, отбор, транскрипция и приемы передачи текстов, исследование этих приемов в их сравнительно-историческом развитии, составление научно-справочного аппарата, организация публикаторской работы.

Из истории развития археографии

Первоначально археография развивалась как практическая дисциплина. Уже в XII—XVII вв. составители летописей и актовых материалов использовали другие источники или их фрагменты. В царских грамотах нередко давались выдержки из воеводских отписок, а также челобитных, в летописных сводах — материал предшествующих летописей.

Возникновение археографии как научной дисциплины было связано с деятельностью В.Н.Татищева, подготовившего в 30-х гг. XVIII в. первые публикации «Русской правды» и «Судебника 1550 г.». В «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н.Татищев широко цитировал русские летописи, фактически опубликовав некоторые из них. Ко второй половине XVIII в. относится публикация духовных и договорных грамот князей, материалов посольств, сделанная Н.И.Новиковым[1]. Н.И.Новиков сформулировал научные требования к публикации источников: точную передачу текста, комментирование неясных мест, перевод старого летосчисления на новое, обозначение отточием (многоточием) пропусков в тексте, редакционные заголовки к публикуемому тексту, указание на место хранения источника и т. д.

Н.И.Новиков не смог реализовать все предложенные им требования к публикации источников, но они были учтены в последующем развитии археографии, в частности в издательской деятельности Общества истории и древностей Российских при Московском императорском университете, Комиссии печатания государственных грамот и договоров, Археографической экспедиции и Русского исторического общества и др.

Огромный вклад в развитие археографии в XIX — начале XX в. был внесен историками и археографами П.М.Строевым, Я.И.Бере-

---

[1] *Новиков Н И* Древняя Российская вивлиофика — СПб , 1773—1775 — Т I—X, 2-е изд — М , 1788—1791 — Т I—XX

никовым, Н.В.Калачовым, А.А.Шахматовым, Д.Я.Самоквасовым, Н.Н.Оглоблиным, С.Б.Веселовским, А.З.Мышлаевским и др. Ими было выявлено и введено в научный оборот громадное количество источников, намечены основные методы передачи текста в зависимости от времени его происхождения, выдвинуты требования составления заголовков и указателей к публикациям. Особенно много было сделано в развитии приемов издания летописей: порядок классификации летописных списков на разряды, выбор для публикации основного списка, соотношение с ним вариантов из других списков, составление примечаний и т. д. Опыт издания исторических источников до революции наиболее полно был обобщен А.С.Лаппо-Данилевским в «Правилах издания сборника грамот Коллегии экономии».

Однако, несмотря на большие достижения в области издания источников, вплоть до 20-х гг. XX в., в области археографии отсутствовали как теоретические работы, так и специально разработанные методики публикации. Это привело к тому, что приемы издания даже однородных документов отличались разнобоем и отсутствием единого научного подхода.

Послереволюционная археография начала свое развитие с публикаций советских документов, секретных материалов царского и временного правительства, произведений классиков марксизма-ленинизма. Выявлением, сбором и публикацией источников занимались Комиссия по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (образована в 1920 г.), Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ).

Продолжали издаваться и исторические источники более раннего периода. Большую работу в этом направлении проделали Историко-археографическая комиссия и Институт истории АН СССР, которыми были изданы многотомные сборники «Крепостная мануфактура в России», «Материалы по истории народов СССР» и др. и продолжены дореволюционные выпуски «Полного собрания русских летописей», «Писем и бумаг Петра Великого» и др.

В археографической работе АН СССР крупную роль сыграли Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев, А. И. Андреев, В. В. Максаков, М. Н. Тихомиров, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин.

Важное место в выявлении и публикации источников имели архивы и архивные органы. Ими были изданы многотомные серии документов о крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, «Восстание декабристов», «Международные отношения в эпоху империализма» и др.

Публикаторская деятельность осуществлялась параллельно с выработкой и совершенствованием единых научных правил издания источников. Начало этой работы было положено выходом в свет

«Сборника декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу» (М., 1921). В составлении сборника приняли участие известные историки В.Г. Дружинин, С.Ф. Платонов, А.А. Шахматов, которые предложили методики передачи фонетической и письменной особенностей публикуемых источников в зависимости от времени их составления.

Опыт издания документов 20-х — середины 30-х гг. получил обобщение в опубликованном в 1935 г. проекте «Правил издания документов Центрального архивного управления СССР», в котором содержались требования более критического подхода к публикациям и их классовой оценке. Тогда же подготовка издания источников русского средневековья потребовала дальнейшего совершенствования публикаторских приемов. В 1936 г. Б.Д.Греков, К.Н.Сербина и др. разработали «Правила издания документов XVI—XVII вв.». Новым в них было более усовершенствованная методика орфографической передачи текста и введение особого раздела о способах сокращенной передачи публикаций путем обобщения содержания источников в документальные таблицы и регесты[1].

В 1936 г. архивистом и историком А.А.Шиловым было составлено и издано «Руководство по публикации документов XIX — начала XX в.». В нем определялись требования публикации, выявления и отбора источников данного периода.

Последующие правила издания исторических источников в значительной степени перерабатывали и существенно дополняли разработки предшествующего периода. В них уделялось большое внимание научному и методологическому подходу к отбору источников для публикации, большему единообразию их археографической обработки и строгому подходу к передаче текста[2].

В настоящее время наиболее современными и полно отражающими приемы публикации исторических источников разных эпох являются «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1990), разработанные и изданные Главным Архивным управлением, Всесоюзным научно-исследовательским институтом доку-

---

[1] *Регест* — особая форма изложения документа с сохранением его языка и по возможности структуры. Регесты выполняют две функции: 1) научно-информационную — о наличии и содержании документа; 2) при передаче содержания однотипных документов заменяют их публикацию.

[2] Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда СССР. — М., 1945; Правила издания исторических документов. — М., 1955; 2-е изд. — М., 1956. Правила издания документов советского периода. — М., 1960. Правила издания исторических документов в СССР. — М., 1969. Отбор исторических источников для публикации в различных типах и видах документальных изданий. — М., 1986.

ментоведения и архивного дела, Центральными государственными архивами СССР, Археографической комиссией АН СССР.

В Правилах содержится расширенное и конкретизированное определение изданий научного, научно-популярного и учебного характера. Особое внимание уделяется вопросам методики подготовки документальных изданий и отбора документов для публикации. Расширена информация о выявлении статистических материалов, военной документации, документов, опубликованных в периодической печати, и т. д.

Показаны приемы передачи особенностей текста исторических источников до конца XVIII в., а также нового и новейшего времени с учетом современной археографической практики. Уделено должное внимание правилам составления регестов, определен вид и тип документов, подлежащих регестированию, и материал о сокращенной передаче содержания документов табличным способом. Обращается внимание на особенности научно-справочного аппарата. Правила нацелены на максимально точную передачу текстов публикуемых источников.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ТЕКСТОВ ИСТОЧНИКОВ XII — КОНЦА XVIII вв.

Историку необходимо овладеть элементарными правилами транскрипции и передачи текстов источников. Как правило, молодой исследователь имеет дело с публикациями. В этом случае знание археографических приемов расширяет его представление об оригиналах публикаций. Вместе с тем, многие студенты для написания дипломных работ все чаще используют архивные материалы. Цитирование любого источника, извлеченного из архивного фонда, требует не только умения его прочтения и критики, но и соблюдения определенных археографических правил.

Далее в общих чертах приводятся правила транскрипции и публикации источников XII — конца XVIII в. Основными принципами изданий источников этого периода является то, что требования, предъявляемые к их транскрипции и публикации, меняются в зависимости от датировки источников.

Текст рукописей до начала XVI в.

Текст древнейших книг и актов до начала XVI в. передается гражданским алфавитом с возможно более точной передачей старинной орфографии и графики букв.

1. Воспроизводятся буквенные знаки Кирилловской азбуки, отсутствующие в современном языке: і — десятиричное; ѣ — ять; ѳ — фита; ѡ — от; ѧ, ѩ, ѫ, ѭ — юсы.

2. Воспроизводятся буквосочетания, обозначающие один звук: ѹ — у; а также буквы, обозначающие сочетания звуков: ѯ — кси; ѱ — пси; ъ — твердый знак в конце слова после твердой согласной.

3. Слитно написанный рукописный текст передается с разделением на слова. Возможные варианты словоотделения приводятся в примечаниях под текстом.

4. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются по современному правописанию: а) выносные буквы вносятся в строку и выделяются курсивом; б) сокращенные буквы восстанавливаются в словах и заключаются в круглые скобки.

5. Знаки препинания расставляются по смыслу в соответствии с современными правилами их применения.

6. Киноварные (крупные буквы оригинала), инициалы (крупные заглавные буквы), заглавия, написанные красками, выделяются полужирным шрифтом. При этом в аннотации необходимо указание на виды красок: киноварь, охра, сурик, золото и т. д.

7. Особым разделительным знаком // показывается начало новой строки оригинала

Текст рукописей XVI— XVIII вв.

1. Текст рукописных книг и документов передается буквами современного алфавита с соблюдением правописания подлинника.

2. Опускается твердый знак после твердой согласной в конце слова и в середине слова, если он стоит между двумя согласными.

3. Буквы ѣ (ять), і — десятиричное, ѡ (от), ѳ (фита), ѯ (кси), ѱ (пси), ѵ (ижица), отсутствующие в современном алфавите, заменяются на е, и, о, ф, кс, пс. Ижица заменяется на «и» или «в» в зависимости от того, как она читается в слове.

4. Буква ѣ (ять) сохраняется при передаче рукописных текстов северных диалектов.

5. Сокращенные слова пишутся полностью без выделения в скобках сокращенных букв.

6. Выносные надстрочные буквы пишутся в строке без выделения их курсивом.

7. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию.

8. Обязательным при транскрипции оригиналов является соблюдение их фонетических (звуковых) и морфологических форм, считающихся для языка настоящего времени архаизмами.

Наиболее типичными старыми оборотами, встречающимися в палеографических текстах XII—XVIII вв., являются следующие:

— отсутствие согласования существительного и определения: «Се аз княгини великая Софья»,

— окончание «ом», «ем» пишется вместо «ам», «ям» в дательном падеже существительных множественного числа: «дворяном московским», «монастырским людем», «великим государем», «да дьяком думным»,

— предложный падеж существительных множественного числа мужского рода имеет окончание «ех», вместо «ах»: «в городех»,

— существительные женского рода в винительном падеже имеют окончание «а» вместо «у»: «А поняти мне их сестра Олена Михайлова дочь Ржевского»,

— творительный падеж существительных множественного числа мужского рода оканчивается на «ы», «и» вместо «ами», «ями»: «с товарыщи»,

— в уменьшительных именах, оканчивающихся на «шка», «ка», родительный падеж единственного числа оканчивался на «а», а не на «и»: у Ивашка, у Данилка, у Кондрашка,

— вместо окончания «ого» в числительных употреблялось окончание «аго»: «втораго», «шестаго», «семаго», «осьмаго»,

— вместо окончания «ого» писалось окончание «ово»: «каменово города», «нечево», «бедново и беспомошново»,

— неопределенное наклонение глаголов, а также третье лицо единственного числа писались с окончанием «тца» вместо «ться»: «объявятца на Москве», «Петрушка называетца не своим имянем», «изволила постритца»,

— использование сокращенного написания местоимений: «мя», «тя», «ми» вместо «меня», «тебя», «мне»,

— прилагательные единственного числа мужского рода в именительном падеже оканчивались на «ой», «ей» вместо «ый», «ий»: «соборной старец», «Федоровской поп», «милостивой отец»,

— имена существительные и собственные, оканчивающиеся на «ий», часто писались через «ей»: «подъячей», «Монасей», «Дмитрей».

Отступления от оригиналов источников XVI—XVIII вв.

1. Тексты передаются с разделением на слове.

2. В соответствии с законченными в смысловом отношении отрезками текста с помощью красных строк выделяются абзацы.

3. Знаки препинания расставляются по смыслу в соответствии с современными правилами их применения.

4. Слова нового предложения и собственные имена пишутся с заглавной буквы.

5. Буквы-цифры, обозначающие цифры в документах, передаются арабскими цифрами. Порядковые числительные, архаичные формы передачи чисел передаются словами (например: полтретиядесяте, полчетверта).

6. При обозначении года буквами-цифрами падежные окончания порядковых числительных передаются через дефис: Лета 7150-го; во 188-м году.

7. При наличии в тексте документов постоянно повторяющихся и твердоустановившихся форм титулатуры или стереотипных формул вежливости возможно введение условных сокращений, которые указываются в археографическом предисловии или в ссылке. При передаче текста документов приняты следующие сокращения: царский титул полный — (п. т.), царский титул средний — (с. т.), царский титул краткий — (т.). Например, титул «царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу» может быть записан как «царю государю и великому князю Алексею Михайловичу... (т.)». «Его императорское величество» — е. и. в.; «Ваше величество» — в. в.; «милостивый государь» — м. г и т. д.

8. Сохраняются имеющиеся в тексте документов сокращения типа идеограмм: д. — двор; дрв — деревня; м. п. — место пустое; м — монастырь; ч — человек; поч. — починок.

Если в документе для обозначения определенного понятия идеограммы обведены чертой, то при их передаче они помещаются в кружке: дрв. — деревня; поч. — починок.

Аналогичные сокращения могут быть введены археографом при передаче архивного текста писцовых, переписных дозорных книг, в которых эти слова часто повторяются.

9. В документах раннего периода с правовым содержанием допустимо деление текста на статьи и их нумерация. О проведенной работе необходимо указать в археографическом предисловии или ссылке.

Текст документов XIX и XX вв. воспроизводится историками по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника, к которым относятся: 1) отдельные обороты речи; 2) отдельные слова, характерные для времени составления подлинника или употребляемые в определенных регионах страны; 3) сокращенно написанные слова, вошедшие в словарный состав языка и характерные для времени со-

ставления подлинника (например: агитпропработа, ликбез, партработа и т. д.).

С правилами археографической передачи текстов XIX и XX вв. рекомендуем ознакомиться по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Правила лингвистического издания

Правила лингвистического издания памятников письменности XVI, XVII вв. и более позднего времени[1] не соответствуют тем, которые приняты для исторических изданий этого периода. Это объясняется тем, что лингвистические издания ставят целью изучение процесса формирования русского национального языка, особенностей говора отдельных областей и некоторых сторон литературного языка. Поэтому тексты этих изданий XVI, XVII, XVIII вв. и более позднего времени передаются буква в букву с сохранением букв: ѩ, ѥ, ѣ, і, ѡ, ѧ, ꙋ, ѳ, ѕ, ꙁ, ѱ, ѯ. Выносные буквы пишутся в строке, выделяясь курсивом. Сокращенные слова пишутся как в оригинале: цр҃ъ, гдр҃ъ и т. д. Из надстрочных знаков воспроизводятся ударения, придыхания, имеющиеся в рукописных текстах. Знаки препинания подлинников сохраняются, даже если они стоят не на месте. Современные знаки препинания не ставятся Рукописные абзацы сохраняются. Буквенная цифирь не заменяется арабскими цифрами[2]

---

[1] Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности — М , 1961

[2] Для примера см издания, подготовленные Институтом русского языка АН СССР Московская деловая и бытовая письменность XVII века — М , 1968, Грамотки XVII — начала XVIII века — М , 1969, Памятники Московской деловой письменности XVIII века — М , 1981

Глава 2
НУМИЗМАТИКА

Нумизматика — историческая дисциплина, изучающая монетное производство, историю денежно-весовых систем и денежного обращения. Свое название она получила от греческого слова «номизма» (монета) в эпоху средневековья. Слово «монета» римского происхождения. Оно являлось одним из эпитетов римской богини Юноны («устроительница», «предупредительница», «советчица»), при храме которой в Древнем Риме существовал первый монетный двор. Этот термин нашел широкое распространение в Риме и средневековой Европе. На Руси же он стал употребляться при Петре I.

Монеты — оригинальный и важный исторический источник. «Отражение целого круга идей и понятий в изображениях и надписях, имена и даты, встречающиеся на монетах, их художественные и эпиграфические данные, материал и техника изготовления, вес — как элемент метрологии, счет денег и зависимость между монетами различных достоинств (монетные системы), отношения между монетами различных государств, монетные реформы — все это делает монеты очень благодарным материалом для разностороннего изучения экономической и политической истории народов, их материальной и духовной культуры»[1].

Появление монет — явление отнюдь не случайное, а вполне закономерное, обусловленное всем ходом исторического развития человечества. Деньги, денежная форма стоимости есть конечный результат развития всех форм стоимости.

Деньги возникают у кочевых народов. В результате первого крупного общественного разделения труда — выделения из массы варваров пастушеских племен — скот сделался главным предметом обмена. Срастание денежной формы стоимости с первобытной (скот) оставило глубокий след в первоначальных обозначениях денег как таковых и богатства вообще. Чтобы убедиться в этом, достаточно

---

[1] *Спасский И.Г* Русская монетная система — Л , 1962 — С 16, 17

вспомнить латинские и древнерусские названия денег. Латинское слово pecunia — деньги происходит от pecus — скот. В поэмах Гомера (VIII—VII вв. до н.э.) в качестве меры стоимости фигурирует бык Золотые доспехи, например, стоили 100 быков. Счет скота велся по головам, и латинское слово caput — голова явилось основой современных слов «капитал», «капитализм». Слово «скот» обозначало понятия денег, имущества, богатства. Аналогично обозначались они у англосаксов — sceat, готов — skatts, в древненемецком языке — skat. На Руси «скотъ» — это не только домашние животные, но и имущество, богатство, деньги. Казнохранилище называлось «скотьницей», а ее хранитель, казначей — «скотьникъ».

Необходимо подчеркнуть, что скот был не единственным видом денег, и наряду с ним первобытными деньгами служили самые разнообразные предметы: меха, шкуры, ткани, различная утварь, раковины, бусы и другие украшения, соль, рыба, чай и многие другие предметы. Среди различных видов первобытных денег особой популярностью пользовались раковины мелкого моллюска, добывавшиеся в Индийском и в западной части Тихого океана — каури (на Руси — ужовка). С глубокой древности и в ряде мест до XX в. они использовались как украшения и являлись средством обмена у многих народов Европы, Азии, Африки и островов Тихого океана.

Также очень широко в качестве всеобщего эквивалента использовались меха. Об этом их использовании в Древней Руси свидетельствуют некоторые названия денежных единиц — куна, веверица. В Северной Америке меха служили деньгами еще в начале XVIII в.

С расширением обмена для выполнения функции всеобщего эквивалента появился особый товар, по самой природе своей наиболее пригодный для этой цели, — благородные металлы. Они очень быстро вытеснили из обращения различные виды неметаллических денег. Первоначально золото и серебро обменивали просто по весу в виде слитков.

Переход от употребления денег в форме слитков самой разнообразной формы (бруски, пруты, кольца и др.) к чеканной монете явился результатом подъема производства на более высокую ступень, когда обмен стал жизненно необходим для передовых в экономическом отношении стран и народов

В чем заключались преимущества металлических денег перед любыми формами примитивных средств обмена? Наиболее существенное из них состояло в том, что металлические деньги практически не подвергались порче и их можно было хранить в качестве сокровища сколь угодно длительное время. Во-вторых, обладая большим весом в малом объеме, они значительно облегчали свою транспортировку. Наконец, они легко делились на части, превращаясь в

деньги меньшей стоимости, что очень облегчало производство мелких торговых операций. Во многих странах обращение различных видов металлических денег, прежде всего слитков, предшествовало появлению собственно монет. В Греции до введения монеты обращались железные прутья, называвшиеся оболами. Шесть прутьев составляли драхму (пучок, горсть). Драхмой впоследствии стала называться древнегреческая серебряная монета. В древней Италии до появления монет деньгами служили медные слитки, в большом числе (около 300 кг) найденные в целебном священном источнике Аква Аполлинарис. В Северном Причерноморье около древнегреческой колонии Ольвии найдены клады бронзовых наконечников стрел, отличавшиеся от боевых, — у них не было втулки, а лопасти были тупые. Их единственным назначением было обслуживание мелкой розничной торговли. При сохранении формы наконечника стрелы они по сути своей являлись уже монетами.

Не случайно древнейшие чеканенные монеты появились именно там, где обмен был наиболее интенсивным, — в греческих колониях Малой Азии, являвшихся торговым стыком между малоазиатскими государствами и Грецией. Вопрос о конкретном центре, где впервые приступили к чеканке монет, является спорным. В настоящее время принято считать, что первые монеты появились в Китае в XII в. до н.э., а затем — в начале VII в. до н.э. в малоазийском государстве Лидия в правление царя Гигеса. Эти лидийские монеты чеканились из электра — естественного сплава золота и серебра. Форма их еще не круглая, а бобовидная. Изображение на лицевой стороне заменено желобками, а с другой стороны тремя прямоугольными вдавлениями, являющимися следами примитивного верхнего штемпеля. Вероятно, несколько позднее появляются монеты на греческом острове Эгина, но эгинская весовая система очень широко распространяется в конце VII в. до н.э. В отличие от лидийских, эгинские монеты чеканились из серебра, а их форма близка к шарообразной. На лицевой стороне этих редких эгинских статеров изображена черепаха. В Северном Причерноморье первые монеты начали чеканить в Ольвии в конце VI в. до н.э.

Первые *монеты из золота* стал чеканить знаменитый лидийский царь Крез в VI в. до н.э. Практически одновременно с чеканенными появляются монеты, отлитые в специальных формах.

Древнейшие монеты, отлитые в Китае из бронзы в форме маленьких мотыг и лопат, а также дисков, предположительно датируются еще более ранним временем — XII—VIII вв. до н. э. Возможно, что столь же древними являются первые монеты Индии и Ассирии.

Очень скоро основными монетными металлами стали золото и серебро, а медь и бронза обслуживали мелкие торговые операции на местных рынках.

Соотношение стоимости золота и серебра никогда не было постоянным, но, как правило, устанавливалось в законодательном порядке. В античное время, например, оно колебалось от 1:10 до 1:16, в начале XX в. – 1:38–1:39. Западнофранкский король Карл Лысый в IX в. специальным эдиктом установил соотношение между золотом и серебром как 1:12, а английский король Генрих III (1207–1272) – как 1:10.

Следует особо подчеркнуть, что первые монеты, как правило, служили и весовыми единицами. Поэтому названия древних монет часто совпадают с наименованием весовых единиц. Однако вес монет очень скоро менялся и от первоначального веса оставалось лишь название. Поэтому исключительно важно при анализе денежных обозначений, встречаемых в источниках, учитывать разницу весового содержания драгоценного металла в денежных единицах в различные периоды их истории.

В своих исследованиях нумизматика соприкасается с целым рядом других дисциплин – историей, археологией, политической экономией, историей искусства, историей права, метрологией, сфрагистикой, эпиграфикой и др. В ряде случаев только лишь на монетах сохранились названия исчезнувших городов и государств, имена их правителей. Например, именно по монетам были дополнены целые ряды династов Бактрии и Парфии, царей Боспорского царства и ханов Золотой Орды. Большую роль сыграло изучение шейбанидских монет для реконструкции товарно-денежных отношений и политической истории Средней Азии XVI в. Исследование чекана так называемого «безымянного царя, великого спасителя», известного только по монетам, проливает свет на проблему происхождения Кушанского государства. Этот царь отождествляется с основателем царства Кадфизом I.

Монеты являются важнейшим, а иногда единственным источником по истории экономики, товарно-денежных отношений и торговых связей.

Монеты, найденные при археологических раскопках в культурном слое поселений или в могилах, – прекрасный датирующий материал. Нумизматика важна и для источниковедения – анахронистические употребления названий монет или других денежных терминов в различных документах или других письменных источниках заставляют усомниться в их подлинности.

Монеты могут служить источником для решения ряда проблем исторической хронологии, например для определения херсонесской эры (в античном Херсонесе), являющейся дискуссионной.

Нумизматика неразрывно связана с метрологией. Эта связь исторически предопределена тем обстоятельством, что на ранних

этапах развития денежных единиц они совпадали или по крайней мере являлись четко фиксированной частью весовых единиц. Метрологическое изучение монет и денежного счета в настоящее время стало неотъемлемой частью нумизматического исследования.

Изображения на монетах государственных и личных гербов, а также различных геральдических фигур определяют связь нумизматики со сфрагистикой и геральдикой.

Монеты, сами по себе являясь памятниками искусства мелкой пластики, дают прекрасный и обильный материал для истории искусства. Они донесли до нас целые портретные галереи исторических лиц, изображения различных памятников архитектуры, в том числе и безвозвратно исчезнувших, отразили в своих рисунках мифологические сюжеты, бытовые сцены, изображения фантастических и реальных животных — зверей, птиц и рыб, растений и т. д. Только благодаря монетам мы можем составить определенное представление о погибших скульптурах гениального Фидия — Афины Промахос, украшавшей афинский акрополь, и Зевса в храме Олимпии.

Легенды — надписи на монетах — важнейший эпиграфический источник. Наши первые отечественные монеты — златники и сребреники — являются древнейшими памятниками русской письменности.

Основными задачами нумизматики являются изучение истории монетного дела, определение монетных норм, реконструкция денежно-весовых систем, установление состава и характера денежного обращения, динамики его развития.

Процесс нумизматического исследования многогранен, он включает в себя всестороннее изучение монет — их веса, размера, состава металла, изображений, надписей. Анализ технических данных монет дает возможность реконструировать технику их изготовления. Анализ распространения находок отдельных монет и монетных кладов позволяет делать важнейшие выводы по истории экономики, денежного обращения, торговли и торговых путей древности и средневековья. Изучение веса монет (денежная метрология) открывает возможности для выявления денежных реформ даже в тех случаях, когда о них не сохранилось абсолютно никаких сведений в письменных источниках, а также для выявления метрологических закономерностей в развитии монетных норм.

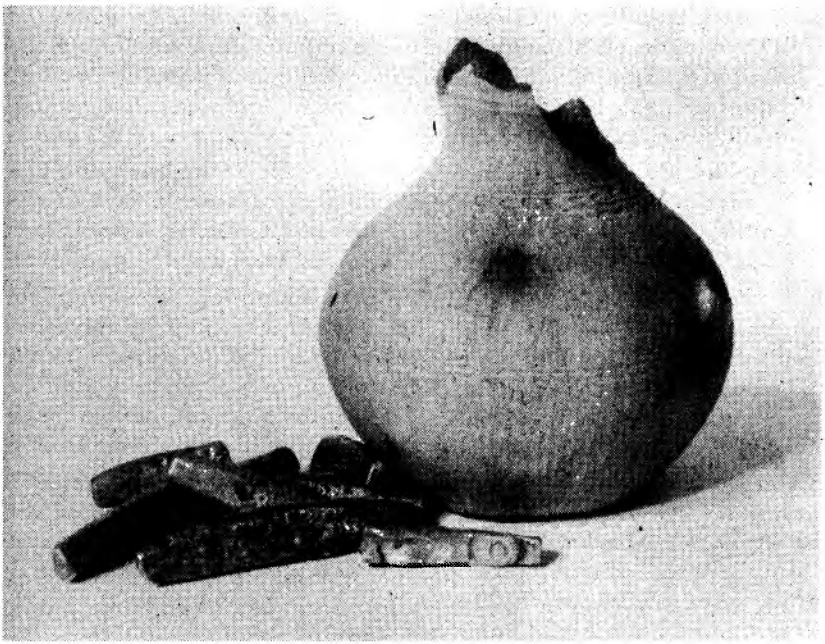
В процессе своего развития нумизматика вырабатывает и совершенствует собственную методику исследования. В основе изучения любой совокупности монет лежит их систематизация и классификация. Классификация монет может иметь различный характер. В ее основе может лежать формально-типологический принцип, хронологический, метрологический, территориальный и др. Основными методическими приемами нумизматики являются так называе-

мый поштемпельный анализ, топографирование находок отдельных монет и кладов.

Ведущую роль в изучении денежного обращения играют монетные клады. В настоящее время именно они являются основным объектом изучения нумизматики. *Монетным кладом* называется любой комплект монет — от нескольких экземпляров до десятков тысяч, зарытый в землю умышленно в целях сохранения или случайно попавший в нее. В русской нумизматике значение монетных кладов как незаменимого источника для изучения целого ряда историко-экономических проблем было понято еще в первой половине XIX в., когда Х.Френом и П.С.Савельевым были опубликованы работы по топографии кладов восточных монет.

При изучении клада перед исследователем прежде всего встает вопрос методического характера: как датировать клад? Правильный ответ на него позволяет выявить эволюцию денежно-весовых систем, отражающуюся в весовых нормах монет, выявить группы монет, преобладавших в обращении в определенный период времени, проследить закономерности в изменении состава кладов.

Проблема датировок кладов долгое время оставалась дискуссионной. Особенно острую полемику, естественно, вызывала датиров-



Древнерусский клад

ка кладов монет, не несущих на себе обозначения дат. Сначала дискуссия велась посредством только лишь логических умозаключений, без привлечения и анализа фактического материала. На новой источниковой основе спор был возобновлен в 20—30-е гг. XX в Н.П.Бауером и А.В.Орешниковым. Н.П.Бауер датировал клады по дате младшей монеты. А.В.Орешников отвергал самый принцип такой датировки, указывая на большой диапазон хронологического колебания монет в данном кладе (до 368 лет). Он считал, что монеты могли быть зарыты в землю спустя значительное время после их чеканки. В настоящее время большинством исследователей принята датировка клада по младшей из находящихся в нем монет с учетом того обстоятельства, что между годом чеканки этой монеты и временем зарытия клада всегда лежит определенный промежуток времени, равный по крайней мере времени пути монеты от места чеканки к месту клада.

Следующим этапом исследования клада является изучение его состава. Одним из первых периодизацию кладов монет IX—XI вв. на территории Руси разработал и обосновал Р.Р.Фасмер. Предложенная им методика исследования закономерностей в изменениях хронологического состава кладов нашла широкое применение в трудах нумизматов.

Выявление монетных дворов, из которых происходят монеты, встреченные в кладе, открывают определенные возможности для суждения о характере торговых связей, для установления торговых путей.

Монетные клады по своему составу делятся на клады короткого и длительного накопления. Для нумизматики особенно важны клады короткого накопления, являющиеся своего рода «моментальными снимками» с денежного обращения в момент попадания клада в землю. Статистика монетных находок показывает, что подавляющее большинство известных и вновь обнаруживаемых кладов являются именно кладами короткого накопления, объективно отражающими состав монетного обращения и его характерные особенности.

Важной частью нумизматического исследования является картографирование находок монетных кладов и единичных монет. Благодаря ему выявляются определенные ареалы тех или иных монет в различные исторические периоды. Топографические сводки кладов могут быть различными по своему характеру. Одни из них отражают монетное обращение на определенных территориях, другие — на определенном хронологическом отрезке, третьи — историю обращения различных по своей государственной принадлежности монет, например римских, византийских, куфических монет, золотоордын-

ских дирхемов и т. д. Характер топографических сводок изменяется в зависимости от задач исследования. Топография монетных находок отражает особенности денежного обращения, его интенсивность, позволяет изучать пути и центры торговли, направления торговых связей. Благодаря ей устанавливаются районы (провинции) со своеобразным составом денежного обращения, отличным от сопредельных территорий, и т. д.

Значение монетных кладов как исторического источника можно наглядно проследить на примере решения вопроса о роли иноземной монеты в денежном обращении Восточной Европы в целом и Древней Руси в частности. Особую остроту здесь приобретает установление характера приема иноземных монет на Руси. Если они принимались только на вес, то метрологическая эволюция этих монет никак не влияла, да и не могла влиять на развитие древнерусской денежно-весовой системы. В нумизматике долгое время было распространено мнение как раз о том, что иноземные монеты принимались не по счету, а на вес, или даже оценивались при приеме «на глаз». Это представление основывалось на известном факте частой встречаемости в кладах обломков и обрезков монет, имеющих самый различный вес. Такое разнообразие веса обломков и говорило о них как о простых довесках. Но все же этот на первый взгляд убедительный факт не может служить решающим аргументом в пользу теории весового приема монет, так как известны письменные арабские источники, свидетельствующие об обычае деления монет для получения более мелких платежных единиц. Этот обычай был распространен на всей территории мусульманского Востока в VIII—X вв. Аналогичное явление наблюдалось и на Западе — предполагают, что крест на англосаксонских пенни (которые, кстати, тоже сыграли немалую роль в денежном обращении Восточной Европы в XI в.), делящий монету на четыре части, помещался с целью более правильного дробления монеты. Обычай дробления монет сохранялся в Англии до сравнительно позднего времени. Об этом приеме говорит, вероятно, и древнерусский денежный термин «резана», который этимологически подтверждает возможность такого дробления. Наиболее убедительным приемом для опровержения версии о весовом приеме монет является изучение устойчивости и постоянства этого явления на Руси. В. Л. Янин убедительно разрешил этот вопрос, показав на многочисленных примерах, что появление в кладах обломков и их исчезновение не носит случайный характер. Из этого вытекает важнейший вывод: к иноземной монете IX—XI вв. можно подходить как к древнерусскому номиналу.

В ходе своего исторического развития от собирательства к науке нумизматика выработала целый ряд понятий и терминов, основными из которых являются следующие.

Денежная система — законодательная организация денежного хозяйства и обращения, предусматривающая определенное единство различных элементов денежного обращения. Она предполагает использование для монетной чеканки одного или нескольких металлов: монометаллизм и биметаллизм. Существует еще бумажно-денежная система, при которой основным средством обращения являются номинальные бумажные денежные знаки. Законодательным порядком определяется структура денежной системы: наименования денежных единиц и масштаб цен, виды денежных знаков и порядок их выпуска, порядок обмена национальной валюты на иностранную, фиксированный валютный курс.

Денежная единица — весовое количество благородного металла (золото или серебро), принятое в данной стране за масштаб цен. Масштаб цен устанавливается в законодательном порядке.

Денежное обращение — движение денег в сфере обращения, их функционирование в качестве средства обращения и платежа.

Денежные знаки — знаки стоимости, представляющие в обращении золотые и серебряные деньги. Денежные знаки выступают в виде неполноценных монет (из меди, никеля и других недрагоценных металлов и сплавов) и бумажных денег.

Денежные реформы — преобразования в области денежного обращения с целью упорядочения и укрепления денежной системы.

Деноминация — уменьшение (в 10, 100, 1000 и т. д. раз) номинального выражения вновь выпускаемых денежных знаков.

Девальвация — официальное уменьшение металлического содержания денежной единицы или понижение официального курса валюты данной страны по отношению к золоту, серебру или к иностранной валюте.

Ревальвация — повышение золотого содержания денежной единицы или повышение официального курса валюты данной страны к золоту, серебру или к иностранной валюте.

Монетная регалия (от латинского regalis — буквально: то, что принадлежит королю) — монопольное право на чеканку и выпуск в обращение монет.

Монетная система — совокупность различных монетных номиналов одной валютной системы; соотношение весовых норм и монетных единиц, узаконенное государством. Иногда одна и та же монетная система является общей для нескольких стран. Например, в 1872 г. Швеция, Дания и Норвегия заключили между собой так называемую скандинавскую (северную) монетную конвенцию. Определенные аналогии такой «международной» системы можно найти в древней истории, например — арабская система, основанная на серебряном дирхеме.

Монетная конвенция — договор-соглашение нескольких государств или монетных сеньоров о создании единой монетной системы.

Монетная стопа — узаконенное соотношение количества монет и определенной весовой единицы металла, из которого эти монеты чеканятся. Напри-

мер, в 1613 г. правительством царя Михаила Федоровича Романова была принята четырехрублевая стопа, при которой из гривенки серебра (204, 756 г) чеканили 400 копеек. Монетная стопа может быть повышена (улучшена) или понижена (ухудшена) в зависимости от того, уменьшается или увеличивается количество монет, чеканенных из определенной весовой единицы.

Монетная легенда – надписи на монетах.

Лигатура (от латинского ligare – связывать) – металлы, вводимые в состав сплавов благородных металлов (например, медь в сплавах с золотом) для придания им большей твердости или удешевления. Содержание лигатуры в сплаве определяется пробой. В качестве оптимального соотношения в лигатуре драгоценного металла и меди установлено следующее· для золота 9:1 (900 проба); для серебра 5:1 (833 проба)

Номинал (от латинского nominalis – именной) – обозначение достоинства на монетах или бумажных денежных знаках.

Проба (от латинского probo – испытываю, оцениваю) – количество драгоценного металла в легированном металле, из которого чеканятся монеты. Для золота в настоящее время применяются две системы проб – метрическая и каратная (в дореволюционной России и в СССР до 1927 г. применялась золотниковая проба).

Аверс (от латинского adversus – обращенный лицом к чему-либо, кому-либо) – лицевая сторона монеты, медали.

Реверс (от франц. revers – обратный) – оборотная сторона монеты, медали.

Гурт – ребро чеканной монеты, ее боковая или образующая поверхность. В целях предупреждения обрезывания монет гурт обрабатывается различными насечками или надписями.

Ремедиум (от латинского remedium – средство против чего-либо) – официально допустимый предел отклонения фактического веса монеты от его законной нормы, а также допустимое отклонение пробы монеты от установленной нормы.

Порча монеты – уменьшение государственной властью веса монет или ухудшение их качества за счет снижения пробы при сохранении номинальной стоимости с целью извлечения прибыли.

Брактеат – средневековая серебряная западноевропейская монета, чеканившаяся на тонком кружке одним верхним штемпелем. Изображение на таких монетах было выпуклым с одной стороны (лицевой) и вогнутым с другой (оборотной).

Счетная денежная единица – денежная единица, используемая при счете, но не имевшая реального воплощения ни в монете, ни в слитке. Например, древнерусская гривна кун или средневековый алтын до его появления в виде монеты в 1654 г.

Счетная система – соотношение номиналов в одной и той же денежной системе. Существуют различные счетные системы номиналов. Например, квартальная (соотношение 1:2:4:8 и т. д.), децимальная (1:10:100:1000), доудецимальная (1:3:6:12), применявшаяся в Великобритании до 1971 г. – счет фунта стерлингов.

МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВОЙ СИСТЕМЫ

Римские монеты и их роль в возникновении русской денежно-весовой системы. Славянские племена впервые познакомились с монетами задолго до образования у них государства. Первыми монетами, сыгравшими определенную роль в экономической жизни народов Восточной и Центральной Европы, были римские серебряные денарии. Первые сведения об их находках в славянских землях содержит «Трактат о двух Сарматиях» польского историка Матвея Меховского, изданный в 1517 г. в Кракове. По его словам, римские монеты у местного населения назывались денариями св. Иоанна Крестителя; на Украине их называли «Ивановыми головками».

В настоящее время в Восточной Европе зафиксированы находки около 200 кладов римских монет, большинство из которых — клады серебряных денариев.

Массовый приток римских серебряных монет на территорию лесостепной полосы Восточной Европы начался в середине II в. н.э., но он был кратковременным и резко сократился на рубеже II и III вв. Наибольшее число кладов и отдельных находок римских денариев обнаружено на территории Украины и Беларуси, в частности в районе Киева и его окрестностей. Вес римского серебряного денария стабилизировался в результате денежной реформы императора Нерона (54—68 гг. н.э.) и стал равным 3,41 г. Однако именно с этого времени начинается постепенное ухудшение качества денариев, и к концу II в. количество серебра в них уменьшилось вдвое. Вывоз их в Восточную Европу почти прекратился, но все же в небольшом количестве здесь встречаются монеты IV и даже V в.

В 214 г. начинается чеканка более крупных и тяжелых серебряных монет (4,7—5,3 г) — антонинианов, получивших свое название от полного имени императора Каракаллы (211—217 гг.) — Марк Аврелий Антоний. К середине III в. антонинианы вытеснили из обращения денарии, но при этом сами превратились в почти медную монету, содержащую лишь небольшую примесь серебра, и обращались по принудительному курсу. В восточноевропейских кладах они встречаются сравнительно редко.

Вопрос о длительности обращения римских монет на территории Восточной Европы после прекращения их притока сюда и о характере этого обращения относится к числу дискуссионных. Однако не подлежит никакому сомнению определенный и, вероятно,

значительный хронологический разрыв между обращением денариев и арабских дирхемов, древнейшие клады которых датируются рубежом VIII–IX вв. Кладов V–VI вв. на древнерусской территории не известно, но все же можно предполагать, что именно к римскому времени относится зарождение у восточных славян денежно-счетных и весовых понятий.

Византийские монеты. На территорию Руси монеты Византии начинают проникать в единичных экземплярах в VII–VIII вв. теми же торговыми путями, что и римские монеты. Наибольшее распространение византийских монет на Руси приходится на IX–XII вв. Их поступление в Южную Русь прежде всего связано с прекращением ввоза восточного серебра в конце X в. Наряду с серебряными милиарисиями сюда проникали золотые и медные монеты Византии. Чеканка серебряных так называемых двойных милиарисиев, или гексаграммов началась в 615 г. при императоре Ираклии. Золотые византийские «номизмы», или «солиды» послужили прототипами для древнерусских монет – златников и сребреников. На них с одной стороны помещалось изображение императоров, а на другой – Христа или надписи. Все золотые монеты IX–X вв. найдены в бассейне Днепра или его притоков. Редкость этих монет заставляет усомниться в справедливости утвердившегося в литературе мнения о значительной их роли в торговле Византии и Руси. Наибольшее число византийских монет в смешанных кладах с куфическими или западноевропейскими монетами приходится на XI – начало XII в.

Медные византийские монеты обращались только в Херсонесе (Крым), где существовал монетный двор, а на территорию Руси они попадали случайно. Исключение составляет Тмутараканское княжество. Византийская медная монета обслуживала здесь внутренний рынок, заменив в определенной степени исчезнувшее серебро. Вполне вероятно, что именно в Тмутаракани чеканились серебряные и медные варварские подражания византийскому милиарисию. В XII в. приток византийских монет на Русь прекратился. Значение византийских монет в русском денежном обращении было весьма скромным.

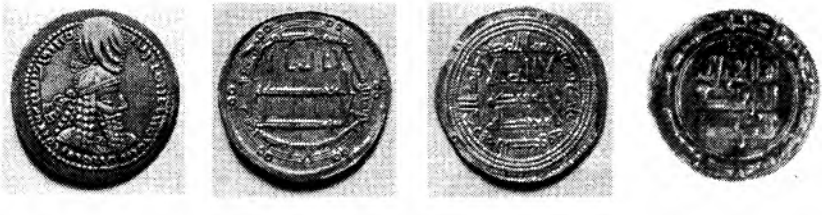
Восточные монеты. В конце VIII в. на территорию древнерусского государства в больших количествах начинают проникать восточные монеты – дирхемы Арабского халифата. Их название происходит от древнегреческого слова «драхма». Дирхемы чеканились в различных центрах огромной территории халифата – в городах Средней Азии, Закавказья, Ирана, Малой Азии и Месопотамии, в

Африке и Испании. По именам различных династов различаются дирхемы аббасидские, омайядские и др. Все они имеют еще одно общее название — куфические монеты, от «куфи» — особого стиля письма, возникшего в конце VII в. в иракских городах ал-Куфе и ал-Басре и использовавшегося на монетах.

В значительно меньших количествах проникали на Русь другие восточные монеты, например сасанидские драхмы IV—VII вв.

Дирхемы чеканились на тонких, но довольно крупных монетных кружках. На обеих сторонах монет помещалась надпись, в которой кроме благочестивых изречений, как правило, указывалась дата по хиджре (мусульманской эре) и место чеканки монет, имя правителя, халифа или других должностных лиц.

Основным путем проникновения дирхемов на Русь был Великий Волжский торговый путь, особую роль на котором играла Волжская Болгария. Меньшее значение имел торговый путь по Северскому Донцу и по Днепру. На территории Руси найдено очень много кладов куфических монет, в составе которых ярко отражается социальная и имущественная дифференциация общества. Известны многопудовые клады, состоявшие из тысяч монет, и небольшие комплекты из нескольких десятков монет. Часто дирхемы встречаются в составе погребального инвентаря славянских племен в качестве украшений или так называемого «обола мертвых», связанного с верой в загробную жизнь. Такие находки создают возможность для более точной датировки археологических памятников. Но основное значение дирхемов для истории русского денежного обращения и денежно-весовых систем заключается в том, что, попав на Русь, они служили средством местного монетного обращения. Куфические монеты, получая туземные названия, становились номиналами русской денежно-весовой системы. В письменных источниках, таких, как Повесть временных лет, Русская Правда и др., они известны под названиями «куны» и «ногаты».



Восточные монеты: сасанидская серебряная монета царя Ардашира. III в.; арабский дирхем, отчеканенный в Багдаде. IX в.; куфический дирхем халифа Омара. VIII в.; караханидский дирхем. XI в.

В обращении дирхемов на Руси выделяется несколько периодов, различающихся составом монетных кладов и способами приема серебра — на вес или на счет.

На первом этапе обращения дирхемов, датируемом концом VIII — первой третью IX в., преобладали монеты африканской чеканки с весовой нормой 2,7—2,8 г. Эта весовая норма соответствовала 1/25 древнерусской гривны в 68,22 г, и в зарождающейся русской весовой системе эти дирхемы являлись хорошо известными по Русской Правде кунами. Этимология этого термина пока еще не выяснена. Чаще всего его связывают с пушным зверьком — куницей или его мехом. Однако нельзя не обратить внимания и на то, что, например, в английском языке монета называется coin; это же слово со значением «чекан» во французском языке восходит к позднелатинскому слову cuneus, означавшему «кованый», «сделанный из металла».

Второй этап обращения дирхемов датируется примерно 30-ми гг. IX в. — рубежом IX—X вв. На этом этапе в обращении преобладают аббасидские дирхемы, чеканенные по весовой норме, немного превосходящей норму куны (2,8—2,9 г). Однако это не привело к каким-либо структурным изменениям в русской денежно-весовой системе, так как, по-видимому, эта незначительная разница в весовых нормах целиком нивелировалась за счет легковесных монет.

Третий этап обращения восточных монет на древнерусской территории датируется первыми тремя десятилетиями X в. Именно в это время резко увеличивается ввоз на Русь восточных монет, основную часть которых составляли саманидские дирхемы. Именно в этот период все сильнее проявляется разновидность куфических монет, появляются дирхемы с весовой нормой 3,41 г, соответствующей норме русской ногаты. Этимологически это название может восходить к арабскому «нагд» — мелкие деньги. Некоторые исследователи связывают его с арабским глаголом «накада» в значении «сортировать деньги, отбирать лучшие монеты». Другие высказываются в пользу объяснения от «нога» — в значении «соболиная шкурка с четырьмя ногами». Ногата составляла 1/20 часть древнерусской весовой гривны.

Четвертый, последний период обращения дирхемов на территории Восточной Европы датируется 40-ми гг. X в. — началом XI в. На этом этапе происходит сильное расшатывание веса дирхемов — их начинают резать, дробить и принимать на вес. Появляется новая денежная единица — резана, весившая 1,36 г. Этимологически этот термин связан с глаголом «резать». Вероятно, первоначально так назывался разрезанный пополам дирхем.

В последней четверти X в. начинается резкое сокращение притока восточных монет на Русь, а в начале XI в. их поступление сюда

полностью прекращается. Причины этого явления следует искать на Востоке. Серебряная чеканка в странах халифата почти полностью прекратилась в XI в., с одной стороны, в результате истощения запасов серебряных руд, а с другой — междоусобных войн. Никаких внутренних причин для «отказа» от ввоза восточной монеты на Руси не было. Тем не менее ряд исследователей причины прекращения притока восточного серебра видели в слабости древнерусского денежного обращения, а неоспоримый факт длительного бытования восточных монет на Руси объясняли ее географическим положением на путях международной транзитной торговли.

Из состава русского денежного обращения куфические монеты полностью исчезают к середине XI в. Таким образом, период так называемого «переживания» дирхемов в русском денежном обращении после окончательного прекращения их поступления на Русь был, вопреки мнению ряда исследователей, сравнительно кратким — около 25 лет. На этом этапе дирхемы сосуществуют с начавшими поступать на Русь и обслуживать денежное обращение монетами западноевропейских государств. Западноевропейский денарий приходит на смену восточному дирхему, и уже сам по себе этот факт доказывает, что потребность в монете на Руси в XI в. не исчезла, а ее денежное обращение поступательно развивалось.

Западноевропейские монеты. Первые монеты стран Западной Европы попадают на Русь еще в 80-е гг. X в., но их массовый приток сюда начинается только с начала 20-х гг. XI в. В настоящее время на древнерусской территории зафиксированы находки более 200 кладов и единичных экземпляров западноевропейских монет. Их топография является еще одним веским аргументом в пользу мнения о том, что только внутренние потребности денежного обращения определяли необходимость ввоза на Русь иноземной монеты. В данном случае нельзя говорить ни о каком транзите через территорию Руси, так как она сама была конечным пунктом распространения денария. Пути проникновения западноевропейских монет на Русь были различны, но основную роль играли два: первый — через южное побережье Балтийского моря и остров Готланд, второй — через Скандинавский полуостров и Готланд.

Принципиально важным является вопрос о соотношении на древнерусской территории ареалов куфических дирхемов и западноевропейских денариев. Мнение В. Л. Янина об ограниченном ареале денария в сравнении с областью обращения дирхема в настоящее время отвергается рядом исследователей.

Основную массу западноевропейских монет, поступавших на Русь, составляли германские пфенниги, англо-саксонские пенни, де-

нарии Венгрии, Чехии и других стран. Денарии чеканились на тонких серебряных кружках, диаметр которых (около 1,5 см) был значительно меньше размера дирхемов. На них помещались самые различные изображения: кресты и звезды, люди, памятники архитектуры, предметы быта, буквенные монограммы. Надписи, выполненные на латинском языке, содержат имена правителей, от лица которых чеканились монеты, реже — имена монетчиков или лиц, ведавших чеканкой.

Денарии поступали на Русь в течение XI в. В самом начале XII в. их ввоз сюда в основном закончился, однако в незначительных количествах они проникали на Русь вплоть до 40-х гг. XII в. Самым большим кладом денариев является найденный в 1934 г. недалеко от деревни Вихмязь под Петербургом, содержавший более 30 тысяч монет и серебряный слиток. Он был зарыт в землю около 1090 г.

Причины прекращения притока монет на Русь из стран Западной Европы во многом аналогичны причинам прекращения ввоза восточных дирхемов. В начале XII в. порча монеты в фискальных целях на Западе привела к тому, что она почти полностью деградировала и перестала быть пригодной для вывоза за пределы страны, ее чеканившей. В основном денарии обращались на территории Северной и Северо-Восточной Руси, за исключением земли вятичей, а в юго-западной части Руси, в частности на Киевщине, их найдено сравнительно немного. В первой половине XI в. денарии обращались вместе с восточными монетами, но постепенно процент последних в кладах уменьшается, и клады второй половины XI — начала XII в. состоят почти исключительно из одних западноевропейских монет.

Вес денариев был различным. Большинство германских монет имело весовую норму около 1,2 г, а английских 1,3—1,5 г. Эти величины не имели соответствия в русской денежно-весовой системе, что послужило причиной дробления монет. В кладах первой половины XI в. преобладают обломки, а не целые монеты. В кладах второй половины XI в. выделяются две группы монет с весовыми нормами 0,9—1,1 и 0,6—0,7 г. По своему весу монеты первой группы точно соответствуют новой норме резаны в северной русской денежно-весовой системе. Что касается монет с весовой нормой 0,6—0,7 г, то, предположительно, их следует связать с древнерусской веверицей. Судя по письменным источникам, веверица была самой мелкой денежной единицей Руси. Ее соотношение с гривной пока удается установить только приблизительно. В кладах второй половины X в. есть группа обрезанных дирхемов с весовой нормой 0,3—0,4 г, соответствующей ровно 1/3 резаны, что дает основание выводить равенство резаны трем веверицам, а куны, следовательно, 6 ве-

верицам и гривны — 150 веверицам при весовой норме счетной гривны 51,19 г.

Состав кладов монет XI в. показывает, что в первой половине столетия они принимались на вес, а во второй происходит возврат к их счетному приему. В кладах второй половины XI в. практически отсутствуют англосаксонские монеты и доминируют германские пфенниги. При этом на смену монетам, происходящим в основном из Южной Германии (чекан Кельна, Майнца и др.), приходят пфенниги из Фрисландии и монетных дворов, находящихся на территории современных Голландии и Бельгии. Следует отметить, что находки фрисландских монет в основном концентрируются в двух пунктах — во Фрисландии и на Руси, что свидетельствует о непосредственных торговых контактах Руси и Фрисландии.

Финальный этап обращения западноевропейских монет на территории Древней Руси характеризуется тенденцией превращения монет из средства денежного обращения в средство накопления сокровищ.

Первые русские монеты. Первая попытка чеканить собственные монеты была осуществлена русскими князьями в конце X — начале XI в. Письменные источники не сохранили сведений о начале русской монетной чеканки, тем не менее есть все основания утверждать, что она явилась не случайным эпизодом, а была подготовлена всем ходом исторического развития Руси, прежде всего двухсотлетним обращением на ее территории восточных монет.

Вводя в обращение свою собственную монету, русские князья стремились, видимо, с одной стороны, компенсировать в определенной степени недостаток в куфических монетах, ввоз которых резко сократился именно в это время, а с другой — использовать монеты как прекрасное средство пропаганды государственного суверенитета Руси, ставшей в конце X в. одним из мощных христианских государств.

В отечественной нумизматике вопрос о причинах появления первых монет и времени их чеканки долгое время был предметом острых дискуссий. Одним из первых эти проблемы поставил И.И.Толстой, монографически изучивший древнейшие русские монеты. Он разработал типологию и предложил хронологическую классификацию этих монет, согласно которой чеканку начал Владимир Святой (980—1015) и продолжили его сыновья — Святополк Окаянный (1015—1018, приемный сын) и Ярослав Мудрый (1019—1054). Золотые монеты чеканил только Владимир. Другую схему древнерусского чекана предложил А.В.Орешников. Он считал, что чеканка монет на Руси началась при Ярославе Мудром, была продолжена его

сыном Изяславом (1054—1078) и внуком Ярополком Изяславичем (1077—1078), князем волынским и вышегородским, а закончилась при Владимире Всеволодовиче Мономахе (1078— 1125). При этом, по мнению А.В.Орешникова, Мономах осуществлял чеканку, являясь князем черниговским (1078—1094), переяславским (1094—1113) и великим князем киевским (1113—1125). В основе схемы А.В.Орешникова лежало представление о времени Владимира Мономаха как о «высшей точке процветания» Киевского государства.

Большинство исследователей придерживается схемы И.И.Толстого, развитой в работах Н.П.Бауера. Схему А.В.Орешникова поддерживал, подкрепляя археологическими материалами, Б.А. Рыбаков. В последние десятилетия изучением древнерусских монет систематически занимались И.Г. Спасский и М.П. Сотникова, которые подвели итог более чем столетнему исследованию древнерусского чекана, издав «Сводный каталог русских монет X—XI веков» (Л., 1983). В основе этого труда лежит схема И.И.Толстого, подвергшаяся лишь частичным уточнениям и дополнениям.

И.И.Толстой связал начало чеканки монет с принятием на Руси христианства, объясняя их появление как «удовлетворение стремления к внешним признакам этой (христианской. — *П. Ш.*) культуры ранее удовлетворения реальных потребностей». Правда, он тут же оговаривался, что уже при Владимире I русские монеты стали удовлетворять фактическую потребность в средстве денежного обращения, связывая эту потребность с «кризисом серебра» в странах Арабского халифата.

Отдельные исследователи видели в чеканке первых монет проявление экономической мощи Киевской Руси и объясняли ее стремление вытеснить из обращения иноземную монету. Это мнение является безусловно ошибочным, особенно в заключительной своей части. При отсутствии собственных разработок серебра на Руси выполнить эту задачу было невозможно. Сырьем для русской монетной чеканки служил привозной металл, вероятно сами восточные дирхемы, перечеканка которых в сребреники потребовала бы колоссальных и неоправданных затрат.

Клады и отдельные находки древнейших русских монет встречаются не только на громадной территории древнерусского государства, но и далеко за его пределами — в Скандинавии, Прибалтике, Польше и Германии. Однако этот факт еще не дает права приписать сребреникам значительную роль в русском денежном обращении. Они не могли обеспечить потребности экономики и денежного обращения в монете в силу кратковременности чеканки и незначительности эмиссий, а также их низкопробности. Около трех четвертей из числа всех апробированных сребреников имеют пробу

ниже 500-й, т.е. практически не являются серебряными монетами. Значительная часть монет изготовлена из сплава с ничтожным количеством серебра. Показательно, что только высокопробные сребреники, имеющиеся среди монет всех типов, за исключением монет Святополка, встречены в кладах восточных и западноевропейских монет. Дирхемы, даже в последний период их обращения на Руси, в сравнении с сребрениками были монетами высокопробными. Именно они служили сырьем для чеканки русских монет, и далеко не случайно, что среди всей громадной массы восточных монет нет ни одного дирхема, перечеканенного в сребреник. Таким образом, можно предполагать, что на внутреннем рынке древнерусские монеты обращались по принудительному курсу. Поэтому более убедительным представляется мнение о том, что древнерусская чеканка преследовала в первую очередь политические цели.

Итак, длительная дискуссия о времени появления первых отечественных монет в настоящее время может считаться законченной. Чеканка началась в княжение Владимира Святославича (980–1015), вероятно, вскоре после официального принятия христианства в 988 г. Об этом свидетельствуют изображения Иисуса Христа на одном из типов серебряных монет и на всех золотых, а также постоянное присутствие креста как символа христианства в руках князя на всех без исключения монетах, как золотых, так и серебряных.

В настоящее время известно около 340 древнерусских серебряных монет, называемых условно сребрениками, и 11 золотых, или златников. Название серебряных монет заимствовано из Ипатьевской летописи начала XV в., а золотых — из договора Руси с Византией 945 г. В первом случае употребление термина «сребреник» относится к началу XII в., когда монеты уже не чеканились, во втором — ко времени, когда они еще не чеканились.

Подавляющее большинство монет содержит в легенде имя Владимира, значительно меньшее число — имена Святополка и Ярослава. На некоторых монетах имя князя до сих пор не поддается прочтению или читается предположительно.

Размер сребреников такой же, как и большинства дирхемов, но, в отличие от последних, они отчеканены не на специально вырезанных кружках, а на отлитых в двусторонних литейных формах заготовках. Техника чеканки была весьма низкой. Нестойкость монетных штемпелей приводила к их быстрой смене, а частое и не всегда умелое копирование штемпелей искажало надписи до неузнаваемости. Штемпели, вероятно, были бронзовыми и имели вид щипцов. Такие сопряженные штемпели были известны на Руси и до начала чеканки монет — они служили буллотириями для оттиска вислых свинцовых печатей. В более позднее время такие штемпели называ-

лись «клещи». Небольшое число монет, отчеканенных одной парой штемпелей, говорит о том, что штемпели быстро разрушались.

Вопрос о национальной принадлежности резчиков монетных штемпелей очень сложен. Скорее всего, они были русскими людьми, а не греками, хотя и подражали первоначальным византийским образцам. На Руси возобладало графическое исполнение штемпелей, а для византийских мастеров характерен высокий рельеф изображений. Эта художественная манера объясняется, скорее всего, не столько неопытностью резчика, хотя и это несомненно, сколько влиянием стиля восточных куфических монет. Следует отметить, что для монет раннего европейского средневековья вообще характерна своеобразная графичность исполнения изображений и надписей. В сравнении с одновременными западноевропейскими монетами русские сребреники и златники не выглядят «варварскими». Русские монеты по мастерству резчиков и художественному исполнению ими штемпелей очень различны — наряду с грубо выполненными рисунками и неграмотными надписями имеются монеты тонкой, можно сказать, изящной работы, например «Ярославле серебро».

Все серебряные монеты с именем Владимира (более 250 экз.) подразделяются на четыре типа. На монетах I типа на лицевой стороне изображен сидящий на престоле (?) князь в шапке, украшенной подвесками и увенчанной крестом, в правой руке князя крест на длинном древке, над левым плечом маленький княжеский знак в виде трезубца. Вокруг изображения помещена круговая надпись справа налево вершинами букв к центру монеты: *Владимиръ на столе*. По краю монеты бусинный ободок. На обратной стороне погрудно изображен Иисус Христос в кресчатом венце, с Евангелием в левой руке и благословляющий правой. Круговая надпись, расположенная на лицевой стороне: *Ісусъ Христосъ*. По краю монеты бусинный ободок. Другой вариант этого типа монет содержит на лицевой стороне легенду *Владимиръ а се его сребро*. Среди апробированных монет этого типа (примерно третья часть) только 4 экземпляра имеют пробу 875—800, остальные фактически являются серебряными монетами с незначительной примесью меди. Монеты I типа, вероятно, чеканились одновременно со златниками. Об этом говорит их однотипность. Предположительно формула легенды «Владимир на столе» была изначальной и сочеталась с полным написанием имени Христа. Штемпели резали не менее 5 мастеров-резчиков. Монеты этого типа составляют по особенностям легенды и изображений четыре подгруппы, но, видимо, все они чеканились если не одновременно, то в очень небольшом хронологическом диапазоне. Интересно отметить, что знаменитый Киевский клад сребреников 1876 г. состоял исключительно из монет этого типа.

На лицевой стороне монет II типа также изображен сидящий на престоле князь. Вокруг его головы появляется нимб, прежде неизвестный. Впервые же появляется и изображение престола, как бы иллюстрирующее первую часть надписи, помещенной на этой же стороне: *Владимиръ на столе*. На обратной стороне изображение Иисуса Христа заменяется изображением родового княжеского знака, так называемого трезубца. Это название предложил М.Н.Карамзин в своей «Истории государства Российского». Легенда на обратной стороне *А се его сребро* завершает надпись лицевой стороны. Вокруг изображения бусинный ободок (иногда двойной). Одежда князя украшена бусинами, она напоминает кольчугу.

Чтение надписей на монетах этого типа чрезвычайно затруднительно, так как в большинстве случаев они являются бессмысленным набором буквообразных знаков. Это обстоятельство, с одной стороны, ставило под сомнение прочтение легенды И.И.Толстым, который видел в ней имя Владимира, а с другой — приводило к самым фантастическим ее прочтениям. Например, Я.Я.Волошинский прочитал имя «Ярослав», а А.В.Орешников предположил в ней название города Переяславля. Княжеский знак аналогичен изображенному на златниках и на монетах I типа. Принадлежность его именно Владимиру I подтвердила находка при раскопках в Новгороде в слое XI в. бронзовой подвески с изображением такого же знака.

Подавляющее большинство монет этого типа столь же низкопробны, как сребреники I типа.

Хронологически этот тип сменяет первый, что вытекает из факта перечеканки сребреника I типа штемпелями II типа, а также из наблюдений над составом монетных кладов. Вероятное время чеканки монет этого типа — первые 15 лет XI в. Большинство монет II типа происходит из Нежинского клада (недалеко от Киева) 1852 г.

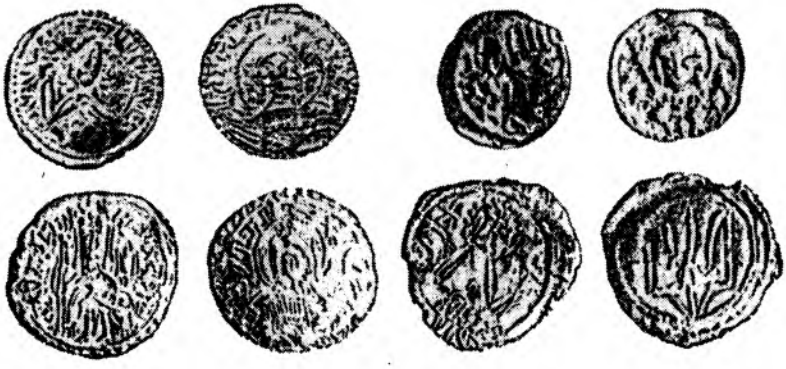
Монеты III типа (известны 57 экземпляров) выделяются по следующим характерным признакам: в общем повторяя на обеих сторонах изображения монет II типа, они отличаются от последних отсутствием нимба вокруг головы князя, тщательным изображением престола (кресло с высокой и широкой спинкой), наклоном креста (на всех других монетах он изображен прямо) и, наконец, почти абсолютной правильностью и полнотой написания легенды: *Владимиръ на столе, а се его сребро*. Некоторые элементы рисунка восходят к I типу. Впервые среди монет этого типа встречены экземпляры, происходящие от разных штемпелей одной из сторон при общем другой. Это свидетельствует о том, что испорченные штемпели могли заменяться не только парами, но и поодиночке. Монеты этого типа столь же низкопробны, как и двух предыдущих. Случаи перечеканки монет II типа штемпелями III типа устанавливают их относительную хронологию.

Следует отметить, что почти все (четыре из пяти) монеты этого типа, имеющие высокую пробу (более 840-й), сильно обрезаны. Обломки и обрезки восточных монет хорошо известны по многочисленным кладам. В кладах первой половины XI в. они абсолютно преобладают над целыми экземплярами. Так как низкопробных обрезанных сребреников неизвестно, можно предполагать, что на Руси хорошо разбирались в качестве обращавшихся монет и функции полноценной монеты выполнялись только высокопробными монетами.

Монеты IV типа (известно 25 экземпляров) в целом повторяют на обеих сторонах композиции сребреников II и III типов, отличаясь от них правильностью рисунка и тщательностью исполнения штемпелей. Скорее всего, все штемпели для монет этого типа изготовлены одним мастером, за единственным исключением экземпляра, выполненного небрежно и неумело. Среди монет этого типа встречен экземпляр с уникальной надписью: *Владимире сребро + Съватаго Васила.* Такое чтение, как оказалось единственно возможное, предложил Д.И.Прозоровский. Христианское крестильное имя Владимира — Василий — хорошо известно. По содержанию легенда аналогична форме надписи на монетах Ярослава Владимировича Мудрого, и это проливает свет на их взаимную хронологию. Монетами этого типа завершаются эмиссии Владимира. Такое заключение аргументируется наличием монеты Святополка, штемпели для которой изготовил мастер монет IV типа. К тому же смешения композиций изображений и легенд, как правило, происходят только при смене монетных типов.

На монетах этого типа изображены два вида княжеского головного убора: высокая русская шапка и низкая шапочка с крестом на вершине, повторяющая стемму императоров с византийских монет Василия II и Константина, в чем усматривается намек на равенство русского великого князя византийским императорам.

Златники. В настоящее время известны 11 золотых монет Владимира, происходящие от 5—6 пар матриц. Прототипом златникам послужили византийские солиды императоров Василия II и Константина VIII (976—1025). Как и византийские монеты, они имеют противоположную ориентацию сторон. На лицевой стороне изображен сидящий князь, в шапке с подвесками, увенчанной крестом. В правой руке князя крест на длинном древке, над левым плечом — княжеский знак в виде трезубца. Вокруг изображения надпись, читаемая справа налево. Вершины букв надписи обращены к центру монеты. Надпись *Владимиръ на столе* заканчивается крестом. На обратной стороне — погрудное изображение Иисуса Христа в



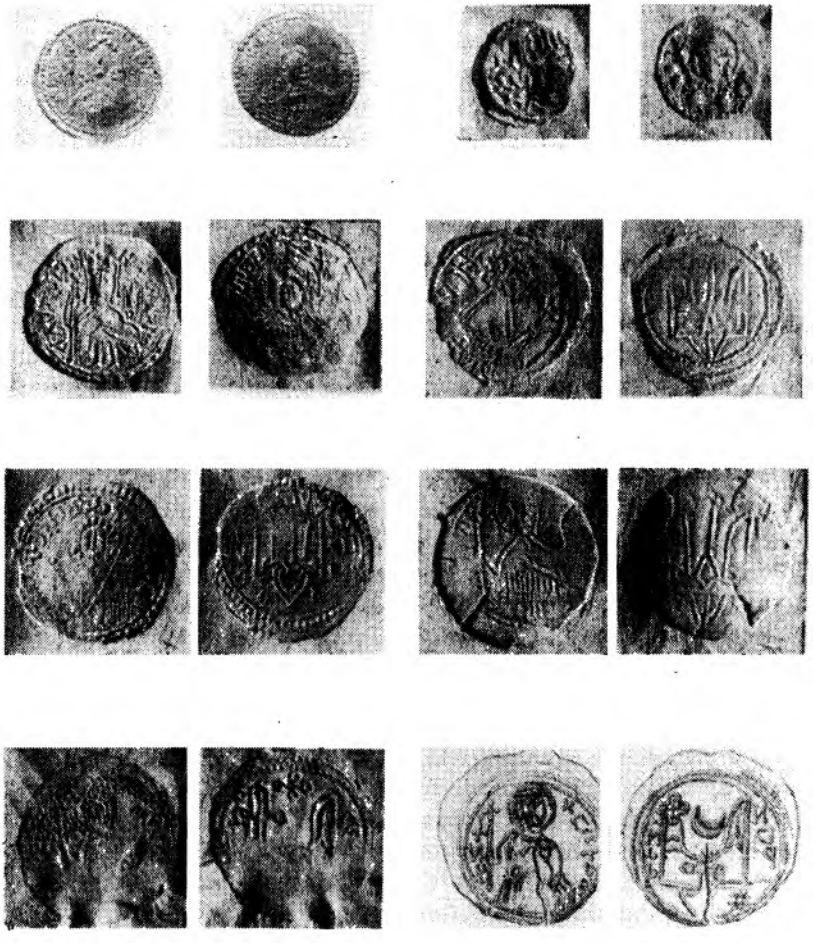
Златники и сребреники Владимира

кресчатом венце с благословляющей правой рукой и Евангелием в левой. Вокруг надпись: *Ісусъ Христосъ*. Изображения обеих сторон заключены в круговые бусинные ободки. Известен и другой вид надписи лицевой стороны: *Владимиръ, а се его злато*.

Почти все златники происходят из двух кладов — Пинского 1804 г. и Кинбурнского 1863 г., содержавших также золотые византийские монеты. Высокая проба златников (916—958) соответствует золоту византийских солидов конца X — начала XI в. Этот факт является еще одним аргументом в пользу принадлежности златников Владимиру Святому, а не Владимиру Мономаху, так как проба солидов к концу XI в. упала до 350. Анализ стиля изображений и почерка букв и надписей позволяет заключить, что штемпели златников резали два мастера, причем один из них изготовил и штемпели большой группы серебряных монет.

Вес златников заключен в пределах 4,0—4,4 г., т.е. соответствует весовой норме византийских солидов. Со временем вес златника стал русской единицей веса — золотником (4,266 г), точно соответствующим 1/96 позднейшего русского фунта.

Монет с именем Святополка известно 50 экземпляров, происходящих от 30 пар различных штемпелей. На лицевой стороне помещено изображение князя на престоле, близкое сребреникам IV типа Владимира, и круговая надпись, часто выполненная с ошибками, но читаемая легко: *Святополк на столе*. На обратной стороне изображение княжеского знака в виде двузубца, левый зубец которого завершается крестом. Вверху между зубцами небольшой знак в виде



Первые русские монеты: златник князя Владимира; монета князя Олега-Михаила Тмутараканского; сребреник князя Владимира I типа, сребреник князя Владимира II типа; сребреник князя Владимира III типа; сребреник князя Владимира IV типа; сребреник с именем князя Святополка; сребреник с именем «Петр»

равноконечного креста с кружками на концах и надпись: *А се его серебро.* Изображения на обеих сторонах заключены в двойные бусинные ободки, идущие по краю монеты. М.П.Сотниковой и И.Г.Спасским выявлена работа трех мастеров монет Святополка, один из которых резал и штемпели монет IV типа Владимира. А.В.Орешников относил эти монеты к чекану великого князя Свя-

тополка-Михаила Изяславича (1093—1113). Ошибочность такой атрибуции, помимо исключительной стилистической близости монет IV типа Владимира и Святополка, доказывается принципиальным различием помещенных на них княжеских знаков. На монетах Святополка Изяславича следовало бы ожидать знак, производный от трезубца и подобный знакам сыновей и внуков Владимира I. Так как Святополк был приемным сыном Владимира, а фактически приходился ему племянником, он, видимо, использовал знак, производный от неизвестного пока знака своего отца Ярополка Святославича. Этот последний должен был восходить, как и знак Владимира I, к известному по печати знаку в виде двузубца их отца Святослава Игоревича. Можно предполагать, что в борьбе за киевский престол Святополк сознательно противопоставлял себя как Ярополчича своим двоюродным братьям Владимировичам. Абсолютное большинство монет Святополка также низкопробные.

Монеты с именем «Петрос». Известны 4 монеты, представляющие особый тип, примыкающий к чекану Святополка. Все они отчеканены разными штемпелями, но сходство в деталях рисунка, одинаковое начертание букв надписей и оригинальное расположение легенд позволяют заключить, что все штемпели сделаны одним резчиком. Атрибуция этих монет является самым сложным вопросом классификации древнерусского чекана. И.И.Толстой в надписи читал имя Георгия (крестильное имя Ярослава Мудрого) и на этом основании относил их к чекану Ярослава. А.В.Орешников связывал их с чеканкой Ярополка-Петра Изяславича, князя вышгородского (1077—1078). М:П.Сотникова и И.Г.Спасский убедительно восстановили легенду этого типа, прочитав ее следующим образом: *Петрос Петрос* и *Огеос Петрос* («Петр, Петр», «святой Петр»). По всем иконографическим признакам на лицевой стороне изображен апостол Петр, а никак не св. Георгий, изображавшийся по византийским канонам не только без бороды, но и без усов. Особое значение в правильном определении этих монет приобретает атрибуция княжеского знака, помещенного на обратной стороне. В. Л. Янин, не усматривая принципиальной разницы в княжеских знаках на монетах Святополка и с именем «Петрос», считает последние также принадлежащими Святополку, а в имени «Петр» видит его крестильное имя. А.В.Орешников обратил внимание на различие в дополнительных значках, помещенных между зубцами княжеских знаков, на монетах Святополка и с именем «Петрос» и на монетах еще одной группы со знаком Святополка с изначально испорченной легендой, в которой уверенно читается только имя «*Петор*». Эта группа состоит из 9 монет, происходящих от 6 пар штемпелей, так-

же изготовленных одним мастером-резчиком. Характерно, что на них изображен не святой, а князь в нимбе и с прямо стоящим крестом в правой руке. На обратной стороне между зубцов княжеского знака находится дополнительный значок в виде полумесяца, рогами обращенного вверх. А.В.Орешников определил их принадлежность к чекану великого князя Изяслава-Дмитрия Ярославича (1054—1078), а И.И.Толстой — к чекану Ярослава Мудрого. И.И.Толстой и на монетах этой группы увидел искаженное имя «Георгий», а Н.И.Петров — имя «Дмитрий». Н. Д. Мец, придав принципиальное значение значкам, помещенным между зубцами княжеских знаков, пришла к выводу о соответствии каждому имени на монете определенного значка: Святополку — креста, Петру — якоря и Дмитрию — полумесяца, а также об одновременности чеканки монет Владимиром Святославичем и его сыновьями.

Среди монет с именем «Петр» как в форме «Петрос», так и «Петор» нет высокопробных, а большинство из них имеют только следы серебра. Этим, вероятно, объясняется и ограниченный ареал монет Святополка и с именем Петра, находки которых неизвестны за пределами Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств.

М.П.Сотникова и И.Г.Спасский пришли к выводу о принадлежности Святополку Окаянному монет трех типов: с именем Святополка и Петра в двух вариантах написания. Таким образом, устанавливается неизвестное по письменным источникам крестильное имя Святополка — Петр, о чем уже писал В. Л. Янин. Что касается одного из «претендентов» на монеты с именем «Петр» — князя Ярополка Изяславича, то его в крещении звали Гавриилом, а имя «Петр» он получил в период своего недолгого католичества.

Можно предполагать, что монеты с именем «Петр» Святополк чеканил, когда в 1018 г. вторично на короткое время захватил стол в Киеве. Известно, что помощь в этом ему оказывал польский король Болеслав Храбрый, на дочери которого Святополк был женат.

Ярославле серебро. Совершенно оригинальную группу древнерусских монет составляют сребреники с надписью «Ярославле серебро». Именно такая монета была найдена в конце XVIII в. в Киеве среди различных привесок к иконе в одной из церквей и стала первой русской монетой, известной историкам и собирателям. Этот экземпляр оказался единственным, обнаруженным на территории южных княжеств, все остальные находки тяготеют к северо-западным окраинам древнерусского государства. Эта монета сразу же была отнесена к чекану Ярослава Владимировича Мудрого. Научное обоснование такой атрибуции первым предложил академик А.А.Куник в 1860 г. Монеты Ярослава Мудрого выделяются оригинально-

стью типа, изяществом и необыкновенной тщательностью исполнения.

На лицевой стороне имеется погрудное изображение св. Георгия в плаще, прямо, с копьем в правой руке и щитом в левой. По сторонам греческая надпись *святой Георгий*, расположенная колонками и читаемая сверху вниз. Вокруг изображения и по краю монеты точечные ободки, между которыми розетки из точек, расположенные крестообразно. На обратной стороне изображен княжеский знак в виде трезубца. Средний зубец завершается кружком с точкой внутри. Еще пять точек расположены внутри крайних зубцов и нижней перекладины. Вокруг надпись *Ярославле серебро*, читаемая слева направо. Вершины букв направлены к краю монеты. Вокруг изображения и по краю монеты точечные ободки, между которыми крестообразно расположены буквы *АМН*, т.е. аминь.

Известны три пары штемпелей этих монет, сделанные одним резчиком. Прототипом для изображения св. Георгия на этих монетах явилось его изображение на византийских печатях, на которых аналогичным образом расположена и надпись, а также встречается слово «аминь», неизвестное на монетах. Стилистическую и иконографическую близость древнейших русских монет и печатей X—XI вв отмечал ряд исследователей. Она стала очевидной после находки в 1955 г. при раскопках в Новгороде печати сына Владимира I князя Изяслава Владимировича. Пока это древнейшая из сохранившихся русских булл. На ней изображен княжеский знак, очень близкий знаку на монетах как Владимира, так и Ярослава. Знак снабжен дополнительным кружком, завершающим левый зубец тамги, а на знаке Ярослава он завершает средний зубец.

Топография находок «Ярославля серебра» и отсутствие в надписи обычной формулы «на столе» позволяют предположить, что Ярослав Мудрый чеканил эти монеты в Новгороде до занятия великокняжеского стола в 1019 г. Наиболее вероятной представляется датировка этих монет 1014—1015 гг. В ее пользу может говорить и притяжательная формула легенды, совпадающая с формулой «Владимире серебро» на одном из штемпелей сребреников IV типа Владимира, датирующихся последними годами его княжения. Все сребреники Ярослава имеют высокую пробу (960), что также может служить косвенным аргументом в пользу их чеканки в Новгороде, через который осуществлялось в основном поступление на Русь высокопробных западноевропейских монет.

Еще одну оригинальную группу монет представляют так называемые скандинавские подражания Ярославлю серебру, или Ярославле серебро малого веса. Все 6 экземпляров монет этой группы найдены в кладах XI в. на территории Скандинавии и Прибалтики

и хранятся в музеях Скандинавии. На лицевой стороне этих монет помещено погрудное изображение св. Георгия с пояснительной надписью, на обратной стороне — княжеский знак в виде трезубца и круговая надпись: *Ярославле сребро*. Их отличие от описанных выше «обычных» монет Ярослава Владимировича заключается в сравнительной небрежности и определенной грубости работы, меньших размерах и вдвое меньшем весе. Мнения исследователей о месте и времени чеканки монет этой группы разделились. Одни отстаивают их скандинавское происхождение и считают более ранними по времени чеканки, другие полагают, что они отчеканены в Новгороде позже чеканки монет большого веса, может быть в 1018 г., когда, по сообщению летописи, новгородцы «начаша скот собирати» для найма варяжской дружины в помощь Ярославу в борьбе за великокняжеский стол. Латинское написание буквы «р» в слове «Ярослав», определенное сходство этих монет со скандинавскими позволяет предположить, что штемпели резал мастер-иностранец. Однако главный вопрос — где и кем чеканились сребреники Ярослава малого веса — остается открытым, и русскими эти монеты в настоящее время можно признавать лишь условно.

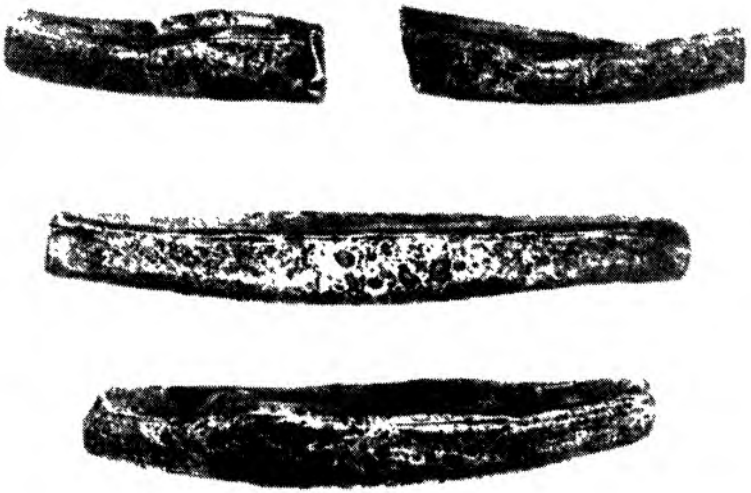
Метрология древнерусских монет. Еще И.И.Толстым было высказано мнение, что древнерусские сребреники чеканились без соблюдения какой-либо весовой нормы. Однако метрологическое изучение древнерусских монет устанавливает их весовую норму в пределах 2,9—3,3 г, что точно соответствует норме древнерусской куны в южнорусской денежно-весовой системе. Что касается Ярославля серебра, то вес четырех хорошо сохранившихся экземпляров превышает норму ногаты — 3,41 г, при очень высокой пробе (960) апробированных монет. Вес малых монет Ярослава заключен в пределах 1,18—1,57 г, что говорит о другой денежно-весовой системе и может служить дополнительным аргументом в пользу их скандинавского происхождения. Еще Б.Кене, которому был известен всего один экземпляр такой монеты, отметил ее сходство в весе с монетами англосаксонского чекана.

Монеты Михаила-Олега Тмутараканского. Совершенно особую группу древнерусских монет составляют известные только в нескольких экземплярах серебряные монеты оригинального типа. На их лицевой стороне помещено погрудное изображение архангела Михаила, а на оборотной стороне — строчная благопожелательная надпись: «Господи, помози Михаилу» — формула, хорошо известная по памятникам русской сфрагистики. Принадлежность этих монет князю Михаилу-Олегу Святославичу, сыну основоположни-

ка черниговской династии Святослава Ярославича, не вызывает сомнений. Этот князь дважды оказывается в Тмутаракани — первый раз он бежит туда после поражения в битве на Нежатиной ниве в 1078 г. Во второй раз он захватывает Тмутаракань в 1083 г. после своего заточения в Византии на острове Родос и княжит здесь до 1094 г. Вероятно, именно с этим временем следует связывать чеканку Олегом монет. Известно, что на Таманском полуострове, скорее всего именно в Тмутаракани, в конце X—XI в. осуществлялась чеканка серебряных, биллоновых и медных подражаний византийским милиарисиям Василия II и Константина VIII (976—1025). Все монеты Олега-Михаила найдены в пределах Тмутараканского княжества, и они никогда не имели общерусского значения.

Итак, на общем фоне истории русского денежного обращения чеканка древнерусских монет представляется явлением эпизодическим и кратковременным. Тем не менее она сыграла определенную роль не столько в плане удовлетворения реальных потребностей в монете денежного обращения Руси, сколько в смысле декларирования суверенитета и экономической мощи Древнерусского государства.

Денежные слитки. Крупные платежные операции в средневековой Руси обеспечивались серебряными слитками. На территории древнерусского государства обращались слитки различного веса и



Денежные серебряные слитки — гривны

Прорисовки клейм на денежных слитках

вида, но преобладающее значение имели так называемые киевские и новгородские гривны. Их названия условны и связаны с местами первых находок этих интересных памятников русского денежного обращения.

Киевские гривны XI—XIII вв. представляют собой литые слитки шестиугольной формы. На протяжении всего периода своего

Прорисовки клейм на денежных слитках

бытования они сохраняли устойчивый вес около 160 г. Это позволяет связывать их весовую норму с весом византийской литры — 327,456 г и считать ее равной 1/2 литры — 163,728 г.

Общую датировку киевских гривн подтверждают их совместные находки с византийскими монетами XI—XII вв. Они появились, скорее всего, в середине XI в. и бытовали вплоть до монголо-татарского нашествия. Их ареал охватывает почти всю территорию Киевской Руси, но большинство находок концентрируется в ее южных районах.

Новгородские гривны-слитки имели совершенно другой вид и вес. Это длинные палочки-бруски весом около 200 г. Различают два вида новгородских слитков: более длинные (14—20 см) и прямые и короткие (10—14 см) со слегка выгнутой спинкой. Первые датируются XI—XIII вв., вторые — XIV—XV вв.

В отличие от киевских слитков, новгородские гривны дают сравнительно большой эпиграфический материал — на них нередко процарапаны имена лиц, для которых они были отлиты. Из одной такой надписи стало известным одно из русских названий самого слитка — «изрой». Иногда на новгородских слитках встречаются процарапанные поперечные черточки, последняя из которых, как правило, бывает наклонной. Установлено, что таким образом ливцы слитков, отвечавшие за их вес и качество, учитывали неизбежный угар серебра и примесей. Интересные факты из истории производства серебряных слитков сохранили летописи. Так, Новгородская IV летопись под 1447 (6955) г. сообщает: «Того же лета новгородци охулиша серебро, рубли старые и новые, бе денежникам прибыток, а сребро переделаша на деньги...» Вероятно, что с этим сообщением связано известное «дело» Федора Жеребца, о котором рассказывает та же летопись: «Того же лета выведе Сокира посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца». Эти тексты ставят перед исследователями сложные и интересные вопросы. Например: что кроется за различием «старых» и «новых» рублей? Здесь возможны по крайней мере два ответа. Или это выражено в иной форме различие «низового» и «новгородского» рублей, или под «старыми» разумеются длинные новгородские слитки, а под «новыми» — короткие изогнутые. Среди последних известно значительное число слитков, отлитых в два приема, это так называемые слитки «двойного литья». На протяжении первой половины XV в. письменные источники проводят четкое разделение рублей московских и новгородских. Этот факт, казалось бы, свидетельствует в пользу первого решения. Однако трудно предположить, что в самом Новгороде столь различные денежные единицы обозначались одним термином. Следовательно, под «старыми» рублями скорее всего нужно видеть длинные слит-

ки без шва «двойного литья», а под «новыми» — короткие, отлитые в новой технике «двойного литья», которая, вероятно, и послужила причиной мятежа, поскольку открывала определенные возможности для злоупотреблений.

Теоретическая весовая норма новгородских денежных слитков определялась исследователями по-разному. Одни считали ее равной приблизительно 197 г и связывали с западноевропейской метрологией, другие утверждали постепенное падение весовой нормы с 204,756 г до 195 г. Сейчас можно считать твердо установленным фактом, что никакого падения веса новгородских слитков не было, а их весовую норму следует связывать с русским полуфунтом (204,756 г). Происхождение же самого русского фунта остается пока невыясненным.

Кроме этих двух основных видов слитков серебра — киевского и новгородского, в денежном обращении Древней Руси участвовали и некоторые другие, например так называемые черниговские, по весу близкие к новгородским, а по форме представляющие собой как бы грубо расплющенные киевские, или литовские — в виде небольших палочек мягких очертаний, часто с несколькими характерными вмятинами на спинке. Метрологически литовские слитки с русскими весовыми системами не связаны и поступали на Русь из Прибалтики в качестве серебряного сырья.

Так как на Руси основной первоначальной формой серебряного сырья являлись монеты, то определенное число одинаковых по весу монет вполне могло служить мерой веса слитка — гривны. Затем, видимо, устанавливалась обратная связь — серебряный слиток стал служить мерой количества монет. Скорее всего именно в результате этой связи монет и слитков выработались такие денежно-весовые понятия, как «гривна» (весовая единица), «гривна серебра» (слиток) и «гривна кун» (счетная единица). Письменные источники позволяют установить весовое равенство гривны серебра 4 гривнам кун и рассчитать весовые величины фракций последней.

Древнерусская денежная терминология и денежный счет. В русских письменных источниках, прежде всего в Русской Правде и в Повести временных лет, содержатся следующие наименования денежных единиц: скот, куна, резана, ногата, веверица, векша, бела и гривна.

Древнейшей весовой единицей является гривна. Это название связано с шейным украшением в виде обруча, широко распространенным у славян, финно-угров и других народов. Происхождение весовой гривны еще окончательно не установлено. Делались попытки вывести ее вес из византийской литры (римской либры — 327,456 г)

на основании параллельного анализа договора 911 г. Руси с Византией и Русской Правды. Договор фиксирует норму штрафа в 5 литр за намеренное нанесение удара «по закону русскому», а Русская Правда за аналогичное оскорбление назначает штраф в 12 гривен. Отсюда определялся вес гривны в 136,44 г. Веским аргументом против византийского происхождения гривны является отсутствие среди материальных памятников древнерусского денежного обращения слитков серебра, хотя бы отдаленно приближающихся к весу 136,44 г, и более мелких денежных единиц (монет), находящихся в пропорциональных отношениях с этим весом.

Долгое время очень популярной была теория восточного происхождения русской гривны. Суть ее сводится к следующему. Позднейший русский фунт (409,512 г) близок по весу иракскому ратлю. Среди памятников древнерусского обращения хорошо известны денежные слитки новгородского типа, теоретический вес которых равен приблизительно 204 г, что составляет ровно половину иракского ратля. Отсюда делался вывод о заимствовании веса гривны с Востока.

В настоящее время наиболее аргументированная гипотеза происхождения русской денежно-весовой системы предложена В. Л. Яниным. Ее основное отличие от существовавших ранее теорий заключается в том, что она построена на основе тщательного анализа обширного нумизматического материала. Основные положения этой концепции могут быть сведены к следующему. Первое знакомство восточных славян с денежно-весовыми единицами относится к первым векам новой эры. В это время на территории Восточной Европы обращаются значительные массы римских серебряных монет — денариев. Средний вес римского денария — 3,41 г — лег в основу славянской гривны в 68,22 г, в соответствии с традиционным славянским счетом на 20, 40 и 80. Гривна весом в 68,22 г, бытовавшая в IX — первой половине X в., была более древним элементом системы, чем гривна серебра. В. Л. Янин допускает и другую возможность, а именно — первоначально термин «гривна» обозначал единицу, равную не 20, а 40 денариям, т.е. около 136,44 г.

В конце VIII в. начинается массовый приток на Русь восточного серебра в виде дирхемов, которые в IX в. весили 2,73 г, т.е. относились к гривне в 68,22 г, как 25:1. Такой дирхем в письменных источниках называется куной. В начале X в. наряду с дирхемами в 2,73 г в обращение начинают поступать более тяжелые монеты в 3,41 г. Таких дирхемов в гривне заключалось 20, и эта монета на Руси стала называться ногатой.

В конце 30-х гг. X в. начинается «кризис восточного серебра», обусловивший чрезвычайную пестроту веса монет, которые начина-

ют рубить и резать с целью получить более мелкие платежные единицы. Монеты на Руси начинают принимать не на счет, а на вес, о чем убедительно свидетельствуют находимые в кладах и при археологических раскопках весы и гирьки-разновесы. Появляется новая денежная единица, равная половине куны, — резана в 1,36 г. Денежная система Руси принимает следующий вид, зафиксированный Краткой редакцией Русской Правды: гривна (68,22 г) = 22 ногатам (3,41 г) = 25 кунам (2,73 г) = 50 резанам (1,36 г).

Что касается самой мелкой единицы этой системы — веверицы (векши), то она предположительно равна 1/3 резаны, т.е. в гривне содержится 150 вевериц.

До середины X в. эта система денежно-весовых единиц существует как общерусская, а затем разделяется на две местные системы — северную и южную. В основе северной системы лежит гривна в 51,19 г, составляющая 1/4 позднейшего фунта. Гривна южной системы связана, скорее всего, с византийской литрой.

Структура денежного счета, зафиксированная Пространной редакцией Русской Правды (XIII в.), уже несколько иная. Из нее исчезает резана, место которой занимает куна, ставшая вдвое легче. Теперь 1 гривна = 20 ногатам = 50 кунам = 150 или 100 веверицам.

Наиболее уязвимой концепция В. Л. Янина является в своей исходной точке. Знакомство восточно-славянских племен с римским денарием еще не доказано археологически. Нет ни одного факта, свидетельствующего о бытовании гривны в 68,22 г на протяжении почти 500 лет — с конца IV до конца VIII в.

Основные единицы древнерусских денежно-весовых систем не исчезают с наступлением безмонетного периода. Самые крупные из них существуют в виде слитков серебра северного (новгородские) и южного (киевские) веса.

С наступлением феодальной раздробленности развиваются местные денежно-весовые системы, рыночная сфера жизнедеятельности которых ограничена территориальными рамками отдельных земель.

Возобновившаяся в конце XIV — начале XV в. русская монетная чеканка явила несколько различных местных денежно-весовых систем, генетически связанных с весовыми нормами безмонетного периода.

Безмонетный период. В истории русского денежного обращения период времени, охватывающий XII, XIII и почти весь XIV в., получил название безмонетного. Выше уже указывалось на то, что никаких внутренних причин для отказа от монет как средства денежного обращения не было. Ремесло и торговля вплоть до монго-

ло-татарского нашествия развивались на Руси по восходящей линии. Причины возникновения безмонетного периода и характер денежного обращения в это время остаются наименее изученными проблемами русской нумизматики. Безусловно, что в основе этого явления лежало прекращение поступления на Русь, не имевшую собственных серебряных разработок, серебра из-за рубежа. Однако общие запасы серебра на Руси в XII в. были вполне достаточными для введения и поддерживания собственной монетной чеканки. Они, вероятно, были даже более значительными, чем к моменту возобновления чеканки на Руси в конце XIV в., так как громадное количество серебра в XIII—XIV вв. ушло в Золотую Орду в результате платежей ордынского «выхода». Следовательно, основную причину безмонетного периода следует видеть в начавшейся феодальной раздробленности Руси, ликвидировавшей единую экономическую и политическую основу организации монетного производства и денежного обращения.

Изучение письменных источников позволяет констатировать, что денежная терминология предшествующего периода не только не исчезает в безмонетный период, но, напротив, свидетельствует о дальнейшем развитии гривенно-кунной денежно-весовой системы. Появляются новые денежные понятия и термины, например «мортка». Происходит, вероятно, постепенное обособление местных особенностей денежного счета, отразившееся в дальнейшем, при возобновлении монетной чеканки в конце XIV—XV в., в различиях весовых норм монет отдельных русских княжеств.

Одним из самых спорных является вопрос о конкретных формах денежного обращения в безмонетный период. Обращение серебряных слитков, обслуживавших лишь очень крупные торговые операции, имело, конечно, ограниченный характер. Мелкие платежные единицы — куны, резаны и др., перестав обозначать серебряные монеты, получили какое-то другое ценностное содержание. Очень популярные в прошлом теории меховых и кожаных денег еще не исчерпывают проблему в целом. Обращение пушнины в качестве средства платежа ограничивалось, вероятно, районами, богатыми промысловым пушным зверем, где хорошо был развит охотничий промысел. Что касается обращения кожаных денег, не имевших практически никакой собственной стоимости и представлявших собой по сути кредитные деньги, то самое их существование в древности долгое время вообще отрицалось нумизматами. В середине XX в. в Испании была обнаружена рукопись, содержавшая описание путешествия Абу Хамида ал-Гарнати в Центральную и Восточную Европу, которое он совершил в середине XII в. Особый интерес для изучения денежного обращения имеет сообщение этого

арабского путешественника, относящееся к русской территории, о том, что он наблюдал торговые расчеты с помощью старых беличьих шкурок, лишенных шерсти. Это сообщение настолько необычно, интересно и значимо, что представляется оправданным привести его полностью: «Между собой они производят операции на старые шкуры белок, на которых нет шерсти, в которых нет никакой (другой) пользы и которые ни на что решительно не годятся. И когда эти шкуры головы белки и ее двух лап, то (эти шкуры) правильны. И каждые 18 шкурок в счете их идут за один дирхем. Они их укрепляют в пачку и называют джукн (?). За каждую шкурку из этих шкур дают краюху отличного хлеба, которая достаточна для сильного человека. На них же покупается все, как то: рабыни, отроки, золото, серебро, бобры, кундиз (куницы ?) и другие товары. А если бы эти шкуры были в какой (другой) стране, то за тысячу их вьюков не купить бы одного зерна и не были бы они годны решительно ни на что. А когда (шкурки) испортятся в их домах, они везут их в полувьюках, в разрезанном виде, направляясь к некоему известному рынку, где есть люди, а перед ними ремесленники. Они передают им шкурки, и ремесленники приводят их в порядок на крепких веревках, каждые 18 шкурок в одну пачку. Сбоку веревки приделывается кусок черного свинца с изображением царя (царства, государства). За каждую печать берут по шкурке из этих шкурок, пока не припечатают всех. И никто не может отвергнуть их. На них продают и покупают».

Этому рассказу, казалось бы, не оставляющему никаких сомнений в существовании на Руси кожаных денег, все же не следует поспешно придавать абсолютного значения. Во-первых, сообщение ал-Гарнати может относиться к очень ограниченной территории. К тому же можно заметить, что нам неизвестен маршрут его путешествия по территории Руси. Во-вторых, в Новгороде Великом, например, по сообщению Гильбера де Ланнуа (начало XV в.), в качестве мелких денег использовались головы белок. Однако в результате ведущихся в Новгороде вот уже более полувека систематических археологических раскопок обнаружены сотни тысяч хорошо сохранившихся кожаных изделий и обрывков кожи, но среди этих находок нет ни одной, которую можно было бы хоть как-то связать с кожаными деньгами. В то же время в хорошо датированных слоях безмонетного периода часто находят кошельки, аналогичные кошелькам из более древних и более «молодых» слоев.

В. Л. Янин выдвинул интересную гипотезу о платежной роли в безмонетный период некоторых изделий древнерусского ремесла. Для выполнения функций средств платежа эти изделия должны были удовлетворять прежде всего двум условиям — иметь постоянную и определенную стоимость, а также быть максимально стан-

дартизированными. Этим требованиям вполне удовлетворяют овручские шиферные пряслица, очень широко распространенные на территории Руси и часто находимые в городских центрах в количествах, явно превосходящих хозяйственные потребности в них. Аналогичную роль могли играть некоторые виды каменных и стеклянных бус и стеклянные браслеты. Следует особо подчеркнуть, что бусы и пряслица встречаются в монетных кладах. Более того, ареал шиферных пряслиц практически совпадает с территорией монетного обращения Руси IX — начала XII в.

И.Г.Спасский высказал предположение о выполнении роли платежного средства на территории Северо-Западной Руси так называемых раковин каури. Эти небольшие и красивые раковины, добывавшиеся на Мальдивских островах Индийского океана, были широко распространены в качестве денег в Африке, Азии и Европе. Они встречаются при раскопках в Новгороде и Пскове, особенно много их найдено в Прибалтике, известны они и в Верхнем и Среднем Поволжье.

РУССКИЕ МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ XIV—XV вв.

Чеканка собственных монет возобновилась на Руси в конце XIV в., после более чем 350-летнего перерыва. Новые экономические и политические условия развития Руси способствовали почти одновременному появлению чеканной монеты в различных русских центрах. Успехи в освободительной борьбе с монголо-татарским игом и особая роль в ней Великого княжества Московского предопределили возобновление монетной чеканки прежде всего, вероятно, именно в Москве. Начало собственной монетной чеканки стало возможным благодаря действию целого ряда факторов как экономического, так и политического свойства, сложившихся на рубеже XIV и XV вв. С одной стороны, необходимость в собственной монете определялась усиливающимся развитием и укреплением рыночных связей между различными русскими землями, которые обеспечивались заметным ростом товарного производства и его дифференциацией. С другой стороны, чеканка монет стала возможной благодаря концентрации монетного металла в крупнейших русских центрах, образованию в них значительных фондов серебра. Важную роль сыграла здесь и сильная политическая централизация отдельных русских земель и княжеств, без которой начавшаяся чеканка монет очень скоро бы заглохла.

Приоритет в возобновлении монетного производства оспаривают три сильнейших русских княжества конца XIV в. — Московское, Суз-

Изготовление денег. Миниатюра из Лицевого свода

дальско-Нижегородское и Рязанское. Среди исследователей нет единодушия по вопросу о времени и месте начала новой русской монетной чеканки. Большинство из них полагают, что первым приступил к чеканке монет великий князь московский Дмитрий Иванович Донской (1359—1389) в 60-х или 70-х гг. XIV в. Вполне возможно, что начало чеканки следует отнести к 80-м гг. XIV в. и связать появление первых русских монет с победой в Куликовской битве 1380 г.

Существует мнение, что чеканка началась в Великом княжестве Суздальско-Нижегородском при великом князе Дмитрии Константиновиче (1365—1383).

Слабая изученность значительного фонда русских монет конца XIV в. не позволяет считать этот вопрос решенным, однако наиболее аргументированным представляется мнение ученых, отдающих предпочтение Великому княжеству Московскому.

В нумизматике долгое время господствовало неверное представление об определяющей роли монетной чеканки Золотой Орды в возобновлении русского монетного производства. Оно покоилось на принимавшемся априори факте широкого распространения золотоордынских монет на территории Руси на всем протяжении золотоордынской чеканки. В настоящее время установлено, что монеты Золотой Орды на русской территории имели исключительно небольшой и ограниченный ареал. Топографирование находок джучидских дирхемов убедительно это доказывает — лишь отдельные единичные находки татарских монет встречаются за пределами Великого княжества Рязанского и Верховских княжеств, да и сюда они начинают проникать только в 60-е гг. XIV в. Не приходится и говорить о каком-либо принципиальном влиянии золотоордынской монетной системы на русскую. Что касается Великого княжества Рязанского, то специфика его монетной чеканки объясняется особыми условиями его исторического развития — пограничным положением, экономическими связями с Золотой Ордой и определенной политической зависимостью от нее, особенно на раннем этапе собственного монетного производства в конце XIV в.

Монеты Великого княжества Московского. Чеканку монет в Москве начал великий князь Дмитрий Иванович Донской. Судя по незначительному числу известных монет Дмитрия Донского (около 100 экземпляров), чеканка началась в самом конце его княжения или по крайней мере в 80-е гг. XIV в. На лицевой стороне этих монет изображен человек с саблей или петух, а вокруг помещается надпись: «Печать великого князя Дмитрия». На оборотной стороне отчеканена легенда, подражающая татарским монетам и содержащая имя хана Тохтамыша. Эта надпись отражала вассальную зависимость русских князей от Золотой Орды.

Сын Дмитрия Донского великий князь Василий I (1389—1425) продолжил чеканку в более крупных размерах. Характерно, что с некоторых типов его монет исчезают надписи, подражающие татарским. Этот факт можно рассматривать как результат определенных успехов в борьбе за освобождение от монголо-татарского ига. Сюжеты изображений на монетах становятся более разнообразными. Большую попу-

лярность приобретает изображение всадника с птицей на руке, являющееся, возможно, портретом самого великого князя, принимающего участие в соколиной охоте, столь любимой на Руси.

Монеты великого князя Василия II Васильевича (1425—1462), прозванного Темным из-за его ослепления в 1446 г. галичским князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой, буквально поражают множеством типов. Здесь и различные изображения князя — на коне с птицей на руке, на коне с копьем, сидящего на престоле, и сцены охоты, изображения различных зверей и птиц, часто фантастические, и какие-то пока еще необъяснимые бытовые сцены. На лицевой стороне ранних монет этого князя изображен всадник с соколом, а на оборотной — мифический Самсон, раздирающий пасть льва, и круговая надпись: «Князь великий Василий».

Монеты Василия Темного ярко отразили острейшую борьбу за московское великое княжение между ним и его политическими соперниками — галичскими князьями. Основные этапы этой феодальной войны хорошо прослеживаются на нумизматическом материале. Дело в том, что одним из действенных средств феодальной войны была порча монет, т.е. снижение их законного веса или ухудшение качества за счет уменьшения в монетах количества чистого серебра, завуалированного добавлением примесей. Например, резкое снижение веса московских монет произошло в 1446 г., когда галичский князь Дмитрий Шемяка сел на московский престол. Поскольку такая монетная реформа прежде всего ухудшила положение трудового люда, очень скоро народное возмущение привело к изгнанию Дмитрия из Москвы. Захватив столицу, Шемяка какое-то время чеканил свои монеты, частично используя штемпели Василия II. Такие монеты несут на себе два имени. После возвращения в Москву в 1447 г. Василия Темного постепенно налаживается монетное производство, сильно пострадавшее от хозяйничанья галичских князей. Вновь организуется денежный двор, стабилизируется вес монет, вырабатывается определенный и постоянный их тип. На лицевой стороне изображается голова человека, вероятно князя, окруженная очень характерной надписью: «Осподарь всея земли русской». Знаменательно, что такую же надпись имела и государственная печать Василия II. В самом конце княжения Василия Темного появляются монеты с надписью: «Денга московская». При этом князе, видимо, появляются и первые медные монеты — пулы, которые чеканят в Москве и некоторых других городах.

В княжение великого князя Ивана III (1462—1505) практически завершается собирание русских земель и княжеств в единое государство. Этот важнейший исторический процесс также нашел определенное отражение в нумизматическом материале. Прежде все-

го он проявился в прекращении самостоятельной чеканки монет Новгородом Великим и некоторыми другими центрами. В то же время постепенно отмирает система откупа монетной чеканки и начинает более или менее постоянно функционировать Московский денежный двор. На монетах все чаще изображается всадник, ставший своего рода гербом московских великих князей.

При Василии III (1505—1533) происходит дальнейшая централизация монетного производства. Прекращает самостоятельную чеканку Псков. Значительное число монет Василия III, как и часть монет его отца, имеет только лишь титул «государь всея Руси», без обозначения имени князя. Уже сам титул делал присутствие на монетах княжеского имени необязательным.

Метрология монет Московского княжества изучена еще недостаточно. Окончательно не установлена монетная стопа, а следовательно, и весовая норма ранних монет Дмитрия Донского. Одни исследователи считают весовой нормой первых московских монет 0,92 г, другие — 0,98 г, полагая при этом, что вскоре после начала чеканки Дмитрий Донской провел денежную реформу, понизившую вес монет. По мнению Н И Булычева, высказанному еще в начале XX в., в основе монетной стопы Великого княжества Московского лежал полуслиток весом в 102,378 г — из этого слитка чеканили 100 монет. Иными словами, первоначальная весовая норма московских монет была равной 1,02 г. Разногласия вызывает и вопрос о том, каким был первоначальный московский рубль — 100- или 200-денежным. В. Л Янин, предполагая, что рубль в Низовских землях был 200-денежным, пришел к выводу о том, что с понижением веса московской деньги Дмитрия Донского до 0,92 г происходит отделение денежной единицы от весовой. Старый рубль сохраняется лишь в виде весовой единицы — гривенки (204,756 г), а новый является чисто денежной единицей в 184,28 г. Однако среди всех известных слитков XIV—XV вв. (246 экземпляров) нет ни одного с весом от 183 до 186 г, а их подавляющее большинство весит 193,5—197,5 г. Представляется, что Дмитрий Донской начал чеканку монеты, исходя из теоретической нормы московского рубля — 102,378 г, а затем опираясь на реальный полуслиток весом 91—94 г. Интересные наблюдения В. Л. Янина, суть которых сводится к «возможности существования в определенные периоды двух монетных норм — официально объявленной, которую можно назвать исходной или теоретической и которая является результатом реформ, и неофициальной, несколько пониженной сравнительно с теоретической и постепенно все более понижающейся», подтверждают наше мнение.

По какой бы норме ни началась московская монетная чеканка, ее снижение в результате реформы до 0,90—0,93 г привело к установ-

лению рациональных взаимоотношений московской денги как с джучидскими дирхемами, так и с рязанскими и новгородскими монетами. Московская денга стала равной половине белы, заменившей в Новгороде Великом ногату, а три московские денги приравнивались к двум золотоордынским дирхемам. Именно в это время впервые появляется новая счетная единица — алтын. Этимологию этого термина связывают с татарским «алты» — шесть. Первое упоминание алтына в письменных памятниках относится к 1375 г., причем вместе с ним здесь фигурирует еще не денга, а резана. Первое совместное употребление алтына и денги зафиксировано в договорной грамоте Дмитрия Ивановича Донского с рязанским великим князем Олегом Ивановичем 1381—1382 гг.

В нумизматике существуют две точки зрения о монетном содержании алтына. Одни исследователи доказывают его первоначальное равенство 3 денгам, другие — 6 денгам. После денежной реформы 1535 г. равенство алтына 6 денгам-московкам или 3 копейкам-новгородкам не подлежит никакому сомнению. Шестиденежный алтын хорошо известен и во второй половине XV в. До конца XVI в. алтын был только счетной единицей; в виде серебряной монеты он появился в конце XVI в., а не в 1704 г., как обычно указывается в литературе. Счет на алтыны в пережиточной форме сохранился до наших дней в народном бытовом названии 15-копеечной монеты — «пятиалтынный». Первые серебряные алтыны были отчеканены при царе Федоре Ивановиче (1584—1598). Эти редкие монеты чеканились на проволоке обычными копеечными штемпелями, только вес их был равен весу трех копеечных монет.

Монеты великого князя московского Василия Дмитриевича, внешне очень похожие на монеты Дмитрия Донского, разнятся с ними в метрологическом отношении. Скорее всего, Василий I начал чеканку своих монет по стопе последних монет Дмитрия, однако около 1409— 1410 гг. он провел денежную реформу, в результате которой вес московской денги был снижен до 0,789 г. Знаменательно, что это снижение веса московских монет вызвало цепную реакцию — в других русских центрах, чеканивших монеты, также происходят изменения весовых норм монет.

Монеты Василия II Темного изучены достаточно хорошо. До 1446 г. их весовая норма (0,72—0,73 г) не нарушается. Даже когда в 1433—1434 гг. московский великокняжеский стол захватил галичский князь Юрий Дмитриевич, он стал чеканить монеты от своего имени, но по весовой норме монет Василия II, несмотря на то что в самом Галиче чеканка осуществлялась в это время уже по пониженной монетной стопе. В 1446 г. князь Дмитрий Шемяка понижает вес московской денги до 0,59 г, а затем, в конце княжения Василия II

Монеты XV в.

Темного, ее вес был понижен еще раз до нормы в 0,395 г, сохранившейся неизменной до денежной реформы Елены Глинской в 1535 г.

Среди всех средневековых русских так называемых удельных монет наиболее многочисленны и разнообразны монеты, чеканившиеся в различных уделах Великого княжества Московского. Известны монеты Галичского, Звенигородского, Дмитровского, Можайского, Серпуховского и других удельных княжеств. Несмотря на слабую изученность московских удельных монет, можно констатировать определенные тенденции в их чеканке. Она начинается, видимо, по весовой норме московских монет, но затем понижение их веса в сравнении с московскими монетами идет более быстрыми темпами. При этом в экономически более развитых центрах этот процесс протекал значительно медленнее, чем в более слабых.

Изображения на монетах московских уделов очень разнообразны. Некоторые из них повторяют изображения на великокняжеских монетах. Например, изображение Самсона встречается на монетах княжества Серпуховского и Боровского при князе Семене Владимировиче (1410—1426), княжества Малоярославского при князе Ярославе Владимировиче (1388—1426), княжества Дмитровского при князе Петре Андреевиче (1389—1428), княжества Можайского при князе Андрее Дмитриевиче (1389—1432) и Галицкого княжества при князе Юрии Дмитриевиче (1389—1434). Очень популярным на монетах московских уделов является изображение всадника с со-

колом. Оно известно и на монетах великих княжеств Суздальско-Нижегородского и Тверского.

Иногда на монетах удельных княжеств присутствует имя великого князя московского Василия II Темного, что, возможно, отражает определенный контроль Москвы над чеканкой в уделах. Впрочем, вероятно и другое объяснение — чеканка для удела осуществлялась денежником великого князя московского.

Монеты Великого княжества Суздальско-Нижегородского. Чеканка монет этого княжества началась в его главном центре — Нижнем Новгороде при великом князе Дмитрии Константиновиче (1365—1383). Значительное количество монет этого князя и многочисленность их типов свидетельствуют о сравнительно раннем начале чеканки. Однако вряд ли справедливо мнение в том, что чеканка началась около 1365 г. Скорее всего, Дмитрий начал чеканить монеты не в первые годы своего княжения. Первое комплексное исследование суздальско-нижегородских монет и персональная атрибуция многих их типов принадлежат А.В.Орешникову. После смерти Дмитрия чеканку продолжил его брат Борис Константинович (1383—1394), которому пришлось вести длительную и упорную борьбу за великокняжеский стол со своим племянником — суздальским князем Василием Дмитриевичем Кирдяпой (1377—1387). До чеканки монет в Нижнем Новгороде Борис Константинович чеканил собственную монету в Городце, а Василий Кирдяпа — в Суздале. Все ранние суздальско-нижегородские монеты имеют на одной из сторон (а часто и на обеих сторонах) надписи, подражающие татарским. Например, на одной из ранних монет князя суздальского Дмитрия Константиновича на лицевой стороне в круглой рамке изображено лицо человека впрямь, а на обратной — подражание татарской монете. Г.А.Федорову-Давыдову в специальной монографии, посвященной монетам этого княжества, удалось установить определенные типы подражаний золотоордынским монетам в чеканке Суздаля, Городца и Нижнего Новгорода.

Самостоятельная чеканка монет в Суздальско-Нижегородском княжестве прекратилась в 40-х гг. XV в. Монеты этого княжества, отличающиеся богатством сюжетов помещенных на них изображений, часто анонимны. В метрологическом отношении они изучены недостаточно.

Монеты Великого княжества Рязанского. Отличительной особенностью денежного обращения Великого княжества Рязанского накануне начала собственной монетной чеканки явилось широкое использование серебряных золотоордынских монет, массовое про-

никновение которых на его территорию началось в 60-е гг. XIV в. Первые рязанские монеты — это джучидские дирхемы, снабженные надчеканками в виде различных букв русского алфавита: «Б», «Бо», «Д» и др. Начало буквенного надчеканивания приходится на середину 80-х гг. XIV в. Около 1390 г. буквенные надчеканки сменяются надчеканками в виде характерной тамги, ставшей неизменным и обязательным отличительным признаком рязанских монет на всем протяжении самостоятельной чеканки. Практически одновременно с появлением тамги начинается изготовление подражаний джучидским дирхемам, которые довольно быстро вытесняют из обращения подлинные золотоордынские монеты. Обязательный атрибут рязанских монет — надчеканка в своем развитии также прошла ряд этапов.

Ранние рязанские монеты чаще других привлекали внимание исследователей. Тем не менее до сих пор вопросы смысла и значения русских надчеканок на джучидских монетах и подражаниях им являются дискуссионными. Уже сам факт появления надчеканок означал, в сущности, начало самостоятельного монетного производства Рязанского княжества и, безусловно, отражал стремление рязанской великокняжеской власти к экономической и политической самостоятельности. Использование при этом монет Золотой Орды было предопределено сравнительно длительным обращением их на территории княжества.

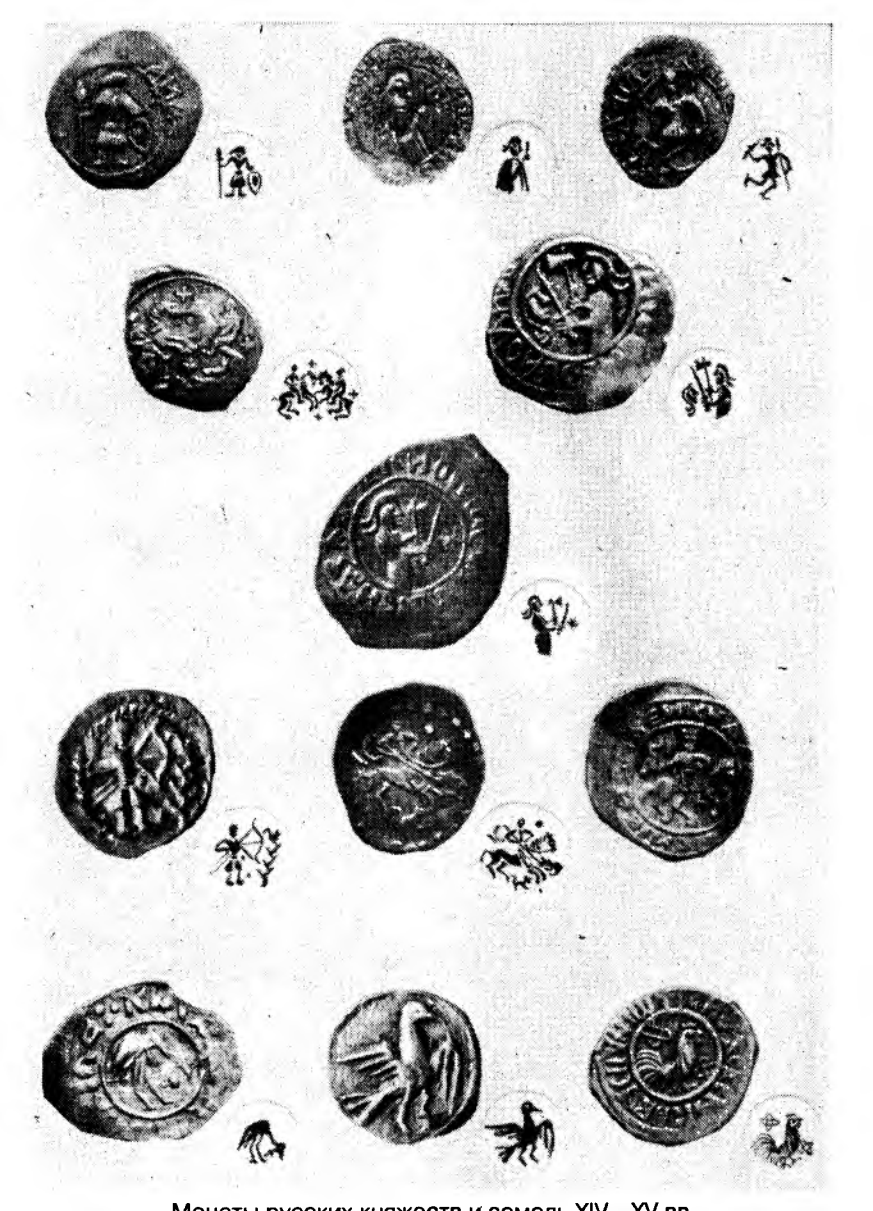
Надчеканивание татарских монет и изготовление подражаний им началось при великом князе Олеге Ивановиче (1350—1402). Монеты этого князя, так же как и монеты его сына и преемника Федора Ольговича (1402—ок. 1417), анонимны. В княжение Ивана Федоровича (ок. 1417—1456) резко изменяется тип монет — прекращается изготовление подражаний и на монетах впервые появляется надпись на русском языке, содержащая титул, имя и отчество князя. С монетами предшественников их связывает только надчеканка рязанской тамги, помещение которой на монетах чисто русского типа подтверждает мысль о ее геральдическом характере. Оформление новых монет далеко не случайно: надпись расположена по внешним сторонам квадратной рамки, середина которой оставалась пустой, так как предназначалась для нанесения надчеканки с противоположной стороны монеты. Интересно, что тамга не вырезывалась в основном штемпеле, а, как и прежде, надчеканивалась специальным пуансоном, т.е. и при Иване Федоровиче сохранялось дополнительное клеймение монет тамгой.

К сожалению, нет ни одного пуансона тамги, который связал бы первые монеты Ивана Федоровича с анонимными монетами его отца Федора Ольговича. Отсутствие такой связи может свидетельст-

Монеты русских княжеств и земель XIV—XV вв.

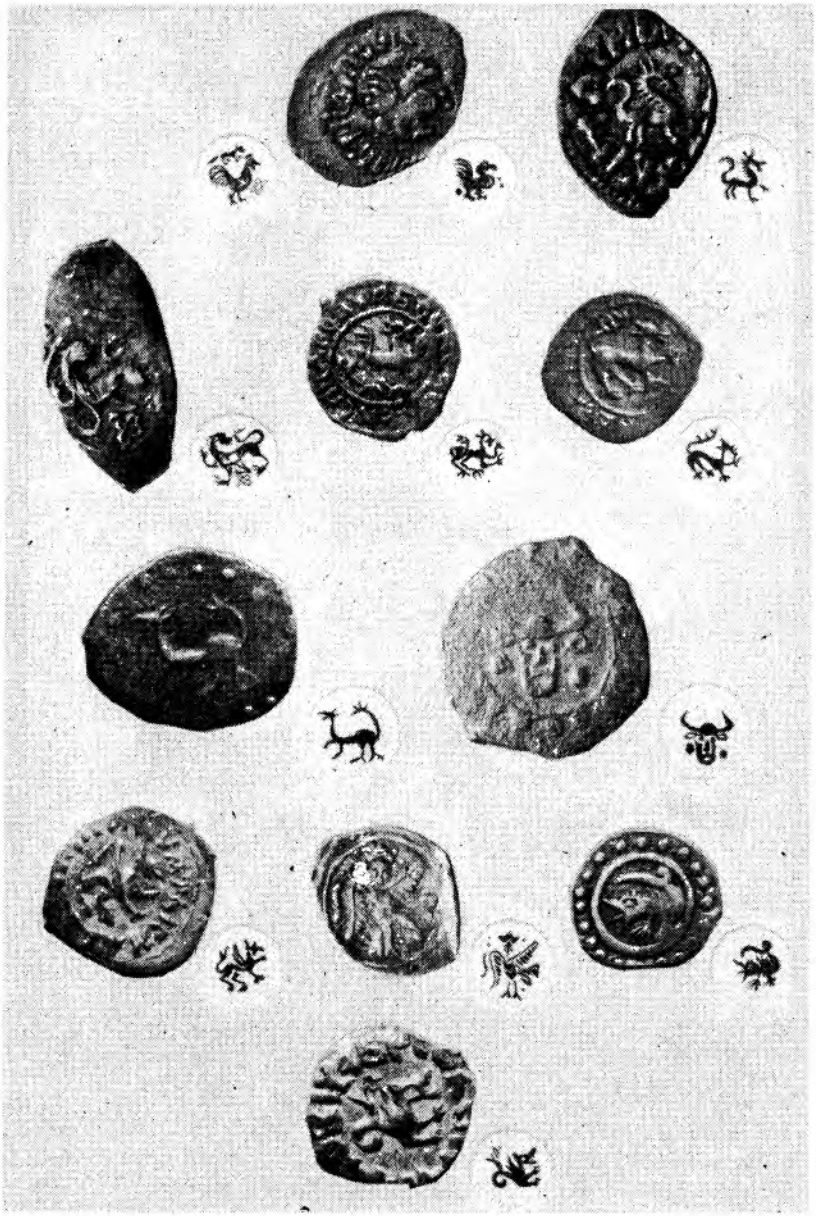
вовать или о каком-то перерыве в чеканке монет, вызванном, быть может, как раз сменой княжений, или о сознательном уничтожении пуансонов, употреблявшихся перед началом чеканки монет Ивана Федоровича. Поскольку надчеканки последних анонимных монет практически не отличаются от надчеканок на ранних монетах Ивана Федоровича, следует признать верным первое из возможных решений.

После смерти великого князя Ивана Федоровича в 1456 г. самостоятельная чеканка монет в Рязанском княжестве фактически прекращается, так как сын Ивана Василий находился под опекой великого князя московского Василия II Темного и был отпущен из Москвы в Рязань только в 1464 г. Известны монеты с надписью на одной стороне «Князь великий Василий», а на другой — «денга рязанская», которые по типу и весу скорее всего принадлежат чекану Василия II Темного. Лишь единичные монеты с надписью «Князь Василий Иванович» можно связать с кратковременным чеканом Василия после его возвращения в Рязань.

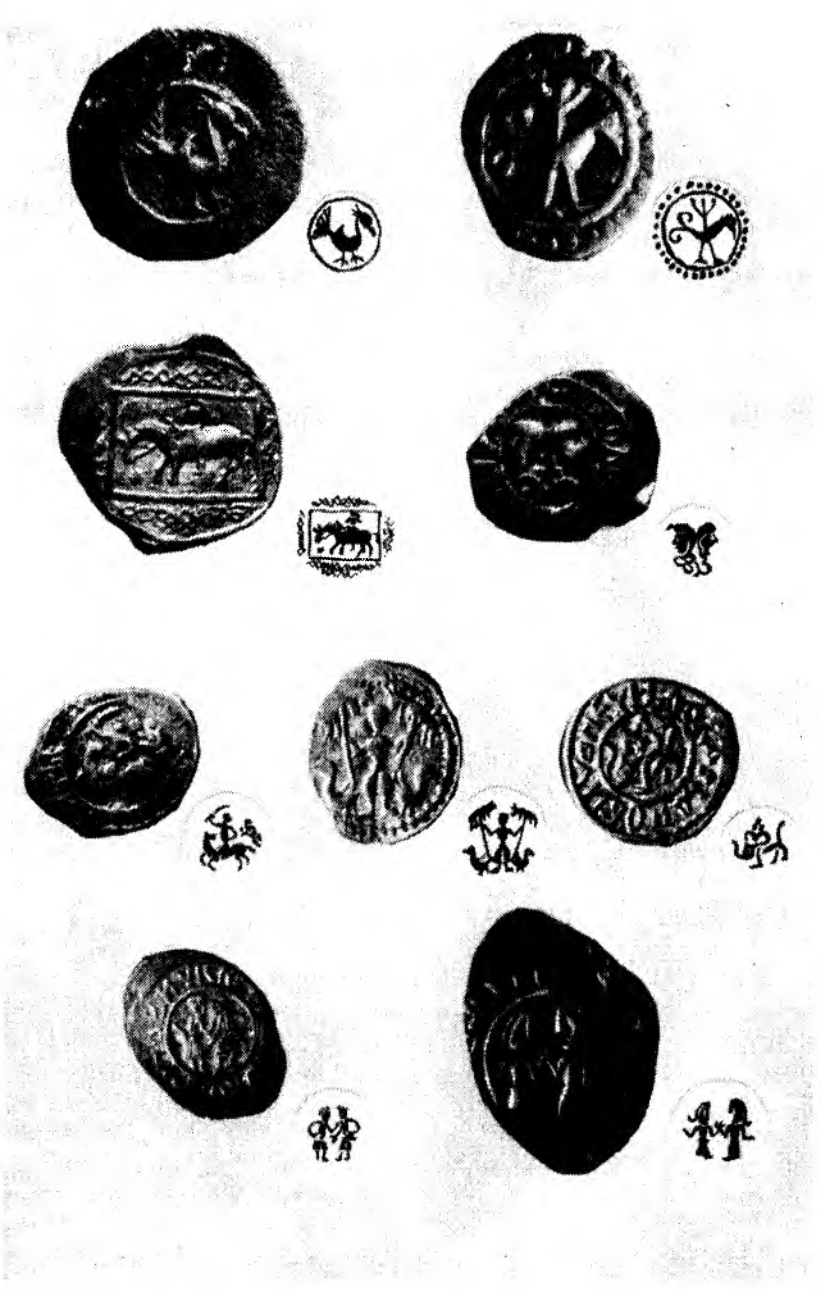


Монеты русских княжеств и земель XIV—XV вв.
с прорисовками изображений

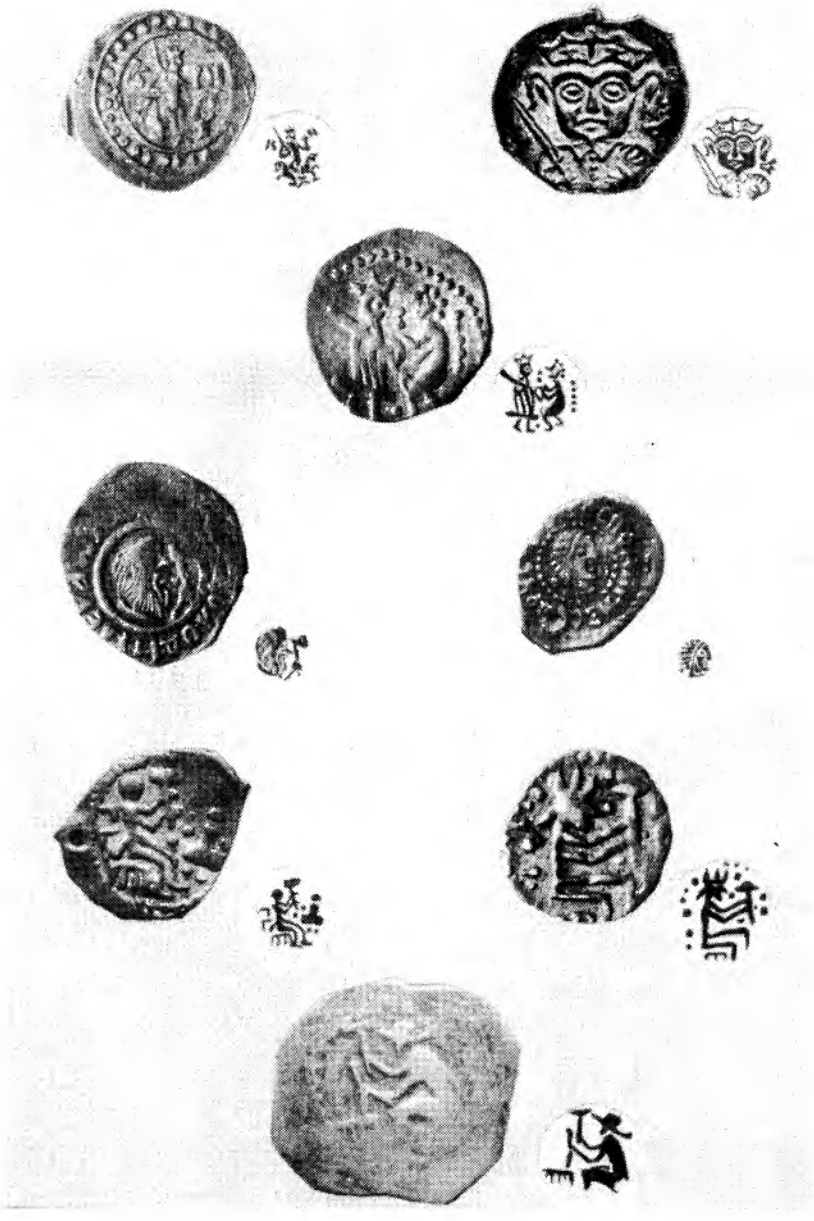
Таким образом, фактическая потеря независимости Рязанского княжества привела к прекращению в 1456 г. самостоятельной монетной чеканки задолго до окончательного его присоединения к Москве в 1520 г.



Монеты русских княжеств и земель XIV—XV вв.



Монеты русских княжеств и земель XIV—XV вв.



Монеты русских княжеств и земель XIV—XV вв.

Изучение веса ранних рязанских подражаний дирхемам с надчеканками в виде букв и тамги показывает, что они чеканились по весовой норме монет Золотой Орды, установленной монетной реформой хана Тохтамыша в 1380 г. — 1,40—1,42 г. Однако уже в начале XV в. большинство рязанских монет весит 1,25—1,30 г. Нет никаких оснований связывать это понижение веса монет с денежной реформой. Скорее всего, оно явилось результатом эксплуатации монетной регалии. Среди рязанских монет первого десятилетия XV в. есть группа подражаний дирхемам, связанных общими штемпелями и надчеканками. Весовая норма этих монет заключена в пределах 1,12—1,19 г, а датируются они приблизительно 1408 г. Вероятно, что здесь мы уже имеем дело с монетной реформой, установившей равенство двух рязанских денег трем московским. Весовая норма монет великого князя Ивана Федоровича колеблется от 0,92 до 1,04 г, а монеты с именем князей Василия и Василия Ивановича чеканились по московской стопе.

Самым тесным образом с монетным делом Рязанского княжества связана чеканка в удельном княжестве Пронском. На одной стороне пронских монет надчеканена тамга, отличающаяся от обычной рязанской тем, что вместо точек внутри ее завитков помещены профильные изображения головы человека, обращенные друг к другу. На другой стороне монет помещена характерная «Ф» — образная тамга, вырезанная в монетном штемпеле, вокруг которой надпись: «печать князя великого», или «печать князя», или «княжа Ивана».

Весовая норма ранних пронских монет, отчеканенных на довольно грубых подражаниях джучидским дирхемам, 1,32—1,38 г, совпадает с нормой рязанских монет последнего десятилетия XIV в. В это время пронским князем был Иван Владимирович (1372—ок. 1430). Казалось бы, что такой атрибуции противоречит титулование удельного князя Ивана великим князем. Но известно, что титулование в средневековой Руси было малоустойчивым. К тому же в договоре 1402 г. великого князя московского Василия Дмитриевича с рязанским великим князем Федором Ольговичем Иван Владимирович назван великим князем. Более того, в 1408 г. он на короткое время занял рязанский великокняжеский стол и, вероятно, сразу же приступил к чеканке монет со своим именем и титулом великого князя.

Эмиссия пронских монет была кратковременной, так как их известно сравнительно мало, они компактны по своему весу и, что самое главное, в подавляющем большинстве связаны между собой общими основными штемпелями и пуансонами тамги-надчеканки.

Итак, монетная чеканка и денежное обращение Великого княжества Рязанского периода его самостоятельности неразрывно свя-

заны с общим ходом его исторического развития. Начало чеканки собственных монет по джучидской весовой норме явилось не столько отражением политической зависимости Рязанского княжества от власти золотоордынских ханов, сколько было результатом их экономических взаимоотношений и тех определенных условий, при которых Рязанская земля была одним из районов обращения татарских монет. Тем не менее сравнительно быстро рязанская монетная система расходится с джучидской.

Монеты Великого княжества Тверского. Чеканка монет в этом княжестве началась где-то в самом начале XV в. при великом князе Иване Михайловиче (1399—1425), который чеканил свои монеты не только в Твери, но и в городе Городне (современная Старица ?). Чеканка монет тверскими великими князьями не только в стольном городе, но и в удельных княжениях, находившихся у них «под рукой», — особенность тверской чеканки. С 1425 по 1461 г. чеканку как в Твери, так и в Городне и Кашине осуществлял великий князь Борис Александрович. Кроме названных князей, свои монеты чеканили кашинские удельные князья Василий Михайлович (до 1426 г.) и предположительно Иван Борисович, микулинский князь Федор Михайлович (до 1430 г.) и дорогобужский князь Андрей Дмитриевич (1407—1437).

Самостоятельная чеканка монет в Тверском княжестве прекратилась при великом князе Михаиле Борисовиче (1461—1486) после присоединения Твери к Москве в 1486 г. Приблизительно до 1534 г. чеканка на Тверском денежном дворе осуществлялась от имени московских великих князей Ивана Ивановича и Василия III. Ивану Ивановичу, своему сыну и соправителю, Иван III пожаловал Тверь в 1486 г. после бегства в Литву тверского князя Михаила Борисовича.

Среди различных изображений на тверских монетах наиболее интересным представляется изображение чеканщика монет, сидящего за верстаком и держащего в руках молот. Характерно, что на тверских монетах полностью отсутствуют надписи, подражающие татарским.

В весовом отношении монеты Твери и ее уделов изучены недостаточно, но все же можно заключить, что при Борисе Александровиче и Михаиле Борисовиче их весовая норма составляла около 0,57—0,59 г, т.е. 4 тверские денги по весу равнялись 3 московским.

Монеты Новгорода Великого и Пскова. Чеканка монет в Новгороде Великом началась позже, чем в других основных русских центрах. Только в 1420 г., как сообщает Новгородская I летопись, «начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги по-

прадаша немцом, а торговали имы 9 лет». Из этого известия следует, что до появления собственной монеты Новгород использовал иноземную. Та же летопись под 1410 г. сообщает: «Начаша новгородци торговати промежи себе лопьци (лобци) и гроши литовьскими и артуги немечкими, а куны отложиша...» Литовские гроши — это хорошо известные пражские гроши (от лат. «гроссус» — большой), чеканка которых началась в Чехии около 1300 г.; немецкие артуги — это, вероятнее всего, ливонские артиги. Что касается названия «лопьци» (лобци), то его принято объяснять как русифицированное наименование любекских «белых пфеннигов». Таким образом, речь идет о введении в обращение иноземных серебряных монет, заменивших куны. Сторонники теории меховых денег утверждают, что новгородские куны в этом случае, безусловно, являют собой меховые валютные единицы. Одним из аргументов в пользу такого решения вопроса они выдвигают миниатюру Лицевого (иллюстрированного) летописца XVI в., являющуюся иллюстрацией сообщения 1410 г., на которой изображена сцена обмена кун на монеты. Действительно, на ней можно увидеть какие-то предметы прямоугольной формы, согнутые пополам и снабженные «язычками» (мордки ?), в руках горожан и в ящике. Исследователи, защищающие металлическое денежное обращение, считают, что и в данном случае речь может идти лишь о замене одних серебряных монет другими или о замене монетами прежних товаро-денег.

Для новгородских монет характерна исключительная устойчивость оформления. На лицевой стороне изображена двухфигурная композиция: левая фигура в одеждах и короне (венце ?) с жезлом (мечом ?), а правая обнажена и стоит в так называемой просительной позе. Левая фигура стоит или сидит, а правая иногда держит в руках дар, переданный в виде овала или столбика из точек (монет ?). На оборотной стороне помещена лаконичная строчная надпись: «Великого Новагорода». Попытки осмыслить и истолковать изображение на этих монетах породили целую литературу. В левой фигуре видели князя новгородского, посадника, московского великого князя, Софию, какой-то отвлеченный символ города, в правой — человека, медведя, денежного мастера, посадника. Следует отметить и подчеркнуть сюжетную близость изображений на новгородских и венецианских монетах. На последних также помещена двухфигурная композиция: св. Марк — покровитель города — вручает дожу символы власти. Скорее всего, композицию изображений на новгородских монетах следует рассматривать как чисто монетную эмблему.

Происхождение оригинальной системы новгородского денежного счета, в котором гривна и рубль подразделялись соответственно на 14 и 216 денег, остается еще окончательно не выясненным. С мо-

мента начала собственного денежного производства новгородцы приняли для своих монет вес московской денги в 0,789 г и сохранили его неизменным до падения Новгорода в 1478 г.

Основной единицей новгородской денежно-весовой системы был рубль, состоявший из 216 денег и весивший 170,1 г. Норма этого рубля точно высчитывается на основе твердого веса позднейшей московской монеты времени Василия III: 0,7875 × 216 = 170,1 г. Значительно труднее определить время появления этого рубля. Сам термин «рубль» впервые зафиксирован в новгородской берестяной грамоте, найденной в 1952 г. в слое XIV в. Изучение новгородских денежных слитков, берестяных грамот и других источников позволило В. Л. Янину датировать его возникновение рубежом XIII—XIV вв. и проследить три основных этапа становления и развития новгородской денежно-весовой системы, которая во второй половине XV в. приобрела следующий вид:

рубль = 15 гривнам + 6 денгам = 216 денгам = 170,1 г;
гривна = 14 денгам = 11,04 г;
денга = 0,79 г.

В этой системе новгородская денга была равной 1/100 московского рубля, а три новгородские денги составляли счетный алтын. Это значительно облегчило слияние московской и новгородской денежных систем в единую общерусскую систему в 1535 г.

После 1478 г. на новгородских монетах появляется титул великого князя, а затем на лицевой стороне монет — московская великокняжеская эмблема — «ездец». Вес монет остается неизменным. Такие монеты получили название новгородок.

На монетах Пскова периода его независимости на лицевой стороне изображался князь Довмонт с мечом в правой руке и в большой короне или шапке. На оборотной стороне помещалась строчная надпись: «деньга псковская» или изображение идущего барса, окруженное аналогичной надписью. Прототипом псковских монет, видимо, явились дерптские монеты с изображением головы епископа. Популярный псковский князь XIII в. Довмонт-Тимофей был патроном города, а его меч — местной святыней. Самостоятельная монетная чеканка осуществлялась в Пскове с 1425 по 1510 г., когда город вошел в состав Московского государства.

РУССКАЯ МОНЕТНАЯ СИСТЕМА XVI—XVII вв.

Денежная реформа 1535 г. и ее значение. Денежная реформа 1535 г., известная в литературе как реформа Елены Глинской, была осуществлена правительством в малолетство Ивана IV. Ос-

новной ее целью была унификация русской денежной системы, а также ликвидация кризиса денежного обращения, разразившегося во время правления великого князя Василия III в начале 30-х гг. XVI в. Кризис прежде всего выразился в начавшемся массовом обрезывании монет, некоторые из которых, например новгородские и псковские, теряли при этом до половины своего веса. Летописи сообщают о многочисленных казнях злоумышленников во многих русских городах.

Денежная реформа знаменовала собой завершение процесса образования Русского централизованного государства. В ее результате на основе двух местных монетных систем — московской и новгородской — была создана единая общегосударственная денежная система.

Самой крупной монетой в этой новой системе стала серебряная копейка, или новгородка. Свое название, сохранившееся до настоящего времени, она получила по изображению на лицевой стороне всадника с копьем. На вдвое более легкой, чем копейка, денге, или московке, всадник изображался с мечом. Самой маленькой монетой была полушка, равная половине денги или четверти копейки; на ней была изображена птица. На оборотных сторонах всех названных номиналов помещались строчные надписи, содержащие имя великого князя (с 1547 г. — царя).

Первое летописное сообщение о начале реформы, датируемое 7043 (1535) г., содержится в Воскресенской летописи: «Того же месяца марта князь великий Иван Васильевичь всеа Руси и его мати великаа княгини Елена велели переделывати старые денги на новои чекан того деля, что было в старых денгах много обрезаных денех и подмесу, и в том было христианству великаа тягость; в старой гривенке было полтретиа рубля, а в новых гривенках велели делати по три рубли; а подделщиков, которые люди денги подделывали и обрезывали, тех велели обыскивати, и иные, обыскав, казнили; а старым денгам впрок ходити не велели».

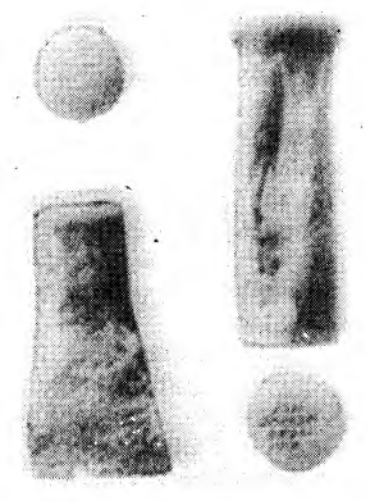
В этом известии нуждается в уточнении указание на то, что в «старой гривенке было полтретиа рубля». Здесь явная ошибка — после этой фразы пропущено «с гривной», т.е. из старой гривенки чеканили монет на 2,6 рубля или 260 денег.

Таким образом, в результате реформы вес монет был официально понижен. Из гривенки серебра 204,756 г стали чеканить монет не на 2,6 рубля, как прежде, а на 3 рубля, иными словами, теоретический и практический вес копейки стал равен 0,68 г. Этот вес она сохраняла неизменным в течение почти ста лет. Чеканка монет осуществлялась на денежных дворах Москвы, Новгорода и Пскова. Известны редкие полушки с надписью «Тверская», но чеканка в Твери

была кратковременной. Место чеканки обозначалось на монетах начальными буквами названий городов — М, МО (Москва), Н, НО (Новгород), ПС (Псков), помещаемыми под изображением всадника. В Москве и Новгороде эти знаки появились при царе Федоре Ивановиче (1584—1598), а при Иване IV Грозном вместо них помещались инициалы денежников.

Выпуск в обращение копеек не прекращался ни при одном царе, в то время как чеканка других номиналов осуществлялась с большими перерывами. Копейка служила основной монетной единицей вплоть до реформы Петра I, на протяжении всего этого периода времени ее тип не изменялся. При Федоре Ивановиче в надписи на монетах появляется отчество царя, также на его монетах иногда обозначалась дата чеканки, что прежде всего характерно для Новгородского денежного двора, например: «РД» (104), т.е. 7104 (1596) г. На московских монетах дат нет.

Вес копейки, установленный реформой (0,68 г), сохранился неизменным до Смутного времени начала XVII в. Тогда хозяйничанье поляков в Москве и шведов в Новгороде сильно подорвало русскую экономику. Поляки, начав в Москве чеканку по стопе в 3,6 рубля из гривенки, затем в 1611 г. перешли к 4-рублевой стопе. В Москве чеканили монеты пониженного веса (0,55—0,56 г) от имени королевича Владислава Жигимонтовича, а в Новгороде — легковесную копейку подлинными штемпелями Василия Шуйского и поддельными штемпелями Михаила Федоровича. В 1612 г. происходит очередное понижение веса копейки (до 0,51 г). Нумизматы на основании тщательного изучения соотношений монетных штемпелей и состава многочисленных монетных кладов той эпохи доказали непричастность к порче монеты русского правительства в годы царствования Василия Шуйского (1606—1610).



Денежные штемпели. XVII в.

Важной страницей в истории русской монетной чеканки является выпуск монет правительством Народного ополчения, осуществлявшейся на денежном дворе в Ярославле в 1611—1613 гг. по весовой норме, соответствующей заниженному весу монет интервентов, но от имени последнего законного, с точки зрения ополченцев, царя Федора Ивановича. Пониженную весовую норму монет ополчение

было вынуждено принять, чтобы не нести убытков при чеканке. Место производства этих монет обозначалось буквами ЯР с выносным С (Ярославль).

Эту же весовую норму (0,51 г, или 400 копеек из гривенки серебра) приняло и правительство первого царя новой династии Михаила Федоровича (1613–1645). В дальнейшем в течение всего XVII в. вес копейки постепенно снижался и в начале XVIII в. составлял уже менее половины первоначального, установленного реформой 1535 г. В 20-е гг. XVII в. копейка весила 0,48 г, в 30-е – 0,45 г, в правление царевны Софьи (1682– 1689) – 0,38 г, в 1698 г. – 0,28 г.

Монета Михаила Федоровича

При царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче кроме копеек и денег чеканились также полушки, весившие 0,11–0,14 г. Интересным эпизодом в истории русского денежного обращения XVII в. является проникновение в него в 20–30-х гг. так называемых «корелок». Они чеканились по договоренности с русским правительством от имени датского короля Христиана IV специально для обеспечения торговли датских купцов в Лапландии. Чеканка осуществлялась по образцу русских копеек. Различают два типа корелок. 1) С именем царя Михаила Федоровича и латинской буквой Р, помещаемой под всадником (это знак копенгагенского мюнцмейстера Иоганна Поста), и 2) с именем и титулом датского короля, переданными латинскими или русскими буквами, но со знаком московского денежного двора – «М». Монеты первого типа были тяжелее копеек Михаила Федоровича, они весили 0,56–0,58 г, монеты второго типа чеканились по московской стопе. Однако и первые и вторые чеканились из серебра худшего качества, чем русские монеты. Подобные иноземные «воровские» деньги сильно засоряли русское денежное обращение. Правительство было вынуждено предпринимать специальные меры для их изъятия. Например, в 1620 г. в ряд торговых городов был отправлен специальный царский указ, запрещающий торговлю на «воровские копейки» и грозивший смертной казнью за его нарушение.

В царствование Михаила Федоровича прекращается чеканка на денежных дворах Новгорода и Пскова, что также отражает тенденцию к максимальной централизации денежного производства и установлению жесткого контроля над ним.

Монетная реформа 1654—1663 гг. Широко задуманная правительством Алексея Михайловича (1645—1676) денежная реформа была призвана решить несколько важнейших задач. Сложившийся к середине XVII в. всероссийский рынок обслуживался фактически только одним денежным номиналом — серебряной копейкой, которая была крайне неудобной при крупных платежах, но, с другой стороны, все еще очень дорогой для нормального обеспечения каждодневных мелких рыночных связей. Ввод в обращение крупных номиналов монет, прежде всего серебряных рублевиков по образцу западноевропейских талеров, был остро необходим. Политические события середины века, а именно начавшаяся борьба за Украину, делали неотложной задачу приведения в соответствие украинской денежной системы, основанной в это время на свободном обращении западноевропейских талеров и разменной польской монеты, с общерусской. На Руси же талеры являлись исключительно монетным сырьем, и попытка превратить их сначала в рубли, а затем в «ефимки с признаком», приравненным в цене к 64 копейкам, преследовала далеко идущие цели очищения денежного обращения Украины от иностранных монет.

В исторической литературе долгое время начало реформы ошибочно относили к 1656 г. В настоящее время работами историков и нумизматов, прежде всего И.Г.Спасского, установлена истинная дата ее начального этапа — 1654 г., которая подтверждается как письменными источниками, так и самим монетным материалом.

Реформа началась с чеканки и ввода в обращение серебряных рублей и полуполтин, а также медных полтин. Вес рубля приравнивался к весу талера (28—29 г). Рубли чеканились на талерах, с которых предварительно сбивались изображения, полуполтины — на разрубленных на четыре части талерах, также предварительно лишенных изображений. Таким образом, в обращение вводились сразу два неполноценных номинала — рубль, равный фактически 64 копейкам (счетный рубль старыми копейками, которые оставались в обращении, весил около 45 г), и полуполтина, равная 16 копейкам при номинале 25 копеек. В том же году начали чеканку медных полтин, равных по весу новому рублю. Следует подчеркнуть, что новая система вводившихся в обращение монетных единиц не отменяла старую — серебряные проволочные копейки оставались в денежном обращении и чеканка их не прекращалась. Таким образом, в обращение вводились монеты с принудительным курсом — медные полтины и серебряные рубли и полуполтины, следовательно, медные монеты не могли стать разменными по отношению к серебряным.

Выпуск монет крупных номиналов потребовал перехода от ручной к машинной чеканке, что явилось непреодолимой трудно-

«Ефимки с признаком»

стью на пути реформы. Для их чеканки был открыт специальный денежный двор, называвшийся Новым Московским Английским денежным двором (название «английский» объясняется его местонахождением на бывшем подворье английских купцов). Специальные машины для чеканки новых монет — «молотовые снаряды» — часто ломались, монетные штемпели быстро изнашивались, остро ощущалась нехватка квалифицированных мастеров денежного дела. Уже в начале следующего года чеканку монет новых крупных номиналов пришлось прекратить. Медные алтыны, после того как была отчеканена их пробная партия на круглых заготовках, стали опять чеканить на обрезках расплющенной проволоки, вернувшись к ручной технике чеканки. Документы сообщают также о чеканке полуполтинников (четвертаков) и гривенников, которые, однако, до нашего времени не сохранились. Рублевиков было отчеканено очень немного — их известно немногим более 50 экземпляров. История сохранила имя резчика-маточника для изготовления рабочих штемпелей рублевиков — Федора Байкова. На одной стороне рублевиков помещалось традиционное изображение царя, скачущего на коне и держащего в правой руке скипетр. Характерной чертой изображения является рукав царского одеяния, накинутого на плечи, развевающийся над крупом коня сзади. Эта деталь позволяет предполагать в качестве прототипа изображения золотой червонец царя Федора Ивановича. Круговая надпись по краю монеты содержит новую титулатуру царя: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России». На другой стороне в центре монеты изображен двуглавый орел, увенчанный короной. Вверху надпись «Лета 7162», внизу — «Рубль». Изображения на медных полтинах почти не отличаются от помещенных на рублевиках. Следует подчеркнуть, что именно на монетах впервые зафиксирован новый царский титул «царь и великий князь всея Великия и Малыя России», отразивший воссоединение Украины с Россией.

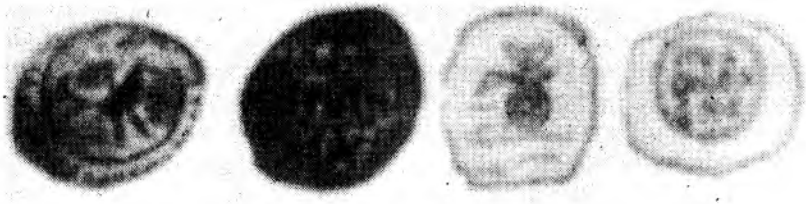
Убедившись в невозможности наладить чеканку и ввести в обращение рублевики, правительство в 1655 г. выпустило в обраще-

ние так называемые «ефимки с признаком». Название ефимок происходит от наименования первых талеров, чеканившихся в городе Иоахимсталь в Богемии. В Чехии они получили название иоахимсталеров или, сокращенно, талеров. На Руси же прижилась первая часть слова и талеры стали называть ефимками. Отметим, что от талера произошло еще одно название — доллар. Итак, «ефимок с признаком» — это талер, снабженный двумя надчеканками: одной в виде обычного круглого штемпеля копейки с изображением всадника, другой в виде прямоугольного клейма с датой «1655», обозначенной арабскими цифрами. Среди «ефимков с признаком» встречаются талеры большинства европейских государств — Польши, Швеции, Дании, Норвегии, Швейцарии и др. Исключительно полно представлены талеры различных немецких княжеств, архиепископств и городов.

Ефимок официально приравнивался к 64 копейкам, соответственно среднему числу копеечных монет, изготовлявшихся из одного талера. Так же стали цениться и рублевики 1654 г., т.е. была ликвидирована метрологическая двойственность находящихся в обращении монет. Надчеканка талеров осуществлялась только лишь в течение 1655 г., в крайнем случае еще в начале следующего года, но надчеканкой «1655». В течение этого времени надчеканки-«признаки» получили до одного миллиона талеров. В 1659 г. их обращение было запрещено вместе с рублями и полуполтинами и они были выкуплены на медные деньги. В денежном обращении Украины они сохранились до XVIII в. наряду с талерами. Сейчас известно более 1700 экземпляров «ефимков с признаком», большинство из которых обнаружено в монетных кладах на территории Украины и Беларуси.

В 1655 г. начинается чеканка медных проволочных копеек, приравненных в цене к серебряным. Они чеканились в громадных количествах сразу на нескольких монетных дворах — в Москве, Новгороде, Пскове и Кукенойсе (Царевичев Дмитриев городок). По оформлению они ничем не отличались от серебряных копеек. На копейках, отчеканенных в Москве, встречаются два знака денежных дворов — о/М («о» выносное) и МД. С первым знаком, традиционным для Московского денежного двора, монеты чеканились на Старом денежном дворе, а со знаком «МД», вероятно, на Новом (Английском). Правительство торопилось с вводом в обращение медных копеек, о чем убедительно свидетельствует одно из распоряжений Московскому денежному двору о чеканке «наспех днем и ночью».

Медные копейки, постепенно, но постоянно падая в цене в сравнении с серебряными, находились в обращении до 1663 г. Разный



Медные пулы

курс серебряных и медных монет привел к тяжелейшему расстройству денежно-рыночных отношений, которое самым негативным образом отразилось на положении населения. Результатом этого явилось московское восстание 1662 г. — «медный бунт», который поставил правительство перед необходимостью восстановить дореформенную денежную систему. Несмотря на общую неудачу реформы Алексея Михайловича, она все же оставила и положительный след в истории русского денежного хозяйства, окончательно ликвидировав старые правовые нормы свободной чеканки монет. Производство монет стало исключительно государственным делом.

В правление царя Федора Алексеевича (1676—1682) вес копейки сохранялся неизменным, т.е. серебряный рубль по-прежнему содержал около 46 г серебра. Монеты этого царя отличаются особым изяществом выполнения штемпелей — четкостью рисунка и надписей.

Новое снижение веса копейки (до 0,38 г) было осуществлено, вероятно, в самом начале регентства царевны Софьи. В этот период серебряные монеты (копейки и деньги) чеканились раздельно от имени каждого из братьев-соправителей — Ивана и Петра Алексеевичей, что объясняют сложившимся восприятием изображения всадника как образа определенного государя.

Изучение русской денежно-весовой системы XVI—XVII вв. показывает, что она стала одним из важных рычагов в системе организации власти и управления единого государства. Поэтому представляется далеко не случайным тот факт, что именно монетная реформа явилась одной из самых первых в преобразовательных мероприятиях Петра Великого.

РУССКАЯ МОНЕТНАЯ СИСТЕМА В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Денежная реформа Петра I. Конец XVII в. характеризуется кризисным состоянием монетного дела и денежного обращения. Копейка, представлявшая практически единственный номинал денежной системы, стала к этому времени чрезвычайно легкой монетой

(последний раз ее вес был понижен до 0,28 г в 1698 г.), неудобной как для розничной торговли, так, тем более, и для крупных платежей. Поскольку деньги почти не чеканились, в обращении появились копейки, разрезанные пополам или на три части. Предполагают, что именно в это время появились денежные суррогаты в виде так называемых «кожаных жеребьев», представлявших собой куски кожи с клеймом. Первоначально они могли служить городскими марками, облегчавшими отчет населения перед властями в выполнении различных повинностей. Однако они могли служить и местным платежным средством. Денежное хозяйство страны нуждалось в коренной перестройке. Необходимо было создать развитую монетную систему с большим набором различных номиналов серебряных и медных монет, которая обеспечила бы потребности внутренней и внешней торговли, ввести монетную систему России в круг западноевропейских денежных систем.

Подготовка реформы приходится на вторую половину 90-х гг. XVII в. Можно сказать, что перед Петром I стояли в принципе те же задачи, что и перед его отцом в 1654 г. Одной из значительных трудностей при проведении реформы явилось преодоление естественного недоверия широких кругов населения к медным монетам. Приняв за основные единицы будущей системы серебряный рубль и медную копейку, Петр I тем не менее не торопился вводить их в обращение — в систему новых монетных номиналов они вошли последними, только в 1704 г.

В 1700 г. началась чеканка медных круглых монет — денег, полушек и полполушек, т.е. номиналов меньших, чем копейка. При этом продолжалась чеканка проволочных серебряных копеек, на которых помещалась дата их выпуска. Медные монеты чеканились в количествах, не превышающих потребностей розничной торговли. Этим была ликвидирована опасность сложения различных курсов серебра и меди, предотвращено исчезновение из обращения серебряных монет.

В 1701 г. появились серебряные полтины, полполтины, гривенники и десять денег. Наконец, в 1704 г. были отчеканены серебря-

Медные монеты: денга, полушка, полуполушка. 1700 г.

ный рубль и крупная круглая медная копейка. При этом копейка имела те же изображения, что и серебряная проволочная, а также дату, обозначенную славянскими буквами и соответствующую отчеканенным в этом же году серебряным копейкам. Тогда же был отчеканен и серебряный алтын. Для чеканки рублевых монет использовали талеры, что заметно удешевляло производство.

Сосуществование новой системы и допетровской, представленной проволочной серебряной копейкой, продолжалось до 1718 г., когда чеканка проволочных копеек — «старых вшей», как назвал их Петр I в одном из писем к А.Д.Меншикову, была окончательно прекращена. До этого года эпизодически чеканились круглые серебряные копейки, рассчитанные, вероятно, на экономию металла, так как машинная техника чеканки не требовала столь высокопробного серебра, как ручная из проволоки.

Новый рубль весил около 28 г и содержал 25—26 г чистого серебра. Что касается медных монет, то стопа, по которой они чеканились, изменялась неоднократно. Так, в 1700 г. из пуда меди чеканили монет на 12,8 рублей, в 1702 г. — на 15,4 рубля, в 1704 г. — на 20 рублей, в 1718 г. — на 40 рублей. 40-рублевая стопа для чеканки медных монет была очень выгодной для казны, поскольку пуд меди в то время стоил около 5 рублей. Однако скорое появление массы фальшивых медных монет вынудило правительство уменьшить монетную стопу до 10 рублей монет из пуда меди.

В 1718 г. копейка как номинал исчезла вообще и появилась вновь только в 1724 г. в виде медной монеты.

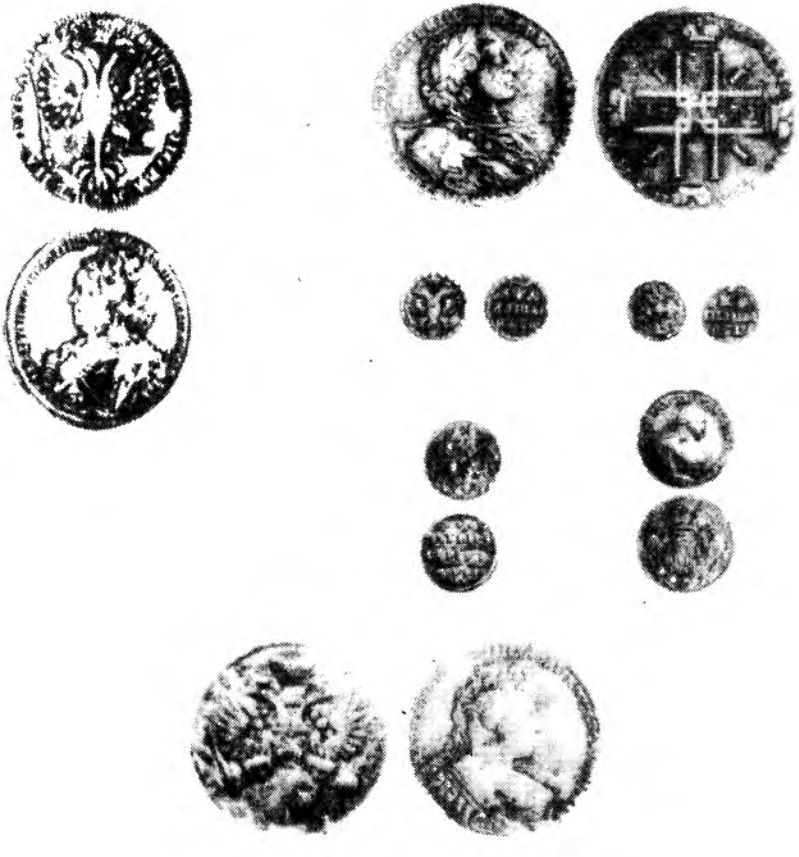
Петр I ввел в обращение и золотые монеты — червонцы, двойные червонцы и двухрублевики. Червонец весил 3,4 г, т.е. равнялся западноевропейскому дукату, а двухрублевик — около 4 г, что соответствовало золотнику.

В ходе реформы была установлена официальная проба для серебряных и золотых монет: для крупных номиналов серебряных монет — 70-я проба, для мелких номиналов — 38-я, для золотых монет — 75-я. Иными словами, на фунт монетного серебра приходилось соответственно 70 или 38 золотников чистого серебра, а на фунт монетного золота — 75 золотников чистого золота. Таким образом, содержание серебра в монетах было значительно уменьшено в сравнении с монетами XVI—XVII вв. (проба проволочных копеек — 80—85-я), что значительно увеличило доходы казны от чеканки монет.

Значение петровской денежной реформы исключительно велико — в России впервые в истории мирового денежного хозяйства была введена десятичная монетная система. Новая русская монетная система в дальнейшем по существу своему не изменялась и в главных своих чертах сохранилась до настоящего времени. Ее раз-

витие и совершенствование выражалось в появлении и исчезновении новых номиналов, в ее приспособлении к изменявшимся условиям внутреннего рынка. Так, например, после 1726 г. из нее вышел алтын, но появились 2-копеечные монеты (гроши), 15-копеечные (пятиалтынные) и 20-копеечные (двугривенные). Последние два номинала начали чеканить в 1760 г. Периодически из системы выходил и вновь появлялся пятак, причем вплоть до 1917 г. он чеканился в двух металлах — серебре и меди.

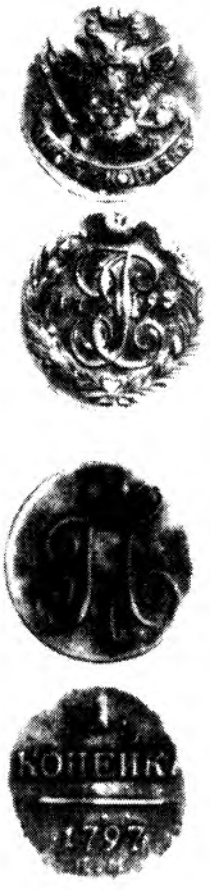
Монетная система России в послепетровское время. После смерти Петра I, в правление Екатерины I (1725—1727), А.Д. Меншиков попытался чеканить серебряные монеты из особой «композиции» — сплава серебра с мышьяком. Эта «композиция» 42-й про-



Монеты XVIII в.

бы оказалась настолько непригодной для чеканки, что изготовленные из нее монеты были запрещены, а в 30-е гг. XVIII в. даже не принимались в казну при обмене старой монеты.

В течение XVIII в. вес серебра, содержащегося в рубле, постепенно снижался и был стабилизирован только в 60-х гг. XVIII в. Рубль стал содержать 18 г чистого серебра и сохранил этот вес до 1915 г., фактически до конца монетной чеканки Российской империи. Размеры рубля и других монет изменялись в зависимости от количества в них лигатуры и толщины монетных кружков. В XVIII в. проба мелкой разменной монеты почти не отличалась от пробы монет крупных номиналов. Только после 1810 г. проба разменной монеты стала уменьшаться, и в 1867 г. для этих монет была установлена 48-я золотниковая проба (50% серебра). Часто изменялась монетная стопа для медных монет, что неоднократно приводило к их массовой перечеканке. С 1730 по 1755 г. чеканили монеты из расчета 10 рублей из пуда меди, в 1755—1757 гг. — 8 рублей из пуда меди (в этот период чеканились только копейки). В 1757 г. стопа была увеличена до 16 рублей из пуда меди, чеканились монеты следующих номиналов: 5, 2, 1/2 и 1/4 копейки. Затем монетная стопа была увеличена до 32 рублей из пуда меди и началась массовая перечеканка ходячей медной монеты — деньги перечеканивались в копейки, копейки в гроши и т. д. Вступившая в 1762 г. на престол Екатерина II (1762—1796) отменила перечеканку, в результате чего монеты пришлось перечеканивать вторично. Все же в конце своего царствования в 1796 г. Екатерина II была вынуждена вернуться к 32-рублевой стопе и вновь организовать перечеканку монет. Это было связано с обесценением бумажных кредитных денег.



Монеты конца XVIII в.

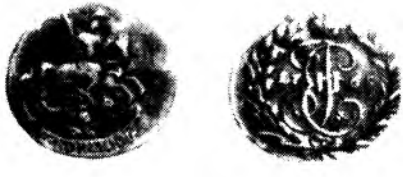
Первые бумажные деньги в России появились в 1769 г. С момента своего появления они должны были беспрепятственно разменяться исключительно на медные деньги, которыми обеспечивался их выпуск. В силу этого обесценивание бумажных ассигнаций приводило к обесцениванию медной монеты, что, в свою очередь, нарушало соотношение стоимости медных, серебряных и золотых монет. Серебряный рубль стал приравниваться к четырем рублям медью.

Вступивший на престол в 1796 г. Павел I (1796—1801) отменил начавшуюся перечеканку медных монет и стал чеканить свои медные монеты по 16-рублевой стопе. Следующее изменение монетной стопы для меди относится к 1810 г., когда из пуда меди стали чеканить монет на 24 рубля. Такое непропорциональное изменение стопы, естественно, исключило перечеканку монет, и старые монеты переплавлялись.

В 1830—1839 гг. монетная стопа опять изменилась на 36-рублевую. Чеканились только 10, 5, 2 и 1 копейка, более мелкие номиналы отсутствовали, так как их производство становилось убыточным.

В начале 40-х гг. XIX в. была проведена денежная реформа, известная как реформа Е.Ф.Канкрина, министра финансов России. Ее целью была замена обесцененных ассигнаций полноценными кредитными билетами. Медная монета была приравнена по стоимости к серебряной, и ее стали чеканить по 16-рублевой стопе. В результате на монетах появились необычные надписи, сопровождавшие цифровое обозначение номиналов: «3 копейки серебром», «2 копейки серебром» и т. д. Эта надпись помещалась на всех медных номиналах 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки в 1839—1848 гг. В 1849 г. правительство вернулось к 32-рублевой стопе, а в систему действовавших номиналов ввели 5 копеек. 1/2 и 1/4 копейки стали обозначаться соответственно как денежка и полушка. В последний раз стопа медных монет была изменена в 1867 г. При существовавшей тогда цене меди около 10 рублей за пуд чеканили монет на 50 рублей из пуда. При этом изменился тип медных монет.

В XVIII в. все большее значение приобретает чеканка золотых монет. В связи с частыми изменениями цен на золото изменялись вес, проба и внешнее оформление этих монет. Основными номиналами были червонцы, двойные червонцы, империалы и полуимпериалы. Империал был равен 10 рублям. Термин «червонец» утвердился в России с конца XVII в. и, очевидно, связан со словом «червонный», обозначавшим в Юго-Западной Руси, на Украине и в Беларуси цвет красный, алый, ярко-красный. До конца XVII в. золотые монеты на Руси назывались «угорскими», «цесарскими», «ве-



Монета 1765 г.

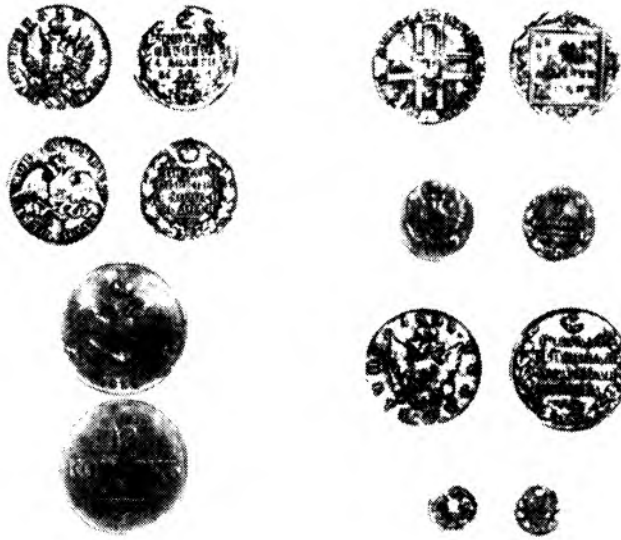
нецианскими», а также «корабельные», «португалы» и просто «золотые». Это объясняется тем обстоятельством, что до 1701 г. в России золотые монеты для обращения практически не чеканились и сюда проникали различные западноевропейские золотые монеты. Какая-то их часть, вероятно, могла использоваться на русских рынках в качестве денег, но, как правило, золотые монеты на Руси использовались как награды или в качестве товара.

Эпизодически чеканились и меньшие номиналы золотых монет — полтина (1756, 1777—1778 гг.) и рубль (1756—1758, 1779 гг.). В 1809—1817 гг. золотые монеты не чеканились. В 1876 г. были отчеканены 25-рублевые золотые монеты, а в 1902 г. — самый крупный номинал 37,5 рубля, или 100 франков. До 1885 г. регулярно чеканился только полуимпериал, а с 1886 г. империал и полуимпериал, причем на них появились портреты императоров. В 90-х гг. XIX в. были отчеканены пробные монеты в 5, 10 и 15 русов — новый номинал, который пытались ввести в русский обиход под влиянием франка. Это явилось отражением русско-французского сближения, а также зависимости России от иностранного, в частности французского, капитала.

В 1897 г. министром финансов России С.Ю.Витте была проведена денежная реформа, положившая в основу русской денежной системы золотой рубль. Отчеканенные в этом году империал и полуимпериал сохранили старый вес, но их номинал был изменен соответственно на 15 и 7,5 рубля.

С 1828 по 1845 г. осуществлялась государственная чеканка платиновых монет. При этом в русскую денежную систему вошел необычный для нее двенадцатеричный принцип счета. Причины его появления были чисто случайными и определялись соотношением цен серебра и платины в то время, а также выбранным размером монет. Самая крупная платиновая монета имела размер рубля, а другие — полтины и четвертака. Их номинал соответствовал 12, 6 и 3 рублям серебром. На лицевой стороне этих монет изображался герб Российской империи — двуглавый орел, а на другой — строчная надпись: «12 рублей на серебро 1841. С.П.Б.», окруженная другой надписью: «9 зол. 68 дол. чистой уральской платины». В надписях, естественно, изменялись даты чеканки монет и обозначения номиналов и веса монет в золотниках и долях.

В 1876 г. Петербургский монетный двор стал единственным в стране, что определило неоднократные заказы на чеканку русских монет на зарубежных монетных дворах. Еще в 1861 г. в Париже и в Страсбурге чеканилась русская разменная серебряная монета в 20, 15 и 10 копеек. В отличие от монет, чеканившихся в Петербурге, на них отсутствовали инициалы минцмейстеров. В 1896 г. в Париже чеканили рубли, полтинники и 25-копеечные монеты, а затем в 1897—1899 гг. в



Монеты XIX в.

Монеты конца XIX—начала XX в.

Париже и Брюсселе рубли и полтинники. (Эти монеты распознаются следующим образом: на гуртах монет, отчеканенных в Париже, помещена одна звездочка, в Брюсселе — две.) В 1896—1897 гг. все медные монеты, за исключением 5-копеечных, чеканились в Англии на Бирмингемском заводе. Последний заказ на чеканку русских монет за границей был выполнен в 1916 г. в Японии в городе Осака. Здесь из серебра, закупленного в Китае, чеканились разменные монеты номиналом в 15 и 10 копеек.

В последний раз тип русской разменной монеты был изменен в 1915 г., когда в связи с переименованием Петербурга в Петроград перестали обозначать на монетах место чеканки.

Первая мировая война быстро привела к исчезновению из обращения сначала золотых, а затем серебряных и даже медных монет. В 1916 г. в денежном обращении участвовали толь-

ко бумажные деньги, а вместо монет были выпущены казначейские знаки в 1, 2, 3, 5, 10, 20 и 50 копеек. Кроме них, в качестве денег обращались почтовые марки с надпечаткой на оборотной стороне «Имеет хождение наравне с медной монетой» для марок в 1, 2 и 3 копейки и «Имеет хождение наравне с серебряной монетой» для марок в 10 и 15 копеек. В результате постоянно растущей инфляции покупательная способность рубля к 1917 г. стала равной 27 копейкам. Временное правительство, продолжая неумеренный выпуск бумажных денег, еще более снизило покупательную способность рубля, доведя ее до 6—7 копеек. В 1917 г. выпускали биллоновые монеты номиналом в 20, 15 и 10 копеек. Кроме них известны редкие пробные монеты из меди с датой 1917 г.

МОНЕТЫ XX в.

В результате гражданской войны денежное хозяйство было практически разрушено. В обращении находились многообразные виды бумажных денег: царские, Временного правительства, различных областей, правительств, городов и т.д. Постепенно они были заменены едиными денежными знаками РСФСР. Для окончательной стабилизации денежной системы была необходима кардинальная реформа, прежде всего введение в обращение металлических денег.

В апреле 1921 г. для утверждения были представлены рисунки (один вариант лицевой и два варианта оборотной стороны монет), разработанные медальным отделом Медально-аффинажного завода (Монетный двор). Для рубля и полтинника был утвержден один вариант оборотной стороны, а для 10, 15 и 20 копеек — другой. Диаметр, вес, проба, гуртовка и ремедиум (допустимое отклонение от установленной нормы веса монет) были сохранены от последних дореволюционных монет.

Серебряные монеты, чеканка которых началась в 1921 г. и продолжалась в следующие годы, были депонированы на Монетном дворе для создания необходимого для полного удовлетворения нужд внутреннего рынка фонда и выпущены в обращение только в 1924 г.

В 1922 г. была осуществлена деноминация (уменьшение номинала и замена обесценившихся денег) с целью повышения стоимости рубля. Эту же проблему решала и следующая деноминация, проведенная в 1923 г.

Несмотря на эти важные меры, эмиссия бумажных денег продолжалась, так как тяжелое экономическое положение вынуждало таким способом покрывать дефицит в бюджете. Способствуя укреплению рубля, деноминации не могли его стабилизировать.

Непосредственно приступить к проведению денежной реформы, связанной с именем Г.И.Сокольникова, можно было лишь после восстановления золотого обеспечения денег. Декретом от 4 апреля 1922 г. была отменена обязательная сдача населением драгоценных металлов в изделиях, слитках и монетах, а с 27 июля того же года золотые монеты царской чеканки стали приниматься как средство платежа. Осенью 1922 г. постановили приступить к чеканке золотой монеты.

Декретом от 22 февраля 1924 г. Наркомфину предлагалось обеспечить чеканку серебряной монеты к 1 января 1925 г. на сумму не менее 100 млн. рублей, так как количества разменной монеты, запасенного на Монетном дворе к 1 января 1924 г., явно не хватало для удовлетворения потребностей денежного обращения. Этим декретом предусматривалась чеканка серебряных монет в 1 рубль, 50, 20, 15 и 10 копеек и медных — в 5, 3, 2 и 1 копейку. Была установлена монетная стопа для медных монет — 50 рублей из пуда красной меди.

Значительное увеличение потребности в медных монетах обусловило их одновременную чеканку на разных предприятиях. Помимо Монетного двора чеканку медных денег начал ленинградский завод «Красная заря», выпустивший предварительно образцы в виде медных марок — бон. С октября 1924 по февраль 1925 г. этот завод чеканил номиналы в 2 и 3 копейки, одновременно осваивая производство монет в 1 и 5 копеек, которые чеканились на Монетном дворе. Потребность в ускоренной чеканке значительного количества разменных монет вызвала необходимость заказа на чеканку монет в Англии, где на Лондонском и Бирмингемском монетных дворах были отчеканены серебряные полтинники с буквами ΘР в гуртовой надписи (пробные) и ТР (выпущенные в обращение), а также пятаки, отчеканенные в томпаке на кружках разной толщины и веса (12, 16 и 18 г — все пробные). Буквы обозначали инициалы начальника монетных пределов Томаса (Фомы) Росса. Все монеты, отчеканенные в Англии, датированы 1924 г. На рублях и полтинниках, отчеканенных на Монетном дворе в 1921—1927 гг., в гуртовых надписях помещаются буквы АГ и ПЛ — это инициалы начальников монетных переделов А.Ф. Гартмана и П.В. Латышева.

20 мая 1925 г. постановлением СНК СССР в обращение были введены медные монеты полукопеечного номинала весом 1,638 г и диаметром 16 мм. Медные монеты были слишком громоздкими, а их большой вес требовал расходования огромного количества дорогостоящего и дефицитного металла — красной меди. Поэтому было решено значительно уменьшить вес и размер мелких номиналов и чеканить их из бронзы. Монетному двору было предложено опробовать шесть видов бронзовых сплавов. В результате испытаний в качестве монет-

Советские монеты 20—30-х гг. XX в.

ного материала был выбран сплав, содержащий 90% меди. Вес бронзовых монет соответствовал их номиналу: 5 копеек — 5 г и т. д.

Выпуск в обращение новых бронзовых монет был объявлен постановлением от 6 января 1926 г. Бронзовые монеты, утвержденные этим постановлением, сохранились без изменения до 1935 г., когда был изменен лишь рисунок лицевой стороны; рисунок оборотной стороны не изменился до реформы 1961 г.

В 1930 г. была прекращена чеканка разменной серебряной монеты (правда, известны очень редкие экземпляры с датой 1931 г., отчеканенные в серебре), и с 1931 г. началась чеканка никелевых разменных монет номиналом 20, 15 и 10 копеек. В обращение они были введены постановлением от 27 февраля 1932 г. Ремедиум для никелевых монет был установлен в 2% на 1000 рублей.

Рисунок лицевой стороны никелевых монет был утвержден аналогичным рисунку бронзовых монет, только вместо букв СССР под гербом на бронзовых монетах на никелевых помещена круговая надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», разделенная внизу тире. Рисунок оборотной стороны был новым.

Преимущества никелевых монет заключались в том, что тугоплавкость никеля затрудняла подделку и переплавку монет, а твердость и большая по сравнению с серебром сопротивляемость различным внешним воздействиям обеспечивала их долговечность. Ни по размерам, ни по весу никелевые монеты не отличались от серебряных. Их выпуск позволил высвободить большое количество серебра для промышленных и других нужд.

В 1935 г. были изменены рисунки обеих сторон никелевых и лицевой стороны бронзовых монет. И те и другие имели теперь одинаковый рисунок лицевых сторон. Оборотная сторона бронзовых монет была оставлена прежней, а никелевых значительно упрощена. Этот тип монет оставался неизменным до 1961 г. Изменялось лишь число перехватов лентой колосьев герба СССР на лицевой стороне монет, что обусловливалось изменением числа республик, входивших в состав СССР. В 1935—1936 гг. было 7 перехватов, в 1937—1946 гг. — одиннадцать, в 1948—1956 гг. — шестнадцать и с 1957 г. — пятнадцать. Несмотря на то что еще в 1940 г. число союзных республик достигло шестнадцати, штемпели монет с 16 перехватами ленты в гербе были изготовлены только в 1948 г.

Денежная реформа 1947 г., укрепив рубль и ликвидировав последствия второй мировой войны в сфере денежного обращения, не коснулась внешнего вида (типа) монет. В 1947 г. и в 1958—1960 гг. разменные монеты не чеканились, за исключением пробных.

С 1 января 1961 г. масштаб цен был повышен в 10 раз. В обращение были выпущены металлические монеты нового вида — из сложного сплава номиналом в 1 рубль, 50, 20, 15 и 10 копеек, из бронзового сплава — в 5, 3, 2 и 1 копейку. Рисунок на монетах принципиально не изменялся. Диаметр рублевых монет был установлен в 27 мм, номиналом в 50 копеек — 24 мм, для остальных номиналов был оставлен прежним. Из обращения были изъяты все монеты старых образцов, за исключением номиналов в 3, 2 и 1 копейку. Начиная с 1965 г. в обращение выпускаются различные юбилейные и памятные монеты.

В связи с перестроечным процессом, а затем распадом СССР и изменением курса рубля, старые монеты в 1992—1993 гг. ушли из обращения. Появились новые монеты достоинством в 1, 10, 20, 50, 100 рублей образца 1992—1993 гг. На одной стороне монет цифрами поставлено их достоинство. Цифры обрамлены колосьями. На

другой стороне даны изображение двуглавого орла и надпись «Банк России». На монетах номиналом 50 и 100 рублей вокруг двуглавого орла написана буквами их стоимость.

В 1997—1998 г. была проведена деноминация денежных знаков в 1000 раз. В связи с этим были изъяты из обращения старые монеты и введены новые достоинством в 1, 5, 10, 50 копеек, 1, 2, 5 рублей образца 1997 г. На одной стороне монет обозначено их достоинство с обрамлением с одной стороны в виде растительности. На другой стороне у копеек изображен св. Георгий? поражающий змея, а у рублей — двуглавый орел и даны надписи «Банк России». На монетах в 1, 2 и 5 рублей под изображением орла написана их стоимость.

Глава 3
СФРАГИСТИКА

Сфрагистика (от греческого слова «сфрагис» — печать), или, как ее еще иногда называют, сигиллография (от латинского слова «сигиллум» — печать) — вспомогательная историческая дисциплина, основным объектом изучения которой являются печати. Она является важной частью актового источниковедения, однако ее задачи не ограничиваются одной лишь критикой источника — установлением его подлинности, авторства и датировки. Печати, сохранившиеся в отрыве от документов, которые они когда-то скрепляли, зачастую становятся важнейшим источником для истории различных институтов государственной власти. Определенную роль они играют и в изучении искусства мелкой пластики, а также ряда других исторических дисциплин — геральдики, нумизматики, эпиграфики.

Интерес к печатям, особенно древним, возник еще в XVIII в. Но тогда внимание исследователей привлекали в основном печати, сохранившиеся в архивах при актовых источниках. Сведения о первых находках печатей в земле появляются только в XIX в. Поворотным моментом в накоплении сфрагистических материалов явилось открытие в самом начале XX в. главной сфрагистической сокровищницы Древней Руси — новгородского Городища. Главное накопление городищенских печатей связано с именем основоположника советской сфрагистики Н.П. Лихачева. Ко времени кончины Лихачева в его коллекции было около 700 единиц хранения. Большая часть коллекции была сформирована за счет находок в Новгороде и новгородском Городище.

При раскопках в 1961—1962 гг. в Пскове было обнаружено большое число псковских печатей в Довмонтовом Городище.

В настоящее время крупные сфрагистические коллекции сосредоточены в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга, в Государственном историческом музее Москвы и в краеведческом музее Новгорода.

Впервые описание большого количества печатей, сохранившихся при документах, было сделано просветителем и книгоиздателем Н.И.Новиковым в его многотомной «Древней Российской Вивлиофике». В состав издания вошли духовные и договорные грамоты князей, ханские ярлыки, документы Новгородской феодальной республики. Издание этих актовых материалов сопровождалось характеристикой печатей, к ним привешенных.

Большое число печатей и их изображений было опубликовано в «Собрании государственных грамот и договоров». Особое место в сфрагистике имела работа А.Б.Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855. — Кн. 1—2). В этом труде были не только сформулированы задачи русской геральдики, но на собранном в XIX в. материале изложена в общих чертах история русских печатей и предпринята первая попытка их классификации. К достоинству работы Лакиера следует отнести мысль автора о самобытности и национальном характере русских печатей. В XIX в. появляются первые альбомы печатей. Для начала XX в. интересна работа А.В.Орешникова «Материалы к русской сфрагистике», в которой автор подвел итог предшествующего изучения печатей и показал связь сфрагистики с нумизматикой.

Видное место в разработке сфрагистики послеоктябрьского периода занимают труды Н.П. Лихачева. В содружестве с Орешниковым в 1904—1917 гг. он подготовил к изданию фототипический альбом, в который были включены таблицы, состоящие из почти 700 древнерусских актовых печатей. В 1928—1930 гг. появились два выпуска материалов из истории византийской и русской сфрагистики, в которых Лихачев заложил прочные основы русской сфрагистики. Большое значение в изучении древнейших печатей X—XV вв. имеет двухтомный труд В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.» (М., 1970. — Т. 1—2). Первый том посвящен древнейшим буллам, употреблявшимся в домонгольский период (746 печатей), второй том посвящен сфрагистике Новгорода XIII—XV вв. (797 печатей).

Для сфрагистики последних десятилетий характерно стремление расширить хронологические рамки изучения печатей.

Понятие «печать» в сфрагистике распространяется как на штампы или матрицы, так и на их оттиски, оставленные на различных материалах — металлах, воске, сургуче, бумаге. Матрицы печатей вырезывались в твердом материале — камне, металле, кости, дереве или, в новое время, в мягком — каучуке, резине.

По способу своего применения печати можно разделить на две большие группы — *вислые*, привешивавшиеся к документам на шнуре, и *прикладные*, оттискивавшиеся на самом документе или предмете. Первые оттискивались специальными щипцами-буллотирия-

ми, вторые — самыми различными по форме и способу изготовления штампами.

Основное назначение печати заключается в удостоверении подлинности документа, который она скрепляет, в придании ему юридической силы. В этом своем качестве печати впервые появились в Двуречье, Египте и других древних странах.

Определенным эпохам соответствовали различные типы печатей. В странах Древнего Востока чаще всего употреблялись цилиндрические печати, которые прокатывали по мягкой глиняной табличке, получая оттиск изображений и надписей, нанесенных на поверхность цилиндра. Для античного периода типичны перстни-печати, на щитке которых вырезывались изображения и надписи. В средние века господствующим видом печатей стали вислые, оттискивавшиеся на металлах: на золоте — хрисовулы, на серебре — аргировулы, на свинце — моливдовулы, а также на воске и сургуче. Хрисовулы удостоверяли особо важные документы. Прикладные печати вытесняют вислые в течение в XIV—XVI вв. и становятся господствующими. Вислые буллы сохранились в делопроизводстве Ватикана до XX в.

Как отрасль научных знаний сфрагистика существует с XVIII в. Первоначально она являлась частью дипломатики — вспомогательной дисциплины, изучающей форму и содержание актов. На этом этапе задачи сфрагистики ограничивались установлением даты акта и выяснением его подлинности или фальсификации. По мере накопления и ввода в научный оборот печатей, сохранившихся в отрыве от документов и обнаруживаемых, как правило, при археологических раскопках, изменялись задачи дисциплины. Стало ясно, что и в отрыве от документов печати заключают в себе важнейшую информацию о прошлом, прежде всего об истории тех институтов, которые пользовались правом скреплять документы буллами. Это новое направление в изучении печатей возникло в конце XIX в. и связано, в первую очередь, с именами французского ученого Г Шлюмберже и русского академика Н.П. Лихачева.

В истории русской сфрагистики можно проследить несколько этапов. В XVIII в. было описано и издано значительное число русских печатей. В XIX в., наряду с изданием печатей, появляются работы, специально посвященные их классификации и атрибуции. Среди них следует назвать исследования Е.Болховитинова, Я.И.Бередникова, А.Б.Лакиера.

Методику сфрагистического исследования, основы которой заложил Н.П. Лихачев, развил, обосновал и применил в своих работах В. Л. Янин, итогом многолетнего исследования которого явился капитальный двухтомный труд «Актовые печати Древней Руси» (М., 1970). Суть современной методики сфрагистики сводится к анали-

зу печати от ее внешних признаков (установление типа) через изучение имеющихся на ней изображений (иконографии) и надписей к датировке, определению конкретной принадлежности лицу или институту власти, к атрибуции и оценке буллы как исторического памятника, источника.

Печати Древнерусского государства. Появление на Руси актовых печатей предположительно можно относить к дохристианскому времени, скорее всего, к последним годам княжения Игоря (912—945). Основной причиной зарождения обычая скрепления документов печатями следует считать необходимость удовлетворения дипломатических и торговых нужд многочисленных и постоянных контактов Руси и Византии. Именно поэтому на Руси утвердился византийский облик печатей, хотя изображения на них (тип) в основном были вполне самобытны и независимы от византийского влияния. Вполне вероятно, что первоначально печати употреблялись только в практике международных дипломатических отношений. Не случайно, что в письменных источниках печати впервые упоминаются в Повести временных лет именно в тексте договора князя Игоря с греками 945 г. — «ношаху сли печати злати, а гостье сребрени».

В настоящее время фонд древнерусских печатей X—XV вв. составляет более 2 тыс. экземпляров. Из них только около 7% (163 экземпляра) сохранилось при различных актах, при этом из более чем 700 булл домонгольского времени ни одна не дошла при документе. Основная масса печатей найдена на новгородском Городище, где находилась резиденция князя и его аппарата, а следовательно, и княжеский архив. Фонд древнерусских печатей постоянно пополняется — их находят при археологических раскопках городов или обнаруживают случайно. Необходимо подчеркнуть, что, как правило, места находок печатей и территория их применения совпадают. Самая значительная находка была сделана в 1961—1962 гг. в Пскове при археологических раскопках Довмонтова города псковского кремля. Здесь было найдено более 500 печатей, представляющих собой остатки какого-то архива начала XVI в.

В своде русских памятников сфрагистики X—XV вв., изданном В. Л. Яниным, зафиксированы 1542 буллы, оттиснутые 804 парами различных матриц. Из них 746 печатей (372 пары матриц) относятся к домонгольскому времени и 796 печатей (432 пары матриц) датируются второй третью XIII—XV в. В свод не вошли печати Москвы и Пскова, а также поздние печати Смоленска и Полоцка. Наглядное представление о распределении печатей по различным классификационным разрядам дает следующая таблица:

Домонгольские буллы	Кол-во матриц	Кол-во экз.
Княжеские печати архаической традиции X—XI вв	13	16
Княжеские печати с греческими строчными надписями	27	37
Печати киевских митрополитов	13	18
Именные епископские печати	14	21
Печати Ратибора	5	7
Печати протопроедра Евстафия	2	14
Печати с формулой «Господи, помози»	38	50
Печати с формулой «Дьнъслово»	23	35
Печати с изображением двух святых	151	423
Печати с изображением княжеской тамги	30	59
Анонимные печати с изображением Богоматери	12	19
Печати с изображением Христа или его символов	24	27
Прочие	20	20

Буллы второй трети XIII—XV вв.	Кол-во матриц	Кол-во экз.
Княжеские печати XIII — первой четверти XIV в.	38	137
Княжеские печати второй четверти XIV—XV в.	31	62
Печати княжеских тиунов	19	39
Именные архиепископские печати	24	46
Печати владычных наместников	101	188
Посадничьи печати	15	22
Печати тысяцких	20	25
Печати сотского	1	1
Печати новгородских тиунов	58	106
Печати без обозначения должности	40	45
Печати Совета господ	53	81
Кончанские и монастырские печати	14	25
Неопределенные печати	18	19

Княжеские печати. Древнейшей известной в настоящее время печатью является свинцовая булла князя Святослава Игоревича (945—972), найденная в 1912 г. в Киеве при раскопках на территории Десятинной церкви. К сожалению, она была утеряна и пока не разыскана. На обеих сторонах этой печати помещено изображение княжеского знака в виде двузубца, окруженное непрочитанной надписью.

Печати князей X – первой половины XI в. имеют название «булл архаической традиции». Происходят они из южных и новгородских находок. На них, кроме княжеского знака, встречаются изображения розеток и святых. Все 16 печатей этой группы получили персональную атрибуцию. Кроме Святослава, они принадлежали князьям Изяславу Владимировичу (ум. 1001 г), Изяславу Ярославичу,

княжившему в Новгороде в 1052—1054 гг. и в Киеве в 1054—1078 гг., а также Святославу Ярославичу, княжившему в Чернигове в 1054—1073 гг. и в Киеве в 1073—1076 гг. На печатях Святослава Ярославича изображен его святой патрон Николай Мирликийский, а на другой стороне сам князь в княжеской шапке и с большим крестом в руке. На всех буллах Изяслава Ярославича на одной стороне изображен св. Дмитрий, а на другой — розетка, или княжеский знак. Розетка в древнерусских и византийских изображениях являлась знаком солнца. Княжеский знак окружен греческой надписью: «Господи, помози рабу своему Димитрию». В. Л. Янин показал, что печати архаической традиции восходят не к византийской сфрагистике, как считал Н.П. Лихачев, а к древнерусскому монетному типу.

Тип княжеской буллы изменяется в середине XI в. — на смену печатям архаической традиции приходят печати «греко-русского типа». Какое-то короткое время (около двух десятилетий) печати этих типов сосуществуют. На одной стороне печати помещалось изображение святого тезоименитого владельцу буллы, а на другой — греческая благопожелательная надпись устойчивой формулы: «Господи, помози рабу своему...» (далее следует имя владельца буллы). Этот тип печатей, безусловно, возник под влиянием Византии, но бытовал он на Руси сравнительно недолго — до начала XII в. Среди этих печатей надежную персональную атрибуцию получили буллы таких князей, как Всеволод Ярославич (сын Ярослава Мудрого, княживший в Переяславле, Чернигове и Киеве; ум. в 1093 г.), его брат — смоленский князь Вячеслав Ярославич (княжил в 1054—1057 гг.), Владимир Всеволодович Мономах и другие. Многочисленны (их известно более 25 экземпляров) и разнотипны печати Владимира Мономаха, что, вероятно, отразило его перемещения по различным княжеским столам — переяславскому, черниговскому, смоленскому, киевскому. На одной из булл, относимых к раннему периоду деятельности Владимира, помещена греческая надпись: «Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха», а на другой — изображение св. Василия Кесарийского, именем которого он был наречен при крещении. Если крестильные имена многих русских князей устанавливаются часто именно в результате изучения памятников сфрагистики, то крестильное имя Мономаха хорошо известно и по другим источникам. Родовое же прозвище впервые встречено на этой печати, являющейся, таким образом, единственным прижизненным памятником, именующим Владимира Мономахом.

Оригинальна печать, найденная в 1972 г. на городище, отождествляемом с древнерусским городом Вьяханем. На одной ее стороне помещена русская шестистрочная надпись: «Господи, помози рабу своему Васильеви на мно лета», а на другой — изображение св. Ва-

силия Кесарийского. Эта печать отражает переяславский период деятельности Владимира Мономаха (1094—1113). В пользу такой датировки свидетельствует и место находки буллы — северо-восточная окраина Переяславского княжества, и определенная стилистическая близость к печатям с греческой благопожелательной формулой. Можно предполагать еще более раннюю дату для этой буллы — 70-е гг. XI в., так как вполне вероятно, что Владимир впервые стал переяславским князем в 1073 г., где княжил до перехода в Чернигов в 1076 г.

На буллах киевского периода деятельности Мономаха (1113—1125) также изображен св. Василий Кесарийский, но греческая надпись уступает место русской: «Господи, помози рабу своему Василию, князя русьского» (другой вариант — «Господи, помози рабу своему Василию»).

С этого времени (после 1113 г.) сами особенности типа печатей становятся руководящим признаком определения принадлежности их определенному институту. В. Л. Яниным установлен важный факт деградации печатей киевских великих князей в 1130-х гг., а также практически одновременный расцвет княжеской сфрагистики в Новгороде.

Церковные печати домонгольского времени. Древнейшей церковной печатью является булла митрополита Феопемпта (1037—ок. 1043), присланного в Киев из Византии. На одной ее стороне изображен св. Иоанн Предтеча, а на другой строчная греческая надпись: «Господи, помози Феопемпту, митрополиту России». В данном случае изображение святого не является отражением личной эмблемы владельца, так как его крестильным именем было Феопемпт. В. Л. Янин считает, что здесь изображен святой патрон константинопольского патриарха Алексея Студита (1025—1043), при котором Феопемпт получил русскую митрополию.

Эволюция типа митрополичьей буллы отразила изменения в отношениях киевской митрополии и византийского патриарха. На ранних печатях зависимость русской церкви от Константинополя выражается присутствием личной эмблемы патриарха. Однако уже на печатях митрополита Георгия (1068—1073) изображен его личный патрон — св. Георгий, но при сохранении греческой надписи. На рубеже XI—XII вв. ярко проявилось стремление к унификации церковной буллы. Характер обязательной эмблемы церковных печатей приобретает изображение Богоматери типа «Знамение», впервые встречаемое на печатях митрополита Николая (рубеж XI—XII вв.).

Известны буллы и других киевских митрополитов. Наиболее поздними из них являются печати Кирилла I (1225—1233). На од-

Печати времен Древней Руси (X—начало XII вв.)

Печати времен Древней Руси (X—начало XII вв.)

ной стороне двух известных печатей помещено изображение Богоматери «Знамение» в полный рост, сопровождающееся очень редким греческим эпитетом «пресвятая Богородица», а на другой строчная греческая надпись: «Кирилл, монах, Божией милостью архиепископ митрополии России». Печати отличаются исключительно крупными размерами (диаметр 37—40 мм). Здесь следует заметить, что размеры как самих печатей, так и матриц могут способствовать их датировке. Например, небольшие печати (диаметром до 25 мм) характерны в основном для XI—XII вв., а более крупные (до 35—40 мм) — для XIII—XV вв.

Кроме киевских митрополитов, право скрепления документов печатями принадлежало епископам и архиепископам. До настоящего времени дошли буллы епископов Новгорода, Смоленска, Полоцка и Галича. Все они по сути однотипны — их обязательным атрибутом является изображение Богоматери «Знамение».

Древнейшими новгородскими епископскими печатями являются буллы Нифонта (1131—1156), на которых изображены Богоматерь «Знамение» и греческая строчная надпись: «Пресвятая, воззри на меня, Нифонта Новгородского». Обращает на себя внимание отсутствие в надписи титула владельца печати. Длительное время не были известны печати преемника Нифонта на новгородской святительской кафедре Аркадия (1156—1163). Аркадий был первым владыкой, избранным самими новгородцами, а не назначенным митрополитом и присланным в Новгород из Киева. По мнению В. Л. Янина, именно Аркадию принадлежала интереснейшая анонимная печать с изображением Богоматери «Знамение» и греческой надписью: «Пресвятая, воззри на меня, пастыря Новгородского». Подчеркнув исключительность анонимности этой буллы в новгородской владычной сфрагистике домонгольского времени, В. Л. Янин предположил, что она являлась «отражением той неопределенности отношения владельца буллы к владычной кафедре, которая была свойственна новгородским владыкам в промежуток от их избрания до хиротонисания, когда владыка не имел официального права именоваться епископом». Печать была предположительно датирована временем от избрания владыки в 1156 г. до его официального рукоположения в сан (хиротония) в 1158 г. В 1968 г. в Новгороде была найдена именная печать Аркадия, пятистрочная надпись которой, несмотря на повреждения, надежно восстанавливается: «Аркадии епископъ Новгородский». Ее следует датировать, таким образом, 1158—1163 гг. Известны две печати преемника Аркадия, владыки Илии (в миру Иоанн). Характерно, что на одной из них он титулован епископом, а на другой — архиепископом. В. Л. Яниным сделан важный вывод о том, что в 1165 г. коренного преобразования новгород-

ской епископии в архиепископию не было, так как в источниках упоминаются архиепископы до 1165 г. (например, Нифонт в прижизненном памятнике — антиминсе 1148 г.) и епископы — после 1165 г. Родному брату и непосредственному преемнику Илии на новгородской владычной кафедре Гавриилу-Григорию (1186—1193) предположительно предписывается анонимная печать с греческой строчной надписью: «Святой, воззри на меня, пастыря Новгорода». На ней вместо традиционного изображения Богоматери «Знамение» помещен святитель, имя которого, к сожалению, не читается, но иконографический тип вполне соответствует изображению св. Георгия.

Известные в единственных экземплярах печати владык Митрофана, занимавшего кафедру в 1201—1212 и в 1220—1223 гг., и Антония — в 1212—1220 и 1225—1228 гг., несут на себе изображение Богоматери «Знамение» в полный рост и русские строчные надписи, в которых первый титулуется епископом, а второй — архиепископом. В. Л. Яниным отмечена «несомненная изначальная связь новгородской владычной буллы с киевской митрополичьей печатью».

Известны печати первого смоленского епископа Мануила (1137 — не ранее 1167 г.), буллы полоцкого епископа Дионисия (время поставления неизвестно, умер в 1183 г.) и галицкого епископа Козмы (поставлен на кафедру в 1157 г.). Все они по сути однотипны — на их лицевых сторонах изображена Богоматерь «Знамение» в поясном или погрудном варианте, надписи на оборотных сторонах варьируют: «Мануил, епископ Смоленска», «Печать Дионисия, епископа Пулотциску» и «Богоматерь, воззри на меня, Козму Галицкого». Все надписи греческие.

Таким образом, уже в первой половине XII в. на Руси складывается единый тип печати церковных иерархов. Следует отметить, что значительная часть известных домонгольских церковных печатей найдена за пределами древнерусского государства, главным образом в Константинополе. Это отражает международный характер некогда скрепленных ими документов.

Печати Ратибора. На рубеже XI—XII вв. возникает целый ряд новых сфрагистических типов. В княжение Всеволода Ярославича (1054—1093) расширяется круг лиц, имевших право пользоваться собственными печатями. Среди сфрагистических памятников этого времени имеется небольшая группа, представленная семью печатями, происходящими от пяти пар матриц. На лицевой стороне этих печатей помещено погрудное изображение св. Климента, папы римского, а на оборотной — надпись «От Ратибора». Особенностью оформления надписи на этих буллах является ее падежная форма, прямо указывающая, что документы, ею скрепленные, исходят от

владельца печати. Эти буллы принадлежали известному деятелю русской истории Ратибору — тмутараканскому наместнику великого киевского князя, затем киевскому тысяцкому. Наместником великого князя Всеволода Ярославича в Тмутаракани Ратибор стал в 1079 г. В 1113 г. в качестве киевского тысяцкого он участвует в знаменитом совещании князей в Берестове. Он же являлся одним из авторов Устава Мономаха, вошедшего в Русскую Правду. Необычное оформление печатей Ратибора объясняется, вероятно, их неофициальным характером. Этими буллами скреплялись не акты, а частные письма. В 1993 г. в Новгороде найдена печать, принадлежащая Марии — предположительно матери Владимира Мономаха.

Печати протопроедра Евстафия. В настоящее время известно полтора десятка печатей с изображением св. Феодора и надписью на греческом языке: «Воззри на меня, протопроедра Евстафия». За исключением одной, все они найдены в Новгородской земле, причем большинство на новгородском Городище. Уже один этот факт позволяет связывать деятельность протопроедра Евстафия с Новгородом. В. Л. Янин считает эти печати древнейшими новгородскими посадничьими буллами и отождествляет Евстафия с посадником Завидом (ок. 1088—1094). По его мнению, институт новгородского посадничества зарождается в связи с событиями 1088—1089 гг., когда новгородский княжеский стол занял 12-летний сын Владимира Мономаха Мстислав (впоследствии Мстислав Великий) и новгородцы заключили какой-то договор с киевским великим князем Всеволодом Ярославичем. Титул «протопроедр» можно дословно перевести как «помощник», «советник». Крестильное имя Мстислава Владимировича — Феодор соответствует изображенному на печатях протопроедра святому, а в сходстве первоначального типа посадничьей печати и типа княжеских булл этого времени отразилась идея равноправия власти князя и новгородских бояр.

Однако существует и другая точка зрения как на принадлежность этих печатей, так и на личность самого Евстафия. В одном из погребений некрополя русского города Желни (Переяславское княжество) были обнаружены две печати, оттиснутые одной парой матриц и содержащие в надписи редкое имя Евстафий. На одной стороне помещено погрудное изображение архангела Михаила, на другой — пятистрочная греческая надпись, содержащая обычную для сфрагистики благопожелательную формулу: «Господи, помози рабу своему Евстафию». А.В.Куза предположил, что эти две печати и буллы протопроедра принадлежат одному лицу, а именно ближнему боярину князя Всеволода Ярославича, бывшему сначала дядькой (кормильцем) его младшего сына Ростислава, князя переяславского

(1078—1093), а затем старшего внука Мстислава — Феодора Владимировича, дважды занимавшего новгородский стол: в 1088—1094 гг. и в 1096—1117 гг. Печати с изображением архангела Михаила употреблялись Евстафием в Переяславле в малолетство Ростислава, а с изображением св. Феодора — в первое новгородское княжение Мстислава, когда и он в силу своего возраста также еще не мог самостоятельно участвовать в решении различных государственных вопросов. Появление необычных печатей Ратибора и Евстафия А.В.Куза логично объяснил особой исторической ситуацией, сложившейся в конце XI в., когда Всеволод окончательно утвердился в Киеве в 1078 г., а именно нежеланием отдать племянникам важнейшие столы — Тмутаракань и Переяславль.

Печати с русской благопожелательной формулой. Древнерусские буллы с изображением святых на одной и надписью «Господи, помози рабу своему...» (далее в надписи следует имя, соответствующее изображенному святому) на другой стороне образуют значительную (около 50 экземпляров) группу. Часть этих печатей, несомненно, являются княжескими. В частности, к этому типу относится большинство известных печатей Владимира-Василия Мономаха. Однако далеко не все такие буллы умещаются в рамках княжеской сфрагистики. В. Л. Янин убедительно связал их с новгородскими посадниками времени княжения Всеволода Мстиславовича (1117—1136), при котором произошло оформление посадничьей буллы. Специально следует отметить, что данный тип печатей употреблялся посадниками только до 1136 г., когда в Новгороде произошло новое принципиальное разграничение юрисдикции между князьями и посадниками.

Среди булл этого типа известна редчайшая печать, матрицы которой были оттиснуты не на «чистой» заготовке, а на другой, более ранней печати. Эту буллу с изображением и именем Дмитрия В. Л. Янин отнес к посаднику Дмитру Завидичу (1117—1118) и определил, что ею был переутвержден акт, скрепленный печатью с аналогичной благопожелательной надписью, но принадлежавшей Владимиру Мономаху.

Печати с надписью «ДЬНЪСЛОВО». Оригинальную группу древнерусских свинцовых печатей образуют буллы, на одной стороне которых изображен какой-либо святой, или Богоматерь, или шестикрылый Серафим, а на другой двух- или трехстрочная надпись «ДЬНЪСЛОВО». В настоящее время известно около 40 таких печатей, происходящих от более чем 20 пар матриц. Особые трудности вызывает вопрос об их датировке. Единство стиля изображе-

ний на них свидетельствует об узком отрезке времени их употребления. Б.А.Рыбаков предложил видеть в этих буллах «печати тайной переписки». Этим самым допускается существование у каждого лица, имеющего право на пользование печатями, нескольких буллотириев для документов различного назначения. Подобные печати не могли быть заимствованы из Византии, поскольку в ней не было такого явления. Как показал В. Л. Янин, и на Руси не существовало потребности в такого рода печатях, так как секретность переписки обеспечивалась другими надежными способами. В. Л. Янин датирует всю эту группу временем киевского княжения Святополка Изяславича (1093—1113) и предлагает персональную атрибуцию большинству печатей, связывая их как с князьями, так и с митрополитами. Что касается истолкования самого термина «ДЬНЪСЛОВО», то, отметив большое число вариантов его написания, отражавшего фонетические особенности произношения, он пришел к выводу, что грамматическая структура надписи оставалась непонятной резчикам отдельных матриц. В. Л. Янин присоединился к истолкованию надписи, предложенному Н.П. Лихачевым, — «внутри слово», отметив при этом, что лингвистические возможности истолкования печатей полностью исчерпываются этим подстрочником.

Печати с патрональными изображениями двух святых. Среди всех сфрагистических памятников домонгольского времени самую большую группу образуют печати, на обеих сторонах которых изображены различные святые. В настоящее время известно более 400 таких булл, происходящих примерно от 150 пар матриц. Это более половины фонда русских домонгольских печатей. Среди них есть разновидности, представленные рекордным числом одинаковых экземпляров. Например, сохранились 32 печати, оттиснутые одной парой матриц. Они принадлежат князю Святославу Ростиславичу, дважды занимавшему новгородский стол — в 1158—1160 и 1161—1167 гг. На одной стороне его булл изображен св. Иоанн Предтеча, а на другой — архангел Михаил. Михаилом звали отца князя, а крестильное имя самого Святослава установлено по материалам сфрагистики.

Подавляющее большинство печатей этой группы связывается с новгородской княжеской сфрагистикой, причем практически для всех булл установлена с той или иной степенью достоверности персональная принадлежность. Один из изображенных святых был тезоименит владельцу буллы, другой — его отцу. Таким образом, печать, казалось бы, сама называет своего владельца по имени и отчеству. Однако конкретная атрибуция этих печатей затруднена несколькими обстоятельствами. Предположим, что на печати изо-

бражены святые Иоанн Предтеча и Федор Стратилат. Следовательно, владельца печати звали или Иван Федорович, или Федор Иванович, что уже предполагает два возможных решения. Главная же трудность заключается в том, что нам не известны христианские имена многих русских князей. К тому же определенные сочетания святых на буллах представлены рядом вариантов, а это говорит о том, что возможность однозначной атрибуции печати далеко не стопроцентна. Помимо князей новгородских, печати с патрональными изображениями двух святых могли принадлежать киевским, черниговским, смоленским и другим князьям.

Печати с изображением княжеского знака и святого. Одну из самых сложных для атрибуции групп печатей составляют буллы, на одной стороне которых изображен княжеский «знак Рюриковичей» (тамга) в различных вариантах, а на другой — святой. Таких печатей известно более 60 экземпляров, происходящих примерно от 30 различных пар матриц. Подавляющее их большинство найдено на новгородском Городище.

Различают несколько типов княжеских знаков: 1) в виде двузубцев или трезубцев прямолинейных очертаний; 2) знаки этой же формы, но криволинейных очертаний — так называемые «колоколовидные»; 3) знаки в форме багра — в виде вертикальной линии, снабженной отрогом вправо или влево; 4) знаки индивидуальных форм. Более половины печатей этой группы имеют знаки первого типа.

Долгое время персональная атрибуция этих печатей (и знаков) строилась, как теперь установлено, на ошибочном методическом принципе. Считалось, что на печати был изображен личный знак определенного князя, а на другой стороне — его святой патрон. Однако в ряде случаев одному и тому же знаку на печатях соответствуют изображения различных святых. Заново вопрос о принадлежности печатей этой группы рассмотрен В. Л. Яниным. Им определена принадлежность двух из названных выше типов знаков: знаки колоколовидной формы принадлежали суздальским князьям Юрьевичам — потомкам Юрия Долгорукого, знаки прямолинейных очертаний, имеющие в основании отрог в виде «ласточкина хвоста», отнесены им к одной из линий Мстиславичей — потомкам Мстислава Владимировича Великого. Для персональной атрибуции печатей материал пока явно недостаточен.

Древнерусские пломбы «дрогичинского типа». Среди памятников русской сфрагистики особую группу составляют свинцовые пломбы, получившие в научной литературе условное название пломб «дрогичинского типа», по месту их первых находок в Дро-

гичине на реке Западный Буг. В настоящее время подобные пломбы найдены во многих русских городах — Новгороде, Киеве, Пскове, Рязани и др. Их общее количество исчисляется тысячами экземпляров. Прежде всего они рассматривались почти исключительно как памятники торговли. Мысль о том, что часть из них являются памятниками актовой сфрагистики, высказанная еще в конце прошлого века Н.П.Авенариусом и развитая В. Л. Яниным, нашла подтверждение в специальном исследовании Б.Д.Ершевского. Им выделены новгородские пломбы, относящиеся к разряду актовой сфрагистики и являвшиеся малыми вислыми печатями должностных лиц республиканской и княжеской администрации конца XI — первой трети XIII в. На них изображены различные святые, княжеские знаки, кресты в различных сочетаниях. Часть из них получила персональную атрибуцию как печати новгородских посадников конца XI—XII в.

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК

Княжеские печати. Выше были рассмотрены княжеские буллы домонгольского времени. К XIII в. в Новгороде существовал устойчивый тип княжеской печати с изображением двух святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу. Печати этого типа бытуют и в дальнейшем, до конца XIV в., правда, их количество заметно сокращается. Сфрагистический материал изобилует значительными пробелами — печати ряда князей неизвестны вообще, другие князья представлены единичными экземплярами булл, и только деятельность таких князей, как Александр Ярославич Невский, Ярослав Ярославич и Юрий Данилович, отразилась в значительном числе печатей. Так, печатей Александра Невского сохранилось более 40 экземпляров. На них изображены св. Александр с мечом и щитом и св. Феодор, также с мечом и щитом. Есть и другая разновидность печатей Александра Невского, на которых св. Александр представлен в виде всадника, а св. Феодор — в сцене поражения копьем змия. Интересно отметить, что в данном случае всадник изображен с короной на голове, олицетворяя самого князя.

К разряду княжеской сфрагистики относятся печати с изображением Вседержителя в сочетании с изображениями на другой стороне различных святых — Александра, Андрея, Дмитрия и др. Они составляют значительную группу — известно 58 таких печатей, происходящих от 22 пар матриц. Дать этим печатям персональную атрибуцию помогают аналогичные буллы, сохранившиеся при доку-

ментах Например, к договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем, составленной в 1307 г., когда он был избран новгородским князем, привешена печать с изображением Вседержителя на одной стороне и архангела Михаила — на другой. Предположив, что она принадлежит князю Михаилу Ярославичу, можно атрибутировать аналогичным образом подобные ей буллы, найденные в земле.

Древнейшим актом, сопровождаемым печатью, является знаменитая жалованная грамота киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю. Эта грамота — единственный русский акт XII в., скрепленный печатью. Она датируется временем около 1130 г. Печать этой грамоты представляет собой хрисовул (золотая булла) Название это условно, так как печать изготовлена из двух серебряных и позолоченных пластин, соединенных краями и зажимавших пропущенный между ними шнур. Казалось бы, принадлежность печати Мстиславу Владимировичу или его сыну не должна вызывать сомнений. На одной стороне печати изображен Иисус Христос, а на другой — воин, поражающий копьем змия. Диаметр печати 30 мм. В. Л. Янин убедительно доказал, что она значительно моложе грамоты и является подложной. Он считает, что печать принадлежала великому князю Ярославу Всеволодовичу (отцу Александра Невского), несколько раз занимавшему новгородский стол в период между 1215 и 1236 гг., и была приложена к документу в ходе церковной реформы Ивана Грозного, когда осуществлялась частичная секуляризация монастырских земель. Рядовой по сути акт земельного пожалования был скреплен именно хрисовулом для придания ему определенной импозантности, так как хрисовулами на Руси утверждались грамоты особого значения.

Владычные печати. Печати новгородских архиепископов XIII—XV вв. четко разделяются на две группы· именные и анонимные. Первые несут на себе изображение Богоматери «Знамение» и строчную надпись на другой стороне: «Такой-то (указывается имя) архиепископ Новгородский», вторые вместо надписи имеют изображение креста в различных вариантах. Как исключение следует рассматривать древнейший тип анонимной владычной печати, на которой вместо изображения Богоматери помещена 4-строчная надпись· «Печать владычня».

В настоящее время известны именные буллы всех новгородских владык, начиная с Далмата (1251—1273) и кончая Симеоном (1416—1421). Остаются пока неизвестными печати следующих за Симеоном архиепископов — Феодосия (1421—1423), который, правда, не был хиротонисан, Евфимия I (1423—1429), Евфимия II (1429—

1458) и последнего владыки периода новгородской самостоятельности Феофила (1470—1482). Что касается печати владыки Ионы (1459—1470), то она принадлежит совершенно к другому сфрагистическому типу на одной ее стороне изображен сидящий на престоле Вседержитель, а на другой — 6-строчная надпись: «Иона преосвященный архиепископ Великого Новгорода и Пскова». Подобные печати знает владычная сфрагистика Пскова, где буллы Евфимия II, Ионы и Феофила содержат аналогичную надпись, но изображение Вседержителя заменено изображением Троицы, являющейся традиционной эмблемой Пскова. Некоторые именные владычные буллы сохранились при документах. Например, позолоченный аргировул архиепископа Далмата скрепляет договорную

Печати времен раздробленности (XII—XIII вв)

грамоту Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262—1263 гг.

Анонимные владычные печати, на одной стороне которых изображена Богоматерь «Знамение» в полный рост, а на другой — крест различных форм, представлены более чем 100 экземплярами, происходящими от более чем 40 матриц. Все эти буллы можно разделить на четыре группы. Самыми древними являются редкие печати как бы полуанонимного характера. Изображение Богоматери на н заменено 4-строчной надписью: «Печать владычня». Печати трех других групп различаются изображениями креста. К первой относятся буллы с изображением простого восьмиконечного креста на простом или ступенчатом подножии, ко второй — с изображением креста усложненной формы, концы которого имеют точечные или копьевидные завершения, к третьим — с изображением креста с орудиями страстей и многочисленными титлами. Эти печати принадлежали как самому архиепископу, так и его наместникам. Анонимными буллами скреплены акты, различные по своему характеру, — грамоты, касающиеся международных отношений, акты внутреннего характера, частные акты — купчие, данные, духовные.

В разряд новгородской владычной сфрагистики следует включить печати двинских, обонежских, новоторжских и ладожских наместников новгородского владыки, а также буллы владычных наместников, на которых не указана территория их юрисдикции. Больше всего известно печатей новоторжских наместников (более 20 от 15 пар матриц). На одной стороне этих печатей помещается строчная надпись: «Печать новоторжского наместника», а на другой — изображения святых, тезоименитых новгородским владыкам, представителями которого и являлись владельцы булл. На этих печатях представлены практически все имена архиепископов, начиная с Давида (1309—1329) и заканчивая Евфимием I (1424—1429) или Евфимием II (1429—1458). Характерно, что эти буллы найдены в Новгороде, Торжке, Твери, Ржеве и Москве, т.е. в городах, в сферу интересов которых входили поземельные отношения в Новом Торге.

Печати новгородских посадников, тысяцких и тиунов. После новгородского восстания 1136 г., в результате которого было осуществлено определенное размежевание в выполнении государственных функций между княжеской и республиканской администрацией, посадничьи буллы практически выходят из употребления. Правда, в последнее время предпринимаются попытки связать с посадниками печати с изображением креста и княжеских знаков.

Именных печатей с обозначением должности посадника известно сравнительно мало (немногим более 20 булл, содержащих

14 имен). Значительное число из них сохранилось при актах последней трети XIV в. Например, несколько посадничьих печатей скрепляют так называемый наказ 1372 г. новгородским послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с тверским великим князем Михаилом Александровичем.

Кроме строчных или круговых надписей, на посадничьих печатях встречаются изображения креста, святого воина на коне или стоящего в полный рост с копьем и щитом и птицы.

Печати новгородских тысяцких, на которых указана должность их владельца, подобно аналогичным посадничьим буллам, немногочисленны. Их известно 25 экземпляров, на которых указаны 17 имен. 12 печатей тысяцких сохранилось при документах, древнейший из которых — договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой — датируется 1301 г. На большинстве этих печатей помещены только надписи, например на одной стороне — «печать Матфея Фалелевича», а на другой — «тысячкого новгорочкого». Однако известны буллы с изображением святых, архангела и птиц.

Тиунские печати Новгорода составляют большую группу — более 100 экземпляров, происходящих от более чем 50 пар матриц. Они содержат 18 имен; часть имен остаются непрочитанными из-за плохой сохранности печатей. Все тиунские буллы содержат в надписи указание на свою принадлежность, называя имя и должность владельца. Изображения на них отсутствуют. Сложность атрибуции этих печатей определяется тем, что все они сохранились в отрыве от документов, а также плохой сохранностью многих экземпляров. В письменных источниках нет сведений о новгородских тиунах, а на печатях указаны только их имена без отчеств. Оформление печатей этой группы исключительно однообразно: на обеих сторонах помещены строчные надписи, например: на лицевой стороне — «Еремеева печать», на оборотной стороне — «новгородьского тивуна». В.Л.Янин убедительно сопоставил печати новгородских тиунов с известными только по упоминаниям в документах печатями купеческих старост. Отождествление «старост» и «тиунов» не должно вызывать сомнений, так как в различных списках Русской Правды эти термины выступают как синонимы. Тиунские печати появляются в конце XIII в. и существуют до начала XV в.

Печати новгородского Совета господ. Общегосударственные новгородские печати, сохранившиеся как при документах, так и в отрыве от них, представлены различными хронологическими группами. Все эти печати анонимны, а формулы надписей на них таковы: «Печать Всего Новгорода», «Новгородская печать и посад-

нича», «Новгородская печать» и «Печать Великого Новгорода». Печати с надписями первых двух формул очень редки. Каждая группа представлена всего двумя экземплярами, причем все они сохранились при документах. Две идентичные печати (свинцовая и позолоченный аргировул) с надписью «Печать Всего Новгорода» сохранились при уже упоминавшемся документе 1262—1263 гг. Буллы с надписью «Новгородская печать и посаднича» сохранились при актах 1371 и 1372 гг.

Самую многочисленную группу составляют печати с надписями «Новгородская печать» и «Печать Великого Новгорода». Таких булл известно более 80 экземпляров, причем большинство (около 60) приходится на долю «Печатей Великого Новгорода». Помимо надписей, на этих печатях встречаются изображения Вседержителя, воина, всадника, птицы и зверя. При ряде документов сохранились одинаковые печати; это позволяет заключить, что они использовались посадниками и тысяцкими и не передавались по наследству при обновлении степени. Иными словами, если во второй четверти XV в. в Новгороде было одновременно 24 посадника и 6 тысяцких и каждый их них имел свою печать, то применяли ее на практике только лишь избранные на степень. Это отражает принцип организации высших республиканских органов на последнем этапе новгородской независимости, когда должности посадников и тысяцких стали пожизненными и обновлялись лишь со смертью того или иного из должностных лиц. Персональная атрибуция этих булл возможна только лишь в случаях, когда они сохранились при документах. В. Л. Янин связывает появление этих анонимных печатей с реформой 1416—1417 гг., которая увеличила число посадников и тысяцких, но ограничила срок занятия степени полугодом. До этого времени посадники и тысяцкие использовали личные печати. Реформы первой четверти XV в. резко подняли авторитет Совета господ как общебоярского органа. Личность посадника или тысяцкого как бы уходит на второй план, а их имена на печатях уступают место имени города.

Новгородские кончанские и монастырские печати. Кроме общегосударственных печатей Новгорода, от второй половины XV в. сохранились печати, привешивавшиеся к документам представителями новгородских концов — основных территориальных единиц города. Известны печати всех пяти новгородских концов. Буллы Людина конца на одной стороне несут лаконичную надпись: «Печать Людина конца», а на другой — изображение светского воина с копьем и щитом. На печатях Славенского конца на одной стороне помещено изображение простого восьмиконечного креста, ок-

руженное надписью: «Печать Славеньского конца», на другой — поясное изображение св. Павла Исповедника и надпись по сторонам: «Павел Іcповедникъ». Печати Плотницкого конца представлены двумя незначительно различающимися вариантами. На одной их стороне изображены крест (вариант — крест «со страстями») и круговая надпись: «Печать Онтоновская», на другой стороне дано изображение типа «Деисус», сопровождаемое обычными титлами. Печати Загородского конца на одной стороне имеют надпись, скомпонованную в четырех строках: «Святого Николы в Загородьскомъ конци», а на другой — изображение св. Николая Мирликийского в пояс; по сторонам — колончатая надпись «Агиос Никола». Наконец, печати Неревского конца известны в двух разновидностях. На одной из сторон помещена 4-строчная надпись: «Печать святого Николы» (вариант — «Печать святого Николы великого конца Неревского»), на другой стороне изображен св. Николай Мирликийский (на печатях одного варианта святитель изображен в пояс и помещена надпись «Ни-к...», на других святой изображен в полный рост, а надпись отсутствует). Большинство кончанских печатей сохранилось при документах, старейший из которых датируется серединой XV в.

Эти печати отразили связь кончанской администрации с определенными монастырями. По мнению В. Л. Янина, кончанское представительство в 70-х гг. XIV в. еще не было выражено какими-то особыми сфрагистическими типами и буллы представителей концов являлись именными печатями «кончанских старост». Процесс складывания кончанской сфрагистики в XV в. не был завершен, но сращивание мирской администрации с администрацией кончанских монастырей происходило весьма интенсивно.

Большинство монастырских печатей происходит из случайных находок. Известны печати следующих монастырей — Благовещенского, Варваринского, Кириллова, Юрьева, Спас-Нередицкого, Спас-Хутынского, Николаевского Вяжищского, а также Спасского монастыря в Русе. На них, как правило, помещено изображение святого, отражающее название монастыря, и соответствующие надписи. Например, на булле знаменитого Юрьева монастыря на одной стороне помещена 4-строчная надпись: «Печать святого Егорья», а на другой — изображение св. Георгия в полный рост, с копьем и щитом и надпись «Егорьи».

Все монастырские печати датируются временем не ранее начала XV в.

Печати Псковской феодальной республики. Псковская земля, входившая составной частью в Новгородскую феодальную

республику, с середины XIII в. становится фактически самостоятельным государственным образованием, что юридически было оформлено Болотовским договором 1348 г.

До 1425 г. функции государственной печати Псковской республики выполняла булла наместника новгородского архиепископа. На одной ее стороне была изображена Богоматерь, а на другой — крест, т.е. она фактически ничем не отличалась от других печатей владычных наместников. С середины XIV в. на печатях появляется изображение Троицы — патрональной эмблемы Пскова.

Необычной особенностью псковских печатей XV в. является помещение на них дат изготовления матриц. Так, на лицевой стороне печатей 1425 г. помещена 6-строчная надпись: «Печать Псковская, тогда и перси свершиша камены» (перси— кремлевские стены), а на оборотной — изображение мужской головы и кириллическая надпись: «В лето 6933, солнца 17, луны 17, индикта 3».

На печатях 1469 г. на лицевой стороне помещена 6-строчная надпись: «Печать Псковская, водьчины великого князя Ивана Васильевича», а на оборотной — мужская голова в короне и круговая надпись: «В лето 6977 доспе (ты) бы (ша) клещи си». В данном случае термином «клещи», скорее всего, обозначены сами матрицы печатей. Ряд исследователей считают, что на этих буллах изображен князь Довмонт — святой покровитель Пскова. Отметим, что такое же изображение помещалось и на псковских монетах.

Наиболее поздними псковскими печатями являются две сохранившиеся матрицы с изображением зверя (барса ?) и круговой надписью: «Печать господарьства Псковского». Они имеют проушины для крепления на шнурке и, вероятно, носились на шее.

Свои печати имели псковские пригороды Изборск, Остров и Красный город.

ПЕЧАТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XIV—XVII вв.

В XIV в. изменяется тип княжеской буллы — на печатях появляются надписи, содержащие титул и имя князя. Проследим историю развития княжеской буллы на примере печатей московских великих князей. Необычна печать Ивана Даниловича Калиты (1325—1340), сохранившаяся при его духовной грамоте 1339 г. Она серебряная, позолоченная, неправильной восьмигранной формы. На одной ее стороне изображен Иисус Христос и надпись по сторонам изображения: «Печать великого», а на другой — св. Иоанн Предтеча и продолжение надписи: «князя Ивана». Этот тип печати у московских князей сохранился до конца XIV в., но форма булл, как прави-

Печати времен объединения русских княжеств в единое государство (XIV—XV вв.)

ло, круглая или овальная. Известны печати великих князей Симеона Ивановича Гордого (1341—1353), Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389) и Василия Дмитриевича (1389—1425), на которых изображение патронального святого сопровождается характерной надписью: «Печать князя великого (имя князя) всея Руси».

На печатях Василия I Дмитриевича появляется изображение светского воина-всадника, ставшее впоследствии гербом московских великих князей. Скачущий всадник, вооруженный копьем, изображен и на печати Василия Васильевича Темного (1425—1462); на другой стороне этой печати — два сидящих на камне человека и надпись: «Князя великого Василия Васильевича». Аналогичные изображения всадника присутствуют и на монетах этих князей. Эти буллы уже не свинцовые, а восковые.

В XIV в. великие и удельные князья используют в качестве печатей античные резные камни — геммы. Различают два вида гемм: интальи — геммы с углубленными изображениями, и камеи — геммы с выпуклыми изображениями.

Печати периода единого Русского государства. Процесс государственной централизации Руси нашел яркое отражение в истории государственных учреждений, как центральных, так и местных. Возросшее значение различных органов власти, расширение сферы их деятельности выразились в значительном увеличении числа учреждений, использующих печати. В этот период продолжают пользоваться печатями и различные должностные лица — воеводы, дьяки, церковные иерархи и др. На смену металлическим приходят воскомастичные печати, подавляющее большинство которых сохранилось при документах. Основной тенденцией в развитии русской сфрагистики становится постепенная выработка твердо установленных типов печатей, прежде всего государственной.

Государственная печать. Тип государственной печати вырабатывался постепенно. На печатях Ивана III Васильевича (1462—1505), при котором в основном закончился процесс политического объединения Руси, помещаются еще самые различные изображения. Типы его печатей очень разнообразны. Одни документы скреплены античной геммой с изображением двух всадников, едущих навстречу друг другу, другие — геммой с изображением льва, пожирающего змия. Последний сюжет представлен и на печатях Василия II Темного (1425—1462). На ряде печатей Ивана III изображен светский всадник, поражающий копьем змия. Именно это символическое изображение в дальнейшем становится обязательным на печатях всех русских царей и входит составной частью в государственный герб России.

В правление Ивана III на печатях впервые появляется изображение двуглавого орла, что обычно связывают с женитьбой Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье (Зое) Палеолог в 1472 г. После падения Византии в 1453 г. московские великие князья считали себя наследниками византийских императоров, так как являлись государями крупнейшего православного государства. Теория «Москва — третий Рим», отражавшая успехи политики централизации и окончательно оформившаяся в 10—20-е гг. XVI в., способствовала закреплению этого изображения в качестве русского государственного герба. Древнейшие документы, скрепленные печатями с изображением на одной стороне всадника, поражающего змия, а на другой — двуглавого орла, датируются 1497 и 1504 гг. Эти изображения мы видим, например, на печатях, привешенных к договорной грамоте, заключенной в 1504 г. по повелению Ивана III между его детьми великими князьями Василием и Юрием «о бытии им в дружбе и согласии». На печати Ивана помещена круговая надпись, раскрывающая его полный титул: «Божиею милостию господарь всея Руси великий князь Иоан», а на печати Василия Ивановича на обеих сторонах присутствует одна и та же надпись: «Князь великий Василий Иванович».

Вопрос о непосредственной связи изображения двуглавого орла с византийской геральдикой в настоящее время требует специального исследования. Дело в том, что существует несколько гипотез о происхождении этого символа. Ряд исследователей отрицают его связь с Византией. Его появление объясняют контактами с императорами Священной Римской империи из дома Габсбургов или южнославянскими влияниями. Настоящий герб Византийской империи складывается при Палеологах к 1327 г. Он представлял собой крест, образованный четырьмя буквами «В».

Что же касается изображения двуглавого орла, то в XIII в. оно появляется на западноевропейских монетах, в частности Нидерландов, Палермо и Савойи, а в XIV в. распространяется еще шире: монеты болгарского царя Михаила Шишмана, Бертрана III Красивого во Франции, монеты Кельна, Трира и Майнца, печати города Фридберга и чешского короля Вацлава IV (1378—1419). Символика этого изображения также трактуется исследователями по-разному — совместное правление двух императоров, притязание на управление двумя государствами, претензии на императорский трон, наконец, в нем видят олицетворение идеи всемирной империи.

Несколько слов необходимо сказать о символике изображения всадника, поражающего копьем змия, ставшего впоследствии гербом Москвы. Источники рубежа XIV—XV вв., т.е. времени появления всадника на московских великокняжеских печатях, ничего не

сообщают о ней. В русской сфрагистике изображение конного святого воина впервые появляется на печатях князя Всеволода Юрьевича, внука Всеволода Большое Гнездо, княжившего в Новгороде в 1222 и 1224 г. Источники XVI–XVII вв. объясняют это изображение как портрет царя (или его наследника), побеждающего врагов государства. Трактовка этого сюжета как изображения св. Георгия Победоносца в русских источниках до XVIII в. не встречается. Этот святой — покровитель рыцарства — был очень популярен в Западной Европе в XVII в. Сходство канонического изображения св. Георгия в «чуде о змие» и светского изображения князя — защитника Русской земли привело к переосмыслению первоначальной символики, и в 1730 г. при официальном утверждении гербов русских городов всадник впервые в отечественных источниках трактуется как св. Георгий Победоносец.

В XVI–XVII вв. существовали две государственные печати — большая и малая.

На лицевой стороне большой государственной печати изображен двуглавый орел, на груди которого в щитке помещено изображение всадника, поражающего копьем змия. Вокруг представлены изображения печатей городов — столиц княжеств и царств, входивших в состав Русского государства. По краю печати расположена круговая надпись, содержащая полный царский титул. Продолжение надписи располагалось на оборотной стороне, в центре которой также был изображен двуглавый орел, но на его груди в щитке — единорог. Сохранилась государственная малая печать Ивана IV, на которой изображение единорога заменяет изображение всадника. Такая печать, например, привешена в жалованной грамоте 1569 г., данной игумену Белозерского Кириллова монастыря Кириллу с братиею. Изображение единорога встречается и на личных печатях Ивана IV в качестве символа силы и могущества.

Малая государственная печать иногда называлась «кормленой», так как ею скреплялись грамоты на кормление. Этот термин бытует и в XVII в., несмотря на то что система кормлений была отменена в середине XVI в. На лицевой стороне малой печати изображался двуглавый орел, на оборотной — всадник, поражающий змия. Надпись начиналась на лицевой стороне и переходила на оборотную, она содержала сокращенный титул царя. На малых печатях в различные царствования изображения оставались постоянными, изменялся лишь титул царя.

Существовала еще так называемая средняя государственная печать. Такая печать царя Федора Ивановича приложена к Уложенной грамоте 1589 г. об учреждении в России Патриаршеского Престола. Изображения на обеих ее сторонах одинаковые — двуглавый орел со щит-

ком на груди, в котором изображен всадник, поражающий змия. Круговая надпись, начинающаяся на одной стороне печати и заканчивающаяся на другой, содержит полный царский титул.

На некоторых печатях царя Федора Ивановича между головами орла иногда помещается изображение креста на подножии, сопровождающееся обычными титлами: ЦР-СЛ, ИС-ХС, НІ-КА. Подобное изображение креста есть на печатях Бориса Федоровича Годунова, Лжедмитрия I и Василия Ивановича Шуйского. Изображение креста, но без титл есть на Большой государственной печати царя Михаила Федоровича Романова. На печатях этого царя впервые появляется изображение трех корон над головами орла. Есть они и на печатях Алексея Михайловича и Петра I.

До Алексея Михайловича орел изображался, как правило, с опущенными крыльями. На некоторых печатях Лжедмитрия I крылья у орла подняты вверх. На печатях Алексея Михайловича в лапах орла помещаются скипетр и держава, однако употребляется и прежний тип изображения — орел с опущенными крыльями, скипетр и держава отсутствуют.

В XVI—XVII вв. употреблялась так называемая «воротная печать», название которой объясняется тем, что ее носили на шнурке на шее. Это была односторонняя прикладная печать, которой скреплялись документы внутреннего характера, рассылавшиеся только в пределах страны. На ней изображался все тот же всадник, поражающий змия, или двуглавый орел, как с изображением всадника на груди, так и без него.

Интересное отражение в сфрагистике нашло Смутное время. Когда в 1611 г. Первое ополчение объявило о создании «земского правительства впредь до избрания царя», появилась особая земская печать с изображением одноглавого орла и круговой надписью: «Великие Российские державы Московского государства печа...» До ее появления документы «земского правительства» скреплялись личной печатью Прокопия Петровича Ляпунова.

Приказные учреждения были созданы и Вгорым ополчением в Ярославле в 1612 г. Документы этого ополчения сначала скреплялись личной перстневой печатью князя Дмитрия Михайловича Пожарского, на которой были изображены два стоящих на задних лапах льва. Специально для скрепления международных грамот по образцу этой печати была изготовлена другая — на ней львы держат щит, на котором изображена хищная птица, клюющая человеческую голову, а под щитом — дракон; вокруг надпись: «Стольник и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарсково-Стародубсково». После слияния ополчений употреблялась исключительно печать «земского правительства» с изображением одноглавого орла.

Печати центральных государственных учреждений. В XVII в. правом скрепления документов печатью пользовались различные государственные и городские учреждения. Одним из центральных правительственных учреждений был Приказ Большого Дворца, в ведение которого входило управление дворцовыми учреждениями и вотчинами, а также хозяйственной деятельностью монастырей (за исключением периода 50—70-х гг. XVII в.). Характерно изображение на печатях Приказа Большого Дворца единорога — символа власти и силы. Сохранилось несколько воскомастичных печатей этого учреждения, происходящих от различных матриц. На всех них изображен единорог, но варьируют надписи: «Печать Большого Дворца», «Большого Дворца».

Сохранилась единственная печать Земского приказа, который ведал порядком и благочинием, а также борьбой с пожарами в столице. На этой печати, скрепляющей документ 1682 г., изображен фасад дома с воротами и круговая надпись: «Печать великого государя Земского Приказа».

На печати Приказа Большой Казны были изображены коромысленные весы, окруженные надписью: «Печать казенная Приказу Большие Казны». Это изображение весьма символично, так как названный приказ ведал государственным хозяйством и являлся центральным финансовым учреждением. В 80-е гг. XVII в. функции этого приказа значительно расширились, в его компетенцию вошли сборы таможенных пошлин, питейных, данных и оброчных денег и других доходов.

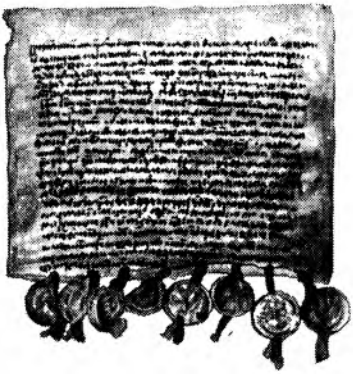
На печати Малороссийского приказа, существовавшего в 1662—1722 гг., изображен орел, на груди которого всадник, поражающий змия. Под орлом помещены изображения казаков, приносящих войсковые клейноты — эмблемы державной власти. Этот приказ ведал отношениями с Украиной, имевшей автономное управление.

На печати Кормового Дворца, ведавшего приготовлениями кушаний для царского стола, изображены три рыбы и круговая надпись: «Печать Государева Кормового Дворца исходячая».

На печати Сибирского приказа изображены два соболя, держащие корону и лук, а также две перекрещенные стрелы.

Нетрудно заметить, что, как правило, изображения на печатях центральных правительственных учреждений отражают специфику их функций: здание — на печати Земского приказа, весы — на печати Приказа Большой Казны, рыбы — на печати Кормового Дворца и т. д.

Печати местных учреждений. Печатей местных учреждений и их описаний сохранилось значительно меньше, чем центральных. Известны печати съезжих и таможенных изб. На таможенных



Грамота с печатями

Печать царя
Алексея Михайловича

Печать Лжедмитрия I

Печать приказа Большой казны

Печать Большого дворца

печатях изображения обычно отсутствуют, имеются только надписи. Например, на сохранившихся печатях Нижегородской и Соликамской таможен помещены следующие надписи: на первой — «Печать Нижегородская таможенная», на второй — помещена дата без указания города: «Месяц ноябрь печать таможенная». Печати таможен употреблялись и в других городах, о чем можно судить по упоминаниям в источниках печатей Костромы и Ростова.

Сохранилась печать Шенкурской съезжей избы, имеющая строчную надпись: «Шенкурского острога осударевы съезжие». Можно предположить, что слово «избы» помещалось в несохранившейся строке, так как нижняя часть этой воскомастичной печати обломана.

Местные таможенные печати появляются во второй половине XVII в. Известна Двинская таможенная печать, на которой помещена круговая надпись: «Печать Двинская таможенная», а в центре — «мц (месяц) август». Подобные печати были у таможен Архангельска, Мезени, Нерехты и Холмогор. Сохранилась печать Соликамской таможни, на которой 4-строчная надпись: «Месяц генварь печать таможенная». Указание на город, где действовала таможня, здесь отсутствует. Известны печати сибирского Красноярского острога с изображением единорога и круговой надписью. Она приложена к грамоте 1644 г., данной на землю служилому человеку этого острога Родиону Иванову Кольцову. Сохранились также печати сибирского Енисейского острога 1671 г. и Якутского острога 1682 г.

Печати должностных лиц. Печатей этого разряда сохранилось значительное количество. Они принадлежат воеводам, дьякам и другим светским должностным лицам, а также духовенству.

Печати духовенства в целом сохраняют тип булл предшествующего периода феодальной раздробленности. В XVI в. традиционное изображение Богоматери на печатях митрополитов иногда заменяется изображением благословляющей руки. Самой ранней печатью с таким изображением является печать московского митрополита Даниила (1522—1539). На ее лицевой стороне изображена благословляющая рука и круговая надпись: «Рука митрополита Данила всея Руси», а на оборотной стороне 5-строчная надпись: «Божиею милостию смиренный Данил митрополит всея Руси». На некоторых митрополичьих печатях XVI в. изображение отсутствует и имеется только надпись. Такова, например, воскомастичная печать митрополита Макария (1542—1563).

Заслуживают внимания попытки официальной унификации изображений на печатях высших церковных иерархов, митрополитов и епископов. В 1564 г. Иван IV повелел, чтобы на этих печатях крас-

ного воску изображались на одной стороне Богоматерь с Младенцем, а на другой — благословляющая рука и надпись с именем владельца печати.

После того как в 1589 г. в России было введено патриаршество, появляются патриаршие печати, практически не отличавшиеся от митрополичьих и архиепископских. Известна печать первого русского патриарха Иова (1589—1605), на одной стороне которой изображена Богоматерь с Младенцем и обычными надписями под титлами: «МР-ФУ» и «ИС-ХР», а на другой — благословляющая рука и круговая надпись: «Божиею милостию Иов патриарх московский и всея Руси».

Интересная печать патриарха Филарета (1619—1633) — отца Михаила Федоровича Романова, сохранилась при судной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1628 г. На одной ее стороне изображена Богоматерь Печерская, а на другой — благословляющая рука и круговая надпись: «Божиею милостию святейший патриарх царствующего града Москвы и всея Руси Филарет». Аналогичные изображения имеет печать патриарха Никона (1652—1658), однако надпись на ней несколько изменена: «Никон Божиею милостию архиепископ царствующего града Москвы и всея Великия и Малыя и Белыя России патриарх».

Изображения на печатях низшего духовенства имеют разнообразный и часто случайный характер. Такое заключение справедливо и для печатей светских должностных лиц. Печати последних имеют самые разнообразные изображения, не несущие никакой смысловой нагрузки, соответствующей характеру занимаемой должности их владельца. Иногда они вообще лишены изображений и имеют только надписи о своей принадлежности. Известны печати дьяков, подьячих, протопопов и др

Часто в качестве печатей использовались античные геммы, вставлявшиеся в перстневую и другого вида оправу. Так, на печати Козьмы Минина изображен человек, сидящий на стуле с чашей в руках. По стилю изображения эту римскую гемму датируют II—III вв. н.э. На некоторых печатях надписи заменялись инициалами. Например, на печати 1696 г. на щите под короной надпись «П.К.К.Щ.» означала — «Печать князя Константина Щербатова».

Сохранившиеся печати должностных лиц свидетельствуют о широкой сфере их применения.

Городские и областные печати. В Большой государственной книге 1672 г., или «Титулярнике», изображены 33 герба городов, перечисляемых в полном царском титуле. В основе рисунков этих гербов лежали изображения на городских печатях. Наиболь-

ший интерес из них представляют печати Новгорода, Пскова, Смоленска, Ярославля и ряд других. Большие разногласия среди исследователей вызвали трактовка изображения и время появления печати Новгорода. На новгородском гербе, помещенном на большой государственной печати Ивана Грозного, изображена вечевая степень с положенным на нее посохом или жезлом. Подобного изображения нет ни на одной новгородской печати периода самостоятельности. Одни исследователи видели в посохе символ власти архиепископа, другие — жезл степенного посадника. Большинство исследователей склоняются к тому, что на печати изображен именно посаднический жезл как символ независимости Новгорода, а появление самой печати относят к XV в. В XVII в. вечевая степень на печати заменяется изображением трона, а жезл посадника — царским скипетром. Именно в таком виде герб Новгорода изображен на большой государственной печати царя Алексея Михайловича. Таким образом, при сохранении общей композиции изображения диаметрально противоположно изменилась его символика, превратившись из республиканской в монархическую.

На печатях Пскова и на некоторых монетах этого города изображался барс и надпись: «Печать господарьства Псковского».

На печати Смоленска изображена пушка, на которой сидит райская птица. Характерно, что в период вхождения Смоленска в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой это изображение заменяется другим — знамя с жезлом на щите — и восстанавливается после возвращения Смоленска России в 1667 г.

На печати Ярославля изображен медведь с протазаном на плече. Археологические материалы свидетельствуют о глубокой древности культа медведя в Верхнем Поволжье, в частности в районе Ярославля. В 1692 г. в Посольском приказе была изготовлена печать с изображением стоящего медведя для Ярославля.

Сохранилась воскомастичная печать царства Казанского, приложенная к грамоте 1596 г., данной князем Иваном Михайловичем Воротынским архимандриту Казанского Преображенского монастыря Арсению с братиею. На ней изображен крылатый дракон и круговая надпись: «Печать царства Казанского».

ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Государственные печати. Изображения на государственной печати в этот период по существу своему не изменяются. Основными фигурами остаются двуглавый орел и всадник, поражающий копьем змия. Все изменения имеют частный, непринципиальный

характер. Так, после того как в 1699 г. был учрежден первый и высший орден России — орден Андрея Первозванного, изображение всадника, поражающего змия, как правило, окружается цепью ордена. Кроме того, на печатях отразилось территориальное расширение Российской империи — на них стали помещать изображения гербов вновь присоединенных территорий.

Большая государственная печать Петра I сохранила изображение печати Алексея Михайловича. Незначительные изменения коснулись лишь нижней части изображения — вместо копья, поставленного между двумя группами вооруженных людей на печати Алексея Михайловича, на печати Петра I изображена лента с тремя крестами, расположенными один под другим.

На малой государственной печати Петра I изображение традиционного всадника заменено андреевским крестом и буквами: «Ц.И.В.К.П.А.В.Р.», т.е. «Царя и великого князя Петра Алексеевича всея России». На малых государственных печатях Петра I встречается изображение Богоматери (печать 1705 г.) или распятие в свете сияния (печать 1711 г.). На ряде малых государственных печатей изображение андреевского креста на цепи помещалось под щитом на груди орла, в котором изображен всадник. По сторонам орла под коронами изображены щиты с гербами Чернигова, Новгорода, Астрахани, Владимира, Казани, Сибирской земли и круговая надпись: «Петр Первый Божиею милостью царь и повелитель Всероссийский».

На печатях Павла I появляется изображение мальтийского креста.

В 1882—1883 гг. было точно регламентировано употребление трех государственных печатей — большой, средней и малой. Большая печать прикладывалась, например, к государственным законам, различным учредительным актам государственного значения, к статутам учрежденных орденов, дипломам на княжеское и графское достоинство и некоторым другим.

Средняя государственная печать удостоверяла грамоты городам, дипломы на баронское и дворянское достоинство, договоры с иностранными государствами и другие документы.

Малая печать прикладывалась, например, к грамотам на пожалование земли, к грамотам монастырям на привилегии, на почетное гражданство и т.п.

Печати центральных и местных учреждений. Основное изменение печатей государственных и центральных учреждений в рассматриваемый период заключается в том, что вместо символических изображений, характеризующих деятельность того или иного учреждения, на них появляется изображение герба государства. Од-

нако в ряде случаев традиция была сохранена. Например, на печати Академии наук на груди двуглавого орла изображена сидящая Афина Паллада с копьем и щитом и круговая надпись на латинском языке: «Hic tutu perennat» («Здесь безопасно пребывает»).

Что касается печатей местных учреждений, то на них, как правило, помещался герб города, где находилось данное учреждение, и надпись, раскрывающая принадлежность печати. В том случае, если город или территория не имели своего герба или эмблемы, на печатях помещались одни надписи. Известна печать, употреблявшаяся Тамбовской провинциальной канцелярией в 30—40-е гг. XVIII в. На ней нет никаких изображений, а только лишь 3-строчная надпись: «Печать Тамбовской провинции». Подобная же печать воеводской канцелярии города Пронска имела надпись: «Пронской канцелярии», окруженную венком из лавровых ветвей.

Особую группу составляют таможенные печати. Большинство из них представляют собой так называемые месячные печати, на которых обозначалось название таможни и месяца, когда употреблялась печать. Таковы, например, печати таможен Мурома, Калуги и ряда других городов. В начале XVIII в. появляются таможенные печати с изображением двуглавого орла, а затем и городских гербов или каких-либо символических изображений. После ликвидации в середине XVIII в. внутренних таможен исчезают и таможенные печати.

Известны печати различных сельских учреждений и сельских должностных лиц, а также печати старшин некоторых национальных окраин, например печати сельских старост, башкирских, якутских и других старшин и «князцов».

Одни из печатей этой группы имели только надписи о своей принадлежности, например: «Печать Тетеревского общества сельского старосты», другие — надписи и изображения гербов городов или губерний. Так, на печати волостного старосты Сухорецкой волости Казанской губернии изображен крылатый дракон, являвшийся губернским гербом.

Своими печатями пользовались казачьи подразделения и станицы. На печати войска Запорожского изображен казак с ружьем и саблей и надпись: «Печать славного войска Запорожского Низоваго». Сохранились печати войска Донского и различных казачьих станиц.

Печати частных лиц. Личные печати рассматриваемого периода характеризуются исключительным разнообразием. На печатях дворян, как правило, помещался родовой герб и надпись, раскрывающая личную принадлежность печати. Печати лиц недво-

рянского происхождения обычно имеют только надпись, а если на них имеются изображения, то, как правило, случайного характера.

Родовой герб был вырезан на личной печати А.С.Пушкина. На нем в верхней половине щита, разделенного горизонтально на две части, изображена княжеская шапка, а в нижней части щита справа — рука в доспехах, держащая обращенный вверх меч, слева — орел с распростертыми крыльями, держащий в лапах державу и меч. Об этой печати в стихотворении «Моя родословная» А.С.Пушкин писал: «Под гербовой моей печатью я кипу грамот схоронил...»

Изучение гербовой печати, оттиснутой на одном из анонимных писем, адресованных декабристу И.Д. Якушкину, позволило установить имя корреспондента.

Известны печати Е.И.Пугачева. На одной из них помещено погрудное изображение мужчины, на голове которого корона и лавровый венок, а на плечах — императорская мантия, и надпись: «Б.Г.П.П.Т.Имп. и самодерж. Всеросс. 1774 г.», расшифровывающаяся следующим образом: «Большая государственная печать. Петр Третий император и самодержец Всероссийский 1774 г.». Свои личные именные печати имели и другие руководители восстания, например Чика — И.Н.Зарубин, называвшийся графом Чернышевым. На ней изображены две ветви, сложенные накрест, вензели и круговая надпись: «Печать графа Ивана Чернышева». Напомним, что настоящий граф возглавлял Государственную военную коллегию.

Печати XX в. Временное правительство несколько изменило герб Российской империи. Двуглавый орел изображался без корон и всадника, а также без гербов территорий, входящих в царский титул. Под орлом теперь помещалось изображение Таврического дворца, где проходили заседания Государственной думы.

Первая государственная печать большевистского правительства была изготовлена уже в середине ноября 1917 г. Это была печать Управления делами Совнаркома. Она еще не имела изображений, на ней помещались только надписи: круговая — «Крестьянское и Рабочее Правительство Республики России» и в центре — «Управление делами». Постепенно создавались стихийно печати различных наркоматов и других учреждений.

Единая государственная печать была окончательно утверждена 19 июня 1918 г. Затем были разработаны специальные правила пользования государственной гербовой печатью. Было запрещено употребление дореволюционных печатей, а все советские учреждения должны были обзавестись новыми печатями с гербом РСФСР. Употребление гербовых печатей стало строго регламентированным —

право использовать такие печати получили высшие центральные и местные правительственные учреждения и их отделы, выполняющие самостоятельные функции. Был унифицирован и внешний вид гербовых печатей: после создания СССР в центре печатей помещается герб СССР или союзной республики, а вокруг изображения герба расположена надпись, раскрывающая принадлежность печати.

Значительное число учреждений и организаций, находящихся в подчинении вышестоящим органам, не имели права пользования гербовой печатью. На этих печатях имеются лишь надписи, раскрывающие их принадлежность и указывающие на подчиненность определенным вышестоящим органам.

В связи с возвращением к «старому» российскому гербу изменился внешний вид гербовой печати России, на которой стал изображаться двуглавый орел.

Глава 4

ГЕРАЛЬДИКА. ВЕКСИЛЛОГРАФИЯ

Название этой вспомогательной исторической дисциплины происходит от латинского слова Heraldus — глашатай. Основным объектом геральдического исследования является герб (от польского herb, старочешского — herb, erb, от немецкого Erbe — наследство) Гербы могли принадлежать отдельным лицам, городам, областям, государствам; в средние века — различным ремесленным корпорациям — цехам, купеческим гильдиям и т. д.

Где помещались гербы? На вооружении, доспехах, одежде, мебели, коврах, посуде, ларцах, каретах, печатях, монетах, бумажных деньгах, на архитектурных сооружениях в виде художественной лепки, на витражах, где их красочность была особенно ощутимой, на фресковой росписи потолков и стен дворцов. Гербами отмечались книги, портреты. Гербы использовались в качестве украшений на надгробных плитах, причем там они заменяли соответствующие надписи.

Основной задачей геральдики как вспомогательной исторической дисциплины является атрибуция (определение принадлежности) гербов, на основе которой можно установить дату и место производства того или иного предмета материальной культуры, имеющего изображение герба.

По гербу можно многое узнать о владельце вещи, например его титул. Частные гербы имели изображение головного убора, которое помещалось над щитом в виде короны (княжеской, графской, баронской, дворянской) или шляпы для духовных лиц. Герб помогает проследить историю (судьбу) вещей. Например, известный геральдист В.К.Лукомский с помощью гербовых эмблем определил судьбу «колымаги» Никиты Ивановича Романова — двоюродного брата царя Михаила Федоровича Герб из железа на колымаге состоял из изображения колонны, увенчанной короной, и представлял польский герб «колонна», которым пользовались в Польше около 30 шляхетских родов. Помещенные по сторонам гербовой фигу-

ры буквы помогли Лукомскому раскрыть имя и фамилию польского владельца «колымаги» — Франца Лесьновальского, который был в Брянске старостой. Вероятно, эту «колымагу» приобрел для своего трудного путешествия обратно в Россию патриарх Филарет, который был в польском плену с 1611 по 1619 г. По возвращении в Россию Филарет Романов подарил колымагу своему племяннику Никите Ивановичу Романову.

Герб помогает в определении экономических, культурных, родственных связей, династических браков, демографических процессов внутри господствующего класса, в том числе и коронованных особ. В этом отношении показателен родовой герб Романовых. В правой части их гербового щита был помещен собственно герб рода Романовых. В левой части гербового щита были внесены гербы западноевропейских дворов, с которыми императорская семья породнилась в результате династических браков на протяжении XVIII — начала XX в.: герб шлезвиг-голштинский, включающий гербы норвежский, шлезвижский, голштинский, сторнмарнский, дитмарсенский. На малом среднем щите были показаны в правой стороне — герб ольденбургский, а в левой — герб дальменгорский.

Геральдика тесно связана с нумизматикой, археологией и рядом других исторических дисциплин, но в первую очередь со сфрагистикой и генеалогией. В настоящее время на предмет исследования геральдики высказываются различные точки зрения. Предлагается даже заменить ее название другим — «эмблематика». И все же в узком смысле слова геральдика была и остается гербоведением.

Происхождение гербов. Обязательной частью герба является гербовая эмблема. Появление эмблем — условных символических изображений каких-либо понятий, идей и т. д. — относится к глубокой древности. Они зародились в странах античного мира и первоначально олицетворяли отвлеченные понятия, например: сова — мудрость и др. Затем такие изображения стали знаками-символами древнегреческих городов-государств и их колоний: Афины — сова, Коринф — пегас, Мирмекий — муравей. Их стали помещать на монетах, печатях и других предметах, но они еще не являлись гербами.

Когда отличительные знаки стали превращаться в гербовые эмблемы? Тогда, когда они стали приобретать наследственный характер.

Было две главные причины появления гербов. Первая из них связана с повсеместным введением рыцарского шлема с закрытым забралом, т.е. особенностью средневековых военных доспехов, скрывавших лица воинов во время военных действий и турниров. Таким образом, рыцарские турниры — очень популярные в средневековой Западной Европе военные состязания — привели к появлению на

щитах рыцарей различных отличительных изображений. Постепенно эти отличительные знаки стали наследственными, родовыми.

Вторая причина появления гербов связана с общим развитием цивилизации в Западной Европе XII в., с развитием социальных процессов в средневековом обществе, с усилением консолидации и иерархизации господствующего класса. Гербы были призваны четко обозначать место их обладателя, его сословие (отличие), профессиональную принадлежность, право на владение землей, положение внутри господствующего класса. Сама геральдика, отражая своеобразие средневекового мышления, стала в символической форме выражать социальные отношения. Возникшее из практических соображений гербовое изображение (для отличия рыцарей во время турниров) в дальнейшем стало отвечать социальным потребностям феодального класса. В связи с этим в средневековом обществе герб получил правовой аспект: если в него включалась эмблема какой-либо земли, то это расценивалось как знак владения этой землей, и с помощью эмблематики герба можно было выиграть судебный процесс. Претендовать на один и тот же герб было равносильным претендовать на одни и те же владения.

Массовость употребления гербов вызвала к жизни потребность в лицах, специально занимавшихся геральдикой. Ими стали представители сеньоров — герольды. Они ведали церемонией турниров, составлением гербов, дипломатическими переговорами, обменом пленными.

Сначала герольды на память знали, кому принадлежит каждая гербовая эмблема. Но со временем гербов становилось все больше и они становились более сложными. Стало невозможно держать в памяти такое большое количество информации. Тогда стали появляться трактаты и справочники о гербах, в первую очередь — в странах, где геральдика играла заметную роль в общественной и политической жизни.

Материалы, из которых мы узнаем о самых ранних европейских гербах, делятся на вещественные (изобразительные) и письменные.

К изобразительным относятся сами гербы, дошедшие в дипломах, рукописях, книгах, в изображениях на печатях, монетах, надгробных плитах, стенах, витражах, миниатюрах.

Теоретические вопросы геральдики нашли отражение в родовых книгах, судебных постановлениях, хрониках (например, в хронике Яна Длугоша «Грюнвальдская битва»). Одним из первых сочинений по геральдике был трактат, составленный во второй половине XIII в. в Германии Конрадом Вюрцбургским. Он был поэтом и изложил правила теоретической геральдики в стихах.

Сохранилось и несколько древнейших гербовников, содержащих письменные и изобразительные материалы. Среди них «Хроника»

Матвея Парижского (XIII в.), включающая 75 гербовых щитов (хранится в Лондоне в Британском музее, в 1881 г. издана в Берлине). К 1300 г. относятся английские гербовые свитки, содержащие изображение 486 гербов (хранятся в Лондоне, изданы в 1884 г.). К началу XIV в. относится учреждение в Венеции «Золотой книги», в которую записывались родословные венецианского дворянства. Эта книга состояла из многих томов. Наряду с генеалогией, там были даны изображения родовых гербов.

В XVI в. появляется практика создания гербовников для целых королевств. К таким относится Книга гербов королевства Наварры.

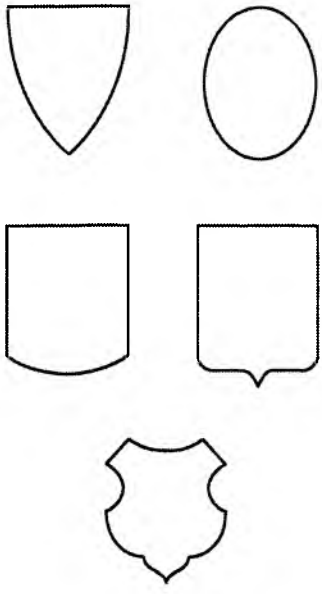
Гербы и их художественное оформление начали интересовать не только их составителей (герольдов), но и многих образованных людей того времени: юристов, теологов, художников, врачей. В XVI—XVII вв. число трактатов по геральдике значительно выросло. В них разрабатываются правила общей композиции герба, определяются его обязательные и дополнительные компоненты (короны, мантии и т. д.), систематизируются фигуры. XVI—XVII вв. — период «бумажной геральдики», наступившей вследствие ухода в прошлое «живой» — рыцарской геральдики. Переход к «бумажной» геральдике был связан с изменениями военного дела — техники ведения боя и вооружения, отказа от рыцарских турниров и от прежней оценки рыцарской культуры вообще.

Европу захлестнула гербовая лихорадка. Во многих странах создаются специальные учреждения для составления и хранения гербов и упорядочения пользования ими. В учебных заведениях основываются кафедры геральдики, а в Германии, Франции, Англии возникают школы геральдистов. Правила составления гербов получили научную основу. Трудами Сильвестра Петра Санкты (1638 г.), К.Ф.Менетрие (1658 г.), Ф.Я.Шпенера были закреплены геральдические правила, выработанные в прежние века, и собственно геральдический художественный стиль. В XVIII в. получили распространение учебники и пособия по геральдике. Среди них нужно отметить геральдическое руководство И.Х.Гаттерера «Очерки геральдики», изданное во второй половине XVIII в. и получившее признание в европейском геральдическом мире. В самом начале XIX в. оно было переведено на русский язык Г. Мальгиным и издано под названием «Начертание гербоведения».

Теоретическая геральдика. Предметом теоретической геральдики является совокупность правил и приемов составления гербов, без знания которых невозможно их правильное «прочтение» и определение. В соответствии с этими правилами герб составлялся из различных частей: щита, шлема, короны, нашлемника, намета, щи-

тодержателей, девизов, мантий и различных украшений вокруг щита. Однако не в каждом гербе было обязательным одновременное наличие всех этих частей. Одни из них были главными, обязательными, другие — нет.

Главной частью герба является щит. Различают несколько видов геральдических щитов: *французский* — четырехугольной формы с заострением внизу в середине. Высота такого щита должна быть равной 9/8 его ширины; *испанский* — тех же размеров, что и французский, но с плавно закругленной нижней частью; *варяжский* — треугольный, с плавно изгибающимися боковыми сторонами; *итальянский* — овальной формы и *германский* — щит вычурно вырезанной формы. Кроме них существовали круглые, косоугольные и квадратные щиты. В русской геральдике самой употребительной стала французская форма щита.

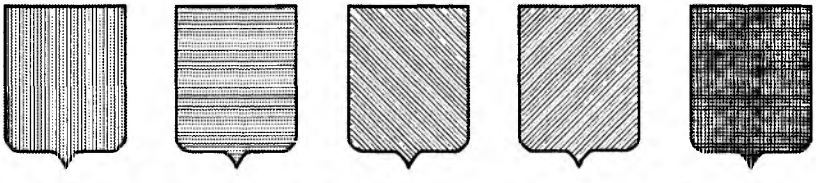


Формы щита

Как правило, гербы были рельефными, но могли быть плоскостными, цветными. Они составлялись из металлов, эмалей (финифти) и мехов. Из металлов употреблялись только драгоценные — золото и серебро. Использовались финифти пяти цветов — красного, голубого или лазоревого, зеленого, пурпурного и черного.

Основное правило составления герба запрещало накладывать металл на металл и финифть на финифть.

Поскольку гербы часто помещались как владельческие знаки на самых различных бытовых предметах, например на фамильном столовом серебре или на личных печатях, они гравировались по определенным правилам изображения цветов. По этим же правилам гер-



Графические изображения металлов и красок в гербах

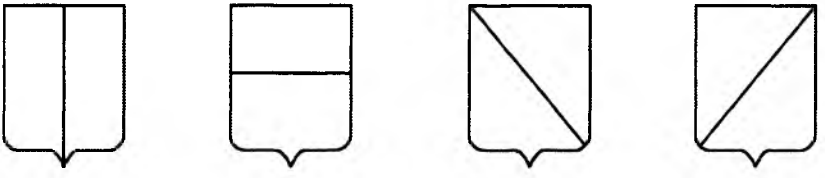
бы изображались на бумаге. При этом золото передавалось черными точками по белому полю, а серебро — белым, незаштрихованным полем. Цвета финифтей изображались соответствующими красками, а графически следующим образом: красный цвет — вертикальными линиями, голубой — горизонтальными линиями, зеленый — диагональными линиями справа налево, пурпурный — диагональными линиями слева направо, черный — пересекающимися горизонтальными и вертикальными линиями. При этом надо обязательно учитывать, что в геральдике правой стороной щита является левая от зрителя. При изображении на гербе человека мог употребляться телесный цвет.

Из мехов при составлении герба употреблялись горностаевый и беличий. Первый графически изображался черными значками в виде хвостиков по белому полю, второй — голубыми фигурками, по форме напоминающими разделанную и, развернутую по белому полю беличью шкурку. Горностаевый мех изображался более сложными стилизованными фигурами. Иногда горностаевый мех изображался белыми значками по черному полю; в этом случае мех назывался противогорностаевым.

Графическое изображение меха в гербах

Геральдические цвета, металлы, меха имели в средние века свою внутреннюю иерархию. Наиболее благородным из цветов считался красный, наиболее низким — черный цвет; из металлов самым почетным был золотой, из мехов — горностаевый.

Щиты могли быть одноцветными или многоцветными. В последнем случае они разделялись на части, передававшиеся различными



Деление щита

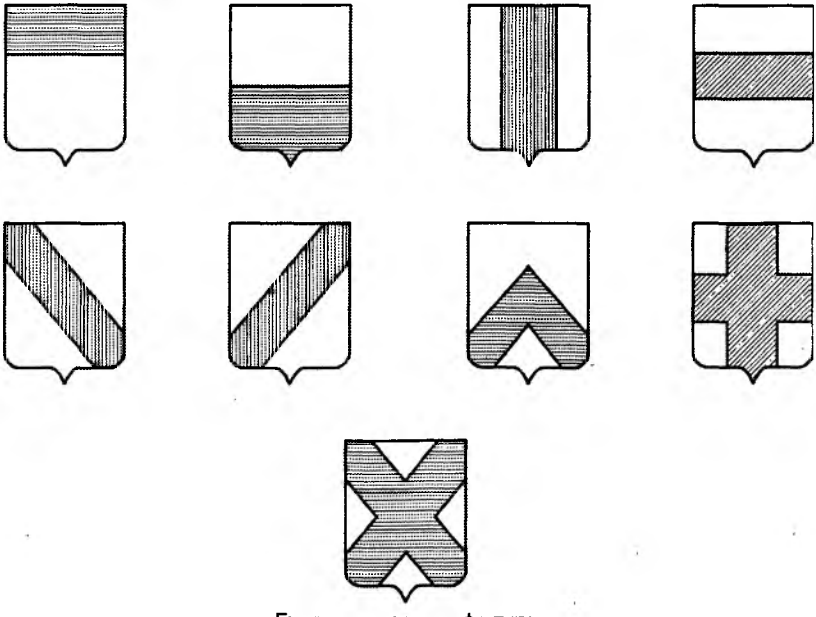
цветами. Щит, разделенный пополам по вертикали, называется рассеченным; разделенный пополам по горизонтали — пересеченным; разделенный на две части из угла в угол — скошенным справа или слева. Щит, разделенный одновременно по вертикали и по горизонтали, является одновременно и рассеченным, и пересеченным. Применялись и другие виды делений, например вилообразно разделенный, клинчатый. Деления щита могли быть образованы и кривыми линиями. В этом случае они имели соответствующие названия — зубчато-пересеченный, вогнуто-рассеченный, остриевидно-рассеченный и т. д. Деление герба зубчатыми линиями было, например, очень характерным для немецких гербов.

В гербах встречаются самые различные сочетания перечисленных основных делений щита, причем каждая комбинация имеет свое название.

Фигуры, помещавшиеся на щите герба, делятся на геральдические и негеральдические. Различают шесть основных геральдических фигур:

глава щита — 2/7 его длины сверху дается другим цветом; если пропорция была меньше, то такую главу называют вершиной;

оконечность, или подножие (подошва), — 2/7 длины щита снизу выделяется другим цветом;



Геральдические фигуры

столб — 1/3 ширины щита посередине выделяется другим цветом; столб мог быть сдвинут вправо или влево;

пояс — 1/3 длины щита посередине выделяется другим цветом; он мог быть повышен или понижен;

перевязь — 1/3 щита по диагонали справа или слева выделяется другим цветом; она могла быть сужена, повышена, сдвинута.

стропило — две встречные перевязи, не достигающие верха щита; эта фигура считается главной. Стропило могло быть опрокинутое.

Большой государственный герб Российской империи.
Утвержден 11.4.1857 г.

Часто при составлении гербов употреблялись и многие другие геральдические фигуры, являвшиеся самыми различными комбинациями основных. Их известно около двухсот. Чаще других встречаются кресты, образующиеся в результате пересечения столба и пояса (прямой крест), пересечения перевязей (андреевский крест), двух перевязей и столба (вилообразный крест) и другие виды крестов — классический (красный), орденский (кавалерский), латинский, лотарингский и т. д.

Негеральдические фигуры делятся на естественные, искусственные и легендарные. К *естественным* фигурам относятся изображения живых существ (человек, звери, птицы и др.), небесных светил (солнце, луна, звезды) и стихий (огонь, вода). Все живые существа, согласно правилам геральдики, изображаются смотрящими в левую от зрителя сторону.

К *искусственным* фигурам относятся изображения самых различных предметов, созданных человеком, — лук, меч, сабля, шпага, стрела, подкова и т. д.

К *легендарным* фигурам относятся изображения существ, не имеющихся в природе, — дракон, двуглавый орел, единорог, пегас, гидра, птица Феникс и др.

Фигуры герба имели свою символику. Лев был символом власти и великодушия; конь — храбрости, зоркости, быстроты; петух — боя; орел — власти; дуб — силы; оливковое дерево — мира; лавровая ветвь — победы и т. д.

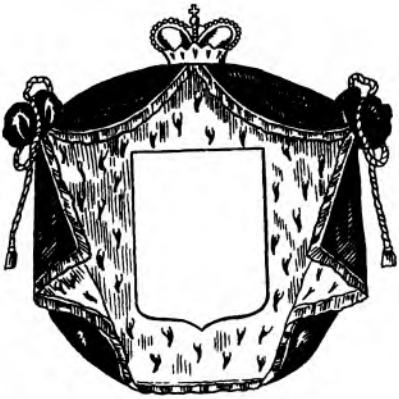
Все остальные части герба являются необязательными. *Шлем*, часто помещавшийся над щитом, в основном был двух видов — округлой формы (западноевропейский) и остроконечной (русский). Он мог изображаться как в фас, так и в профиль (в правую геральдическую сторону).

Корона могла помещаться как над шлемом, так и под ним. Иногда она заменяла собой шлем. В русской геральдике различаются княжеские, графские, баронские и дворянские короны, в западноевропейской, кроме перечисленных, — герцогские, маркизские, виконтские, а также различные головные уборы католического духовенства: папская тиара, кардинальская, архиепископская, епископская, прелатская и священническая шляпы.

Нашлемник представлял собой фигуру (как правило, изображение животного), выходящую сверху из шлема или короны.

Мантия и намет — это изображения плащей средневековых рыцарей. *Мантия* — бархатное полотнище, выходящее из-под короны и подложенное мехом горностая. В русской геральдике мантия встречается только в княжеских гербах, а также в гербах некоторых дворянских родов, ведущих свое происхождение от удельных князей.

Намет



Мантия

Намет — украшение в виде виньетки, выходящее из-под шлема. Верхняя его сторона могла быть любого цвета, кроме золотого и серебряного, а нижняя, наоборот, — золотой или серебряной.

Щитодержатели — это естественные или легендарные фигуры, поддерживающие щит с боковых сторон.

Девиз — это краткое изречение (часто на латинском языке), характеризующее определенные принципы жизни, поведения, убеждения и т. п. владельца герба. Как правило, он помещался на ленте под щитом, при этом цвет ленты и букв надписи соответствовали основной расцветке поля герба и главной фигуры. Общеизвестен девиз на гербе А. А. Аракчеева: «Без лести предан».

Сенью называется шатер, помещавшийся под мантией государственного герба.

Таким образом, теоретическая геральдика рассматривает вопросы составления и описания гербов. При этом описание производилось по строго определенным правилам. Например, в рассеченном щите сначала описывалась правая геральдическая сторона, а затем левая; в пересеченном — сначала верхняя часть, а затем нижняя.

Практическая геральдика рассматривает вопросы классификации гербов, их происхождения, истории и принадлежности.

Развитие геральдики в России. Об эмблемах и гербах в России было известно задолго до развития отечественного гербо-творчества, основанного на правилах теоретической геральдики. Последнее доказывается появлением на государственной печати Ивана III эмблем государственного герба, изображением 22 городских эмблем на государственной печати Ивана IV, 33 городских эмблем,

выполненных в 1672 г. в «Титулярнике» царя Алексея Михайловича, наличием родовых гербов в конце XVII в. у некоторых представителей «выезжих» родов.

Когда же в России появились гербы? Ответ на этот вопрос остается дискуссионным и зависит от понимания того, что такое герб.

Одна группа исследователей отождествляет гербы с наследственной эмблемой, тем самым удревняя время рождения гербов, искусственно хронологически притягивая их появление в России к XII в., т.е. ко времени их появления на Западе. Подобный подход является ошибочным.

Другая группа исследователей полагает, что герб — это символическое изображение, утвержденное верховной властью, состоящее из строго принятых элементов (в том числе наследственных эмблем), построенных по установленным геральдическим правилам. Эта формулировка герба является более убедительной. Она включает в себя обязательное утверждение герба властью, наследственность эмблем и построение герба с учетом правил геральдики.

Государственный герб России. Государственный герб — это символика государства, изображаемая на печатях, монетах, бумажных денежных знаках, документах, знаменах, правительственных учреждениях, предметах и т. д.

Эмблематику российского герба составили всадник, поражающий змия, и двуглавый орел. Отдельные элементы этого герба складывались постепенно.

Например, всадник, которого называли «ездецом», «сокольником», первоначально появился на печатях и монетах московских князей в конце XIII—XV в. Как сказано в главе «Сфрагистика», всадник трактовался как светский воин, в котором современники видели прежде всего князя — защитника Русской земли. В пользу этого говорит изображение всадника без нимба над головой, т.е. «светского» всадника, а также свидетельства письменных источников. Например, новгородский архидиакон Геннадий, побывавший у александрийского патриарха в XVI в., на вопрос патриарха, кто изображен на печати, привешенной к грамоте Ивана IV, ответил: «Государь на коне». Эту же мысль подчеркивал подьячий Посольского приказа Г.К.Котошикин: «В истинной Московского княжества печати вырезано — царь на коне побеждает змия». В официальном объяснении государственного герба, данного при царе Алексее Михайловиче, изображение всадника на коне истолковывалось как изображение царского наследника, побеждающего врага.

Трактовка эмблемы всадника как святого Георгия Победоносца появляется при Петре I, который называл его «святым Егорием».

Возможно, это было связано с популярностью святого Георгия Победоносца на Западе как покровителя воинов. Сходство светского изображения князя — защитника Отечества и канонического изображения святого Георгия в сюжете «чудо и змие», а также влияние западной моды привело к переосмыслению этой эмблемы государственного герба.

Изображение змия на печатях появилось давно, причем до Ивана III оно довольно часто давалось в совокупности со святым Федором, колющим змия, в композиции «чудо о змии». Только начиная с Ивана III «змий» стал даваться в композиции со светским всадником-князем, его поражающим. Такое сочетание не было случайным. Иван III, при котором произошло свержение монголо-татарского ига и образование Российского централизованного государства, видел в «змие» зло, в какой бы форме оно ни выражалось: в виде внешнего врага или в виде княжеских усобиц, раздирающих Русскую землю изнутри. Поражение князем-защитником этого зла символически подчеркивало значимость акта централизации и особую роль в этом процессе московского великого князя.

Со времени Ивана III на государственной печати появилось еще одно изображение — двуглавый орел. Первым трактовку двуглавого орла как герба Византийской империи дал В.Н.Татищев. Он связал его появление в России с женитьбой в 1472 г. Ивана III на византийской принцессе Зое (Софье) Фоминишне Палеолог, племяннице последнего византийского императора, наследовавшей двуглавого орла, которого Иван III Васильевич принял «за государственный герб». Версия В.Н.Татищева о заимствовании двуглавого орла из Византии закрепилась в историографии. Однако в настоящее время она подверглась критике. Появление двуглавого орла в государственном гербе стали объяснять контактами России с императорами Священной Римской империи из дома Габсбургов или с южнославянским влиянием. Исследователи доказали, что герб Византийской империи, составленный при Палеологах в 1327 г., не был двуглавым орлом, а представлял собой крест, образованный четырьмя буквами «В». Иван III взял в качестве государственной эмблемы двуглавого орла, подчеркивая родство и равенство русских государей с правителями западных держав.

Самым ранним памятником, на котором изображены государственные эмблемы России, является двусторонняя восковая печать, скрепляющая грамоту Ивана III волоцким князьям 1497 г. На лицевой ее стороне помещено изображение всадника, поражающего копьем змия, и круговая надпись: «Велики князь Іоанъ Б(о)жиею милостию господарь всея Рус». На другой стороне изображен двуглавый орел с распростертыми крыльями и коронами на головах.

Круговая надпись продолжает легенду лицевой стороны. «I велики князь влад. и моск. нов. пск. твер. уго. вят. и пер. и бол.». Именно с печатью 1497 г. Н. М. Карамзин связал истоки символики позднейшего государственного герба, что, скорее всего, и послужило причиной организации празднования 400-летия русского государственного герба в 1897 г.

Так как эмблемы государственного герба изображались с двух сторон вислой печати (с одной стороны — двуглавый орел, с другой — всадник, поражающий змия), для нас интересно, когда изображение всадника перейдет с обратной стороны печати на грудь орла, т.е. когда эмблемы герба приобретут свой законченный вид. Это соединение эмблем произошло на большой государственной печати Ивана IV.

В дальнейшем эта композиция главной эмблематики государственного герба становится устойчивой. Изменения касаются лишь второстепенных деталей, наблюдения над которыми помогают в датировке герба: положение и внешний вид крыльев орла, положение всадника, наличие цепи и ордена Андрея Первозванного вокруг щита на груди орла (с 1698/99 г.) и т д.

Первое официальное описание государственного герба, сделанное в соответствии с основными правилами геральдики, относится к 1667 г.: «Орел двоеглавый есть герб державный великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, его царского величества Российского царствия, на котором три коруны изображены, знаменующие три великие — Казанское, Астраханское и Сибирское — славные царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей его царского величества милостивейшего государя державе и повелению. На правой стороне орел три грады своими писаньми образуют восточных, западных и северных; под орлом знак отчича и дедича; на персех изображение наследника, в пазноктех — скипетр и яблоко, и являют милостивейшего государя, его царского величества, самодержца и обладателя».

На большой государственной печати 1698/99 г. всадник изображен в центре двуглавого орла, на его груди. На крыльях и вокруг орла помещались печати царств и столиц княжеств, включенных в полный царский титул.

В 1722 г. в истории русской геральдики произошло важное событие. Указом Петра I при Сенате была образована Герольдмейстерская контора, задачей которой было составление гербов по правилам теоретической геральдики. Первым герольдмейстером был назначен Степан Андреевич Колычев. Его помощником в составлении гербов стал итальянец граф Франциско Санти, получивший образование во Франции.

Прежде всего Санти упорядочил в соответствии с правилами геральдики государственную символику, описав, согласно геральдическим канонам, российский государственный герб, введя в него соответственные «колоры», т.е. цвета (финифти), металлы, принятые в геральдике.

При Петре на крыльях орла стали даваться изображения 6 гербовых щитов — эмблем великокняжеских столиц и царств. При Екатерине II — 6 щитов с эмблемами провинций. При Павле I в 1797 г. двуглавый орел государственного герба был дополнен мальтийским крестом. Указом императора Александра I от 26 апреля 1801 г. был восстановлен прежний герб без мальтийского креста. При Николае I в правой лапе орла появились громовые стрелы и факел, а в левой — лавровый венец.

В 1856 г. при императоре Александре II было внесено новшество в гербовую фигуру святого Георгия Победоносца, который был повернут в правую геральдическую сторону.

В 1882—1883 гг. были утверждены Большой, Средний и Малый государственный гербы.

Описание этих гербов, данное в Своде законов Российской империи (т. I, ч. I), приводится ниже.

Большой государственный герб был очень насыщен различными деталями. В центре на щите помещался двуглавый орел, коронованный тремя коронами. В лапах у орла были скипетр и держава. На груди орла был дан святой Георгий Победоносец. Щит был увенчан шлемом святого великого князя Александра Невского. Вокруг щита изображалась цепь ордена святого апостола Андрея Первозванного. Щитодержателями были святой архистратиг Михаил и архангел Гавриил. Над шлемом Александра Невского была сень, коронованная, с девизом «С нами Бог!» и подложенная горностаем. Над сенью возникала государственная хоругвь с изображением Среднего государственного герба.

Вокруг главного щита располагались гербы царств: Казанского (дракон), Астраханского (корона и восточный меч), Польского (коронованный орел), Сибирского (два соболя, стоящих на задних лапах), Херсонеса Таврического (двуглавый орел), Грузинского (святой Георгий Победоносец) с гербами Иверии, Карталинии, Кабарды, Армении, черкасских и горских князей.

Кроме того, герб украшали щиты соединенных гербов великих княжеств: Киевского (святой архистратиг Михаил), Владимирского (львиный леопард), Новгородского (медведи, поддерживающие кресло); герб Великого княжества Финляндского (коронованный лев с мячом). Внизу главного щита помещался родовой герб Романовых.

Над сенью размещались щиты соединенных гербов княжеств и областей Великороссийских: Псковский (барс), Смоленский (пушка с райской птицей), Тверской (трон и корона на нем), Югорский (две руки, выходящие из облака), Нижегородский (олень), Рязанский (князь), Ростовский (серебряный олень с золотым ошейником), Ярославский (медведь с секирой), Белозерский (две рыбы), Удорский (лисица).

Щит соединенных гербов и княжеств Юго-Западных: Волынский (крест), Подольский (солнце), Черниговский (орел с крестом).

Щит соединенных гербов княжеств и областей Белорусских и Литовских: Великого княжества Литовского (всадник на серебряном коне с мечом в руке), герб Белостокский (орел и всадник), герб Самогитский (медведь), Полоцкий (всадник на черном коне с мечом в руке), Витебский (серебряный всадник с поднятым мечом и круглым тарчем), Мстиславский (волк).

Щит соединенных гербов областей Прибалтийских: герб Эстляндский (три леопардовых льва), Лифляндский (гриф с мечом, с вензелем ПВИВ), Курляндский (лев в короне), Семигальский (серебряный олень с герцогскою короной), Карельский (две руки в латах с поднятыми мечами).

Щит соединенных гербов Северо-Восточных областей: Пермский (идущий медведь с Евангелием на спине), Вятский (рука, держащая лук со стрелой), Болгарский (агнец с хоругвию), Кондийский (дикий человек и булавой на плече).

Герб Туркестанский (единорог).

Средний государственный герб был без государственной хоругви и 6 гербов над сенью (5 щитов соединенных гербов и герба туркестанского).

Малый государственный герб представлял собой двуглавого орла со святым Георгием Победоносцем на груди. На крылья орла были вынесены гербы царств Казанского, Астраханского, Польского, Сибирского, Херсонеса Таврического, Грузинского, соединенных гербов Великих княжеств Киевского, Владимирского, Новгородского; герб Великого княжества Финляндского.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство, считая, что российский герб — двуглавый орел не был гербом Романовых, сохранило его изображение как государственную эмблему. Но орел изображался с опущенными крыльями, без корон, всадника, скипетра, державы. Под орлом в овале изображалось здание Таврического дворца, где заседала Государственная дума.

Государственные гербы XX в. В 1918 г. стали разрабатывать новый государственный герб. Проект государственной печати пред-

полагал помещение на ней и герба, который должен был представлять собой фигурный щит, обрамленный колосьями, на котором помещались серп, молот и меч. При обсуждении решено было убрать из герба изображение меча. Проект был утвержден 19 июня 1918 г. В июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов был принят государственный герб РСФСР.

Первый герб СССР, созданный художником И.И. Дубасовым на основе проекта В.П.Корзухина, был утвержден 6 июля 1923 г. Дальнейшие частичные изменения в рисунке герба были связаны с изменением числа республик, входящих в СССР, и выражались в изменении числа перехватов ленты с надписями «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Гербы союзных республик кроме изображения серпа и молота включали различные изображения, отражающие специфику экономики. Гербами автономных республик являлись гербы союзных республик, в состав которых они входят. Их отличием от последних служила надпись о принадлежности герба на языке как союзной, так и автономной республики.

Когда СССР прекратил свое существование, вопросы герботворчества вновь приобрели актуальное значение. Практически все республики бывшего СССР создали новую государственную символику.

В 1993 г. указом президента был введен герб Российской Федерации, повторяющий в общих чертах дореволюционный герб Российской империи. Однако закон о государственном гербе России до сих пор не принят.

Городские и областные гербы. Городской геральдике посвящен ряд работ А.Б. Лакиера, П.П. Винклера, отчасти Ю.В. Арсеньева, В.К. Лукомского, а также А.А. Ураносова, Н.Н. Сперансова, В.С. Драчука и др.

Особо следует выделить работы по городской геральдике Н.А.Соболевой, впервые всесторонне изучившей комплекс известных в настоящее время городских дореволюционных и послереволюционных гербов. В отличие от большинства своих предшественников, Соболева выступает против отождествления городских гербов и гербовых эмблем, а отсюда и раннего происхождения городских гербов.

Свою концепцию происхождения городских гербов Н.А. Соболева связывает с правовым развитием города и государственности в целом и рассматривает российские городские гербы в контексте европейской геральдики. В Западной Европе герб стал нормативным знаком, подчеркивающим наличие городских привилегий и самостоятельности в условиях феодального общества. В силу ряда исторических причин городской герб в России появился на несколько

веков позже, чем в Западной Европе. Но его присвоение городам было связано с теми же причинами, что и на Западе: возрастанием значимости городов и эволюцией городской жизни, постепенным изменением правительственной политики по отношению к городу и его самоуправлению. Это очень ярко проявилось в отношении как городов, так и городской геральдики в реформаторской деятельности Петра I и Екатерины II и в оформлении городских гербов по правилам теоретической геральдики.

Переходя к характеристике эмблематики некоторых российских городских гербов, отметим, что ее появление связано с развитием территориальных эмблем, корни которых восходят к глубокой древности — к тотемическим культам, знакам собственности отдельных родов и лиц.

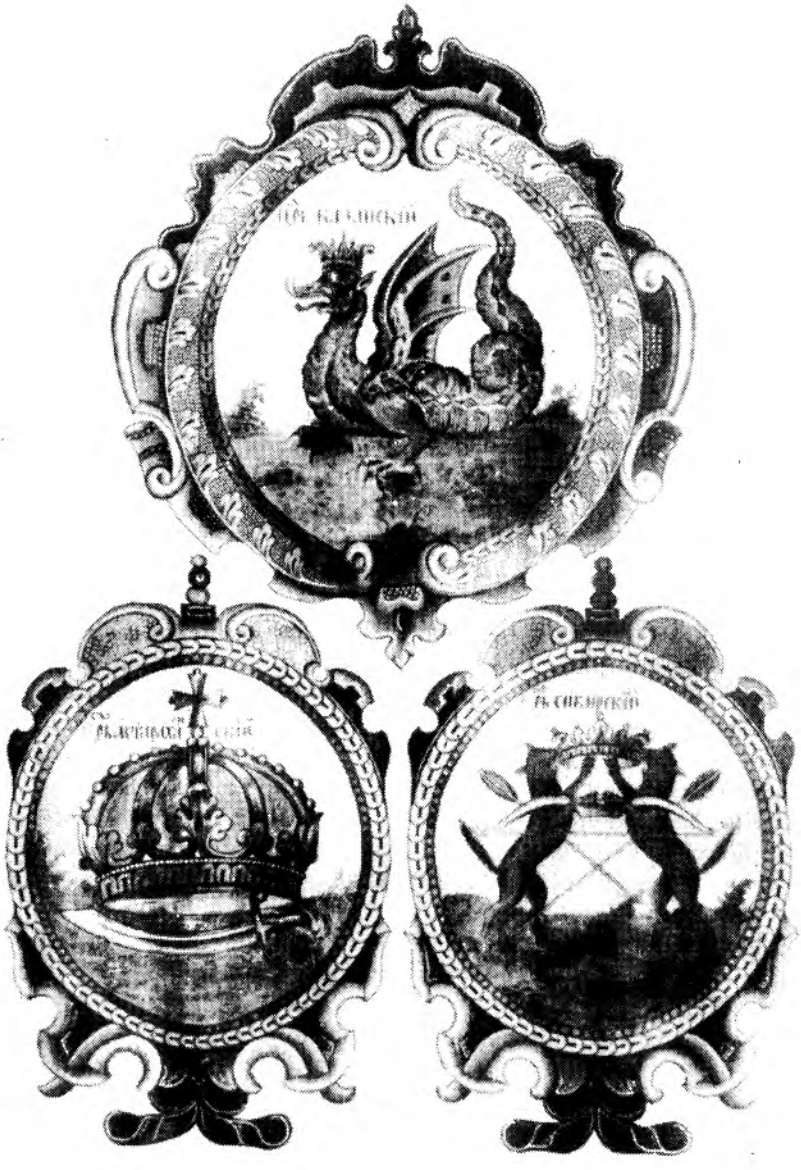
Например, на гербе Ярославля изображался медведь с протазаном. Считают, что это изображение связано с древним культом медведя, характерным для Верхнего Поволжья еще в IX—X вв. Возможно, что здесь отразилась известная легенда об основании Ярославля на месте, где Ярослав Мудрый убил секирой медведя.

На гербе Смоленска изображена пушка с сидящей на ней райской птицей. Такая эмблема известна на печати смоленского воеводы князя Ф.И.Куракина в 1664 г. В надписи птица называется «Гамаюн». На гербе Владимира помещено изображение льва, стоящего на задних лапах, с длинным 4-конечным крестом в передних лапах По мнению ряда исследователей, лев был эмблемой князя Андрея Юрьевича Боголюбского еще в XII в. Общеизвестно, что изображение льва занимает особое место во владимиро-суздальской пластике. Интересна киевская эмблема, изображающая архангела Михаила с поднятым мечом и щитом. Она стала официальным городским гербом, утвержденным в 1782 г.: «Архангел Михаил в серебряной одежде, в голубом поле».

Московская эмблема в «Титулярнике» представлена двуглавым орлом под тремя коронами, на груди которого надпись: «Московский». Гербом же Москвы стал всадник, поражающий змия, т.е. всадник, который был наследственной эмблемой московских великих князей.

Впервые с целым комплексом территориальных эмблем (24 эмблемы) нас знакомит печать Ивана IV, приложенная к документам международного характера.

В Большой государственной книге 1672 г. («Титулярнике») Алексея Михайловича помещены изображения уже 33 эмблем городов, земель и княжеств, названия которых входили в полный царский титул. Эти эмблемы были изображены в виде прекрасных миниатюр, без учета гербовой стилизации, ориентации фигур и гербо-



Гербы областей Российского государства из «Титулярника» 1672 г.

Гербы областей Российского государства из «Титулярника» 1672 г.

Гербы Пермской и Нижегородской областей из «Титулярника» 1672 г.

вых цветов. Каждая из эмблем вписывалась в овал, украшенный виньетками в стиле московского барокко XVII в.

Современники называли 33 эмблемы «гербами», что свидетельствовало о знакомстве составителей «Титулярника» с западноевропейской культурой и стремлением заявить о появлении территориальных гербов и в России. Следует подчеркнуть, что в России в 70-х гг. XVII в. было уже около 250 городов и крепостей и только эмблемы 33 из них нашли отражение в «Титулярнике». Кроме того, в царствовании Алексея Михайловича не использовались западноевропейские традиции в создании гербов как постоянных символов областей и городов и в целом отсутствовала практика переноса их на соответствующие территориальные печати. Поэтому в XVII в. подавляющее большинство официальных документов различных уездов и городских учреждений скреплялись печатями воевод и других должностных лиц. Одной из первых превратилась в городской герб эмблема Ярославля из «Титулярника». Об этом свидетельствует указ царя Петра I 1692 г. В нем впервые появился термин «городской герб». Указ предписывал воеводе Ярославля пользоваться печатью с «изображением герб Ярославский». На печати было изображение стоящего на задних лапах медведя с алебардой.

Толчком к составлению городских гербов по правилам теоретической геральдики явились петровские городские и военные реформы, практика размещения полков регулярной армии по городам и губерниям России, необходимость вынесения на знамя полка городского герба. Так как это не всегда было возможно из-за отсутствия эмблем большинства городов, Герольдмейстерской конторе и

ее геральдисту Франциско Санти пришлось вплотную заняться городской геральдикой.

В первую очередь Санти использовал 33 территориальные эмблемы «Титулярника», придав им строгую геральдическую форму, цвета и металлы, стабилизировав положение фигур и расположив их на щите французской формы.

Следующим этапом в работе Герольдмейстерской конторы было составление гербов для тех городов, которые не имели своих эмблем. Для гербов этих городов требовалось собрать новый материал. Чтобы облегчить задачу, Ф.Санти составил анкету, включавшую вопросы по истории города, об особенностях его географического положения, основных занятиях жителей, главных зданиях и достопримечательностях. Анкеты были разосланы по городам в 1724 г. Однако полученные ответы далеко не всегда давали нужный материал. Присылаемые в Герольдмейстерскую контору сведения были подчас предельно краткими и малоинтересными. Например, в числе особенностей Волоколамска авторы указывали на обилие полыни в городе и в уезде.

И тем не менее на основании полученных ответов Ф.Санти и художники И.В.Чернавский и П.А. Гусятников изготовили рисунки 137 городских гербов. Для некоторых городов было составлено по 2—3 варианта герба.

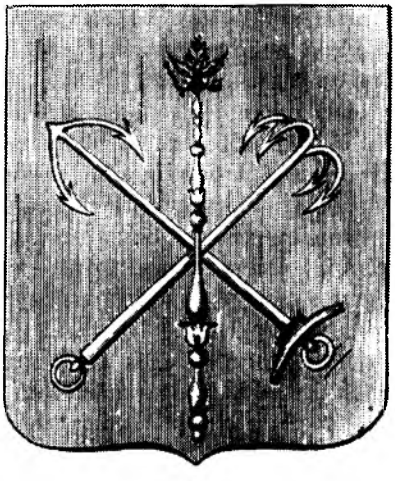
К сожалению, герботворческая деятельность Ф.Санти прекратилась в 1727 г. в результате его ареста и ссылки в Сибирь по подозрению в подготовке дворцового переворота. Дело с утверждением гербов временно приостановилось. В дальнейшем руководство по составлению городских гербов было передано обер-директору Военной коллегии Миниху. Под его надзором живописец Баранов составил 88 гербов. Это были фактически копии гербов, составленных Ф.Санти.

До середины 1770-х гг. в деле составления городских гербов наблюдалось некоторое затишье. Новым толчком к ускорению создания городских гербов послужила областная реформа 1775 г., проведенная Екатериной II. Страна делилась на 50 губерний, те, в свою очередь, на уезды. Губернские и уездные города должны были иметь свои гербы. Требование об обязательном учреждении гербов для каждого города было подчеркнуто в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», пункт 40 которой узаконил право городов иметь печать с городским гербом. В деле создания городских гербов этого периода большую роль сыграл известный историк XVIII в. князь М.М.Щербатов, возглавивший в 1771 г. Герольдмейстерскую контору. Он не только был сведущ в генеалогии и геральдике, но и сам создавал гербы. Штат художников — «живописных мастеров» в этот период был

Герб Орла

Герб Оренбурга

Герб Великого Устюга



Герб Санкт-Петербурга

невелик. После смерти в 1768 г. И.Токарева, начинавшего свой творческий путь еще при И. Чернавском, его место занял А.Бутковский. В течение многих лет он был основным исполнителем художественных работ в Герольдмейстерской конторе.

До конца XVIII в. было разработано и утверждено более 500 городских гербов. Их эмблематика отражала историческое прошлое

города, его хозяйственную и географическую специфику, основные занятия населения.

Эмблематика городов, расположенных в хлебных районах, могла включать изображения хлебных злаков. Эмблематика городов, расположенных в тех районах, где было развито скотоводство и коневодство, включала изображение лошадей и скота. Речные города имели в символике изображения реки, рыб, Нептуна, речных средств передвижения и т.д.

Была установлена строгая система изображения на гербах. Уездный герб содержал эмблематику губернского города, которая помещалась в верхней (более почетной) части гербового щита.

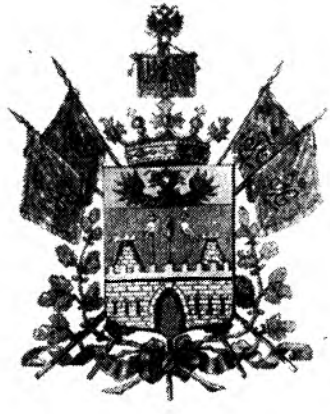
Герольдмейстерская контора работала до конца XVIII в. и в 1800 г. была преобразована в Герольдию.

Новое оживление в разработке городских гербов наступает в 1843 г. Тогда Герольдия стала Департаментом Герольдии Правительствующего Сената. В 1857 г. было учреждено специальное Гербовое отделение Департамента Герольдии по изготовлению гербов, упраздненное в 1917 г. Гербовое отделение возглавил барон Бернгард (Борис Васильевич) Кёне. Вместе с Кёне в Гербовом отделении работали художники А.Беземан, О. Альтдорф и А.Фадеев.

Кёне выработал украшения для всех городских гербов — коронами, лентами, венками, показывающими политическое и экономическое положение города. Императорской короной увенчивались гербы губерний и столиц: шапкой Мономаха украшались гербы древних русских городов, столиц великих князей; золотой башенной короной с пятью зубцами украшались гербы городов, имеющих более 50000 жителей (Одесса, Рига, Саратов и др.); серебряная башенная корона украшала гербы уездных городов и т.д. Дубовые венки с Андреевской лентой украшали губернские гербы; Александровской лентой с молотками украшались гербы промышленных городов, той же лентой с двумя якорями — гербы морских портов, а с двумя кирками — гербы городов, занимающихся горными промыслами и т. д.

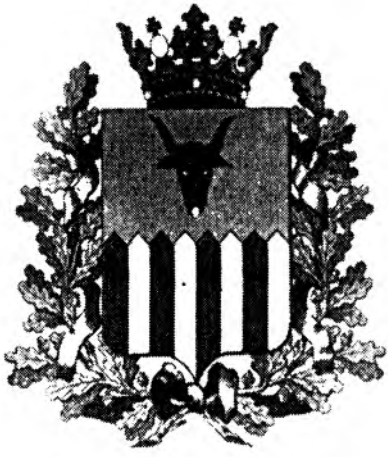
Украшения вокруг гербового щита, придуманные Кёне, были упразднены в 1889 г. по инициативе нового управляющего Гербовым отделением — А.П.Барсукова.

Впервые комплекс городских дореволюционных гербов был опубликован



Герб Кубанской области

Герб Томской губернии



Герб Забайкальской области

в виде черно-белых штриховых рисунков в 1843 г. как приложение к первому изданию Полного собрания законов Российской империи. В 1880 г. вышел сборник «Гербы губерний и областей Российской империи». Наиболее полный альбом «Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг.» был издан в 1900 г. П.П. фон Винклером. (Альбом переиздан в 1991 г.)

Интерес к городской геральдике в послереволюционный период вернулся лишь в 1960-х гг. Поднятие из небытия городской символики связывалось с раскрепощенностью общественного сознания («хрущевская оттепель»), его поворотом к гуманитарному знанию, к памятникам прошлого, интересу к коллекционированию, в том числе и городских гербов. Постепенно началось возрождение городской геральдики, составление гербов для новых городов и внесение изменений в эмблематику «старых» гербов. В 1987 г. при Отделении истории АН СССР была организована Координационная комиссия по созданию и пропаганде городских гербов (впоследствии — Геральдическая комиссия), которая стала собирать материал о существующих ныне, утвержденных местной администрацией городских гербах.

Итогом деятельности Геральдической комиссии стало издание в 1998 г. альбома-справочника «Гербы городов России» под редакцией Н.А.Соболевой.

К сожалению, в составленных в последние десятилетия городских гербах часто нарушаются важнейшие геральдические прави-

ла: «металл на металл и финифть (цвет) на финифть не накладываются». На современных же гербах можно увидеть сочетание серебряного (белого) и золотого (желтого), зеленого и лазоревого цветов и т. д. Символика новых, так называемых «индустриальных городов» отличается однообразием. В их гербы включены главным образом технические эмблемы: шестерни или их части, силуэты заводов, нефтяные вышки с пламенем или без него, разрезы доменных печей, автомобили, электролампы, знаки атома и т. д.

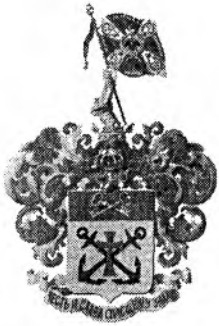
Дворянские гербы. Родовой герб — необходимый источник для изучения генеалогии дворянских родов, истории их происхождения, заслуг, привилегий, иерархического положения. Он дает информацию об области деятельности, воинских и гражданских заслугах конкретного лица или рода.

Первые опыты составления личных гербов в России относятся к последним десятилетиям XVII в. Об отсутствии личных и фамильных гербов в русском обществе до этого времени свидетельствует, например, Г.К.Котошихин в 1664 г. в своей известной работе «О России в царствование Алексея Михайловича»: «А грамот и гербов на дворянства их и на боярства никому не дает (царь. — *П. Ш.*), потому что гербов никакому человеку изложити не могут, да не токмо кому боярину или иному человеку не даются гербы, но и сам царь гербом своим Московским печатаетца на грамотах в христианские государства не истинным своим прямым...; так же и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет, — да не токмо у князей и бояр иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает; а когда лучитца кому к каким писмам, или послом к посолским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная».

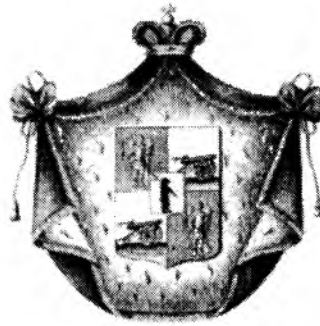
Известно, что в 1686—1687 гг. в Посольском приказе были составлены первый сборник гербов дворянских родов и так называемая «Бархатная книга», изданная спустя столетие известным просветителем Н.И.Новиковым.

Мы не можем сказать сегодня, как выглядели первые родовые гербы XVII в., но, возможно, на составление этих гербов оказала заметное влияние польская геральдика, уже тогда проникшая в Россию.

В период правления Петра I стала развиваться практика пожалования новыми титулами (баронскими, графскими), а также личными гербами. В первые годы XVIII в. Петр I титуловал Я.В.Брюса, Ф.А.Головина, П.М.Апраксина, А.М. Апраксина, П.А.Толстого, А.Д. Меншикова и др. Жалуя почетные титулы, Петр I велел выдавать дипломы на эти достоинства с изображением гер-



Герб Маковеева



Герб Шаховских

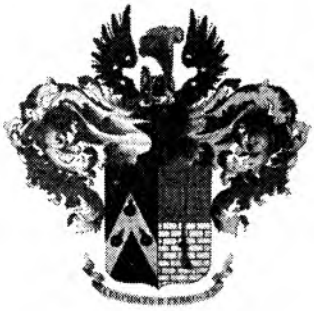
бов по образцу изготовляемых в Священной Римской империи. Сначала созданием таких дипломов занималась Коллегия иностранных дел. Сведений о создании там дворянских гербов в правление Петра I мало. В.К.Лукомский называет 6 человек, которым были составлены гербы, это сподвижники царя — графы Головкин, Апраксин, Брюс и др.

С образованием в 1722 г. Герольдмейстерской конторы дело составления родовых гербов перешло к этому учреждению. Согласно Табели о рангах 1722 г., все лица, дослужившиеся до VIII класса (коллежского асессора) на гражданской службе и XIV класса (обер-офицерского чина) на военной службе, получали потомственное дворянство и право на родовой герб.

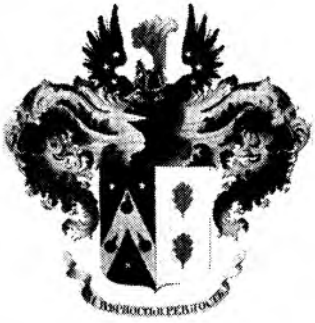
После ареста Ф.Санти в его бумагах было обнаружено около 12 рисунков дворянских гербов. Среди них находились гербы, поданные в 1686—1687 гг. при составлении родословных росписей, и гербы, вновь составленные для Демидовых и Строгановых.

В 1731 г. должность герольдмейстера занял П.А.Квашнин-Самарин. При нем дворянские гербы не составлялись.

Оживление в составлении частных гербов началось в 1740-х гг. Тогда товарищем герольдмейстера был назначен В.Е.Адодуров. Свою деятельность в Герольдмейстерской конторе он начал с комплектования ее библиотеки книгами по истории, генеалогии и геральдике. В.Е.Адодуров сам работал над составлением дворянских гербов и, в первую очередь, гербов дворян гренадерской роты Преображенского полка. Эта рота в 1741 г. помогла взойти на престол Елизавете Петровне, в награду за что получила наименование Лейб-компании. Участники Лейб-компании были пожалованы омпанцев был составлен «генеральный» (общий) герб, помещенный в правую



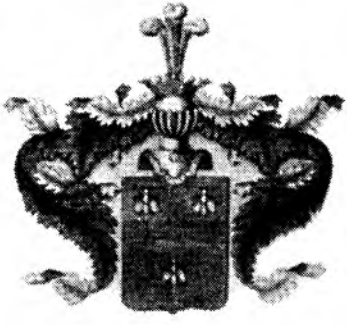
Лейб-кампанские гербы



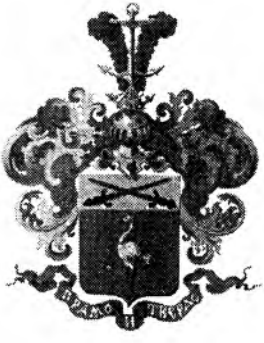
Лейб-кампанские гербы

часть гербового щита. Он представлял черное поле, на котором изображалось золотое стропило с тремя «лопнувшими» гранатами. Над стропилом помещались две серебряные пятиконечные звезды, под стропилом — одна. Над дворянским шлемом возвышалась лейб-компанская гренадерская шапка с двумя — красным и белым — страусовыми перьями. По сторонам шапки возникали два черных орлиных крыла. Девиз: «За верность и ревность». Левую часть 347 лейб-компанских гербов составляли индивидуальные эмблемы каждого лейб-кампанца.

В правление Екатерины II и Павла I вновь наблюдалось оживление в составлении частных гербов. Итогом этой работы стало составление и издание «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», начатое при Павле I. Выпуском «Общего гербовника» Павел I стремился упорядочить и упрочить российскую геральдику, которой он придавал большое значение. «Общий гер-



Герб Кандалинцова



Герб рода Жандр

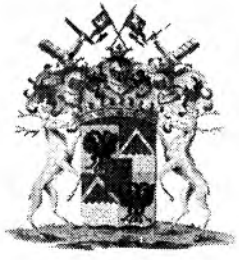
бовник» был начат по именному указу от 20 января 1797 г. Наблюдение за работой было возложено на генерал-прокурора А.Б.Куракина, с 1800 г. за работу отвечал обер-прокурор III Департамента Сената О.П.Козодавлев. Ему помогал «гербовый судья» Матвей Ваганов, составивший 10 первых томов «Общего гербовника». При Павле I вышло 5 томов, при Александре I — еще 4 тома и при Николае I — 1 том (1836 г.). Остальные 11 томов «Общего гербовника» опубликованы не были и в настоящее время хранятся в ЦГИА в Санкт-Петербурге.

Принцип составления всех томов «Общего гербовника» одинаков. Гербы по происхождению их владельца делятся на три группы.

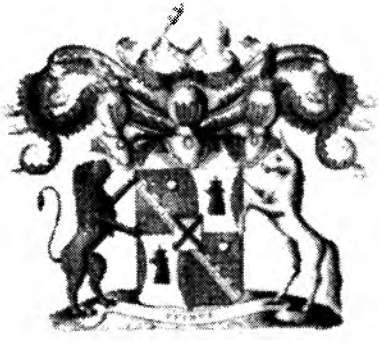
К первой группе относятся гербы всех фамилий княжеских и дворянских родов, произшедших от Рюрика и Гедимина. В их гербах помещены эмблемы родовой собственности, т.е. знаки тех удельных княжеств, городов или мест, которыми владели их предки.

Ко второй группе относились «заимствованные» гербы так называемых «выезжих» родов. Их эмблемы вошли в «Общий гербовник» почти без изменений по сравнению с прототипами, прежде все-

Герб Строгановых



Герб Фарморов



Герб Брюсов

Герб Демидовых

го польскими гербами, воспринятыми многими русскими и украинскими фамилиями. Сюда вошли гербы иностранных дворянских фамилий, принявших российское подданство; гербы русских дворянских родов, получивших дипломы на почетные титулы от иностранных монархов или пользующихся западноевропейскими геральдическими эмблемами по преданиям о своем происхождении.

К третьей, самой многочисленной группе принадлежат гербы лиц, получивших дворянство по заслуженным чинам, сочиненные геральдическими учреждениями при пожалованиях дипломами.

При подготовке «Общего гербовника» были приняты следующие формы: французский щит; щиты княжеских родов и родов нетитулованных, происходивших от удельных князей, покрывались бархатной мантией на горностаевом меху, шапкой того же цвета и горностаевой опушкой; шлем — западноевропейский, решетчатый,

Малый герб Российской империи

увенчанный коронами — графской, баронской или дворянской. В гербах лейб-компанцев сохранялась их традиционная шапка; над коронами помещались нашлемники; со шлема опускался намет; щиты гербов древних дворянских фамилий с боков держат щитодержатели; внизу у некоторых гербов имеются девизы.

Главными изобразительными элементами дворянской геральдики были воины, виды вооружения, звезды, полумесяцы, кресты, короны, мифологические и легендарные персонажи, животные, растения. Главным элементом, подчеркивающим самодержавный характер русской дворянской эмблематики, был двуглавый орел и его части (крылья). К 1917 г. его изображения становятся более редкими. В X—XXI томах «Общего гербовника» в дворянские гербы вносятся орудия труда, эмблемы гуманитарных и точных наук, искусства (карты, астролябия, глобус, скрипка, лира и т.д.). Мифологические и фантастические персонажи постепенно исчезают, заменяясь эмблемами реальной жизни.

После революции дворянская геральдика была предана забвению. В последнее время интерес к ней вновь возродился, о чем свидетельствует активная деятельность Российского Дворянского Собрания, составление новых дворянских гербов, выход в свет литературы по дворянской геральдике и образование Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации.

Вексиллография. В рамках геральдики в последнее время постепенно формируется новая вспомогательная историческая дисциплина — вексиллография (от латинского слова «vexillum» — знамя). Этимология самого общеславянского понятия «знамя» ясна. Это суффиксальное образование от «знати» — отличить, заметить. Знамя — это знаменье, знак, признак, примета, а также, печать, клеймо, тамга, тавро, подпись (рукоприкладство). Следует подчеркнуть, что в широком значении слова «знамя» под это определение подпадают, кроме собственно знамен, флаги, штандарты, вымпелы, хоругви, прапоры, транспаранты, бунчуки, значки и т.п.

В конкретном смысле слова знамя — это постоянная принадлежность, символ какой-либо организации или лица. Различают несколько категорий знамен — переходящие, наградные, шефские, дарственные и др.

Знамя состоит из полотнища, древка, навершия, лент, кистей, скоб и подтока. Полотнище — это кусок ткани различной формы и расцветки, прикрепляемый к древку. Обычно преобладает прямоугольная форма при различном соотношении длины и ширины, однако встречаются полотнища квадратной, треугольной, прямоугольной с откосом и других форм. Полотнище — основная часть знамени; его форма, размер,

цвета и изображения заключают в себе главную информацию. Оно может быть односторонним или двусторонним в зависимости от размещения изображений и надписей Лицевой принято считать ту сторону, которая развернута вправо от древка по отношению к наблюдателю. На этой стороне сосредоточены приоритетные изображения и надписи — герб, название, раскрывающее принадлежность знамени. Элементами полотнища являются кайма, фламы, крест, углы и крыж. *Кайма* — это полоса по краям поля полотнища, отличная от него по цвету. *Фламы* — диагональные полосы в углах полотнища, также отличные от него по цвету. *Крест*, как правило, расположен в центре флага. *Углы* — пространство поля между составными креста, совпадающее с углами полотнища. *Крыж* — верхняя левая часть поля, в которой часто помещаются различные символические изображения — гербы, эмблемы. Атрибутом знамени является *бахрома* — плетеное украшение, которым обшиваются края полотнища. Изображения и надписи наносятся на знамя различными способами — вышивкой, аппликацией, красками.

Древко, к которому крепится полотнище знамени, изготавливается из дерева или металла. Следует отметить, что когда-то в древности оно выполняло функцию знамени, предшествовало появлению полотнища. Навершие является украшением древка, укрепленным на нем с помощью трубки (втулки). Чаще всего оно оформлено в виде копья или какого-либо символического знака. К навершию прикрепляются шнуры с кистями и ленты. Ленты могут нести в себе название организации, быть наградными (орденскими) и т.п. Нижний металлический конец древка называется подтоком.

Штандартом называется знамя в кавалерии, отличающееся формой древка и меньшими размерами полотнища. В России штандарт был впервые введен в армии в 1731 г. в кирасирских, а затем и в других кавалерийских полках. Существуют так называемые личные штандарты-символы власти императоров, королей, президентов.

Флаг, в отличие от знамени, является символом объединения более общего характера — государства, нации, класса. Форма флагов может быть разной, а древко, навершие и другие детали не являются обязательными.

Хоругвь — это церковное знамя (выносная икона) Основная ее особенность заключается в способе крепления полотнища — верхняя его часть крепится к горизонтальной перекладине, которая крестообразно закрепляется на вертикальном древке. В нижней части полотнища имеются, как правило, различные фигурные вырезы. Именно такая конструкция получила название «вексиллум» и явилась древнейшим видом военного знамени в Европе.

Слово «флаг» пришло в русский язык из голландского языка. Оно обозначает прикрепленное к древку или шнуру полотнище раз-

личной формы с определенным соотношением сторон, одноцветное или многоцветное, часто с изображением герба государства или каких-либо эмблем объединений, организаций, обществ и т.д.

Изучение истории флага как символа государственности неразрывно связано с геральдикой. Эта связь обусловлена, с одной стороны, присутствием на различных флагах (государственных, военных, торговых, ведомственных и др.) изображений государственного герба, а с другой — выбором различных цветов для расцветки флагов, который обычно не был случайным, а мог определяться цветами герба государства или правящей династии, цветами армейских мундиров, цветовой символикой и т.д.

Различают флаги государственные и национальные: первые олицетворяют суверенитет (полная независимость) страны, вторые — суверенитет этноса (народа) в его различных исторических формах (народность, нация).

В основе цветовой гаммы флагов целого ряда различных стран могут лежать цвета государственного флага какой-то одной державы, обычно наиболее передовой и могущественной. Например, Италия, Бельгия, Румыния, Ирландия, Люксембург, Ливан, Сенегал, Чад, Мали и ряд других стран при выборе цветов для своего государственного флага взяли за образец французский трехцветный «триколёр». Так называемые «крестовые» флаги Швеции, Финляндии, Норвегии, Исландии и других стран восходят к датскому «Даннеброгу» XIII в.

Цвета ряда государственных флагов отразили географические особенности своих стран. Некоторые изображения на флагах отражают вероисповедание населения. Так, Османский полумесяц со звездой является атрибутом флагов подавляющего большинства исламских государств.

История флагов начинается в странах древневосточных цивилизаций. Известны, например, хоругви с эмблемой шумерийского бога Нанна (III тыс. до н.э.), белый флаг китайской династии Чжоу (XI—III вв. до н.э.), индийские флаги с изображениями тотемных зверей и птиц. В Древнем Риме широко употреблялись войсковые хоругви, называвшиеся «вексиллумы», и штандарты — лаборумы.

В древней и средневековой Руси боевое знамя называлось стяг. Это слово впервые упоминается в Повести временных лет под 1096 г.: «И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куную, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его». «Быти под стягом» означало обязанность вассала служить в войске сюзерена.

Княжеские стяги представляли собой длинные шесты с укрепленными на них пучками травы, конскими хвостами, кусками тканей в форме клина. Вероятно, что с XIV в. на них стали помещать священные изображения и такие стяги стали называть знамениями или знаменами. В Куликовской битве 1380 г. знамя (стяг) великого князя Дмитрия Ивановича Донского было багряно-красного цвета с изображением Иисуса Христа. Такое же знамя сопровождало царя Ивана IV Грозного в Казанском походе 1552 г. В конце XVI–XVII вв. русское знамя представляло собой полотнище белого цвета с золотой каймой с изображением двуглавого орла. Во второй половине XVII в. появляется флаг в виде трехцветного прямоугольника из белой, синей и красной полос, точный порядок взаимного расположения которых неизвестен. В центре помещалось изображение золотого (желтого) двуглавого орла. Такой флаг был у Петра I во время его плавания по Белому морю в 1693 г. Именно с петровского времени устанавливается сочетание (сверху вниз) белой, синей (голубой) и красной полос. Указ 1705 г. обязывал под страхом «жестокого наказанья» использовать флаги этого вида всем морским и речным торговым судам.

Цветовая символика флага воспринималась не всегда одинаково. Надо отметить, что расположение полос отражало древнее представление о строении мира. внизу — физический, затем — мир небесный, вверху — мир божественный. Цвета (сверху вниз) символизировали Веру, Надежду и Любовь. В XIX в. трехцветные полосы флага объяснялись как символ единения трех восточнославянских народов — белорусского, украинского и русского.

Бело-сине-красный флаг в качестве государственного употреблялся в XVII и первой половине XIX в. Наряду с ним в XIX в. государственным стал черно-желто-белый флаг, признанный затем единственно правильным указом 1858 г., так как он соответствовал гербовым цветам России.

С 1883 г. вновь стал широко использоваться как государственный бело-сине-красный флаг, с конца XI в. считающийся государственным и коммерческим

В апреле 1918 г. на заседании ВЦИК был утвержден новый государственный флаг. Декрет ВЦИК гласил: «Флагом Российской республики устанавливается Красное знамя с надписью “Российская Федеративная Республика”». Его описание содержит первая советская конституция 1918 г.: «Флаг РСФСР состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого у древка, наверху, помещены золотые буквы РСФСР или надпись “Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика”». По образцу флага РСФСР впоследствии были учреждены государственные флаги других советских республик.

Несколько раз незначительно видоизменялся государственный флаг СССР. В Конституции СССР 1936 г. приводилось следующее описание: «Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища с изображением на его верхнем углу, у древка, золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2».

С 22 августа 1991 г. Государственным флагом Российской Федерации вновь стал трехцветный бело-сине-красный флаг.

Отношение ширины Государственного флага к его длине — 2:3. Размер флагов субъектов Российской Федерации не должен быть больше Государственного флага Российской Федерации. Их символика не должна быть идентичной символике Государственного флага. При одновременном поднятии Государственного флага и флага субъекта Российской Федерации, Государственный флаг Российской Федерации должен находиться с левой стороны здания (если стоять лицом к фасаду), а любой другой флаг — с правой стороны.

Указом от 15 февраля 1994 г. был установлен главный символ президентской власти в Российской Федерации — штандарт (флаг) Президента — квадратное полотнище из трех равновеликих горизонтальных бело-сине-красной полос. В центре дано изображение государственного герба. Полотнище окаймлено золотой бахромой. На древке крепится серебряная скоба с выгравированными фамилией, именем и отчеством Президента и датами его пребывания на этом посту. Древко штандарта увенчано металлическим навершием в виде копья. Оригинал штандарта находится в служебном кабинете резиденции президента в Москве. Дупликаты штандарта Президента поднимается над другими резиденциями Президента во время его пребывания в них, а также на его транспортных средствах.

Глава 5

МЕТРОЛОГИЯ

Метрология (от греческих слов «метрон» — мера и «логос» — слово, наука, учение) — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая различные меры — длины, площади, объема и веса — в их историческом развитии и взаимной связи. Задачей метрологии является изучение названий мер, истории сложения и развития различных систем измерений, приведение мер измерений, существовавших в прошлом у разных народов, в соответствие с современными метрическими мерами.

С другой стороны, задача метрологии заключается в создании конкретных единиц измерений и их точнейших образцов — эталонов, но ее решение не входит в компетенцию историков.

Трудно переоценить значение метрологии для анализа исторических источников, особенно по социально-экономической истории. С помощью метрологии можно определить время и место создания источника (в том случае, разумеется, если в нем фигурируют меры), установить фальсификацию документа (в случае несоответствия упоминаемых в нем мер дате и месту его составления), а также решать некоторые другие вопросы критики источника.

Метрология, как и любая другая научная дисциплина, имеет свои источники и разрабатывает собственную методику их исследования. Источники метрологии очень разнообразны — письменные памятники, сохранившие различные сведения о мерах или упоминающие их, а также вещественные памятники: монеты, гирьки, линейки, архитектурные сооружения с определенными «стандартными» размерами, иконы, сосуды стандартной емкости и др.

Как система конкретных знаний метрология зародилась в глубокой древности, поскольку без измерений было невозможно строить жилища, изготовлять орудия труда и оружие, шить одежду. С возникновением и развитием обмена между племенами потребность в измерениях резко возросла. В связи с этим, приблизительные, часто условные меры, существовавшие у различных народов,

приводятся в определенные рациональные отношения друг с другом, вырабатываются эквиваленты различных мер.

В основе древнейших измерений лежали части человеческого тела: палец, локоть, стопа, о чем свидетельствуют названия многих единиц измерений у разных народов. Мерами длины служили также шаги, длина пути, пройденного в определенное время; меры площади часто определялись трудом, затраченным на обработку земли в единицу времени, или определенным количеством зерна, необходимым для засева этой площади; мерами объема сыпучих и твердых тел — количества, которые человек мог захватить или унести, — горсть, пригоршня, охапка и др.

В результате постоянно развивавшихся связей, прежде всего торговых контактов между различными странами и народами, отдельные меры и их системы часто распространялись очень широко. Например, многие системы измерений стран Средиземноморья сложились под сильным влиянием вавилонской системы.

Следует подчеркнуть, что история русских мер и систем измерений отразила основные этапы исторического пути нашей страны. Так, периоду феодальной раздробленности соответствует пестрота различных местных мер; на этапе образования единого государства происходит постепенная унификация местных единиц измерения, утверждаются меры, общие, а затем и обязательные для всей страны.

Источники метрологии. Метрологические сведения древнерусских письменных источников, к сожалению, скудны и обычно фрагментарны. Тем не менее они дают определенные сведения о различных мерах, употреблявшихся на Руси. Привлечение памятников археологии позволяет постоянно расширять круг источников метрологических исследований, дает возможность проверить, а в ряде случаев и уточнить сведения письменных источников. Для изучения метрологии очень важны Русская Правда и летописи, а также описания путешествий и сочинения иностранцев.

Очень перспективными для метрологических исследований представляются берестяные грамоты, фонд которых ежегодно пополняется.

Для определения древнерусских мер длины важные сведения заключены в замечательном памятнике русской литературы XII в. «Хождение игумена Даниила в Святую землю». Правда, это сочинение сохранилось лишь в поздних списках (от XV в), но сведения Даниила, совершившего свое паломничество в 1113—1115 гг., заслуживают доверия.

Нельзя обойти вниманием и некоторые переводные произведения, так как обычно при переводе на древнерусский язык иноземм-

ные меры, чаще всего греческие, если они были известны на Руси, назывались соответствующими древнерусскими терминами. Например, древнегреческая мера длины «оргия» в переводе обозначалась термином «сажень». Отсюда можно сделать вывод о совпадении размеров этих двух мер или их приблизительном равенстве.

Замечательный памятник древнерусской эпиграфики, так называемый «Тмутараканский камень», подлинность которого в настоящее время убедительно доказана, содержит важные данные для выяснения размера древнерусской сажени.

Для периода феодальной раздробленности круг источников метрологии остается по сути прежним. Среди них следует выделить «Дневник путешествия Исидора в Западную Европу» (XV в.), «Записки» Сигизмунда Герберштейна (правда, он был в Москве в начале XVI в., но часть его сведений относится к более раннему времени), договоры Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189–1199 гг., Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.

В XIV–XVII вв. число источников русской метрологии значительно увеличивается. Кроме летописей, грамот и описаний путешествий, появляются качественно новые источники – таможенные книги, таможенные уставные грамоты, писцовые книги. Таможенные книги XVI – первой половины XVII в. составлялись на местах. В них отражались оценка товаров, взимаемые пошлины, сведения о количестве различных товаров. К этому же времени относится появление специальных руководств для купцов и правительственных писцов. Таковы «Счетные мудрости» – своего рода учебник арифметики и основ алгебры, содержащий ценные сведения по русским мерам, «Книги сошного письма», дающие историку сведения о русских земельных мерах и их применении на практике при составлении писцовых книг. Древнейшая из них датируется 1629 г. Она использовалась в приказных канцеляриях в течение 150 лет. Так называемая «Русская торговая книга» (70-е гг. XVI в.) сохранилась в целом ряде списков. Она содержит не только перечни товаров, которыми русские купцы торговали на внешнем рынке, но и описание единиц измерений товаров и системы их взаимоотношений.

Для изучения путевых мер, в частности русской версты, большое значение имеет «Книга Большому Чертежу», составленная в Разрядном приказе в 1627 г. и представляющая собой описание несохранившейся карты России, в которой указаны расстояния между различными населенными пунктами.

Русская система мер в основном сложилась к началу XVIII в., поэтому главная задача метрологии XVIII–XX вв. состояла прежде всего в уточнении единиц измерений, их унификации и введе-

нии в качестве обязательных на всей огромной территории государства. Изучение русских мер этого периода основывается на базе самых разных источников. Для истории мер первой половины XVIII в. сохраняют свое значение таможенные книги, увеличивается число различных «дорожников». В распоряжении исследователей появляются подлинные образцы измерительных единиц, а также материалы ряда комиссий, создававшихся в XVIII—XX вв. для организации поверочного дела, определения и утверждения образцов мер, для подготовки введения метрической системы измерений. Таковы, например, материалы Комиссии весов и мер, созданной в 1736 г., правительственной Комиссии образцовых мер и весов 1827 г и Комиссии для приведения в единообразие российских мер и веса, созданной в 1832 г.

Работа в области метрологии нашла свое отражение и в законодательстве. Наиболее важные законы о мерах и весе были изданы в 1797, 1835 и 1899 гг. В 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет «О введении международной метрической системы мер и весов».

Появление работ по метрологии научного характера связано с ростом общего интереса к отечественной истории и изучению источников. В 20-х гг. XIX в. появляется первое научное исследование А.И. Ламберти «О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса» (СПб., 1827). В 1840-х гг выходит обширный сводный труд Ф.И.Петрушевского «Общая метрология». В работе Петрушевского давалось описание не только русских, но и западноевропейских мер, доведенное до 40-х гг. XIX в.

Во второй половине XIX в. появляются работы по истории русских мер П.Г.Буткова, Д.И.Прозоровского, А.И.Никитского, И.И.Кауфмана. Следует отметить, что ряд выводов этих работ в настоящее время устарел или содержит ошибки.

Развитие метрологии в послереволюционное время обязано трудам Б.А.Рыбакова, В.И.Шункова, В.Л.Янина, Е.И.Каменцевой и др. В 1944 г. вышло в свет учебное пособие Л.В.Черепнина «Русская метрология», в 1975 г. под тем же названием — учебное пособие Е И Каменцевой и Н.В.Устюгова.

МЕТРОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (X — НАЧАЛО XII в.)

Изучение метрологии Древнерусского государства связано с большими трудностями по причине полного отсутствия источников, специально посвященных единицам измерений. Письменные

памятники содержат лишь косвенные сведения о мерах, употреблявшихся в Древней Руси. В последнее время круг источников метрологии постепенно и постоянно расширяется в результате успешных археологических изысканий. В ряде случаев можно ретроспективно использовать источники периода феодальной раздробленности. Реконструкции единиц измерений способствует и привлечение этнографических материалов. Интересные результаты дают обмеры памятников архитектуры, отразивших в своих пропорциях древние меры длины.

Для данного периода, как правило, источники дают лишь названия мер и очень редко их соотношение. К тому же необходимо учитывать, что реальное содержание мер, известных под одним и тем же наименованием в течение длительного времени, могло неоднократно изменяться.

Меры длины. Письменные источники изучаемого периода зафиксировали следующую номенклатуру мер длины: пядь, локоть, сажень, верста и поприще. Эти единицы представляли собой более или менее определенные величины. Установление их истинных размеров является одной из важных задач метрологии. Помимо названных единиц, известны еще и весьма приближенные величины, также употреблявшиеся в качестве мер при измерении расстояний, например дни пешего или конного переходов, полет стрелы, бросок (вержение) камня и др.

Легко заметить, что некоторые из указанных единиц связаны с частями человеческого тела и являются, вероятно, древнейшими — пядь, локоть.

Пядь являлась самой мелкой единицей измерения длины. Она определялась расстоянием между вытянутыми большим и указательным пальцами руки. Пядь упоминается с XII в., но указания на ее размер встречаются в более поздних памятниках. Этот термин имел общеславянское распространение. На практике использовалась пядь двух видов. Один из них уже назван. Другая пядь была равна расстоянию между концами вытянутых большого и среднего (или мизинца) пальцев руки. Это так называемая большая пядь. Этот же термин иногда обозначал меру, равную ширине ладони. Исключительное удобство измерений пядью способствовало большой живучести этой меры.

Игумен Даниил в описании своего путешествия употребляет пядь, но не дает достаточных данных для определения ее размера. Метрическое значение пяди было выяснено путем сравнительного анализа данных ряда паломников в Палестину в XII—XVI вв., описавших гроб Господень, например дьякона Игнатия (1391 г.), дья-

кона Троицкого монастыря Зосимы (1420 г.). Установлено, что размер древнерусской пяди колебался в пределах 19—23 см. Б.А.Рыбаков, специально изучавший меры длины XI—XV вв., выяснил, что малая пядь равнялась 19 см, а большая — 22—23 см. На Руси употребляли еще одну пядь, называвшуюся «пядь с кувырком» или, по словарю В.И. Даля, «пядь с кутыркой». Б.А.Рыбаков подтвердил ее существование изучением размеров древнерусских кирпичей. Эта пядь была равна малой пяди плюс два (по В.И. Далю) или три сустава указательного или среднего пальца, т.е. 27 или 31 см.

В качестве народной бытовой меры пядь употреблялась очень долго, ею измеряли, например, иконы или толщину снежного покрова еще в XVII в. Ее название сохранилось до наших дней в поговорке «семь пядей во лбу».

О пяди как официальной мере с четко установленным соотношением ее с другими единицами (3/8 сажени, 1/2 локтя) можно говорить только с XVI в. Впоследствии в официальной метрологии пядь уступила свое место четверти, но продолжала употребляться в качестве бытовой меры вплоть до XX в.

В настоящее время этот термин стал обозначать в переносном смысле слова небольшую часть площади, земли. Отсюда такие выражения, как «ни пяди врагу!» или слова известной песни кануна Великой Отечественной войны: «Чужой земли мы не хотим ни пяди...»

Другой древнейшей единицей измерения длины был *локоть*, равный расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца. Как мера локоть известен у многих народов мира и в древности был широко распространен у славян, германцев и финно-угров. Аналогично пяди, он имел несколько значений — неполный локоть, двухладонный локоть, большой локоть. Большой локоть (почти в два раза больше локтя), равный длине руки от плеча, вытеснил первоначальный обычный локоть. И в этом случае название измерителя (части тела) стало обозначением меры. Современное значение слова «локоть» — локтевой изгиб, сустав — прослеживается в письменных источниках только с середины XV в.

Так же как и пядь, локоть употреблялся в качестве официальной торговой меры и народно-бытовой. Хорошо известна новгородская официальная мера — иванский локоть. Образец натуральной меры был найден в Новгороде во время археологических работ в 1955 г. Это был стержень из можжевельника с круглым сечением и ровно обрезанными концами. Характерно, что его поверхность была заполирована до блеска в результате длительного употребления. Длина стержня 54,7 см, дата — рубеж XI—XII вв.

Фрагмент иванского локтя обнаружен в 1948 г. при археологических раскопках на Ярославовом Дворище в Новгороде. На нем была

вырезана надпись: «Святого иванск (далее облом)». Длина найденного фрагмента 29,3 см (в публикациях неверно указывалась длина 15 см). Палеографическая дата — середина XII — середина XIII в. Б.А.Рыбаков, исходя из новгородских юридических формул XII–XIII вв. о «купецьком съте» (духовная Климента 1270 г.), реконструирует надпись следующим образом: «Святого иванск (огосъта)» и длину локтя около 44 см. Это, вероятно, эталон локтя в 44,1 см, равного 1/4 сажени в 176,4 см и хранившегося в церкви Ивана на Опоках.

Б.А.Рыбаков обратил также внимание на то, что локоть, найденный в 1955 г., на 6 мм больше «законного», и предположил, что он использовался не при продаже тканей, а для отмеривания тканей, поступавших в пользу владельца локтя. Им мог быть, например, княжеский мытник, собиравший пошлину в локтях сукна. В этом случае «ошибка» в размере меры в 6 мм была преднамеренной и с 8 намеренных локтей сукна 1 локоть поступал мытнику.

Подтверждением метрологического значения находки 1955 г. являются измерительные стержни (фрагменты) из раскопок в Старой Ладоге в слоях XIII–XIV вв., имевшие деления, равные 3,4 см. Деление 54,7 на 3,4 дает 16 (остатком 0,3 см в данном случае допустимо пренебречь), что абсолютно совпадает с числом вершков в позднем аршине.

В 1970 г. в Новгороде близ Ярославова Дворища были найдены два обломка 4-гранного елового стержня с тремя шкалами делений в виде зарубок. Обломки хорошо стыкуются в общий брусок длиной в 54 см, обломанный с обоих концов. На трех гранях нанесены длинные и короткие зарубки таким образом, что между двумя длинными расположены 9 коротких. Полученные 10 делений между длинными зарубками в древней метрологии назывались «пальцами» или «ногтями». Б.А.Рыбаков, посвятивший этой уникальной находке специальное исследование, убедительно доказал, что мерило использовалось для различных архитектурных расчетов и промеров.

Локоть в 54 см был равен 3 пядям по 18 см. Небольшие отклонения от средних размеров меры вполне естественны; принимая во внимание безусловную приблизительность ранних единиц измерений, их можно не учитывать. С другой стороны, этот локоть содержит ровно две «пяди с кувырком», равные 27 см.

На рубеже XV–XVI вв. локоть постепенно вытесняется более крупной единицей — аршином.

Очень употребительную единицу измерения длины представляла собой древнерусская *сажень*. Первое ее упоминание содержит «Слово о зачале Киево-Печерского монастыря», автором которого считают Нестора. Здесь сажень как мера упоминается в рассказе о

том, что около 1017 г. инок Илларион (будущий киевский митрополит) «ископа себе печерку малу — дву сажен».

Эта мера длины, не изменив своего названия, дожила в нашей стране вплоть до введения метрической системы. Позднейшая сажень равнялась 2 м 13,36 см, а древнейшая была значительно меньше. Определить ее размер помогает надпись на «Тмутараканском камне», рассказывающая о том, что в 1068 г. князь Глеб «мерил море по леду от Тмутороканя до Кърчева 10000 и 4000 сажен». Исходя из данных этой надписи, размер сажени был определен в 142 см, т.е. она содержала 3 локтя по 46 см. С убедительной критикой такого определения сажени выступил Б.А.Рыбаков. Суть его возражений сводится к следующему· ширина пролива могла за 9 веков значительно измениться; в древности более мелкие единицы длины получали путем деления крупных пополам; наконец, сажень в 142 см не может определяться размерами частей человеческого тела. Б.А.Рыбаков, привлекая данные о ширине Керченского пролива, содержащиеся в сочинении Константина Багрянородного, определяет размер сажени приблизительно в 152 см. Эта величина равна расстоянию между большими пальцами вытянутых в стороны рук человека Эта сажень, называвшаяся простой или прямой саженью, содержала 4 локтя в 38 см или 8 пядей в 19 см.

Измерения памятников древнерусской архитектуры позволяют говорить о существовании сажени в 176 см, названной позднее мерной или маховой. Последнее название свидетельствует о том, что в быту она определялась размахом рук человека в стороны.

В Древней Руси была известна и так называемая косая сажень, равная 216 см и определявшаяся расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх по диагонали руки. Интересно отметить, что эта сажень равна диагонали квадрата со стороной 152 см (прямая сажень). Самой большой была великая сажень в 249,46 см. Обратим внимание на то, что последняя величина практически равна диагонали квадрата со стороной 176 см (мерная сажень).

При переводах греческих письменных памятников на русский язык термином «сажень» обозначалась греческая единица длины «оргия», что свидетельствует о близости их размеров.

У многих народов, в том числе у славян, сажень равнялась, вероятно, трем локтям, однако существование трехлокотной сажени в Древней Руси остается недоказанным.

Название «сажень» восходит к слову «шаг-сяг» или к глагольному корню славянских языков «сяг» — протянуть руку вперед, дотянуться до чего-либо. Длина вытянутой руки приблизительно равна длине большого шага. В Киевской Руси основной мерой служила сажень, равная двум шагам, известная в литературе как «тмутара-

канская». Этимология термина, позволяющая связывать его именно с шагом, подкрепляется аналогиями. Например, древнеримская мера «пасс» равнялась двум шагам (от passus — шаг). Истинное значение древнейшей русской сажени остается еще не выясненным, так как позднейшие источники XVI—XVII вв., указывающие на существование различных видов саженей, не позволяют соотнести их с малой саженью Киевского государства.

Письменные источники, архитектурные промеры и математические вычисления позволили Б.А.Рыбакову установить основные виды сажени, употреблявшиеся в Древней Руси: мерная сажень — 176,4 см, великая сажень — 249,46 см, прямая (малая) — 152,76 см, косая сажень — 216 см. Они делились на 2, 4, 8, 16, 32 — полусажени, локти, пяди, пясти, полпясти. Б.А.Рыбаков предполагает, что малая сажень (148—152 см) употреблялась вплоть до XVII в. Необходимо оговорить, что до XVI в. термин «сажень» употреблялся без какого-либо определения. В XVI—XVII вв. им обозначались уже самые различные меры: дворовая сажень, городовая сажень, печатная сажень, таможенная сажень. Последняя была очень употребительной мерой и равнялась двум с половиной аршинам. В XVII в. становится известной трубная сажень.

Самой крупной единицей измерения длины на Руси служила *верста* или *поприще*. Она также не имела строго фиксированной длины. В позднейшее время верста заключала в себе 500 саженей. В древности же, как можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, верста складывалась из 750 саженей. Некоторые исследователи доказывали первоначальное равенство версты 1000 саженям, считая, что именно такой верстой пользовался игумен Даниил, измерявший отдельные расстояния в «великих верстах».

Происхождение термина «верста» связывают с корнем глагола «вьртъти», который мог обозначать «поворот плуга» или «борозду пашни от поворота до поворота плуга». Вполне возможно, что первоначально этот термин обозначал единицу измерения площади. В ранней переводной литературе верста соответствует греческим единицам стадии и миле, т.е. очень различным мерам — 185 м и 1,388 км. Итак, реальное содержание версты не может считаться выясненным, оно фиксируется метрологически в более позднее время.

Поприще этимологически связывается с глаголом «переть» — идти. Некоторые лингвисты первоначальным значением этого термина считают «место бега», другие, исходя из глагола «попирать» (топтать, давить), — «место, где ходят». Однако эти догадки не подтверждаются имеющимися источниками. Над лингвистами довлеет семантика древнегреческого слова «стадион», однако в древнейших памятниках «поприщу» соответствует как раз не «стадион», а «миллион» — миля.

Наиболее убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые предполагают искусственное образование этого термина при первых переводах греческих богослужебных книг на славянский язык для передачи общего значения расстояния, длины. «Поприще» в современном значении «сферы деятельности» употребляется с XVIII в.

Источники позволяют сделать вывод о равенстве поприща 6 или 8 греческим стадиям. Последние в различных метрологических системах имели разные величины, и только позднее в Греции утвердилась римская миля, равная 1480 м и содержавшая 8 греческих олимпийских стадий в 185 м.

Необходимо заметить, что в ряде случаев о терминах «верста» и «поприще» нельзя говорить как о синонимах. В настоящее время принято считать, что, в отличие от сажени, размер версты не изменялся на всем протяжении ее истории и первоначально она равнялась 750, а затем 500 саженям.

Для древнерусского периода истории Руси характерны определения расстояний описательными выражениями — «вержение камня», «перестрел», «день пути». Не раз уже упоминавшийся игумен Даниил пользовался ими сравнительно часто. Очевидно, что определенные такими выражениями расстояния не могут быть точно установленными. Некоторые исследователи пытались вычислить средние величины таких мер. Например, С.К.Кузнецов считал «вержение камня» равным приблизительно 20 саженям, т.е. около 42,5 м. Однако при этом не учитывались ни размер и вес камня, ни физическая сила бросающего. Другие исследователи определяют «вержение камня» более осторожно — от 40 до 60 м. Средний размер «перестрела» выводится, как правило, из практики народов, пользовавшихся луком. Приблизительно он равен 60—70 м. Для «дня пути» условно применяется расстояние 25 (или 35—40) км, а для «конного дня пути» — 50—70 км.

Следует подчеркнуть, что эти приблизительные, «средние» величины можно использовать лишь очень осторожно, проверяя их, по возможности, анализом конкретного показания источника.

Из подобных народно-бытовых мер расстояний можно назвать еще «днище» (от «день»), «стрелище», «метавище» (от «метать»). В Латгалии, например, очень долго определяли расстояния по дальности распространения звука — ржания лошади, мычания быка.

Меры поверхности (площади). Данные источников для выяснения метрологических значений мер поверхности, употреблявшихся в Древней Руси, еще более скудны и неопределенны, чем для мер протяжения. Основными единицами измерения площади слу-

жили «село» и «плуг». Эти термины могли обозначать не только метрологические понятия, но и единицы обложения. Повесть временных лет сообщает, например, что вятичи платили дань хазарам «по шелягу от плуга или рала».

Меры поверхности часто определялись мерами сыпучих тел, т.е. определенными количествами зерна, высеваемого на определенной площади. Могли они определяться и затратами труда на обработку определенного участка пашни.

Одна из статей Пространной редакции Русской Правды позволяет приблизительно установить величину плуга — «а в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ростовских». Отсюда можно заключить, что село составляли два плуга, а на плуг приходилось 8 ростовских кадей ржи. К сожалению, не известно, как отличалась ростовская кадь от других. Вероятно, что кадь, являясь общераспространенной в Древней Руси мерой сыпучих тел, не была одинаковой на разных землях, иначе бы не потребовалось определение «ростовская».

Ретроспективным путем выводят равенство древнерусского плуга 8 позднейшим десятинам, так как известно, что в XVI—XVII вв. на полдесятины высевалась четверть кади ржи, а эта четверть кади (московская) была в два раза больше древнерусской. Однако некоторые другие данные источников заставляют пока воздерживаться от такого определения древнерусского плуга, так как на основании той же Русской Правды можно предположить равенство плуга 5 десятинам.

Меры сыпучих тел. Сыпучие тела в Древней Руси измерялись кадями и половниками. Кадь делилась по системе двух на 2 половника, 4 четверти и 8 осьмин. Правда, последние (четверть и осьмина) в древнерусских источниках не встречаются. А.И.Никитский установил примерное равенство древнерусской кади 14 позднейшим московским пудам — 229,32 кг.

Русская Правда называет более мелкие единицы измерения сыпучих тел — уборок и лукно. Выяснить их метрологическое значение пока не удается. Предположение Д.И.Прозоровского о том, что лукно вмещало 24—25 кг овса, построено на очень шатких методических основаниях и не может быть принято.

Позднейшая народная мера — лукошко, равная 16 кг ржи, может быть связана с древнейшим лукном только этимологически.

Меры жидкостей. Хуже всего обстоит дело с определением древнерусских мер для жидкостей. В метрологическом значении источники упоминают ведро и бочку, а позднее — корчагу. Все попыт-

ки определить, хотя бы приблизительно, реальные величины этих мер следует признать неудачными, например вывод Д.И.Прозоровского о равенстве древнего ведра 9—10 кг воды. Ведро могло употребляться и в качестве меры сыпучих тел. Определенные указания на размер корчаги дают переводные греческие источники, в которых этим термином переводится «керамион» — мера сыпучих тел, равная 12,28 кг.

Меры веса. Древнейшей русской весовой единицей, упоминаемой в различных источниках, является гривна. Ее название связывают с широко распространенным у славян и у ряда других народов металлическим шейным украшением — гривной (от «грива», «загривок»).

Происхождение весового значения гривны окончательно не установлено. Одни исследователи связывали ее с византийской весовой единицей литрой (римская — либра) и считали равной первоначально 136,44 г. Основанием для этого послужила одна из статей договора князя Олега с греками 911 г., в которой за намеренное нанесение удара предписывалось карать виновного 5 литрами серебра «по закону русскому». Сравнивая этот штраф с аналогичным наказанием по Русской Правде (12 гривен), можно приравнять указанные величины и отсюда получить искомый вес гривны. Однако этот путь методически слабо обоснован, так как, во-первых, Русская Правда — памятник внутреннего законодательства, не регулировавший международные конфликты, к тому же он более позднего происхождения, а во-вторых, здесь может идти речь не о ставке штрафа, а лишь о характере наказания. Самым веским аргументом против византийского происхождения гривны является отсутствие среди древнерусских слитков серебра таких, которые хотя бы отдаленно приближались к весу 136,44 г

В свое время наиболее аргументированной представлялась гипотеза И.И Кауфмана о восточном происхождении веса гривны В денежном хозяйстве Руси были широко распространены слитки серебра новгородского типа с весовой нормой около 204 г Этот вес составляет ровно половину арабского фунта (ротля), заимствованного арабами из Ирака Таким образом, древнерусская гривна была равна половине позднейшего русского фунта в 409,512 г. И.И.Кауфман считал, что в Древней Руси употреблялась гривна в 96 золотников, т.е. равная 409,512 г. В настоящее время против гипотезы Кауфмана выдвигаются возражения, заслуживающие внимания. Прежде всего констатируется большое разнообразие арабских весовых единиц и указывается на то, что вес около 409 г лежал в основе многих европейских весовых сис-

тем. В Древней Руси гривна являлась не только весовой, но и денежно-весовой и денежно-счетной единицей. Среди древнерусских денежных слитков нет ни одного весом около 409 г Тем не менее новой, строго обоснованной как письменными источниками, так и данными нумизматики теории происхождения русской гривны пока не создано.

В письменных источниках (Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви Ивана Предтечи на Опоках 1134—1135 гг.) упоминается гривенка, равная, судя по более поздним источникам, половине гривны. Из мелких весовых единиц в древнерусских памятниках фигурирует золотник. Этим же термином обозначались и древнерусские золотые монеты. Поэтому часто бывает трудно судить, что имеют в виду источники — монету или весовую единицу. В качестве последней золотник (4,266 г) сохранился до XX в. на первых серебряных и золотых монетах СССР их вес указан в золотниках и его долях.

Из наиболее крупных единиц веса древнерусские письменные источники зафиксировали пуд и берковец. Эти меры фигурируют в названной выше Уставной грамоте князя Всеволода, но их реальное весовое содержание не поддается точному определению. В более позднем источнике, а именно в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг , говорится: «Пуд отложихом, а скалви поставихом по своей воли и любви». Здесь явно речь идет об орудиях взвешивания (скалвы — коромысленные весы). Название «берковец» некоторые авторы производят от города Бирки (Швеция), ведшего в X—XI вв. оживленную торговлю с Востоком и Западом. В Уставной грамоте князя Всеволода в берковцах исчисляется вес воска. Точные соотношения древнерусских весовых единиц еще не установлены. В позднейшее время пуд был равен 40 большим или 80 малым гривенкам, а берковец — 10 пудам.

МЕТРОЛОГИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XII—XV вв.)

Русские меры изучаемого периода характеризуются исключительным разнообразием, обусловленным общим ходом исторического развития Руси. Появились и закрепились местные единицы измерений. Местные меры особенно многочисленны и разнообразны в области денежной метрологии и измерений сыпучих тел. Однако и в этот период продолжают существовать общерусские меры. Более того, постепенный процесс ликвидации раздробленности

и образования единого Русского государства обусловил тенденцию к ликвидации местных мер и укреплению единой общерусской системы измерений.

Меры длины. Как и в предшествующее время, меры длины периода феодальной раздробленности не представляли собой единой системы. Основными единицами измерения длины остаются пядь, иногда называвшаяся «ногой», локоть, иногда именовавшийся «стопой», а также сажень, верста и поприще. По-прежнему употребляются различные по размерам пяди, локти и сажени и сохраняется их старое соотношение: сажень равна 4 локтям или 8 пядям. Постепенно складываются две различные системы мер длины — новгородско-псковская и московско-владимирско-черниговская. Первая имела в основе пядь в 22—23 см, а вторая — малую пядь в 19 см. Соответственно различались локти — 44—46 см и 38 см и сажени — 176—184 см и 152 см. Кроме указанных единиц, входит в употребление сажень в 216 см, в основе которой лежала «пядь с кувырком», равная 27 см. Самой крупной мерой длины по-прежнему остается верста, или поприще, которая равнялась 500 или 700 саженям. В зависимости от величины сажени размер версты определяется в 1064 м (152 см × 700) или 1080 м (216 см × 500), т.е. она была приблизительно равна поздней русской версте в 1066 м.

Продолжают употребляться приблизительные меры, например стрела, которой измерялись рыбы при определении княжеского оброка, или «перестрел» — при определении границ земельных участков. Широко распространяются местные единицы — топорище (рукоять топора), ужище (веревка), колы и др. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство подобных мер имело силу только для определенных, часто небольших территорий и было лишено метрологического единства, что делает невозможным выражение их в точных метрических показателях.

Меры поверхности. В распоряжении исследователей имеются лишь отрывочные и не всегда ясные данные о мерах поверхности. Однако именно в этот период появляются и распространяются основные единицы измерения поверхностей, хорошо известные в XVI—XVII вв. — десятина и четверть. Последняя мера получила свое название от меры сыпучих тел, так как соответствовала площади, засеваемой четвертью хлеба.

Из местных единиц измерения площади наиболее известны новгородские меры, а именно обжа и коробья. По вопросу о характере новгородской обжи в литературе существуют два мнения. Б.Д.Греков доказывал, что обжа являлась не единицей измерения площади, а была фискальной единицей обложения хозяйств. Другие ис-

следователи (Л.В.Данилова, Г.В.Абрамович) считают обжу мерой земельной площади, включавшей пашню, сенокос, огороды и усадьбы. В трех полях считалось в обже 5 десятин пашни, а вместе с другими угодьями около 9 десятин. В южных пятинах размер обжи был несколько больше, чем в северных

Размер коробьи точно установлен на основании анализа источников XVI в. Она была равна десятине, или двум четвертям. Свое название коробья, как и четверть, получила от меры емкости для сыпучих тел.

Меры сыпучих тел. Основной мерой сыпучих тел в период феодальной раздробленности продолжает служить кадь. В некоторых случаях она получает новые названия — бочка или оков. Последнее название объясняет хронограф начала XVII в.: «Бочки или кадки и оковами зваху, оковаху бо по верху тоя кади железным обручем для того, чтобы нельзя ее урезати»

Установить реальный объем кади возможно только лишь ретроспективным путем. А.И.Никитский определил вес кади равным 14 позднейшим пудам, или 229,32 кг. Конечно, в условиях феодальной раздробленности размеры кади в отдельных русских землях могли значительно колебаться, о чем можно судить по различным названиям мер сыпучих тел, встречающихся в письменных источниках: малая кадь, великая осьминка.

Из местных мер в источниках чаще других встречается с середины XV в. новгородская коробья. Она делилась по системе двух на 4 четвертки, или четки, и на 16 четвериков. Ее емкость определяется показаниями одного интересного документа конца XVI в. — кабалы, в которой речь идет о беспроцентном займе тремя крестьянами у ключника Вяжицкого монастыря коробьи хлеба. Согласно этому документу треть коробьи равна 1 и 1/3 осьмины, т.е. коробья равна 4 осьминам, или двум московским четвертям, составлявшим половину кади. Следовательно, коробья вмещала 7 пудов

Еще одну новгородскую меру сыпучих тел называют берестяные грамоты — дежу, которой измерялось зерно. (В современных диалектах дежой называется квашня.) Емкость дежи пока не установлена, так как она не известна по другим письменным источникам.

На новгородской территории, в Двинской земле, основной единицей измерения сыпучих тел был пуз. Эта мера, встречающаяся в письменных памятниках с XIV в., служила для измерения зерна и соли. Размер ее устанавливается ретроспективным путем. Пуз соответствовал половине московской осьмины, равной 3 пудам, т е пуз был равен 1,5 пуда. Для соли, удельный вес которой в два раза больше удельного веса ржи, пуз соответственно был равен 3 пудам

Для средневекового Пскова основной единицей измерения сыпучих тел была зобница, делившаяся на 2 позобенья и 4 четвертки. В источниках зобница встречается в начале XIV в. Эта первоначальная мера была несколько увеличена в середине XV в. Данные летописей о ценах на хлеб до и после реформы, увеличившей вес зобницы, позволяют установить, что новая зобница соответствовала 1,5 старой. Новая зобница содержала 14 пудов ржи, следовательно, старая — 9 и 1/3 пуда. Равенство новой зобницы 14 пудам дает возможность предположить, что термином «зобница» в Пскове называлась общерусская кадь.

Для XII—XV вв., помимо рассмотренных мер, характерно обилие чисто бытовых, приблизительных единиц измерения сыпучих тел, таких, как горсть (пригоршня), блюдо, горшок, ведро, чаша, мешок, воз и др. Выяснить реальное содержание этих мер невозможно в силу самой их природы.

Меры жидкостей. Как и для предыдущего периода, сведения письменных источников о мерах жидкостей очень скудны. Основными мерами остаются бочка и ведро, но появляются и новые — насадка и корец. Лучше других благодаря писцовым книгам изучены новгородские меры. Эти книги XV — начала XVI в. позволяют установить соотношение бочки, насадки и ведра. Например, в источнике одна бочка и 20 ведер пива приравнены к 3 бочкам. Отсюда легко вывести равенство новгородской бочки 10 ведрам. В том же источнике 19 бочек, 1 насадка и 15,5 ведра пива приравниваются к 20 бочкам и 8 ведрам. Следовательно, насадка была равна 2,5 ведра.

В Пскове употреблялись, кроме бочек и ведер, корцы. Однако соотношение этих мер друг с другом остается невыясненным Неизвестна и реальная вместимость псковских бочек и ведер.

Меры веса. В эпоху феодальной раздробленности основными мерами веса являлись большая (96 золотников) и малая (48 золотников) гривенки. В новгородских летописях появляется новая единица веса — почка, служившая при взвешивании благородных металлов и драгоценных камней. Почку упоминает и Афанасий Никитин в своем знаменитом «Хождении за три моря», которое он совершил в 1466—1472 гг. Вес почки устанавливается по более поздним источникам — 0,17 г, или 1/25 золотника. Самой мелкой весовой единицей был пирог, составлявший 1/4 почки, т.е приблизительно 0,04 г.

Продолжают употребляться крупные единицы веса — берковец, равный 10 пудам, пуд, а также новая мера — капь, известная по договору Новгорода с немецкими городами и Готландом 1269 г. Этот

договор позволил установить равенство капи 4 пудам, или 65,52 кг Иногда капь называлась вощаным пудом, так как в основном употреблялась при торговле воском.

РУССКАЯ МЕТРОЛОГИЯ XVI—XVII вв.

Характерной чертой в деятельности русского правительства в области мер и веса в XVI—XVII вв. являлось постоянное стремление к их унификации, отвечавшее новым историческим условиям жизни единого государства. Именно в этот период начинает постепенно складываться всероссийский рынок. Ускорению этого процесса в немалой степени способствовала политика введения единых мер и веса на всей территории страны. Не случайно немец-опричник Генрих Штаден в своих записках подчеркнул, что «нынешний великий князь (Иван Грозный. — *П.Ш.*) достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера». Эта фраза как бы подводила итог метрологической политики Ивана IV

Известен целый ряд правительственных распоряжений этого периода в области метрологии. В середине XVI в. по указу Ивана Грозного были изготовлены некоторые образцовые меры. В грамоте 1550 г. содержатся сведения об отправке на Двину старостам, сотским и целовальникам медной осьмины, с которой предписывалось снять деревянные спуски (копии) и запятнать (заверить печатями) их. Под угрозой штрафа запрещалось пользование старыми мерами. О том, что это было не местное, а общегосударственное мероприятие, говорит текст той же грамоты: «А таковы есми меры послал во все городы ровны». В других источниках, начиная со второй половины XVI в., неоднократно упоминаются «печатные», «заорленые» сажени, аршины, гири и ведра, что свидетельствует о постоянном контроле за мерами и их употреблением со стороны государственной власти.

Одной из важных причин значительной активизации метрологической политики были фискальные интересы правительства. В 20-е гг. XVII в. с целью упорядочения налогового обложения было проведено измерение и описание обрабатываемых земель по всей территории государства — «обновление земли письмом». В 1624 г. по всем городам были введены одинаковые меры, равные московским. Единообразие мер предусматривалось Соборным уложением 1649 г. и «Таможенным уставом» 1653 г. Новые единицы мер были разосланы на места в 1679 г., что было связано с общими изменениями в налоговой политике

Неоднократность подобных распоряжений и посылок на места контрольных мер свидетельствует о сильной живучести местных мер

и постоянном стремлении правительства к их ликвидации. Можно констатировать, что русская система мер в общем и целом сложилась к концу рассматриваемого периода и дожила до введения в России международной метрической системы измерений.

Меры длины. В XVI—XVII вв. продолжают употребляться пяди, локти, сажени и версты. В конце XV в. появляется новая единица измерения длины, ставшая вскоре одной из основных, — аршин. Впервые этот термин встречается в грамоте 1488 г. Ивана III польскому королю Казимиру. В ней он упомянут с определением «кафинский». Такой аршин, вероятно, употреблялся только на рынках Кафы — Феодосии, находившейся с 1475 г. под турецким владычеством. В самой Турции употреблялись аршины разных размеров, но среди них нет прототипа русского аршина. Первоначально аршин, видимо, был равен 27 английским дюймам (около 68,6 см) и восходил к так называемому стамбульскому «суконному» локтю — очень употребительной мере в международной торговле тканями. Можно предположить, что какое-то время аршином измерялись только восточные ткани, а измерение тканей отечественного производства по-прежнему осуществлялось локтями. Так, в Духовной грамоте князя Михаила Васильевича Горбатого 1535 г. все ткани, привозимые с Востока, исчисляются исключительно аршинами. Однако уже в XVI в. аршин становится основной мерой на центральных рынках Русского государства. Итальянец Рафаэль Барберини, посетивший Московию в 1564 г., записал: «Мера московская для полотен, сукон, материй и тому подобного называется аршин, а другой меры нет». Таким образом, аршин уже в середине XVI в. вытеснил из употребления локоть, которым, правда, еще долгое время пользовались на окраинах государства.

Аршин подразделялся на 4 четверти, или на 16 вершков. Термин «четверть» выступает как синоним пяди, постепенно вытесняя ее. По своему размеру четверть почти совпадала с малой пядью — 18 см. Следовательно, аршин в русской системе стал равным приблизительно 72 см, т.е. несколько больше первоначального.

Сажень приравнивается к трем аршинам, и этот ее размер был официально закреплен Соборным уложением 1649 г., определившим «сажень делать в три аршина». В источниках, кроме 3-аршинной казенной сажени в 216 см, продолжают встречаться и другие ее виды — трубная, ручная, косая, крестьянская, маховая.

Вопрос об эволюции размера аршина и его метрологической связи с английскими мерами — дюймом и футом — вызвал разногласия среди исследователей. Так, П.Г.Бутков доказывал изначальное равенство аршина 28 английским дюймам (71,12 см), а 3-аршинной

сажени — 7 футам (213,36 см). Это мнение разделял Н.В.Устюгов Б.А.Рыбаков развивает взгляды А.И.Ламберти, высказанные еще в начале XIX в., о том, что аршин был приравнен к 28 английским дюймам только при Петре I, в целях уравнения сажени 7 английским футам. По его мнению, до начала XVIII в. 3-аршинная сажень, называвшаяся казенной, была равна 216 см (215,4 см), т.е. когда-то называлась косой. Е.И.Каменцева установила, что эта сажень употреблялась на протяжении всего XVIII в. и только в начале XIX в. была приравнена к 7 английским футам. Именно такая сажень (216 см) употреблялась при сошном описании земель начиная с XVII в., и не случайно, что унифицированная метрологическая система строилась на ее основе. В памятниках второй половины XVII в. она называется мерной. Таким образом, к официальной 3-аршинной сажени применялись следующие определения: «государева», «казенная», «мерная», «печатная» или «аршинная». Наряду с этой саженью продолжали употребляться и другие, причем некоторые из них также имели официальный характер и их эталоны хранились в приказах. Таковы простая сажень в 152 см, маховая сажень в 176 см и косая, или большая, сажень в 248 см.

Самой крупной мерой длины в XVI—XVII вв. по-прежнему оставалась верста. Различались версты путевые и межевые. Межевая верста была в два раза больше путевой. Она применялась, как видно из названия, при межевании земель, но ею могли измеряться и путевые расстояния. Путевая верста равнялась 500 саженям (такой размер версты указывают «Книга Большому Чертежу» и различные «дорожники» XVII в.), а так как сажени были различны по своей величине, то, вероятно, и верста в разное время бытования не была одинаковой. Если исходить из равенства самой распространенной в XVI—XVII вв. сажени 216 см, то размер путевой версты равен 1,080 км, а межевой — 2,160 км.

Таким образом, система русских мер длины, сложившаяся к началу XVIII в., имела следующий вид. верста межевая = 2 верстам путевым = 1000 саженям = 2,160 км, верста путевая = 500 саженям = 1,080 км; сажень = 3 аршинам = 12 четвертям = 48 вершкам = 216 см; аршин = 4 четвертям = 16 вершкам = 72 см; четверть = 4 вершкам = 18 см; вершок = 4,5 см.

Меры поверхности. Основной и самой крупной единицей измерения земли в XVI—XVII вв. являлась десятина, известная с конца XV в. Вероятно, что первоначально она была равна квадрату со сторонами, равными 1/10 версты, и составляла 2500 кв. саженей. Затем ее размер был несколько уменьшен. «Книга сошного письма» 7137 (1629) г. определяет размер десятины следующим образом:

«В десятине 80 сажен длинник, а поперечник 30 сажен», т.е. 2400 кв. саженей. Эта десятина называлась казенной, а на частновладельческих землях применялась десятина в 3200 кв. саженей (80 × 40 саженей). Реже употреблялась круглая десятина, равная 3025 кв. саженям (55 × 55 саженей). В переводе на метрическую систему казенная десятина в 2400 кв. саженей (при размере сажени в 216 см) равнялась 1 га и 1197,44 кв. м. Этот размер десятины был официально закреплен Соборным уложением 1649 г.

Десятина прежде всего была счетной единицей, а на практике, как правило, употреблялась четверть, или четь, равная половине десятины. Название четверти произошло от единицы измерения сыпучих тел, так как на эту площадь высевалась четверть (четь) злаков.

Четверть (четь) делилась по системе двух на две осьмины, осьмина — на две полуосьмины, а полуосьмина — на два четверика. Четверть (четь) могла делиться и по коэффициенту три: на три третника, шесть полтретников и т. д. 1/64 часть четверти (чети) называлась малый четверик. Название «осьмина» также восходит к мере сыпучих тел.

На севере Русского государства в качестве единицы измерения пашни существовала сажень. Однако эта сажень не была квадратной. Две общегосударственные десятины приравнивались здесь к 100 саженям.

Сенокосные участки измерялись копнами сена, снимавшимися с определенной площади. Источники называют копны трех размеров: мерные двухсаженные, волоковые и мелкие копны. Г.В.Абрамович определяет вес мерной копны в 15 пудов, волоковой копны в 10 пудов и малой волоковой копны (так называлась мелкая копна) в 5 пудов. Обычно считалось, что 10 копен сена снимали с десятины земли. Например, в докладе Поместного приказа о составлении наказа писцам в 1682—1683 гг. указано: «Где сенные покосы писаны копнами, а не десятинами, и в тех местах отмеривать по десятине». Следовательно, и копна, как четверть и коробья, из меры объема превращается в единицу меры площади в 0,1 десятины.

Таким образом, система поземельных мер (мер поверхности) к началу XVIII в. приобрела следующий вид: десятина = 2 четвертям = 4 осьминам = 8 полуосьминам = 16 четверикам; четверть = 2 осьминам = 4 полуосьминам = 8 четверикам = 3 третникам.

Сошное письмо. Термин «сошное письмо» обозначает сложившуюся в конце XV в. систему описания земельных владений, как в сельской местности, так и в городах, в целях податного обложения. Сошное письмо предусматривало, во-первых, измерение земельных площадей, во-вторых, перевод полученных результатов в условные

податные единицы — сохи и установление размеров прямого налога. Величина сохи не была постоянной и часто изменялась. С середины XVI в. она измерялась в четвертях (четях), а ее размеры зависели, с одной стороны, от качества земли, с другой — от принадлежности земли определенной социальной категории владельцев. По качеству различались земли добрые, средние и худые; по принадлежности — земли служилые (вотчины и поместья), церковные (земли монастырей и церковных иерархов) и черные (государственные земли черносошных крестьян).

Для служилого землевладения соха включала 800 четей доброй, 1000 четей средней и 1200 четей худой земли; для церковных и монастырских земель соха включала соответственно 600, 700 и 800 четей; для черных земель — 500, 600 и 700 четей. При существовавшем трехпольном севообороте общее количество земли в трех полях, составлявшее соху, утраивалось.

Нетрудно заметить, что размеры сохи были обратно пропорциональны тяжести налогового обложения. Так, например, с условной площади 4000 четвертей доброй земли вотчинник платил 5 налоговых денежных единиц (4000:800 = 5), а черносошный крестьянин с той же площади одинаковой по качеству земли платил 8 денежных единиц (4000:500 = 8).

Кроме того, существовало так называемое «одабривание» земли, применявшееся только на землях светских феодалов. Одабривание предполагало условное приравнивание средней и худой земли к доброй (отсюда и сам термин) путем увеличения в сохе количества средней и худой земли по определенному коэффициенту. К одной сохе доброй земли (800 четей) приравнивались 1,25 сохи средней земли (1250 четей) или 1,5 худой земли (1800 четей). Таким путем уменьшалось общее число сох в данном частном владении, т.е. еще более снижался налог.

Сохи делились на части по системе двух и трех, однако далее 1/32 сохи деление не практиковалось.

Соха размером 800 четей называлась большой московской. Она сложилась на рубеже XVI и XVII вв. До этого существовали сохи меньших размеров. В Новгороде, например, в XV—XVI вв. основной единицей обложения была малая соха, или сошка, равняющаяся 3 обжам или 30 четям земли в поле.

Кроме сохи, в качестве окладной единицы на черных землях применялась выть, включавшая 12 четей доброй земли в поле, или 14 четей средней земли в поле, или 16 четей худой земли в поле.

Документы XVII в. свидетельствуют о существовании так называемой подворной сохи. Она применялась в основном при обложении посадского населения городов. Известны окладные единицы,

по которым облагались крестьяне частных владельцев. Названия их самые различные: выть, четь, третник, осьмак, доля, полоса, участок, обжа, двор, дым и др.

Техника сошного письма приобрела со временем устойчивые формы, закрепившиеся в «Книгах сошного письма» и «Писцовых наказах», являющихся ценнейшими источниками по русской метрологии.

Меры сыпучих тел. В XVI—XVII вв. перестает употребляться в качестве меры кадь, или оков, а наиболее распространенной мерой для сыпучих тел становится четверть, делившаяся по системе двух на 2 осьмины, на 4 пол-осьмины, на 8 четвериков и т. д. и по системе трех на 3 трети, 6 полтретей, 12 полполтретей и т. д.

Вопрос о реальном объеме этой меры не может считаться решенным окончательно. Источники часто называют различные цифры для весового содержания четверти — 4, 6 и 8 пудов ржи. Московская четверть вмещала 6 пудов ржи и 5 пудов ржаной муки, но эта величина не была единой для всего государства. Например, в Вятке бытовала мера, в три раза превосходившая московскую четверть, — куница, в Пермском крае — сапца, равная осьмине, в Сибири употреблялась четверть в 4 пуда.

Установлено, что на рубеже XVI—XVII вв. официальной мерой служила 4-пудовая четверть. В 1624 г. из Москвы на места были разосланы новые меры — медная осьмина. Вероятно, что при этом размер казенной четверти стал равным 6 пудам. Эта четверть просуществовала до 1679 г., когда по царскому указу она была увеличена до 8 пудов. Четверть была только счетной единицей, фактической же мерой служили осьмина и ее части — пол-осьмины и четверики. При этом осьмина употреблялась в основном как контрольная мера, а на практике использовались пол-осьмины и четверики.

Необходимо особо подчеркнуть существование двух видов мер сыпучих тел — приемочных и раздаточных. Казенная приемочная мера служила для измерения хлеба, поступавшего в казну, а раздаточная употреблялась при выдаче хлеба служилым людям «по прибору». Соотношение между ними не было постоянным, и раздаточная мера могла составлять от 0,75 до 0,37 казенной приемочной меры. В среднем раздаточная мера была в два раза меньше приемочной.

Четвертями и ее фракциями измеряли в основном зерно и муку. Постепенно муку начинают чаще измерять весовыми единицами.

Специальные меры существовали для измерения соли. В Старой Руссе, славившейся своими солеварницами, основной такой единицей являлся луб, вмещавший 5 пудов соли. Другими соляными

мерами были рогожа (или рогозина), мех и пошев. Истинные величины этих мер пока точно не установлены. На Двине в качестве меры сыпучих тел продолжал употребляться пуз, равный 1,5 пудам ржи или 3 пудам соли.

В XVII в. соляные меры постепенно выходят из употребления и заменяются весовыми единицами.

Меры жидких тел. Основной мерой для жидкостей в XVI–XVII вв. продолжает служить ведро. Бочка и насадка постепенно выходят из употребления, и в XVII в. бочка обозначает уже только тару. Размеры ведра по-прежнему остаются неизвестными. В источниках указывается только вышина ведра – 8 вершков, что же касается его диаметра, то его предположительно определяют равным 5 вершкам. Вес воды в таком ведре составляет 33 фунта 66 золотников.

Ведро делилось на кружки, ковши и чарки. Соотношение между ведром и названными единицами не было постоянным. Имеются указания источников на то, что в 20-х гг. XVII в. ведро заключало 12 кружек, а в 70-х гг. того же века ведро делилось на 10 кружек. Кружка делилась на 10 чарок, но и это деление не было постоянным в течение XVII в. Согласно указу 1652 г., упразднявшему старые кабаки и вводившему на их место кружечные дворы, размер чарки был увеличен в три раза. Такая чарка называлась ковшом. Размер ведра оставался прежним, и оно вмещало 100 новых чарок. Отсюда можно заключить, что до 1652 г. существовало следующее деление мер жидкостей: ведро = 12 кружкам = 300 чаркам; кружка = 25 чаркам (300:12 = 25).

Новое деление ведра было осуществлено по десятичному принципу счета: ведро = 10 кружкам = 100 чаркам, или ковшам; кружка = 10 чаркам, или ковшам.

По-прежнему продолжает употребляться деление ведра по системе двух и трех: полведра, четверть ведра, полчетверти ведра и т. д., треть ведра, полтрети ведра и т. д.

В конце 70-х гг. XVII в. вводится новое деление ведра, существовавшее, видимо, наряду с десятичным: ведро = 8 кружкам = 200 чаркам; кружка = 25 чаркам (200:8 = 25).

Такое деление ведра характерно для измерения при продаже вина и пива. Другие жидкости, например смола, деготь, продавались ведрами и его частями: полведра, треть ведра и т. д.

Меры веса. Основной единицей веса в XVI–XVII вв. становится пуд. «Торговая книга», например, именно с ним сравнивает все другие единицы измерения веса. Самой крупной единицей яв-

ляется ласт, равный 72 пудам. Сравнительно редко употреблялись вощаная четверть и берковец, равные соответственно 12 и 10 пудам. Само название вощаной четверти говорит о том, что она применялась при взвешивании воска. Появляется новая весовая единица — контарь, равный 2,5 пуда.

Из старых весовых единиц сохраняют свое значение большая (96 золотников) и малая (48 золотников) гривенки, а также золотник. Пуд был равен 40 большим или 80 малым гривенкам. Входит в употребление полугривенка малая, равная 24 золотникам. Большая гривенка называется фунтом. Это новое название все чаще употребляется с середины XVII в. и постепенно вытесняет большую гривенку. Перестают употребляться ласт и вощаная четверть, но появляется безмен, равный 2,5 фунта.

Для взвешивания драгоценных металлов основной единицей веса служит золотник, делившийся на 25 почек.

Таким образом, к концу XVII в. основными единицами веса становятся пуд и фунт (большая гривенка), делившиеся по системе двух и трех. Пуд равен 16,38 кг, фунт — 409,512 г, золотник — 4,267 г, почка — 0,17 г.

Итак, сложившуюся на рубеже XVI—XVII вв. систему русских мер веса можно представить в следующем виде:

ласт = 72 пудам;

вощаная четверть = 12 пудам;

берковец = 10 пудам;

контарь = 2,5 пуда;

пуд = 16 безменам = 40 большим гривенкам = 80 малым гривенкам;

большая гривенка = 2 малым гривенкам = 4 малым полугривенкам = 96 золотникам и т. д.

РУССКАЯ МЕТРОЛОГИЯ XVIII—XX вв.

Так как к началу этого периода русская система мер в основных своих чертах уже сложилась, основной задачей стала унификация мер и их уточнение, а также организация специальной службы надзора в области метрологии.

В 1753 г. были ликвидированы внутренние таможни, что способствовало резкому сокращению местных единиц измерений и постепенному их исчезновению.

В распоряжении исследователей русской метрологии XVIII—XX вв. находится значительное число различных источников — это таможенные книги, дорожники, законодательные акты, под-

линные образцы мер, материалы различных правительственных комиссий.

В первые десятилетия XVIII в. основным учреждением, занимавшимся проблемами метрологии, было Монетное правление. В 1737 г. для подготовки реформ мер была создана специальная Комиссия весов и мер во главе с графом М.Г.Головкиным — главным директором Монетного правления. Перед комиссией была поставлена задача создания новых эталонов мер, установления точного соотношения различных мер и организации поверочного дела. Комиссия основную свою работу закончила в 1738 г. и была ликвидирована в 1742 г. Сохранившиеся архивные материалы позволили Е.И.Каменцевой детально изучить ход работы Комиссии и выяснить ее роль в истории русских систем измерений. Комиссия рассмотрела ряд проектов уточнения действовавшей системы измерения. Один из них предусматривал десятичный принцип деления основных единиц измерений. В Комиссии сосредоточились, например, меры веса (гири) из различных учреждений — Камер-коллегии, Коммерц-коллегии, Портовой таможни, Монетной канцелярии и др. Сравнение этих мер показало различия в их весе. За основу создания эталонов были приняты гири Монетной канцелярии, изготовленные еще в 1727 г. выдающимся русским историком и географом В.Н.Татищевым и выверенные в 1735 г. Принятие за основу именно этих гирь было вызвано стремлением не нарушать действовавшую монетно-денежную систему. При изготовлении прототипов предполагалось привязать их к мерам длины, т.е. создать образцовые кубические меры веса. Известным механиком-изобретателем А.К.Нартовым были изготовлены кубические пуд со стороной 2,8 вершка и фунт со стороной 0,82 вершка. Правда, эти размеры были взяты приблизительно, к тому же не был учтен удельный вес так называемой зеленой меди, из которой они были изготовлены. Зеленой медью называлась латунь — сплав, содержащий от 50 до 90% меди и от 10 до 40% цинка. Удельный вес такого сплава мог колебаться от 8,43 до 8,90 г / куб. см. На основе мер длины был определен объем мер жидкостей — ведра и четверика. В качестве образца меры длины был взят так называемый полуаршин Петра I, равный 36 см.

Предполагалось изготовить гири не только из зеленой меди, но и из стекла. Такие гири были изготовлены, но в Комиссию они не поступили, и дальнейшая их судьба неизвестна.

Итоги работы Комиссии мер и весов были подведены специальным документом «Регламент, или инструкция, по которой имеет поступать (NN) в смотрении в Российском государстве над весами и мерами». Буквами «NN» обозначался специальный постоянно действующий Комитет, который предполагали учредить для надзора

за правильностью мер и весов. Регламент определял следующие единицы веса: берковец равен 10 пудам, пуд — 40 фунтам, фунт — 96 золотникам и золотник — 6 гранам, или 20 каратам, или 96 долям. Для обеспечения нормальной торговли рекомендовались гири в 2, 1, 0,5 пуда, в 10, 5, 3, 2 и 1 фунт, мелкие гири точно не определялись.

Однако Сенат не утвердил этот «Регламент». Несмотря на это деятельность Комиссии имела безусловно положительное значение, а ее результаты учитывались в дальнейшей метрологической работе. Так, именно на основе аршина, определенного Комиссией, в 1745 г. были изготовлены аршины для всей Российской империи, а во второй половине XVIII в. изготовлены меры сыпучих тел — четверики, осьмины и пол-осьмины.

Наблюдение за правильностью мер и весов в уездах осуществлял нижний земский суд, а в городах с 1775 г. — городничий и городские магистраты.

В 1797 г. был издан указ «Об учреждении повсеместно в Российской империи верных весов, питейных и хлебных мер», составленный в форме рекомендаций. Согласно указу предполагалось заменить все действующие меры веса, сыпучих и жидких тел. В связи с этим началась отливка чугунных мер, которые должны были покупать губернские правления. Меры сыпучих и жидких тел определялись на основе английского дюйма, поэтому возникла необходимость определить твердое соотношение русских мер длины с английскими. Эта работа была выполнена придворным часовым мастером англичанином Гайнамом. В начале XIX в. он по поручению Министерства внутренних дел, к которому перешли в ведение вопросы метрологии, изготовил хрустальный, стальной и медный эталоны аршина, равного 28 английским дюймам. Для рассылки по губерниям были изготовлены 52 медных 4-гранных аршина. В Петербурге была создана специальная фабрика по производству аршинов для общего употребления. Такие аршины снабжались специальным клеймом и рассылались на места. К 1821 г. было сделано более одного миллиона аршинов.

В 1827 г. при Министерстве внутренних дел была создана Комиссия образцовых мер. Первой своей задачей Комиссия поставила установление взаимного соответствия единиц измерений. Решение ее началось с определения веса воды в заданном объеме. За основу был взят английский кубический дюйм, а для мер веса фунт Петербургского монетного двора 1771 г. Было установлено, что фунт воды занимает объем 24,99912 куб. дюйма. Следовало очень незначительно увеличить вес фунта (на 1/3 96-й части золотника), чтобы один фунт составил 25 куб. дюймов воды. По определению

Комиссии ведро должно было содержать 30 фунтов воды, а четверик — 64 фунта воды. Результаты работы Комиссии не были оформлены законодательным актом, и в 1833 г. была организована новая комиссия при Министерстве финансов. Перед этой организацией стояли задачи сравнения русских и иностранных мер, составление соответствующих таблиц, а также обоснование размеров эталонов мер. Был определен вес кубического дюйма воды и на его основе установлен объем фунта воды, оказавшийся равным 25,019 куб. дюйма. Эти данные легли в основу всей русской системы мер, закрепленной законом 1835 г. «О системе российских мер и весов» и просуществовавшей без изменений до введения метрической системы измерений. Русская система единых мер вводилась на всей территории государства с 1 января 1845 г. До этого, в 1842 г., «Положение о мерах и весах» утвердило изготовленные эталоны мер. На места были разосланы медные образцовые меры, выверенные по эталонам. Службу надзора за правильностью мер и весов несла городская, земская и сельская полиция.

После принятия Положения 1842 г. Комиссия была ликвидирована, а все ее материалы были переданы в новую организацию — Депо образцовых мер и весов, которая с 1893 г. стала называться Главной палатой мер и весов. Депо, а затем Палата хранили эталоны мер, осуществляли поверку мер и изготовление новых эталонов. С 1892 г. во главе этого учреждения встал великий русский ученый Д.И.Менделеев, сыгравший большую роль в его работе.

В 1899 г. были созданы новые эталоны аршина, полусажени и фунта из сплава платины и иридия. Было установлено точное соотношение между русскими и десятичными мерами. В том же году было утверждено «Положение о мерах и весах», которым допускалась к употреблению в Российской империи наряду с русскими мерами и десятичная система измерений. Это Положение значительно повысило роль Главной палаты мер и весов и закрепило ее функции в организации государственной службы мер и весов.

Меры длины. Меры длины, сложившиеся к началу XVIII в., в дальнейшем существенно не изменились. Последние исследования позволили установить, что в первой половине XVIII в. русские меры длины не были кратны английским, как это считалось раньше. Например, размер сажени был изменен и приведен в соответствие с английским футом лишь в начале XIX в. Она стала равной 7 футам, или 213,36 см. Соответственно аршин был приравнен к 28 английским дюймам. Вошли в обиход и такие мелкие английские меры длины, как линия и точка. Эти соотношения были закреплены указом 1835 г. В результате русская система мер длины приобрела следую-

щий вид: верста = 500 саженям = 1,0668 км; сажень = 3 аршинам = 7 футам = 213,36 см; аршин = 4 четвертям = 16 вершкам = 28 дюймам = 71,12 см; четверть = 4 вершкам = 17,77 см; вершок = 4,44 см; фут = 12 дюймам = 30,48 см; дюйм = 10 линиям = 2,54 см; линия = 10 точкам = 2,54 мм; точка = 0,254 мм.

Линиями в России измеряли, например, ламповое стекло и калибры ружей. 20- или 10-линейное стекло очень долго сохранялось в обиходе. Точки применялись только в измерении золотых и серебряных монет. В механике и в машиностроении применяли деление дюйма на 4, 8, 16, 32 и 64 части.

Меры поверхности. В рассматриваемый период времени меры поверхности никаких существенных изменений не претерпели. Постепенно выходит из употребления четверть и основной единицей измерения поверхностей становится десятина, делившаяся по системе двух на 2 полдесятины, 4 четверти десятины и 8 восьмых десятины. Основной размер десятины был равен 2400 кв. саженям (80 × 30 сажен), однако на практике часто употреблялись и другие виды десятины, например косая, или хозяйственная, десятина, равная 3200 кв. саженям, сотенная, или сотельная, десятина, равная 4000 кв. саженям (100 × 40 сажен).

В Поволжье и прилегающих губерниях (Самарская, Оренбургская) употреблялся в качестве меры поверхности плуг, равный квадрату со сторонами в 100 сажен, т.е. площадь плуга была равной 10000 кв. сажен.

Меры сыпучих тел. В XVIII—XX вв. продолжают бытовать различные меры сыпучих тел, несмотря на тенденцию к их замене мерами веса. Из употребления выходит осьмина, но появляется новая, более мелкая единица — гарнец, равный по объему, согласно указу 1835 г., 200,15 куб. дюйма, а по весу — 8 фунтам перегнанной чистой воды при температуре + 13,5° по Реомюру.

В целом система мер сыпучих тел приобрела в этот период следующий вид: четверть = 8 четверикам = 8 пудам зерна ржи = 2,0991 гектолитра; четверик = 8 гарнцам = 26,239 литра; получетверик = 2 четверкам = 4 гарнцам = 13,119 литра; гарнец = 3,279 литра.

Значительно реже употреблялись меры, полученные в результате деления четверти по системе двух: четверть = 2 осьминам (полчетвертям) = 4 полуосьминам = 8 четверикам.

Меры жидких тел. Рассматриваемый период русской истории (особенно в XVIII в.) характеризуется весьма значительным разнообразием мер жидких тел. Помимо русских мер, в практике употреб-

лялись различные иностранные меры, так как тара, в которой в Россию поступали различные жидкости, прежде всего вина, часто являлась и единицей измерения: канна, анкерок, оксфот (оксгофт), галенок (галенка). Указом 1835 г. был уточнен объем исконно русской меры — ведра. Ведро стало вмещать по весу 30 фунтов чистой перегнанной воды при ее наибольшей плотности при температуре + 13,5° по Реомюру. Наиболее крупной единицей для измерения жидкостей стал мерник, или бочка, вмещавший 40 ведер. В общем виде соотношение основных единиц измерения жидкостей было таким: мерник, или бочка = 40 ведрам = 4 десятням = 4,9196 гектолитра; десятня = 10 ведрам = 1,229 гектолитра; ведро = 2 полуведрам = 4 четвертям ведра = 6 шестерикам = 12,299 литра; ведро = 8 кружкам = 16 полукружкам = 32 четвертям кружки; ведро = 10 кружкам, или около 12,5 литра воды; ведро = 10 штофам = 12,299 литра; штоф = 2 бутылкам = 1,2299 литра; бутылка = 2 сороковкам = 0,6149 литра; сороковка = 2,5 соткам (чаркам) = 0,3047 литра; сотка (чарка)= 2 шкаликам = 0,123 литра; шкалик = 0,0615 литра.

Существовало и деление ведра по системе двух. Очень употребительной мерой являлась молочная кружка, равная 1/20 ведра.

Меры веса. В течение XVIII—XIX вв. были уточнены старые русские единицы измерения веса. За основу системы был взят фунт (старая гривенка), равный по весу 25,019 куб. дюйма чистой перегнанной воды при температуре + 13,5° по Реомюру. Было сохранено прежнее деление фунта на золотники и доли, но в XVIII в. фунт был связан с немецкой системой веса — он был приравнен к 32 лотам. Правда, в XIX и XX вв. лот как единица веса употреблялся довольно редко. Лот был равен 1/32 части фунта, т.е. равнялся 3 золотникам.

В целом система мер веса в рассматриваемый период приобрела следующий вид: берковец = 10 пудам = 163,8 кг; пуд = 40 фунтам = 16,38 кг; фунт = 32 лотам = 96 золотникам = 409,512 г; лот = 3 золотникам = 12,797 г; золотник = 96 долям = 4,2657 г.

В XVIII в. входит в употребление система мер аптекарского веса, основной ее единицей был аптекарский фунт, в основе которого лежала римская либра, равная 84 золотникам. Таким образом, аптекарский фунт был равен 7/8 торгового фунта и делился на более мелкие части следующим образом: фунт = 12 унциям; унция = 8 драхмам; драхма = 3 скрупулам; скрупул = 20 гранам; гран = 1/16 грамма десятичной метрической системы.

Аптекарский вес, заимствованный из Нюрнберга, употреблялся в России до начала XX в., когда именно в аптекарском деле раньше

всего был осуществлен переход к употреблению десятичной метрической системы, допущенной к применению в России в 1889 г.

Создание Международной метрической (десятичной) системы. Современная Международная метрическая (десятичная) система измерений была создана в период Великой французской революции конца XVIII в. Вопрос о создании единой системы мер, построенной на принципиально новых основаниях, а именно на природных неизменяющихся единицах, был поставлен во Франции еще в XVII в. Во второй половине XVII столетия астроном Мутон выдвинул идею десятичного построения системы измерений, в основе которой лежала бы единица длины, равная длине дуги в одну минуту земного меридиана.

В 1790 г. Национальным собранием Франции был принят декрет о реформе мер, подготовка которой поручалась Парижской Академии наук. Специальные академические комиссии выработали все основные принципы новой системы. За основную естественную единицу длины была взята 1/10 000 000 часть четверти дуги парижского меридиана. Этот меридиан должен был быть измерен между Дюнкерком и Барселоной академиками Мешеном и Деламбром. Однако бурные события революционной эпохи не позволили им вовремя закончить работу, и было принято решение использовать результаты измерения дуги парижского меридиана, проведенного в 1739 г. Кассини и Лакайлем. По данным измерения 1/10 000 000 часть четверти дуги меридиана была равна 3 парижским футам и 1 1,44 линии. (Впоследствии было установлено, что длина дуги земного меридиана не является величиной постоянной, а подвержена незначительным колебаниям.) Конвент утвердил новые меры, названные республиканскими, в 1795 г., но окончательно метрическая система была утверждена во Франции в декабре 1799 г., после того как в 1798 г. была уточнена длина метра завершившими свою работу Мешеном и Деламбром. Согласно их исследованиям длина метра была определена в 3 фута 11,296 линии, т.е. несколько меньше прежней.

Название основной единицы и всей системы происходит от греческого слова «метрон» — мера.

Основной единицей измерения поверхностей (площади) стал ар, равный квадрату со сторонами 10 м (от греческого слова «арос» — пахота).

Основной единицей объема, предназначавшейся для измерения дров, стал стер, равный кубу со сторонами 1 м каждая.

Основной единицей объема (емкости) жидких и сыпучих тел стал литр (от греческого слова «литра» — весовой фунт), равный кубу со сторонами 0,1 м каждая.

Основной единицей веса стал грамм (от греческого слова «грамма» — обозначение, надпись), равный весу чистой воды в объеме 0,01 куб. м при температуре 0° по Цельсию.

Все остальные единицы, как более крупные, так и более мелкие, устанавливались при помощи одного коэффициента — 10. Таким образом, все единицы метрической системы были связаны основной единицей — метром и подчинялись десятичному принципу счета. Для обозначения единиц более крупных и более мелких по сравнению с основными единицами была выработана единообразная номенклатура. Единицы, большие основных в 10, 100, 100 и 10000 раз, получили названия от соответствующих греческих числительных — дека — 10, гекто и гекатон — 100, кило или хилиа — 1000, мириа — 10000. К этим наименованиям присоединялись названия основных единиц, например: мириаметр — 10000 м, километр — 1000 м, гектометр — 100 м, декаметр — 10 м.

Более мелкие единицы, равнявшиеся 1/10, 1/100, 1/1000 основных мер, обозначались с помощью приставок к основному наименованию единиц латинских числительных — деци (от «децем» — 10), санти (от «сентум» — 100), милли (от «милле» — 1000), например: дециметр — 1/10 м, сантиметр — 1/100 м, миллиметр — 1/1000 м.

Были созданы эталоны метра и килограмма, сданные на хранение во французский республиканский архив. Тем не менее единственной и обязательной для Франции метрическая система была признана только в 1837 г. До этого действовали введенные императором Наполеоном так называемые обиходные меры, связанные как с метрической, так и со старой системой измерений.

Законом 1837 г. новая система вводилась окончательно с 1 января 1840 г. Скоро метрическая система стала употребляться и в других государствах — Германии, Англии и Испании с 1849 г., в Португалии с 1852 г., в США с 1866 г.

В 1875 г. на Международной конференции в Париже была подписана Метрическая конвенция. В числе подписавших ее 17 государств была и Россия. К 1889 г. были изготовлены прототипы (эталоны) метра и килограмма из иридиевой платины (90% платины и 10% иридия). Состоявшаяся в этом году Международная конференция по мерам и весам утвердила прототипы и распределила их по жребию между странами, подписавшими конвенцию. Они стали национальными эталонами мер длины и веса. Однако во многих странах, в том числе и в России, продолжали употребляться наряду с метрическими и местные дометрические меры.

Еще в 1869 г. Российская Академия наук выступила за введение в России метрической системы измерений. Однако лишь в 1899 г.

метрическая система была допущена к употреблению наряду со старыми русскими мерами.

Совет Народных Комиссаров РСФСР 11 сентября 1918 г. принял декрет «О введении Международной метрической десятичной системы мер и весов». Согласно этому декрету метрическая система должна была быть введена с 1 января 1919 г., а окончательное завершение перехода к ее употреблению должно было быть закончено к 1 января 1922 г. Употребление всяких других мер, кроме метрических, декретом запрещалось с 1 января 1924 г. Однако гражданская война не позволила провести реформу в намеченные сроки. После большой подготовительной работы метрическая система, как единственная система мер измерений, была введена в СССР с 1 января 1927 г.

Потребности современной науки и производства в точнейших измерениях стимулируют работу по совершенствованию метрической системы мер. В 1927 г. на VII Генеральной конференции по мерам и весам было принято новое определение метра и установлено его соотношение с длиной волны красной линии паров кадмия, излучаемых при определенных условиях. Затем, в 1960 г., XI Генеральная конференция по мерам и весам ввела новое определение метра, действующее до настоящего времени. Метр определяется как величина, равная 1 650 763,73 длины волны излучения в вакууме, соответствующего оранжевой линии спектра изотопа криптона с атомным весом 86.

Глава 6

ХРОНОЛОГИЯ

Хронология — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая системы времясчисления и историю их развития, получила свое название от греческих слов «хронос» — время и «логос» — слово, учение, наука. Как историческая дисциплина она является лишь частью общей науки о времени, другая часть которой называется математической или астрономической хронологией. Задачей последней является установление точного астрономического времени на основе изучения закономерностей движения небесных тел.

Цель исторической, или технической, хронологии заключается в определении времени (дат) исторических событий и документов. Она исследует различные системы времясчисления в их развитии и взаимодействии, определяет, уточняет и проверяет даты источников, приводит их в соответствие с современной системой счета времени.

Хронология развилась в определенную систему знаний из наблюдений за небесными явлениями и связанными с ними изменениями в природе. Она зародилась в древневосточных цивилизациях Вавилона и Египта, достигла больших успехов в Греции и Риме и получила дальнейшее развитие в средневековую эпоху как в Западной Европе, так и на Востоке, особенно в Средней Азии.

На Руси уже в XII в. появились так называемые хронологические статьи Кирика Новгородца, дьякона и доместика (регент хора) новгородского Антониевого монастыря. До XVIII в. разработка основных вопросов хронологии велась главным образом в плане установления расписаний церковных праздников — составления «пасхалий».

Научный интерес к хронологии определился в XVIII—XIX вв. в связи с общим интенсивным развитием исторических исследований. Крупнейшие историки В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин, А.А.Шахматов и другие в своих трудах неоднократно обращались к решению частных хронологических вопросов, связанных прежде всего с датировкой исторических событий и источников.

Первые научные хронологические справочники появляются в первой половине XIX в., например «Хронологические таблицы» П.В.Хавского. Во второй половине XIX в. издаются монографические исследования М.Лалоша, посвященные истории календарей. Д.М.Перевощиков и Н.И.Черухин вырабатывают хронологические формулы для определения и переводов дат. Большую роль в разработке древнерусской хронологии сыграло издание Полного собрания русских летописей, начавшееся в 40-е гг. XIX в. В начале XX в. в связи с возникшим вопросом о необходимости реформы календаря (перехода с Юлианского на Григорианский календарь) появляется ряд работ по хронологии Н.Д.Степанова и Д.О.Святского.

Особенно интенсивно хронология развивается в 20—30-е гг. XX в. в работах А.М.Большакова, Г.П.Саара, В.К.Никольского, Н.В.Устюгова и других. В послевоенное время исключительно важное значение имеют работы Н.Г.Бережкова по хронологии русского летописания.

В высших учебных заведениях хронология как составная часть общего курса вспомогательных исторических дисциплин изучается с середины 30-х гг. В 1939 г. на правах рукописи издается курс хронологии Н.В.Устюгова, в 1944 г. — учебное пособие Л.В.Черепнина, в 1960 и 1967 гг. — Е.И.Каменцевой. Затем появляется целый ряд пособий, авторами которых являются М.Я.Сюзюмов, И.П.Ермолаев, А.П.Пронштейн и В.Я.Кияшко.

Единицы счета времени. Элементарные представления о времени возникли на заре истории человечества. Переход к земледелию и скотоводству определил необходимость учета времени, его фиксирования в определенных единицах. Все основные выработанные человечеством единицы счета времени — сутки, месяц и год — определяются астрономическими факторами: сутки — периодом обращения Земли вокруг своей оси, месяц — периодом обращения Луны вокруг Земли, год — периодом обращения Земли вокруг Солнца.

Различаются звездные и солнечные сутки. Звездные сутки равны временному интервалу между двумя последовательными положениями в одной и той же точке неба определенной звезды, которая не имеет собственного видимого движения. Солнечные сутки определяются аналогичным положением Солнца. Так как Солнце движется относительно звезд в одном направлении с Землей, звездные сутки короче солнечных примерно на 4 минуты. За год между ними накапливается разница около суток. Однако Земля движется вокруг Солнца с различной скоростью, следовательно, и солнечные сутки не являются величиной постоянной. Для облегчения исчисления времени введено фиктивное понятие «среднее солнце», т.е. движе-

ние Солнца принято условно считать равномерным. Средние солнечные сутки служат основной единицей счета времени.

В основе месячного счета времени лежат наблюдения над фазами движения Луны. Промежуток времени между двумя последовательными новолуниями получил название месяца или синодического месяца (от греческого слова «синодос» — сближение, схождение), так как в момент новолуния Солнце и Луна «сближаются» Продолжительность синодического месяца составляет 29 суток 12 часов 44 минуты 2,9 секунды.

Наблюдения над периодической сменой времен года (сезонов), связанной с видимым движением Солнца (фактически с движением Земли вокруг Солнца), привели к фиксированию самой крупной единицы счета времени — астрономическому, или тропическому, году. Два раза в году Солнце и Земля находятся в таком взаимном положении, при котором солнечные лучи равномерно освещают земные полушария и день равен ночи на всей планете. Эти дни получили названия дней весеннего (21 марта) и осеннего (23 сентября) равноденствия. Интервал времени между последовательными положениями центра диска Солнца в точке весеннего равноденствия называется тропическим годом. Его продолжительность равна 365 суткам 5 часам 48 минутам 46 секундам.

Легко заметить, что средние сутки несоизмеримы с тропическим годом и синодическим месяцем, который, в свою очередь, несоизмерим с тропическим годом. Ясно, что, основываясь на этих единицах, создать абсолютно точную систему счета времени невозможно. Перед человечеством стояла сложная задача — выработать такие системы времясчисления, которые максимально приближали бы какой-то условный год к истинному тропическому году. Вся история создания различных календарных систем счета времени наглядно иллюстрирует ход решения этой задачи.

В результате условного согласования суток и месяца была создана лунная система счета времени, которая считается древнейшей. Согласуя между собой сутки и год, человечество создало солнечную систему времясчисления. Комбинирование этих двух систем привело к образованию лунно-солнечной календарной системы, в которой сутки и месяцы согласуются с годами. Возникновение более мелких единиц измерения времени — часы, минуты, секунды — связывают с древневавилонской двенадцатеричной системой счета.

Календари. Календарем называется определенная система счета времени. Название происходит от латинского слова «календы» — первый день нового месяца. Латинское слово «календариум» в буквальном переводе означает «долговая книга», так как в Древ-

нем Риме существовало правило оплачивать долговые проценты в первый день месяца.

По имеющимся в настоящее время данным первые календарные системы возникли в IV—III тыс. до н.э. Древнейшими, вероятно, были лунные календари, в которых чередовались месяцы по 29 и 30 суток. В лунном году было 12 месяцев, или 354 суток, таким образом, год в этом календаре опережал тропический на 11 суток. В результате лунный календарь оказался очень неудобным для народов, основой хозяйственной жизни которых было земледелие, так как начало нового года не приходилось на определенный день, а перемещалось по сезонам. Чтобы приблизить год лунного календаря к тропическому году, стали периодически вводить дополнительный (13-й) месяц. Таким образом был создан лунно-солнечный календарь.

Древнейший солнечный календарь появился в Египте, вероятно, в IV тыс. до н.э. Хорошо известно, какую важную роль в хозяйстве древних египтян играли разливы Нила. Было замечено совпадение начала разлива Нила с появлением на небосводе перед восходом Солнца звезды Сириус (по-гречески она называлась Сотис) в дни летнего солнцестояния. Эту звезду из созвездия Большого Пса можно было видеть на востоке в течение нескольких минут до восхода Солнца. Однако, хотя и очень незначительно, появление Сириуса все-таки постепенно запаздывало по отношению к солнцестоянию.

Продолжительность египетского года была равна 365 солнечным суткам. В нем было 12 месяцев, по 30 суток в каждом, плюс еще 5 дополнительных дней, которые древние египтяне посвящали покаяниям в грехах и памяти умерших сородичей. Этот год был короче тропического приблизительно на 1/4 суток, следовательно, и в Древнем Египте новогодие не приходилось на определенный день, а постепенно перемещалось. Отсюда этот календарь получил название блуждающего.

Так как разница между тропическим и египетским годами была равна 1/4 суток, нетрудно вычислить, что за 4 года она составляла уже одни сутки, за 120 лет — месяц, а через 1460 лет — один год. Иными словами, 1460 тропических лет равны 1461 египетскому году. Этот период (1461 год) называется Великим годом или периодом Сотиса. Спустя 1461 год начало египетского года опять совпало с восходом Сириуса и солнцестоянием. Календарь в Египте существовал до того, как стал известен период Сотиса. Скорее всего, связь календаря с Сотисом была установлена в Древнем царстве. Начиная с V династии (ок. 2750—2625 гг. до н.э.) в письменных источниках слово «год» пишется со знаком Сотиса. Заметим, что V династия характерна своим ярко выраженным солярным культом. Египетский календарь использовали в древности армяне.

Лунными календарями были вавилонский, древнееврейский и др., лунно-солнечными — вавилонский, китайский, древнегреческий, древнеримский и др. Солнечный календарь первоначально был распространен в немногих странах — в Египте, в некоторых районах Индии и Центральной Америки. В Китае, например, лунный календарь был превращен в лунно-солнечный путем введения семи дополнительных месяцев (по 30 дней) в каждые 19 лет. Это позволило сделать день начала года фиксированным.

Современный международный календарь является солнечным. Лунный календарь до настоящего времени употребляется в ряде мусульманских стран. Христианская церковь использует его при вычислении дня Пасхи. Известны две разновидности лунных календарей: свободная (блуждающая), распространенная в мусульманских странах, и связанная (лунно-солнечная), распространенная в тюрко-монгольских странах.

Совершенствование египетского календаря шло по пути периодического введения дополнительного дня в году. В 26 г. до н. э. в Александрии была проведена реформа календаря, так называемая реформа Эвергета. В результате этой реформы египетский год стал постоянным: он состоит из 12 месяцев, по 30 суток в каждом, и 5 (а через каждые четыре года 6) добавочных дней; начало года стало фиксированным — 11 сентября (12 сентября после високосного года, не совпадающего с Юлианским).

Юлианский календарь. В Древнем Риме с VII в. до н.э. употреблялся лунно-солнечный календарь, в котором было 355 дней, делившихся на 12 месяцев. Суеверные римляне боялись четных чисел, поэтому каждый месяц состоял из 29 или 31 дня. Новый год начинался 1 марта.

В целях максимального приближения года к тропическому (365 и 1/4 суток) раз в два года стали вводить дополнительный месяц — марцедоний (от латинского слова «марцес» — плата), равный первоначально 20 суткам. В этом месяце должны были оканчиваться все денежные расчеты прошедшего года. Однако несоответствие римского и тропического годов этой мерой ликвидировать не удалось. Поэтому в V в. до н.э. марцедоний стали вводить два раза в четыре года, чередуя при этом 22 и 23 дополнительных дня. Таким образом, средний год в этом 4-летнем цикле был равен 366 суткам и стал длиннее тропического года приблизительно на 3/4 суток. Используя свое право вводить в календарь дополнительные дни и месяцы, римские жрецы — понтифики (одна из жреческих коллегий) настолько запутали календарь, что в I в. до н.э. назрела настоятельная необходимость в его реформе.

Такая реформа была осуществлена в 46 г. до н.э. по инициативе Юлия Цезаря. Реформированный календарь в его честь стал называться Юлианским. Для создания нового календаря был приглашен александрийский астроном Созиген. Перед реформаторами стояла все та же задача — максимально приблизить римский год к тропическому и благодаря этому поддерживать постоянное соответствие определенных дней календаря одним и тем же временам года.

За основу был взят египетский год в 365 суток, но было решено раз в четыре года вводить дополнительные сутки. Таким образом, средний год в 4-летнем цикле стал равным 365 суткам и 6 часам. Число месяцев и их названия остались прежними, но продолжительность месяцев была увеличена до 30 и 31 дня. Дополнительный день стали прибавлять к февралю, имевшему 28 дней, и вставляли его между 23 и 24 числами, куда прежде вставляли марцедоний. В результате в таком удлиненном году появилось второе 24-е число, а так как римляне вели счет дня оригинальным способом, определяя, сколько дней остается до определенного числа каждого месяца, этот дополнительный день оказался вторым шестым до мартовских календ (до 1 марта). По-латыни такой день назывался «бис сектус» — второй шестой («бис» — дважды, еще, «сексто» — шесть). В славянском произношении этот термин звучал несколько по-иному, и в русском языке появилось слово «високос», а удлиненный год стал называться високосным годом

В Древнем Риме, кроме календ, специальные названия имели пятые числа каждого короткого (30 день) месяца или седьмые длинного (31 день) месяца — ноны и тринадцатые короткого или пятнадцатые длинного месяца — иды.

Началом года стали считать 1 января, так как в этот день приступали к исполнению своих обязанностей консулы и другие римские магистраты. Впоследствии были изменены названия некоторых месяцев: в 44 г. до н.э. квинтилис (пятый месяц) в честь Юлия Цезаря стал называться июлем, в 8 г. до н.э. секстились (шестой месяц) — августом в честь императора Октавиана Августа. В связи с изменением начала года потеряли смысл порядковые названия некоторых месяцев, например десятый месяц («децембер» — декабрь) стал двенадцатым.

Новый Юлианский календарь приобрел следующий вид: январь («януариус» — назван в честь двуликого бога Януса), февраль («февруариус» — месяц очищения), март («мартиус» — назван в честь бога войны Марса), апрель («априлис» — вероятно, получил название от слова «априкус» — согреваемый солнцем), май («майус» — назван в честь богини Майи), июнь («юниус» — назван в честь богини Юноны), июль («юлиус» — назван в честь Юлия Цезаря), август

(«аугустус» — назван в честь императора Августа), сентябрь («септембер» — седьмой), октябрь («октобер» — восьмой), ноябрь («новембер» — девятый), декабрь («децембер» — десятый)

Итак, в Юлианском календаре год стал длиннее тропического, но на величину значительно меньшую, чем египетский год, и был короче тропического года. Если египетский год опережал тропический на одни сутки каждые четыре года, то юлианский отставал от тропического на одни сутки через каждые 128 лет.

В 325 г. первый Вселенский Никейский собор постановил считать этот календарь обязательным для всех христианских стран. Юлианский календарь лежит в основе календарной системы, которой пользуются сейчас большинство стран мира.

На практике високосный год в Юлианском календаре определяется признаком делимости последних двух цифр обозначения года на четыре. Високосными в этом календаре являются и годы, обозначения которых имеют последними двумя цифрами нули Например, среди 1900, 1919, 1945 и 1956 гг. високосными являлись 1900 и 1956 гг.

Григорианский календарь. В Юлианском календаре средняя продолжительность года была равна 365 суткам 6 часам, следовательно, он был больше тропического года (365 суток 5 часов 48 минут 46 секунд) на 11 минут 14 секунд. Эта разница, ежегодно накапливаясь, привела через 128 лет к ошибке в одни сутки, а через 1280 лет уже в 10 суток. Вследствие этого, весеннее равноденствие (21 марта) в конце XVI в. приходилось уже на 11 марта, а это грозило в будущем, при условии сохранения равноденствия 21 марта, перемещением главного праздника христианской церкви — Пасхи с весны на лето. По церковным же правилам Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния, приходящегося на период между 21 марта и 18 апреля Опять возникла необходимость в реформе календаря. Католическая церковь осуществила новую реформу в 1582 г. при папе Григории XIII, по имени которого новый календарь и получил свое название.

Была создана специальная комиссия из духовных лиц и ученых-астрономов Автором проекта реформы был итальянский ученый — врач, математик и астроном Алоизий Лилио. Реформа должна была решить две основные задачи: во-первых, ликвидировать накопившуюся разницу в 10 суток между календарным и тропическим годами, во-вторых, максимально приблизить календарный год к тропическому, чтобы в будущем разница между ними не была ощутимой.

Первая задача была решена административным порядком: специальной папской буллой предписывалось 5 октября 1582 г. считать

15 октября. Таким образом, весеннее равноденствие возвращалось на 21 марта.

Вторая задача решилась путем сокращения числа високосных годов, чтобы уменьшить среднюю продолжительность года Юлианского календаря. Каждые 400 лет из календаря выбрасывались 3 високосных года, а именно те, которыми заканчивались столетия, при условии, что первые две цифры обозначения года не делятся без остатка на четыре. Таким образом, 1600 г. оставался в новом календаре високосным, а 1700, 1800 и 1900 гг. становились простыми, так как 17, 18 и 19 не делятся без остатка на четыре.

Созданный новый Григорианский календарь стал гораздо совершеннее Юлианского. Каждый год теперь отставал от тропического всего на 26 секунд, а расхождение между ними в одни сутки накапливалось через 3323 года.

Так как в разных учебных пособиях приводятся различные цифры, характеризующие расхождение в одни сутки между Григорианским и тропическим годами, приводим соответствующие расчеты. Сутки содержат 86 400 секунд. Разница между Юлианским и тропическим календарями в трое суток накапливается через 384 года и составляет 259 200 секунд (86 400 × 3 = 259 200). Каждые 400 лет из григорианского календаря выбрасываются трое суток, т.е. мы можем считать, что год в Григорианском календаре уменьшается на 648 секунд (259 200:400 = 648) или 10 минут 48 секунд. Средняя продолжительность Григорианского года составляет таким образом 365 суток 5 часов 49 минут 12 секунд (365 суток 6 часов – 10 минут 48 секунд = 365 суток 5 часов 49 минут 12 секунд), что лишь на 26 секунд больше тропического года (365 суток 5 часов 49 минут 12 секунд – 365 суток 5 часов 48 минут 46 секунд = 26 секунд). При такой разнице расхождение между Григорианским календарем и тропическим годами в одни сутки наступит только через 3323 года, так как 86 400:26 = 3323.

Григорианский календарь первоначально был введен в Италии, Франции, Испании, Португалии и в Южных Нидерландах, затем в Польше, Австрии, католических землях Германии и в ряде других европейских стран. В тех государствах, где господствовала православная христианская церковь, еще долгое время пользовались Юлианским календарем. Например, в Болгарии новый календарь был введен только в 1916 г., в Сербии в 1919 г. В России Григорианский календарь был введен в 1918 г. В XX в. разница между Юлианским и Григорианским календарями достигла уже 13 суток, поэтому в 1918 г. предписывалось считать следующий за 31 января день не 1, а 14 февраля.

Взаимоотношение Юлианского и Григорианского календарей. В практике работы историка часто встречается необходимость в переводе дат с Юлианского календаря на Григорианский. Для правильного решения этой задачи необходимо уяснить суть различия между этими календарями, между так называемыми старым и новым стилями.

Прежде всего следует иметь в виду, что разница между ними не является величиной неизменной, а постоянно увеличивается. В XVI в., когда была проведена реформа 1582 г., она составляла 10 суток, а в XX в. она была уже равна 13 суткам. Каким образом произошло это «накопление»? В Григорианском календаре високосных лет меньше, чем в Юлианском, поэтому должен был наступить год, который являлся високосным по Юлианскому календарю, но был простым по Григорианскому. Речь здесь может идти только о годах, завершающих столетия, так как все другие годы, последние две цифры обозначения которых делятся без остатка на 4, являются високосными в обоих календарях. Например, високосными в обоих календарях были 1588, 1592, 1596 гг. Но и 1600 был в них високосным: и в Юлианском, так как его обозначение оканчивается двумя нулями, и в Григорианском, так как две первые цифры его обозначения делятся на 4 без остатка. Следовательно, в XVII в. разница между ними оставалась прежней — 10 суток 1700 г. был високосным по Юлианскому календарю, но простым по Григорианскому, так как 17 на 4 без остатка не делится. Таким образом, разница между календарями увеличилась до 11 суток. Аналогичным образом следующее увеличение расхождения между ними произошло в 1800 г. (до 12 суток), а затем в 1900 г. (до 13 суток). В 2000 г. разница останется прежней, так как этот год будет високосным в обоих календарях, и достигнет 14 суток только в 2100 г., который будет високосным по Юлианскому календарю, но простым по григорианскому.

Эры и их виды. Эрой (от латинского слова «аера» — исходное число) называется исходный момент (точка) летосчисления. Возможно, что этот термин ведет свое начало от первых четырех букв латинской фразы «аб эксордио регни Аугусти» — от начала царствования Августа. Такая эра Августа существовала одно время в Александрии.

В исходной точке отсчета времени нуждается любая календарная система. Отправной точкой летосчисления могло быть любое важное событие в истории определенного человеческого коллектива. В зависимости от того, какой характер имело это событие, различают астрономические, политические и религиозные эры. К первым, например, относится эра Кали в Индии. Счет времени по этой

эре велся от 18 февраля 3102 г. до н.э., когда было зафиксировано особое взаимоположение некоторых планет. К политическим эрам относятся те, исходной точкой которых служат даты основания городов, вступления на престол различных правителей и т. д. Такова например, эра постконсулата, исходной точкой которой явилось избрание последнего римского консула Флавия Василия Меньшего в 541 г. Счет лет велся «пост консулатум Басилии» («после вступления в должность консула Василия»). Эта система счета употреблялась и в Византии и была запрещена специальным указом императора Льва Философа (886—912). Наконец, религиозные эры имеют отправным моментом религиозные события — рождение Иисуса Христа, смерть Будды, переселение Мухаммеда из Мекки в Медину

Существует и другое деление эр — на реальные и фиктивные В реальных эрах за точку отсчета времени принимается историческое событие, в фиктивных — легендарное. К первым относится, например, эра Набонассара, занявшего вавилонский престол 26 февраля 747 г. до н. э. Она стала широко известной благодаря выдающемуся греческому астроному Клавдию Птолемею (ок. 90—160 гг. н. э.) В одном из своих трудов он привел таблицу — так называемый «Канон царей», в котором зафиксировал имена и годы правления вавилоно-ассирийских, персидских, македонских (греческих) царей и римских императоров — от воцарения Набонассара до римского императора Антонина Пия (86—161 гг.). В дальнейшем в «Канон» вошли византийские императоры вплоть до падения Византии в 1463 г. Реальной была и эра Селевкидов (по имени основателя этой династии в Сирии) — 1 октября 312 г. до н. э., эра Диоклетиана (по-другому она называлась «эра мучеников чистых», так как этот император жестоко преследовал христиан) — с момента воцарения императора Диоклетиана 29 августа 284 г. н. э., эра от основания Рима с 754 г. до н. э. (по Марку Терренцию Варрону — 21 апреля 753 г. до н. э.), Олимпийская эра — от первых Олимпийских игр в 776 г. до н. э.

Фиктивными являются эра от Рождества Христова, мусульманская эра — хиджра — от дня бегства Мухаммеда из Мекки в Медину 16 июля 622 г. н. э., буддийская эра — от смерти Будды в 544 г. до н. э., различные эры от сотворения мира — антиохийская, византийская, александрийская и др. Последние три эры, широко распространенные в христианских странах, называются также мировыми. Все они по-разному датировали сотворение мира, от которого вели отсчет времени: александрийская — 29 августа 5493 г. до н. э., антиохийская — 1 сентября 5969 г. до н. э. (по другим источникам — 5507 или 5515 гг. до н. э.), византийская, принятая на Руси, — 1 сентября 5509 г. до н. э., созданная при императоре Констанции (337—361 гг.), или 1 марта 5508 г. до н. э. (другие ее названия — константинопольская

или древнерусская), которая стала применяться в Византии в VI в. и была хорошо соотнесена с Библией, так как отсчет времени в ней вели от Адама, сотворенного в пятницу, на которую и пришлось 1 марта 1 г. этой эры. Церковь так и не смогла установить единую дату этого события. Полярными датами сотворения мира являются 6984 и 3483 гг. до н. э.

Современной международной эрой является эра от Рождества Христова (в литературе она обозначается: до Р.Х., после Р.Х., до или после нашей, или новой, эры). Она была создана в 525 г. римским монахом, папским архивариусом Дионисием Малым — скифом по происхождению. При составлении пасхалий Дионисий высчитал год рождения Христа — 754 г. от основания Рима, или 284 г. до начала эры Диоклетиана. В VI в. эта эра распространяется в Западной Европе, а к XIX в. во всех христианских странах. В России она была введена Петром I с 1 января 1700 г.

Любая эра, а их известно около двухсот, условна. Поэтому название «фиктивная» в приложении к определенным эрам следует признать неудачным. Для правильного отсчета времени достоверность события, от которого ведется отсчет, безразлична. В настоящее время изучены далеко не все эры. Например, исходная точка Херсонесской эры (в античном и средневековом Херсонесе) является дискуссионной.

Русская система счета времени. Древнейшей системой счета времени у восточнославянских племен, основу хозяйства которых составляло земледельческое производство, скорее всего был счет сезонами: весна, лето, осень, зима. Полный период смены сезонов назывался «лето». Погодные записи русских летописей начинались со слов «в лето», что означает — «в год». С земледельческим календарем, с временами года были связаны многие обрядовые языческие праздники, ставшие впоследствии христианскими. Таковы, например, масленица, коляда (от латинского «календы»; другое название этого праздника «овсень» — от «о-весень»), которым отмечали поворот солнца на лето, «красная горка» — праздник встречи весны, «радуница» и «русалии» — весенний и летний поминальные праздники и др.

На Руси год начинался весной, когда возобновлялись сельскохозяйственные работы. Сезон весны приходился на период от 25 марта до 24 июня, лета — от 24 июня до 24 сентября, осени — от 24 сентября до 25 января, зимы — от 25 января до 25 марта. Неразрывную связь с природой показывают древнерусские названия месяцев: январь назывался просинец (заметно увеличивалась светлая часть суток, становилось светлее), февраль — сечень (в этом названии отра-

зилось занятие подсечным земледелием, это было время вырубки леса), март — сухой (подсыхали срубленные деревья, а в некоторых местах и земля), апрель — березень или березозол (начало цветения березы в южных областях, превращение сожженных деревьев в золу), май — травень (время появления травы), июнь — изок (кузнечик), июль — червень или серпень (время жатвы), август — зарев (от «зарева», августовских зарниц, всполохов, сентябрь — рюень (от глагола «рюить» — реветь) или вересень (скорее всего от вереска, можжевельника, цветущего осенью), октябрь — листопад, ноябрь и декабрь назывались грудень («груда» — мерзлая дорожная колея), реже — студень.

Вместе с христианством на Руси распространились Юлианский календарь и римские названия месяцев, зафиксированные в одном из древнейших памятников русской письменности — Остромировом Евангелии. Многие же древнерусские названия месяцев сохранились в украинском и белорусском языках.

В Древней Руси был известен счет времени неделями, по семи суток в каждой. Отсюда происходит древнерусское название недели «седмица». В отличие от многих древних календарей, в которых дни недели назывались по именам планет, посвященных античным богам — Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну, древнерусские названия дней отражали их порядковое положение относительно воскресенья, называвшегося «неделя» (от «не делать» — не работать, так как это был день отдыха). Следующий день — понедельник (после недели), далее — вторник (второй после недели), среда (средний, середина недели), четверг (четвертый), пятница (пятый день после «недели»). Суббота получила свое название от древнееврейского слова «саббат» (шабаш), означавшего отдых.

Пережиточные названия дней недели, связанные с астральными культами, сохранились в некоторых странах Европы до наших дней, например: немецкие Montag — день Луны (понедельник), Sonntag — день солнца (воскресенье), французское Vendredi — день Венеры (пятница), английское — Saturday — день Сатурна (суббота).

Точно не известно, каким днем начиналась и заканчивалась в Древней Руси неделя. Считают, что в быту началом недели было воскресенье, а концом — суббота, в церковной же практике неделя начиналась обычно понедельником и заканчивалась воскресеньем.

Сутки в Древней Руси делились на две половины по 12 часов, но известно и другое деление. Так, в Московской Руси XVI—XVII вв. сутки назывались «день», который делился на светлую (день) и темную (ночь) части. Естественно, что эти части были равны или приблизительно равны только лишь в течение нескольких дней весной и осенью, но в сумме они всегда составляли 24 часа. Деление часа на

минуты и секунды известно с XII в. Счет часов велся от восхода солнца. Когда были изобретены механические часы, точно не известно, но в XIV в. на Руси они уже существовали. Так как велся счет часов только светлой части суток, их количество зависело от времени года, колеблясь от 7 до 17 часов. В результате этого бывает очень трудно установить соответствие древнего и современного счета — первый час мог соответствовать 3, 4, 5, 6, 7 и 8 часам современного счета, т.е. времени восхода солнца.

Мартовский и сентябрьский календарные стили. Перевод древнерусских дат на современное летосчисление. Система летосчисления определяется эрой и стилем, т.е. началом года. В Древней Руси была принята византийская система от сотворения мира, просуществовавшая до 1700 г. Год начинался в марте или сентябре. Приняв эру от Византии, Русь сохранила исконное славянское весеннее начало года. Смена мартовского стиля сентябрьским произошла в конце XV в.

Одной из важнейших задач хронологии как вспомогательной исторической дисциплины является разработка принципов согласования различных систем датировок и перевода (редукции) дат с одной системы на другую.

При переводе указанных в источниках дат от сотворения мира необходимо учитывать следующие обстоятельства. Прежде всего надо установить истинную дату, так как при указании на нее источника могли быть опущены цифры, обозначающие тысячелетие и столетие. Известно, что, например, в XV в. часто указывались только две последние цифры даты — «в лето 77», а в XVII в. опускались цифры, обозначавшие тысячелетие, — «в лето 150». Подобными сокращениями при указании на даты часто пользуются и сейчас, например: «Отечественная война 12-го года» и т. д.

Установив полную дату от сотворения мира, следует вычесть из нее 5508, так как по византийской эре сотворение мира произошло за 5508 лет до Рождества Христова. Однако установленный таким способом год от Рождества Христова будет точной датой только при определенных условиях. Дело в том, что при вычитании числа 5508 не учитывается одно очень важное обстоятельство, а именно начало указанного в источнике года.

Существование сентябрьского и мартовского стилей усложняет перевод дат с византийской системы на современную. К тому же мартовский стиль на Руси имел еще две разновидности — ультрамартовский и цирка-мартовский годы.

В распоряжении историков имеются специальные таблицы, отражающие соотношение сентябрьского, мартовского и ультрамар-

товского годов с современным январским. Тем не менее историку необходимо уяснить сущность соотношений стилей и правила перевода дат на современную систему времясчисления.

Проследим эти правила на конкретном примере. Предположим, что в источнике указана дата — 30 апреля 6510 г. Если этот год начинался в марте, то, следовательно, он запаздывал в сравнении с январским на два месяца (январь, февраль), а остальные десять месяцев (с марта по декабрь) у них совпадали. Таким образом, для дат в пределах совпадающих месяцев при определении искомого январского года (X) из указанной даты от сотворения мира следует вычитать 5508. В нашем примере $X = 6510-5508 = 30$ апреля 1002 г. Если в источнике указана дата в пределах января и февраля, например 30 января, то расчет несколько изменится. В этом случае январь и февраль, заканчивавшие мартовский 6510 г., относились уже к следующему (X+1) январскому году. В этом случае $X = (6510-5508) + 1 = 30$ января 1003 г. Отсюда следует, что для правильного определения даты, приходящейся на январь и февраль в мартовском году, из нее следует вычитать не 5508, а на единицу меньше — 5507.

Возьмем другой пример. В источнике указана дата 30 апреля 7150 г. Известно, что этот год начинался в сентябре. По отношению к нему январский год отставал на четыре месяца — сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Совпадали же у них восемь месяцев — с января по август. Так как указанная в примере дата приходится на один из совпадающих месяцев, здесь действует общее правило, т.е. из 7150 нужно вычесть 5508 и искомая дата, таким образом, будет 30 апреля 1642 г. Но если какое-либо событие произошло, например, 30 октября этого же 7150 сентябрьского года, то оно приходится на еще не завершившийся предыдущий январский год ($X - 1$). Следовательно, в этом случае $X = (7150 - 5508) - 1 = 30$ октября 1641 г. Таким образом, для определения даты, приходящейся на период с сентября по декабрь включительно, в сентябрьском году из нее следует вычитать не 5508, а на единицу больше — 5509.

В Древней Руси существовал еще так называемый ультрамартовский (от латинского слова «ультра» — по ту сторону) стиль, употреблявшийся в XII—XIV вв. параллельно с мартовским. В отличие от последнего, ультрамартовский год не запаздывал на два месяца по отношению к январскому году, а опережал его, начинаясь на десять месяцев раньше. В этом отношении он подобен сентябрьскому году. Общими в январском и ультрамартовском годах были январь и февраль. Следовательно, если какое-то событие произошло в пределах этих двух месяцев, для перевода даты надо вычитать 5508. Поскольку первые десять месяцев (с марта по декабрь) ультрамартовского года приходились еще на предыдущий январский ($X-1$) год,

для определения даты события, происшедшего с марта по декабрь включительно, надо вычитать из нее на единицу больше — 5509. Нетрудно заметить, что ультрамартовский стиль исходит из того, что от сотворения мира до Рождества Христова прошло не 5508, а 5509 лет.

Новогодие на Руси не было твердо установленным числом и могло приходиться как на начало марта, так и на конец февраля, приурочиваясь к первому весеннему полнолунию. Такие годы называются цирка-мартовскими или цирка-ультрамартовскими (от латинского слова «цирка» — вокруг). Правила перевода дат для этих годов остаются те же самые, что для мартовского и ультрамартовского стилей. Нужно только учитывать, что вычитать необходимое число следует с января до того дня, когда начался новый год, или со дня нового года по декабрь включительно.

Предположим, что в 6610 г. мартовский год начался 11 марта. С январским годом совпадают, как мы уже выяснили раньше, десять месяцев (с марта по декабрь). В данном же случае совпадают не все числа марта, а только с 11 по 31. Следовательно, вычитать 5508 нужно только при переводе дат, приходящихся на период с 11 марта по 31 декабря, а с января по 10 марта следует вычитать 5507. Соответственно определяются даты, указанные по ультрамартовскому стилю, но с поправкой на один год.

Если в источнике нет указания на месяц событий, то установить его абсолютную точную дату по январскому календарю невозможно.

При переводе дат всегда следует помнить, что они определяются по Юлианскому календарю, или по старому стилю. Чтобы выразить установленную дату по новому стилю, надо ввести соответствующую поправку, т.е. увеличить ее на необходимую разницу между старым и новым стилями. Эта поправка необходима для датировки событий, происшедших после введения в 1582 г. Григорианского календаря.

Индикты. Индиктом называется число, обозначающее порядковое место года в текущем 15-летнем цикле. Счет времени индиктами на Руси был заимствован у Византии. По-видимому, такой счет сложился в римском Египте на основе периодического пересмотра налоговых списков (вероятно, сам термин происходит от латинского слова «индикцион» — объявление, провозглашение, или «индико» — объявляю, назначаю). В Древнем Риме при императоре Диоклетиане каждые 15 лет в империи проводилась переоценка имущества для правильного налогообложения. Введение индиктового счета времени в Византии связывают с императором Константином, который ввел новое счисление с 23 сентября 312 г. Число месяца было избрано не случайно — это был день рождения первого рим-

ского императора Октавиана Августа. В 462 г. из практических соображений начало отсчета индиктов было перенесено на 1 сентября. Исходной точкой отсчета индиктов являлось сотворение мира. В 537 г. император Юстиниан ввел датировку по индиктам как обязательную. В Священной Римской империи она употреблялась вплоть до ее распада в 1806 г.

Индикт года определяется делением даты от сотворения мира на 15 по сентябрьскому календарному стилю. Остаток от деления показывает индикт. Например, требуется установить индикт 6777 г. от сотворения мира. 6777:15 = 451 и 12 в остатке, следовательно, от сотворения мира прошли 451 полных 15-летних цикла, а 12 — это порядковый номер года в текущем 452-м цикле, т.е. индикт 6777 г. Если дата делится на 15 без остатка, то индикт равен делителю, т.е. 15 Следует учитывать, что один индикт имели лишь сентябрьские годы, а январские, мартовские и ультрамартовские имели два индикта. Существуют специальные таблицы для определения дат по индиктам. В письменных источниках индикт или заменяет дату, или дополняет ее. В последнем случае открывается возможность проверки правильности указания источника на дату. Например, в Благословенной грамоте ростовского архиепископа Ефрема старцу Кассиану 1448 г. указано: «А писана грамота на Москве месяца апреля в 11 день в лето 6956 индикта 11». Обычным путем датируем грамоту 1448 г. и проверяем ее. 6956:15 = 464 и 11 в остатке. Индикт, указанный в грамоте, соответствует дате 6956 от сотворения мира. Если в источнике указан только лишь индикт, но по другим косвенным признакам устанавливаются определенные хронологические рамки источника, например время княжения какого-либо князя, то установление даты по индикту резко сужает круг возможных датировок.

Круги солнца. В Древней Руси существовал счет времени 28-летними циклами солнца. Его исходной точкой, как и при счете индиктами, было сотворение мира.

Так как любой календарный год (простой и високосный) не содержат целого числа недель, одни и те же числа ежегодно приходятся на разные дни недели. Такое перемещение чисел имеет определенные закономерности. Простой год содержит 52 недели и 1 день, високосный — 52 недели и 2 дня. Простой год начинается и заканчивается одним и тем же днем недели: если 1 января простого года приходилось на среду, то 31 декабря будет среда. В високосном году, естественно, 31 декабря в данном случае пришлось бы на четверг, 1 января 1979 г. — понедельник, значит, 1 января 1980 г. придется на вторник, но в 1981 г. не на среду, а на четверг, так как 1980 г. високосный, в 1982 г. — на пятницу, в 1983 г. — на субботу, в 1984 г. —

на воскресенье, но в 1985 г. не на понедельник (как в 1979 г.), а на вторник, так как 1984 г. високосный. Продолжая дальше эти расчеты, мы легко убедимся, что строгий порядок перемещения чисел по дням недели будет повторяться через каждые 28 лет. Этот 28-летний период называется циклом солнца, а порядковое место года в его пределах — кругом солнца данного года.

Круг солнца определяется аналогично индикту — делением даты от сотворения мира на 28. Остаток от деления показывает круг солнца данного года. К началу нашей эры прошло 196 полных циклов солнца (5508:28 = 196 и 20 в остатке). Круг солнца 5508 г. равен 20. Следовательно, чтобы облегчить расчет круга солнца для даты от Рождества Христова, к ней надо прибавить 20 и сумму разделить на 28. Например, круг солнца 1980 г. равен 12 — (1980 + 20):28 = 71 и 12 в остатке.

Указания источников на круги солнца помогают в определении дня недели, а в ряде случаев имеют большое самостоятельное значение для проверки дат.

Вруцелето. Вруцелето — это название воскресного дня в данном году, обозначенное одной из первых семи букв русского алфавита. С помощью вруцелета можно определить день недели для любого числа месяца.

В церковных календарях исходили из предположения, что 1 марта 1 г. от сотворения мира приходилось на пятницу, и ближайшее воскресенье — 3 марта обозначили первой буквой русского алфавита А. Последующие дни недели были обозначены другими шестью следующими буквами, но в обратном алфавиту порядке: понедельник — З, вторник — S, среда — Е, четверг — Д, пятница — Г, суббота — В. Здесь пропущены буквы Б (буки) и Ж (живете), так как они в Древней Руси не имели цифрового значения.

Итак, вруцелето данного года — это буква, на которую приходится воскресенье. Каждый год вруцелето изменяется, переходя на следующую букву (в високосном году через букву). Установленный выше порядок перемещения чисел месяца по дням недели (круги солнца), безусловно, приложим и к смене вруцелет, поэтому определенному кругу солнца соответствует свое вруцелето. Это соответствие легко устанавливается с помощью специальных таблиц.

Определение дней недели по формулам. В источниках часто имеются указания на день, когда произошло то или иное событие. Это дает дополнительную возможность для проверки указанной в источнике даты. Существует несколько математических формул для определения дня недели.

Формула выдающегося русского астронома академика Д.М.Перевощикова: X равен остатку от деления выражения $[(H - 1) + 1/4(H - 1) + (T - 1)]:7$, где

X — порядковый номер дня недели, считая с воскресенья (воскресенье — 1, понедельник — 2 и т. д., суббота — 0);

H — число года по эре от Рождества Христова;

T — число дней от начала года по искомый день включительно.

Пример. Революция 1905 г. началась 9 января в воскресенье. Подставив в формулу соответствующие цифровые данные, мы должны получить $X = 1$. Проверим это: $X = [(1905 - 1) + 1/4(1905 - 1) + (9 - 1)]:7 = [1904 + 476 + 8]:7 = 2388:7 = 341$ и 1 в остатке.

Формула слависта и филолога академика Е.Ф.Карского: X равен остатку от деления выражения $[H + 1/4(H - 1) + (T + 5)]:7$. Значения X и букв в этой формуле такие же, как и в предыдущей.

Определим значение X по этой формуле для той же даты 9 января 1905 г. $X = [1905 + 1/4\ (1905 - 1) + (9 + 5)]:7 = 2395:7 = 342$ и 1 в остатке.

Формула Н.И.Черухина: X равен остатку от деления выражения $[(5 \times H):4 + M + T]:7$, где

X — порядковый номер дня недели, считая с понедельника (понедельник — 1, вторник — 2 и т. д., воскресенье — 0);

H — число данного года по эре от Рождества Христова;

M — цифра данного месяца (эти цифры для простого года, начиная с января, следующие — 4, 0, 0, 3, 5, 1, 3, 6, 2, 2, 4, 0, 2; для високосного года, начиная с января, — 3, 6, 0, 3, 5, 1, 3, 6, 2, 4, 0, 2);

T — указанное число месяца.

Проверим эту формулу на том же примере. По этой формуле остатка от деления быть не должно. $X = [(5 \times 1905):4 + 4 + 9]: 7 = [(9525:4) + 13]:7 = (2381 + 13):7 = 2394:7 = 342$. Остатка нет.

Все эти формулы позволяют определить день недели только по современной эре и для январского года Юлианского календаря (по старому стилю).

Известный историк Н.Г.Бережков вывел универсальную формулу для определения дня недели по эре от сотворения мира и по эре от Рождества Христова как для январского, так и для сентябрьского, мартовского и ультрамартовского годов. По этой формуле X равен остатку от деления следующего выражения: $X = [H + 1/4(H - P) + T + r]:7$, где

X — порядковый номер искомого дня недели, считая с воскресенья (воскресенье — 1, понедельник — 2 и т. д., суббота — 0);

H — цифровое обозначение года;

T — число дней от начала года по искомый день включительно;

P — 0 в мартовском году, 1 — в январском, сентябрьском и ультрамартовских годах;

r — 3 в ультрамартовском году, 4 — в мартовском, 5 — в сентябрьском и январском годах.

По этой формуле в нашем примере (9 января 1905 г.) остаток должен быть равен 1. Подставим в эту формулу соответствующие цифровые значения: $X = [1905 + 1/4(1905 - 1) + 9 + 5]:7 = (1905 + 476 + 9 + 5):7 = 2395:7 = 342$ и 1 в остатке.

По формулам Д.М.Перевощикова, Е.Ф.Карского и Н.Г.Бережкова можно определить день недели и по Григорианскому календарю, но значения X в этом случае будут другие: понедельник — 1, вторник — 2 и т. д., воскресенье — 0.

Установление дат по праздникам церковного календаря. В исторических источниках нередко вместо точной даты имеются указания на церковный праздник, приходящийся на событие, о котором идет речь. Русские церковные праздники можно разделить на две группы: подвижные (переходящие) и неподвижные (непереходящие). Подвижные праздники не имеют постоянной фиксированной даты и приходятся из года в год на разные числа календаря. Неподвижные праздники отмечаются в одни и те же числа месяца. Из последних в источниках часто можно встретить следующие: Крещение — 6 января, Сретение — 2 февраля, Благовещение Пресвятой Богородицы — 25 марта, Юрьев день весенний — 23 апреля, Николин день весенний — 9 мая, Ильин день — 20 июля, Преображение Господне — 6 августа, Успение Пресвятой Богородицы (Госпожин день) — 15 августа, Семенов день «летоначатца», или «летопроводца», — 1 сентября, Рождество Пресвятой Богородицы — 8 сентября, Введение во храм Пресвятой Богородицы — 21 ноября, Юрьев день осенний — 26 ноября, Николин день осенний — 6 декабря, Рождество Христово — 25 декабря и др. Все даты здесь приведены по Юлианскому календарю.

Встречаются в источниках и указания на определенные посты («говейно», «говение»), например Успенский пост (с 1 по 15 августа), Филиппов, или Рождественский, пост (с 15 ноября по 25 декабря). Что касается подвижных праздников, то все они зависят от Пасхи, отделяясь от нее определенными постоянными сроками (до Пасхи или после нее). Например, Вознесение Господне — четверг, через 39 дней после Пасхи, Вербное воскресенье — за 7 дней до Пасхи, Фомино воскресенье — через 7 дней после Пасхи, вход Господен в Иерусалим — за 7 дней до Пасхи.

Подвижность самой Пасхи объясняется тем, что она рассчитывается по лунному календарю. Все вопросы, связанные с ее определением, называются Пасхалией. Пасха должна праздноваться в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, каким счита-

ется полнолуние в пределах от 21 марта до 18 апреля. Соответственно первые воскресенья после полнолуния могут приходиться на период от 22 марта до 25 апреля по старому стилю, который получил название «Пасхального предела».

Для определения дня Пасхи пользуются специальными таблицами «обращения великого индиктиона». Великим индиктионом называется порядковый номер года в пределах 532-летнего периода. Передвижение дня Пасхи по числам календаря в определенном порядке повторяется каждые 532 года, так как 28 (солнечный цикл) при умножении на 19 (лунный, Метонов цикл) дает 532. Счет ведется от сотворения мира. Календарный стиль при вычислении дня Пасхи никакой роли не играет, так как она бывает только в марте или апреле, т.е. при установлении соответствия даты январскому году от Рождества Христова в любом случае из даты от сотворения мира следует вычитать 5508.

Для определения дня Пасхи используют формулу немецкого математика К.-Ф.Гаусса. Она была выведена им на рубеже XVIII и XIX вв. для определения Пасхи по Григорианскому календарю, так как католическая западная церковь именно по нему празднует Пасху. Но с определенными поправками она пригодна и для определения дня православной Пасхи. Доказана эта формула была только в 1870 г. другим немецким ученым, профессором Базельского университета Германом Кинкелином.

Для определения Пасхи по этой формуле необходимо найти значение нескольких величин, обозначаемых латинскими буквами — a, b, c, d, e:

a равно остатку от деления цифрового обозначения данного года на 19;

b равно остатку от деления той же цифры на 4;

c равно остатку от деления той же цифры на 7;

d равно остатку от деления выражения $(19a + 15)$ на 30;

e равно остатку от деления выражения $(2b + 4c + 6d + 6)$ на 7.

В случае, когда $(d + e)$ будет меньше 9, Пасха придется на март, больше 9 — на апрель. В первом случае, прибавив к сумме $(d + e)$ 22, получим искомую дату. 22 прибавляется и тогда, когда $(d + e)$ равно 0. Во втором случае искомую дату получим, вычитая из суммы $(d + e)$ цифру 9.

Формула Гаусса рассчитана для определения дня Пасхи по датам эры от Рождества Христова.

Метонов (лунный) цикл. Фазы Луны приходятся на одни и те же дни солнечного календаря через каждые 19 лет. Этот цикл был установлен греческим астрономом Метоном в V в. до н.э. и назван его именем.

Порядковый номер года внутри незавершенного 19-летнего цикла называется «золотым числом» или кругом Луны. Название «золотое число» объясняется тем, что в Древнем Риме оно писалось золотыми буквами на специальных досках, выставлявшихся для сведения граждан. Для определения «золотого числа» необходимо к дате от Рождества Христова прибавить единицу и полученную сумму разделить на 19. Остаток покажет искомое число. Прибавление к дате единицы определяется тем, что 1 г. от Рождества Христова считался вторым в лунном цикле.

В византийской и древнерусской хронологии это число называлось «кругом луны» и вычислялось несколько по-иному. Так как от сотворения мира до Рождества Христова считалось 5508 лет, 1 в. до н. э. оказывался 17-м в незавершенном 19-летнем цикле (5508:19 = 289 и 17 в остатке). Следовательно, круг луны 1 г. н. э. = 18; 2 г. н. э. = 19; 3 г. н. э. = = 1 и т. д. По эре от Рождества Христова считалось, что золотое число 1 г. н. э. = 2, значит, для 2 г. н э. оно равно 3, для 3 г. н. э. — 4 и т. д. Таким образом, разница между «золотым числом» и кругом луны всегда сохраняется равной трем и, чтобы определить круг луны для даты от Рождества Христова, из нее необходимо вычесть две единицы и разность разделить на 19; остаток покажет круг луны. (Одна единица прибавляется к дате при определении «золотого числа», а три единицы вычитаются из нее при определении круга луны, поэтому удобнее сразу же вычитать две единицы.)

Например, круг луны 1649 г. равен 13, так как (1649 — 2):19 = 86 и 13 в остатке. В том случае, если дата указана по эре от сотворения мира, ее следует разделить на 19, и остаток определит круг луны.

Определение дат по астрономическим явлениям. В источниках, прежде всего в русских летописях, довольно часто отмечаются различные астрономические явления: солнечные и лунные затмения, кометы, падающие звезды и т. д. Известно, что астрономические явления, как правило, строго закономерны, поэтому они дают дополнительные возможности для установления или проверки лет. Астрономами составлены специальные таблицы, по которым можно с точностью до суток установить время солнечных и лунных затмений. Например, именно указание Слова о полку Игореве на солнечное затмение позволило точно установить дату похода князя Игоря на половцев. Дело в том, что этот поход летописями датировался по-разному — 6693 и 6694 гг. Затмение солнца приходилось по летописям на 1 мая, на среду. Перевод летописных дат похода на современное летосчисление дал три возможные даты: поход мог произойти в 1185 или в 1186 гг., если летопись употребляла мартовский год, или в 1184, 1185 гг., если был употреблен ультрамартов-

ский год. Таблицы солнечных и лунных затмений показывают, что солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г.

Важную роль для проверки или уточнения дат играют летописные сведения о различных кометах, например о комете Галлея, которая периодически возвращается в среднем через 76 лет. С точностью до суток установлено время ее прохождения через точку орбиты, ближайшую к Солнцу (перигелий), например 19 июня 912 г., 8 июня 1465 г., 5 сентября 1682 г. и т. д.

Счет времени в XX в. В 1918 г. в нашей стране был введен Григорианский календарь. 1 июля 1919 г. было введено так называемое поясное время, с конца XIX в. уже употреблявшееся в ряде стран Европы. Суть этого нововведения заключалась в следующем.

Вследствие вращения Земли с запада на восток под Солнцем в течение полного оборота Земли вокруг своей оси раньше проходят восточные меридианы. За один час Земля поворачивается на 15 градусов (360:24 = 15). Земной шар условно разделен на 24 часовых пояса, границы которых отстоят одна от другой на 15 градусов (от 0 до 23-го пояса с запада на восток). Основными считаются меридианы, делящие часовые пояса пополам. Для нулевого пояса таким является Гринвичский меридиан. Таким образом, разница между местным временем (временем в конкретной точке земного шара) и поясным не превышает получаса. В некоторых случаях она может быть больше или меньше, так как не везде границы поясов отстоят от меридиана на 7,5 градуса. Это несоответствие объясняется тем обстоятельством, что при установлении границ часовых поясов учитывались государственные границы, а также характер рельефа местности

Значение хронологии для исторических исследований. Изучая письменные источники, историк прежде всего должен проверить их подлинность и установить по возможности наиболее полную и точную их дату. Установление подлинности источника осуществляется с помощью различных вспомогательных исторических дисциплин. Правильная датировка источника в целом, его отдельных частей или отдельных сообщений и фактов невозможна без знания исторической хронологии. Достаточно привести несколько примеров, чтобы сказанное стало очевидным.

В различных изданиях, в том числе и учебного характера, можно встретить две датировки договора князя Олега с греками — 911 или 912 г. Текст договора, дошедший до нас в двух летописях (Лаврентьевской и Ипатьевской), заканчивается указанием на время его составления: «Месяца сентября в 2, а в неделю 15, в лето создания ми-

Соотношение мартовского, сентябрьского и ультрамартовского годов с январским годом

<table>
<tr><td rowspan="3">Январь
Февраль
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Ноябрь
Декабрь</td><td rowspan="3">Январские годы</td><td colspan="2"></td><td>Ультрамартовский год</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Сентябрьский год</td><td rowspan="2">$x = И - 5509$</td></tr>
<tr><td>$x = И - 5509$</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Январь
Февраль
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Ноябрь
Декабрь</td><td rowspan="4"></td><td rowspan="2">Мартовский год</td><td rowspan="4">$x = И - 5508$</td><td>$x = И - 5508$</td></tr>
<tr><td rowspan="3">$x = И - 5508$</td><td rowspan="3"></td></tr>
<tr><td rowspan="3">Январь
Февраль
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Ноябрь
Декабрь</td><td rowspan="3"></td></tr>
<tr><td>$x = И - 5507$</td><td rowspan="2"></td></tr>
</table>

ра 6420». Для точного перевода этой даты на современное летосчисление необходимо выяснить, какой счет времени (мартовский, ультрамартовский или сентябрьский) употреблен в данном случае. При

мартовском счете времени договор датируется 912 г., а при ультрамартовском и сентябрьском — 911 г. Решить этот вопрос позволяет подробное указание самого текста на дату. Так как договор заключен в «неделю», т.е. в воскресенье, можно предполагать, что: 1) это воскресенье было 15-м по счету в данном году; 2) из-за небрежности переписчика 15 и 2 поменялись местами и, следовательно, имеется в виду 15 сентября, бывшее как раз вторым воскресеньем данного сентябрьского года; 3) может быть, после цифры 15 пропущено слово «индикта» или вместо «индикта» указана неделя.

Рассмотрим каждую из указанных возможностей. Первое предположение отпадает сразу же, поскольку в мартовском году 15-е воскресенье пришлось бы на июнь, а в сентябрьском — на декабрь. Второе предположение невозможно, так как воскресенье 15 сентября в сентябрьском году могло быть третьим по счету, но никак не вторым. Кроме того, по таблицам или по формуле Н.Г.Бережкова можно убедиться, что 2 сентября 6420 г. по мартовскому стилю приходилось на среду, а 15-е — на вторник, по сентябрьскому, соответственно, на понедельник и на воскресенье, но это воскресенье никак не могло быть вторым по счету.

Следовательно, можно уверенно заключить, что запись о дате договора содержит указание на индикт, а не на день недели. Индикт 6420 г. действительно 15, так как эта дата делится на 15 без остатка. Индикт 15 в данном случае указывает на сентябрьский год, так как для января — февраля и сентября — декабря мартовского года он будет равен 1. 6420 г. сентябрьского стиля соответствует 911 г.

Об установлении точной даты похода князя Игоря против половцев в 1185 г. говорилось выше. С помощью различных хронологических расчетов была выяснена дата битвы с монголо-татарами на реке Калке в 1223 г., которая в разных источниках датируется 6731, 6732, 6733 и 6734 гг., т.е. в зависимости от календарного стиля, употребленного источником, была возможна датировка этого события в пределах 1222—1227 гг.

Случаи сложных и спорных датировок встречаются и при работе с источниками более позднего времени, в том числе и новейшего, поэтому знание исторической хронологии необходимо не только для историков, изучающих древнюю и средневековую историю.

Глава 7

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

Предмет и задачи исторической ономастики. Ономастика — наука, изучающая собственные имена. Историческая ономастика изучает их историю Поскольку собственные имена — это часть языка, ономастика, в том числе и историческая, входит в науку о языке — лингвистику. Но закономерности развития имен собственных (онома) отличаются от закономерностей развития имен нарицательных, апеллятивов. Их возникновение и изменения подчинены не только законам фонетики или морфологии, но и обусловлены развитием общества. Так, например, не с законами языка, а с пребыванием в течение одного с небольшим века на престоле трех Александров и двух Николаев связана популярность этих имен среди русского дворянства. Внешнеполитические планы правительства Екатерины II вызвали к жизни и имя ее внука Константина (тезка последнего византийского императора!) и целую серию греческих названий городов на юге Российской империи (Одесса, Севастополь, Никополь и т. д.). Таким образом, собственные имена являются сами фактами истории, и их изучение с этой точки зрения — задача историка. Вместе с тем собственные имена являются и историческим источником, дающим историку при умелом анализе ценный дополнительный материал.

Разделы ономастики связаны с разными категориями собственных имен. Географические названия (топо́нимы) изучает топонимика, названия народов (этно́нимы) — этнонимика, личные имена (антро́понимы) — антропонимика, имена божеств (тео́нимы) — теонимика, названия небесных тел (космо́нимы или астро́нимы) — космонимика или астронимика, кли́чки животных (зоо́нимы) — зоонимика и т. д. Необходимо и одно терминологическое уточнение: совокупность географических названий принято называть топонимией, совокупность личных имен — антропонимией и т. п., изучающие же их дисциплины — соответственно топонимикой, антропонимикой и т.д. Из всех разделов ономастики для историка наибольшее значение имеют топонимика, этнонимика и антропонимика.

У ономастики существуют некоторые общие закономерности, относящиеся ко всем ее разделам. Первая из них — деэтимологизация имени собственного. По мере все более частого употребления из него постепенно выветривается его этимология, происхождение. Называя свою знакомую Любовью Львовной, мы не думаем ни о чувстве любви, ни о грозном хищнике. Для нас это просто имена. Мы не вспоминаем ни об артиллерии, говоря о Пушкине, ни о разновидности утки-нырка, говоря об авторе «Мертвых душ». Только в малознакомом названии или имени мы почувствуем его этимологию, да еще может напомнить о ней случайное сочетание имен (например, в выходных данных книги проставлены автор Медведев, редактор Волков, корректор Зайцев и художник Лисицын[1]).

Здесь мы вплотную подошли к проблеме нескольких пластов значения в собственном имени. Первый пласт крупнейший ученый в области ономастики В.А.Никонов предлагает называть доономастическим значением имени. Так, например, доономастическое значение слова «Париж» — город племени паризиев. Это доономастическое значение не всегда можно точно определить, оно часто незаметно неспециалисту, а порой даже специальные разыскания не дадут возможности его выяснить.

Второй же пласт значения — ономастический. Он наиболее прост. Москва — столица России. Париж — столица Франции. Сергей Петрович Иванов — мой сосед, инженер одного из заводов и отец моего приятеля.

Однако у собственных имен возникает и третий план значений. В.А.Никонов называет его отономастическим. Он появляется не всегда и по крайней мере не для всех. Название деревни Ивановка не возбудит никаких ассоциаций у большинства населения нашей страны. Но тот, кто там родился или вырос или хотя бы провел отпуск, не раз скажет: «Тишина, как в Ивановке», «Чистый воздух, как в Ивановке», «Милый старик, как в Ивановке». Когда Пушкин называл прославившийся безнравственностью библейский город Содом «Парижем Ветхого завета», он употреблял одно из отономастических значений, хотя, естественно, его не свести только к нестрогим нравам Уже в XX в. трагический смысл приобрели отономастические значения географических названий: Хиросима, Хатынь, Куропаты, Чернобыль .. Отономастическое значение имеют и личные имена. Раскольников, задавая себе знаменитый вопрос, вошь он или Наполеон, разумеется, не думал о славе полководца и императорской короне. Здесь условно употреблялось слово «Наполеон» в его отономастическом значении

---

[1] Взят реальный случай, когда фамилии участников издания происходили из одной серии, но сами фамилии изменены

Функция каждого имени собственного двояка: оно должно отличить один географический объект, одного человека и т. д. от другого, выделить из ряда. Но вместе с тем оно и ставит в ряд этих лиц или эти объекты. Если мы встретим в тексте имена абсолютно неизвестных нам людей – Дмитрия Павловича Карцева, Пьера Матье, Генриха Шлоссера, мы сразу поймем, что речь идет о людях, мужчинах, о русском, французе и немце. Точно так же мы поймем, что Ивановск – город, Ивановское – село или поселок, Ивановка – деревня. Сделать эти выводы нам помогают, помимо знания имен, еще и *форманты*. Под формантами в ономастике принято понимать те повторяющиеся части имен собственных, которые его формируют как имя собственное. Они могут быть суффиксами, окончаниями, сочетанием суффикса и окончания, наконец, даже именем существительным. Так, формантами являются и суффиксы *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* в русских фамилиях и географических названиях (с окончаниями *-а-*, *-о-* в именах женского и среднего рода), суффикс *-ск-*, существительные «град», «город» (Новгород), «бург» (Гамбург) и т.п. в названиях городов. Порою происхождение форманта неясно, но он тем не менее будет играть свою роль при указании на характер имени собственного и при изучении его происхождения.

Форманты могут быть продуктивными и непродуктивными. Продуктивными являются форманты, которые и сегодня образуют новые слова. Так, например, формант *-ская-* продуктивен для названий улиц (Анадырская, Киевская и т.п. улицы в Москве), для названий городов продуктивны форманты *-ск-* и *-град-* (см., например, Целиноград – переименование Акмолинска, Златоград – выдуманное название города в кинофильме Г.Панфилова «Прошу слова»). Непродуктивные форманты существуют и сегодня в старых названиях, но не используются для образования новых. Так, сегодня невозможно возникновение названия города Ярославль от имени Ярослав. Вероятнее были бы формы: Ярославов, Ярославск, Ярославград. Формант *-ль-* стал непродуктивным. Непродуктивны и многие речные форманты, оставленные в наследство народами, прежде жившими на данной территории.

Для ономастических исследований анализ формантов имеет первостепенное значение: он позволяет устанавливать существование определенных систем имен собственных, рассматривать имена не изолированно, а выясняя их внутреннее родство.

Поскольку ономастика является также частью лингвистики, для понимания дальнейшего изложения необходимы некоторые сведения по истории языков

Все языки мира делятся на большие языковые семьи, связанные единством происхождения; семьи в свою очередь подразделяются

на группы языков. Для целей настоящего пособия достаточно назвать лишь некоторые из них. Весьма многочисленна индоевропейская семья. В нее входят славянские языки, балтские (литовский и латышский и исчезнувшие ныне языки других балтских племен и народов — прусов, ятвягов и т. д.), германские (немецкий, английский, голландский, скандинавские языки), кельтские (ныне их осталось совсем немного — ирландский, уэльский и т. д., когда-то же на кельтских языках говорили многочисленные европейские племена от Альп до Дуная, в том числе предки французов — галлы), романские (французский, итальянский, испанский и т. д.), иранские (осетинский, таджикский, фарси и т. д.; в древности на иранских языках говорили скифы, сарматы, аланы), индийские и не входящие в языковые группы армянский, албанский и греческий языки.

В уральскую семью входят прежде всего финно-угорские языки. Они в свою очередь делятся на финские (финский, карельский, эстонский, удмуртский, коми, марийский, мордовский и т. п.) и угорские (венгерский, хатынский, мансийский). Когда-то на финно-угорских языках говорили многочисленные племена Восточной Европы — меря, чудь, весь и т.д. К уральской же семье относится группа самодийских языков, из которых наиболее известен ненецкий.

В алтайской семье наиболее многочисленна группа тюркских языков. В древности на этих языках говорили гунны, хазары, печенеги, половцы, волжско-камские болгары и более мелкие народы — берендеи, торки, белые и черные клобуки. Ныне на тюркских языках говорят в Поволжье и Приуралье татары, башкиры и чуваши, в Средней Азии — казахи, киргизы, туркмены, узбеки, каракалпаки и т. д., на Кавказе — азербайджанцы, кумыки, балкарцы, карачаевцы, в Сибири — алтайцы, хакасы, якуты, тувинцы и т. д. Один из наиболее крупных тюркоязычных народов — турки. На языках монгольской группы алтайской семьи говорят монголы, калмыки и буряты, на языках тунгусо-маньчжурской группы — эвенки, нанайцы, удэгейцы, маньчжуры.

Историческая топонимика. Географическое название, как и всякое имя собственное, социально. Оно возникает из практической потребности людей назвать тот или иной объект. Какая же из характеристик объекта окажется той, что дает основу для названия, зависит от уровня и характера социально-экономического и политического развития и от социальной психологии? Так, село может быть названо по сравнительно редкому природному признаку (например, Дубровка), по местной церкви (Рождественское), по имени или фамилии владельца (Пушкино). Но до развития боярского вотчинного землевладения название по владельцу было невозмож-

но. Точно так же слащаво-сентиментальные названия помещичьих усадеб типа Кинь-Грусть, Отрадное, Мон-Плезир, заставляющие вспомнить сразу и Манилова, и щедринского градоначальника Грустилова, обязаны своим появлением моде второй половины XVIII — первой половины XIX в.

В названии ярко проявляется закон ряда: название должно выделять из него. Деревня Дубровка появится лишь там, где дубравы — исключение среди хвойных и березовых лесов, а Борки — там, где преобладают лиственные леса. Давно подмечено, что топонимы, в которые входят термины «колодец», «вода» (на разных языках), характерны для сухих местностей, где воды мало, а каждый колодец — особая ценность. Историк, не учитывающий этого обстоятельства, может порой привести аргумент, который на самом деле опровергает его концепцию. Так, один из крупнейших наших историков академик Б.Д.Греков, отстаивая точку зрения о смердах как основном населении древнерусского государства, ссылался на то, что топонимы с корнем «смерд» (как установила Е.А.Рыдзевская) исключительно широко распространены на Руси. К сожалению, Б.Д.Греков не учел закона относительной негативности названий. Как заметил И.Я.Фроянов, если бы смердами называли всех крестьян, не имело бы смысла особо выделять волости и села с названиями Смерда, Смердыня и т.п. В самом деле, мы не найдем (или почти не найдем) на карте России сел с названиями Пахарево или Крестьяниново[1].

Итак, выделяя из ряда, топоним отражает признак, сравнительно редкий для данной местности, но присущий называемому объекту. Этот принцип наименования получил название относительной негативности географических названий.

Важным топонимическим термином, с которым придется встретиться в дальнейшем изложении, является понятие топонимического *субстрата*. Слово «субстрат» в буквальном переводе означает «подслой». Вероятно, именно так его бы и стоило назвать, но термин «субстрат» уже устоялся в научной литературе. Субстратом принято называть пласт названий, происходящих из языка народа, раньше жившего на данной территории. Так, например, многие топонимы Германии имеют славянское происхождение: Шверин (славянское Зверин), Дрезден (по славянскому племени дреджан от «дрязга» — лес; ср. р. Дрезна в Московской области), Лейпциг (из Липск), Росток (из «розтока» — место разделения реки на два рука-

---

[1] Один из исследователей, возражая Фроянову, напомнил о существовании в Москве Крестьянской заставы. Но этот контраргумент основан на недоразумении: Крестьянская (бывшая Спасская) застава была так названа в 1922 г.

ва), Баутцен (из славянского Будышин), Любек (по славянскому племени любичей). Эти и другие названия составляют славянский субстрат в немецкой топонимии. В свою очередь в русской, украинской и белорусской топонимии можно найти иранский, балтский, угро-финский субстраты. Изучение субстрата дает возможность проследить исторические судьбы территории, процессы этногенеза.

Главная опасность, подстерегающая начинающего топонимиста, — излишнее доверие к легендам о происхождении тех или иных географических названий. Так, в Рузском районе Московской области жители верят в легенду о том, что название местного села Аннино происходит от того, что Иван Грозный якобы заточил в церковь этого села свою сестру Анну. В действительности же у царя Ивана не было сестер, а церкви (в отличие от монастырей) никогда не служили местами заточения. Название же, вероятно, происходит от имени владелицы. Некоторые топонимические легенды носят комический характер: о Яхроме, возле которой княгиня, оступившись, жалобно закричала: «Я хрома», о Ворскле, уронив в которую подзорную трубу Петр I воскликнул почему-то по-старославянски: «Вор скла (т. е. «стекла»)» и т.п. Для всех них характерно, что в представлении их создателей название возникает как следствие случайно произнесенной фразы. Распространителям таких легенд обычно остается неизвестной подлинная история топонима, бытовавшего, как правило, задолго до жизни тех деятелей, которым приписывается «историческая фраза».

Другая ошибка близко связана с предыдущей: это попытка подобрать, не задумываясь о формантах, законах языка, истории народа и территории, подходящую этимологию. В этом случае этимологизатор создает новую топонимическую легенду, отличающуюся от народных в худшую сторону: в ней нет элементов фольклора. Так, один из литераторов пытался произвести название села Кидекша от русского глагола «покидать», не обращая внимания на необъяснимый из славянских языков формант *-кша* (ср.: Икша, Шилекша, Колокша и т.п.), относящийся к древнейшим угро-финским формантам на территории нашей страны и возникший еще во II—I тыс. до н.э.

Невнимание к истории может подвести не только любителя, но и серьезного ученого. Так, один из крупнейших русских лингвистов академик А.И.Соболевский в свое время пытался связать с ираноязычными скифами название деревни Сибирь в Смоленской губернии (ученый ошибочно, как впоследствии выяснилось, считал скифским и название Сибирь). Однако на самом деле смоленская деревня была самой глухой из вотчин графов Шереметевых, куда они ссылали провинившихся крепостных, домашней шереметевской

«сибирью» (одно из отономастических значений слова «Сибирь» — место ссылки).

Изучать топонимические субстраты легче всего по названиям рек и озер (гидронимам): эти названия, особенно крупных рек, наиболее стойки. Одним из древнейших языковых слоев в гидронимии является иранский, оставленный скифскими и сарматскими племенами, обитавшими в степной зоне в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. С этими ираноязычными народами связаны названия крупнейших рек степной зоны — Дона, Днепра, Днестра и Дуная. В их названии присутствует корень *дн, дон*. Слово «дон» на осетинском языке (а он прямой наследник аланского, в свою очередь восходящего к сарматскому) и сегодня означает воду. Термин «вода» во многих языках служил для обозначения реки, а наиболее крупные водные потоки обычно называли просто реками. Так и сегодня в бытовой речи жители сел зачастую называют свой районный центр просто городом, а ближайшую реку — рекой.

Для лесной же зоны более характерен финно-угорский субстрат. Финно-угорские племена занимали еще во II—I тыс. до н. э. обширные пространства Восточной Европы. Одним из древнейших финно-угорских формантов является уже упомянутое окончание *-кша, -кса* (Икша, Колокша, Шилекша, Ковакса, Юндокса и т. д.), которое в древних языках этой группы, вероятно, означало реку или ручей (например, в современном марийском языке «икса» — ручей). Названия рек, оканчивающиеся на *-кша, -кса*, распространены на огромной территории от правобережья Оки до Белого и Баренцева морей, но преимущественно, как выяснил археолог В.В.Седов, там, где находят памятники волосовской археологической культуры эпохи позднего неолита. Тем самым устанавливается, что эта культура оставлена древнейшими финно-угорскими племенами на территории нашей страны. С этими же племенами связаны также форманты *-ма*, значение которого пока не выяснено (Ухтома, Андома, Кема и т. д.), и *-ога, -ега, -уга, -юга*, означающие реку (см. в современных финно-угорских языках «йокки», «йогги» — река): Андога, Линдега, Ветлуга, Уфтюга и пр. По наиболее распространенной гипотезе таково и происхождение названий рек Ока и Юг, означавших просто «река».

Невозможным оказалось объяснение ни из финно-угорских, ни из славянских языков многочисленных названий рек, кончающихся на *-жма, -зьма, -сьма, -шма* (Клязьма, Вязьма, Кинешма, Кесьма и т.д.). Эта группа формантов относится, вероятно, к неизвестному еще дофинноугорскому субстрату. В.В.Седов обратил внимание, что ареал распространения этих речных формантов близок к ареалу распространения памятников льяловской археологической культуры

эпохи неолита (III—II тыс. до н.э.). Так географические названия доносят до нас голоса людей, живших 4—5 тыс. лет тому назад.

В западной части Центра нашей страны существует значительный балтский субстрат. Для балтских названий характерны окончания *-са, -за, -ья, -рь, -ль, -ра, -нь*, нередко оформленные в ходе дальнейшего развития славянским окончанием *-ка* (например, Бутынь — Бутынка). Языковед В.Н.Топоров провел большую работу по выделению балтских гидронимов за пределами Литвы и Латвии. Среди них такие совершенно обрусевшие названия, как Пахра, Таруса, Руза, Гжать, Гжель, Искона, Протва и др. Гидронимы балтского типа широко распространены в Беларуси, Северной Украине и на запад и юго-запад от Москвы (в Московской, Калужской, Тульской, Смоленской, отчасти в Рязанской областях).

Однако основная часть и названий рек, и тем более населенных пунктов Восточной Европы, несомненно славянского происхождения. Они легко поддаются этимологизации и широко и повсеместно распространены.

Сложен вопрос об этимологии имени Волга. Упоминаемое античными авторами древнее ее название Ра, несмотря на существование различных гипотез на этот счет, остается неясным. В тюркских языках Волга именовалась Итиль (Идель, Атал, Атиль), что означает «река». Отсюда вполне вероятно предположение, что русское название реки происходит от славянского «влага» (русское — «волога») и первоначально могло также означать просто «река». Однако существует и другая гипотеза — о финно-угорском происхождении гидронима: в эстонском языке «валге» означает белый, светлый; тогда Волга может переводиться как река Белая или Светлая. Высказывалось предположение и о более древнем, дофинноугорском происхождении названия. Этому разнобою во мнениях удивляться не приходится: чем крупнее географический объект, тем обычно древнее и его название, а чем название древнее, тем труднее установить его этимологию.

Немало возникало мнений и о происхождении названия Москва. Прежде всего надо заметить, что название нашей столицы означает «город на реке Москве», и, таким образом, вне зависимости от этимологии названия реки имя самого города уже славянского происхождения. Вопрос стоит об этимологии гидронима. Окончание *-ва*, характерное для многих финноугорских гидронимов (Лысьва, Сылва, Косьва и т.п.), наводило на мысль о финском происхождении. Но топонимы этого типа характерны для Приуралья, а не Подмосковья. Высказывалась и гипотеза о славянском происхождении топонима. Однако в последнее время наиболее обоснована гипотеза о происхождении названия из балтских языков, что вполне со-

гласуется с распространенностью балтских топонимов вокруг Москвы. Но все же и сегодня вопрос не может считаться окончательно решенным.

Завершая раздел о гидронимии, приведем сведения о происхождении названий некоторых наиболее крупных рек (кроме тех, о которых уже шла речь выше).

Амударья: Дарья — в иранских языках «река»; Аму — древний город, стоявший на берегу реки.

Амур: вероятно, от тунгусско-маньчжурского «амар» — река.

Ангара: полагают, что из тунгусско-маньчжурских языков, где «ангар» означает ущелье, проем, устье.

Аргунь: из монгольского «ёргунн» — широкий.

Енисей: на языке местного населения Сибири (селькупов, эвенков, хантыйцев) иондесси означает «большая река».

Или: по-монгольски «сверкающая или блестящая».

Индигирка: по жившему на ее берегах якутскому племени индигиров.

Кама: в удмуртском и некоторых других финно-угорских языках слово «кам» означает «река».

Лена: вероятно, из эвенкского Елюёне — река.

Нева: в финском языке «нева» — болото. Вероятно, название связано с болотистыми берегами.

Прут: вероятно, иранского происхождения; в переводе — либо «брод», либо «брызжущая».

В названиях населенных пунктов (ойконимов) можно выделить много разных типов наименования. Широкое разнообразие их заставляет ограничиться сведениями по истории названий городов и сел России, Украины и Беларуси.

Названия древнейших русских городов часто связаны с именами их основателей или владельцев. Так, имя полулегендарного Кия, вероятно, отразилось в названии Киев — город Кия. Мы не знаем, кем были Черниго, Житомир, Дорогобуд, Могило, от имен которых возникли названия Чернигов, Житомир (первоначально — Житомирь; суффиксы *-ь, -рь* — древние славянские суффиксы принадлежности), Дорогобуж (*д*, смягчаясь, переходило в *ж*), Могилев. Но известно, что Владимир Мономах был основателем Владимира (первоначально — Володимерь), а Ярослав Мудрый — Ярославля. Христианским именем Ярослава Мудрого была названа построенная им крепость Юрьев.

Другой распространенный тип городских названий — по реке, на которой стоит город. Этот список почетно открывает Москва. Среди городов, названных по рекам, — Ветлуга, Вичуга, Большая и Малая Вишера, Вологда, Волоколамск (Волок на Ламе), Воронеж, Вязь-

ма, Вятка (ныне Киров), Гдов (на р. Гда), Гжатск (ныне Гагарин, на р. Гжать), Гусь-Железный и Гусь-Хрустальный (на р. Гусь), Даугавпилс (русское Двинск, по р. Даугава, по-русски — Западная Двина), Донецк (по р. Донец), Задонск, Иркутск (в устье р. Иркут), Истра, Канск (на р. Кан), Кинешма, Киржач, Кондопога, Кострома, Курск (по ручью Кур), Лопасня (ныне Чехов), Нерехта, Омск (по р. Омь), Орел (по р. Орель, ныне — Орлик), Новый и Старый Оскол, Пинск (по р. Пина), Полоцк (по р. Полота), Россошь, Севск (по р. Сев), Сестрорецк (по р. Сестра), Слуцк (по р. Случь), Сызрань, Тайшет, Тамбов, Тирасполь (по античному названию Днестра — Тирас), Тобольск, Томск, Торопец (по р. Торопа), Трускавец (по р. Трускава), Туринск (по р. Тура), Ужгород (по р. Уж), Уссурийск, Усть-Каменогорск (по р. Каменной), Устюг (устье р. Юг), Уфа, Шацк (по р. Шача), Шуя, Яхрома и т. д.

Распространен тип названий по занятиям жителей, постройкам, пунктам сбора дани или налогов и т.п. К таким названиям относятся имена многочисленных поселений древних солеваров: Солигалич, Соликамск, Сольвычегодск и т.п. С солеразработками, вероятно, связано и название украинского Галича (по нему — Галиция). Давно замечено, что корень «галь» означал в древности, возможно в кельтских языках, места солеразработок. Так, старинным центром добычи соли был Галле (ФРГ). Вероятно, и название Галича Мерьского (по племени меря) или Костромского дано переселенцами из Галича на Днестре, которые на новом месте занялись привычным промыслом — добычей соли.

К названиям такого же типа следует отнести и Винницу — «винокуренный завод», Бронницы (поселение изготовителей кольчуг), упоминавшиеся выше Гусь-Хрустальный и Гусь-Железный, Устюжну Железнопольскую, Мытищи — «место сбора пошлины — мыта».

Названия многих городов сохраняют имена тех сел, из которых они возникли (Иваново, Александров — бывшая Александрова слобода, Ковров и т. д.).

Выше речь шла о названиях, возникавших стихийно. Но есть названия, которые дает государственная власть в честь тех или иных исторических личностей, государственных деятелей и т. д. Появление таких названий в России относится еще к рубежу XVI—XVII вв. В царствование Бориса Годунова в 1599 и 1600 гг. были основаны два города с одним и тем же названием Царев-Борисов: один — на реке Протве возле Можайска, другой — в устье реки Оскол. Оба они потом запустели и ныне как города не существуют. Петр I, основывая в 1703 г. в устье Невы новый город, будущую столицу империи, назвал его по имени своего небесного покровителя Санкт-Питербурхом (первоначальное название было голландским и лишь впо-

следствии превратилось в немецкое Петербург; но народ продолжал называть город Питером, а не Петером).

В течение XVIII—XIX вв. многие города получили названия в честь царей и цариц: Елисаветград и Елизаветполь в честь Елизаветы Петровны; Екатеринодар, Екатеринбург, Екатеринослав в честь Екатерины I и Екатерины II; Павлоград и Павлодар в честь Павла I; Александровск в честь Александра I, Ново-Николаевск и Николаевск-на-Амуре в честь Николая I. В начале первой мировой войны Санкт-Петербург стал Петроградом: тем самым хотели уйти от немецкого названия. В первые годы советской власти целью переименований было еще не столько создание новых мемориальных названий, сколько отказ от старых, «идеологически чуждых». Так, Царевококшайск стал Краснококшайском (ныне Йошкар-Ола), а Спасск (церковное название!) — Беднодемьянском. Нередко за идеологически вредные названия принимали лишь случайно с ними совпадавшие. Так, не имел никакого отношения к династии Романовых город Романов, названный по владельцу, одному из ярославских князей. Однако он был переименован в Тутаев, по фамилии местного деятеля большевистской партии. Никак не были связаны с царями ни Царское Село (первоначально — Сарское, по финскому названию деревни), ни Царицын (по реке Сары-су, переосмысленной в русской речи как Царица).

С середины 20-х гг. переименования городов стали принимать характер кампании, что привело к насильственному изменению городской и отчасти сельской топонимии страны. Городам присваивались имена партийных и государственных руководителей, писателей, ученых, причем нередко живых. Так, именем Сталина были названы города Царицын (Сталинград, ныне — Волгоград), Юзовка (Сталино, ныне — Донецк), Душанбе (Сталинабад, ныне возвращено старое название) и еще не один десяток городов и поселков. Имя М.И.Калинина было присвоено при его жизни Твери (Калинин), подмосковным Подлипкам (Калининград, ныне Королев), а после смерти — Кенигсбергу (Калининград областной). «Свои» города были у К.Е.Ворошилова, А.И.Микояна, Л.М.Кагановича, В.М.Молотова. Несколько городов получили имена С.М.Кирова, В.В.Куйбышева и Г.К.Орджоникидзе уже после их смерти. А Нижний Новгород стал Горьким еще при жизни писателя. Некоторые города приходилось переименовывать по нескольку раз. Так, Елисаветград сначала стал Зиновьевском, а потом Кировоградом; Гатчина получила название Троцк, затем — Красногвардейск, а во время войны ей было возвращено прежнее имя. После принятия в 1956 г. решения о запрете называть населенные пункты именами живых людей вернули старые названия городам, названным в честь Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна.

Переименования активно продолжались после войны. Так, все города Восточной Пруссии, ставшей Калининградской областью, получили новые названия, никак не связанные с историческим прошлым региона. Были уничтожены старинные нивхские названия на Южном Сахалине: их по невежеству приняли за японские. Смерть видного советского или иностранного государственного деятеля приводила к исчезновению с карты исторического названия и появлению непривычного нового: Брежнев, Устинов, Андропов, Черненко, Димитровград, Тольятти, Торез, Георгиу-Деж.

В настоящее время большинству городов в России возвращены их исторические имена. Однако во многих местах продолжаются переименования по идеологическим причинам. Так, с карты Казахстана исчезло древнее название города Гурьева.

Названия сельских населенных пунктов образовывались по нескольким типам. Один из них — названия по местным географическим условиям (Дубровка, Борки, Березники, Криница, Залесье, Пруды и т.п.). В актах феодального землевладения XV—XVI вв. часто встречаются такие описательные названия сел и особенно деревень. Например, деревни, расположенные возле реки Норы, в документе называются общим словом: «деревни Норские». В дальнейшем одна из них могла остаться Норской, а другие — получить собственные названия по определенным отличительным признакам.

Многие сельские поселения получали названия по именам основателей, причем эти названия также возникали стихийно, естественно. Крестьянин по имени Волк или Семен ставил новое поселение— починок, состоявший обычно из одного крестьянского двора. Его так и называли — Волков или Семенов починок. Впоследствии починок превращался в деревню, сохранявшую имя основателя, — в деревню Волкову или Семенову[1]. Такое называние деревень по мирским нехристианским именам часто вводит в заблуждение начинающих, да и не только начинающих, топонимистов. Название деревни Лосево вовсе не означает, что здесь водились лоси, а Солнцево названо не за обилие солнечных дней: деревни основаны людьми по имени Лось и Солнце.

Весьма распространены названия по феодалам-землевладельцам. Они возникают в Северо-Восточной Руси не ранее XIV в., когда частновотчинное землевладение становится распространенным. Первоначально это были не столько названия, сколько описательные определения: например, «село Васильевское Матвеева» или «Офремова нива Иванова сына Хитрово». В дальнейшем из таких опреде-

---

[1] В XV—XVII вв. названия деревень еще воспринимались как прилагательные и согласовывались в роде с существительным «деревня».

лений появились названия: село Васильевское или Матвеево, нива Офремова, или Иванова, или Хитрово.

Другой тип названий, характерный в первую очередь для сел, — по местной церкви. Таковы села Архангельское, Рождественское, Воскресенское, Петропавловское, Борисоглебское, Покровское и т.п. Зачастую село имело два, а то и три названия: по церкви, по владельцу, да порой и по предыдущему владельцу. Бывало, название по владельцу появлялось тогда, когда село уже уходило из его собственности. Так, среди вотчин стародубских князей Ковровых было село Рождествено, пожертвованное ими в Троице-Сергиев монастырь. Но в монастырских вотчинах было уже несколько сел с таким названием. И чтобы отличить его от других, село стали называть Рождественым Ковровым, впоследствии просто Ковровым (ныне город Ковров Владимирской области). Названия сел и деревень, происходящие от имен владельцев, образовывались при помощи разных формантов. В равной степени возможны названия Иваново, Ивановское и Ивановка. В. А. Никонов нанес на карту распространенность разных формантов названий сельских населенных пунктов и выяснил, что массовое распространение названий с формантом *-ка* (Ивановка, Петуховка) относится к территории южнее созданной в конце XVI в. засечной черты. Таким образом, этот формант более поздний, и названия при его помощи возникали у селений, которые были основаны главным образом после конца XVI в. Поэтому название деревни Ивановка указывает на ее более позднее возникновение, чем название Петрово. Четко разделяются территориально форманты названий селений и на Украине. Так формантный анализ помогает изучить ход освоения тех или иных территорий, процесс расселения. Как справедливо отмечает В.А.Никонов в своей книге «Введение в топонимику», суффикс в топонимии — «своего рода «меченый атом», позволяющий проследить передвижение народных масс».

Географическое название часто помогает понять и само направление движения. Так, село Заозерье расположено «за» озером лишь по отношению к определенному маршруту расселения, с другой стороны оно будет скорее «Предозерьем». Даже если бы мы не знали, на каком берегу Москвы-реки началась жизнь города, одно название части города «Замоскворечье» дало бы возможность установить, что город Москва возник на противоположном берегу.

Неотъемлемую часть топонимики составляет микротопонимика, изучающая названия более мелких объектов, которые нанесены не на карты, а на планы местности. К микротопонимам относятся названия отдельных рощ, полей, лугов, троп, даже иногда домов. Важно собирать эти названия: ведь они обычно известны только ме-

стным жителям, нигде не зафиксированы и быстро исчезают из памяти. А эти микротопонимы дают обширный материал для краеведения, изучения социальной психологии и народного быта.

К микротопонимии можно отнести (хотя с этим согласны и не все исследователи) названия внутригородских объектов: улиц, проспектов, переулков, проездов, площадей, мостов и т. д. Эти названия, как и имена крупных географических объектов, — живая память о прошлом, в них отражается история города. К сожалению, внутригородская топонимия еще плохо изучена, преобладают популярные работы, авторы которых подчас просто перелагают старые городские предания. На примере происхождения названий улиц и переулков Москвы, изученном сравнительно лучше, можно понять основные принципы наименования городских объектов.

Названия многих древнейших улиц Москвы связаны с дорогами, которые вели в разные части страны, а в пределах города становились улицами. Так, Тверская улица вела в Тверь, Смоленская — в Смоленск, Ордынка — в Орду и т. д. Этот принцип наименования городских улиц сохранился и в наши дни. Существуют в Москве Можайское, Волоколамское, Звенигородское, Варшавское шоссе и др.

Во многие московские топонимы входит слово «ворота» — память о воротах в башнях городских укреплений. Ильинские ворота напоминают о башне Китай-города, Яузские, Покровские, Мясницкие, Сретенские, Петровские, Никитские, Арбатские, Пречистенские — о башнях Белого города. Об укреплениях напоминает и Валовая улица, названная так по внешнему кольцу укреплений Москвы XVI в. — Земляному валу. Но большинство названий с термином «вал» — Даниловский, Грузинский и т. д. — возникли в связи с другим валом — Камер-Коллежским (1742), построенным Камер-коллегией, ведавшей казенными доходами. Вал должен был препятствовать беспошлинному ввозу в Москву ряда товаров. На пересечениях вала с улицами стояли заставы: Пресненская (ныне Краснопресненская), Бутырская, Калужская (ныне площадь Гагарина) и т. д.

По мере роста город включал в свои пределы села и деревни, дававшие начало названиям городских улиц. О бывших селах напоминают Садово-Кудринская улица деревни (по селу Кудрину), Марьина роща (по роще деревни Марьино). В числе московских улиц оказались носители названий, происходящих от имен вошедших в Москву сел, поселков, а то и городов: Черемушки, Лужники, Медведково, Матвеевское, Давыдково, Очаково, Кунцево, Химки, Коньково и т. д.

Средневековый город складывался из слобод — поселений посадских людей-ремесленников. Названия многих из них также вошли в наименования улиц: Мясницкой слободы (Мясницкая), Ору-

жейной (Оружейный переулок), Бронной (Бронная улица), Котельнической (Котельническая набережная), Гончарной (Гончарная набережная), Таганской, где жили изготовители чугунных котлов — таганов (Таганская площадь) и т. д. Некоторые слободы назывались по местностям, откуда происходили их жители. Выселенцы из Дмитрова жили в Дмитровской слободе (в районе Большой и Малой Дмитровки, ныне улицы Пушкина и Чехова). Память о Новой Дмитровской слободе жива в названии Новослободской улицы. Выходцы из городов Беларуси — мещане (по-белорусски горожане) образовали в Москве Мещанскую слободу. Ныне из Мещанских улиц сохранилась лишь одна; в прошлом нынешний проспект Мира носил название Большой Мещанской улицы.

Некоторые улицы названы по монастырям: Никольская — по Никольскому греческому монастырю, Петровка — по Высоко-Петровскому монастырю, Рождественка — по Рождественскому монастырю, Даниловская площадь — по Данилову монастырю и т. д.

Распространены были и названия по приходам. Приход некогда заменял адрес. Даже в XIX в. Пушкин, описывая приезд Татьяны в Москву, так называет адрес: «у Харитонья в переулке». Ныне это Большой Харитоньевский переулок.

Распространенной моделью были названия по именам владельцев наиболее крупных домов. Они возникали стихийно, как указание на адрес. В XVIII — начале XIX в. это чаще домовладельцы-дворяне (см. Вадковский, Оболенский, Языковский и другие переулки), для более позднего времени — купцы (Усачевская улица, Лаврушинский, Девяткин, Хухриков и другие переулки).

Часть улиц носит названия по гидронимам. Многие московские реки были заключены в подземные трубы. Самая крупная из них — Неглинная (Неглинная улица); пересекающая ее улица Кузнецкий мост когда-то действительно была мостом, возле которого селились кузнецы. Сивцев вражек — на месте оврага, по дну которого текла река Сивка, СадовоЧерногрязская улица названа по реке Черногрязке. Одной из московских рек была и Пресня (Краснопресненская застава, улица Красная Пресня и т.п.).

Значительные изменения в топонимии Москвы произошли уже в годы советской власти. Части послереволюционных топонимов в последнее время возвращены исторические имена.

Стало частым наименование улиц Москвы по городам страны. Эти названия стремятся располагать в соответствии с географией. Так, Севастопольский и Балаклавский проспекты, Симферопольский бульвар, Азовская, Одесская, Херсонская, Керченская улицы находятся на юге Москвы, а Беломорская, Петрозаводская, Таймырская, Анадырский проезд — на севере.

Этнонимика. Важным разделом ономастики является этнонимика, изучающая названия народов, племен и других этнических групп. Названия народов — этнонимы — тесно связаны с топонимами, ибо либо этноним дает название топониму (Якутия — страна якутов), либо наоборот — название племени или народа происходит от топонима (например, «полочане» — славянская этническая группа, жившая на р. Полоте).

Самоназвание народа часто отличается от того, как этот народ называют его близкие и далекие соседи. Так, самоназвание финнов — suomalaiset. Русских соседние литовцы называют креву — по одному из восточнославянских племен — кривичей. Самоназвание часто возникает из слова «люди». В период родо-племенного строя та или иная этническая группа порой считала людьми только себя; все остальные были не люди. Так, например, именно такого происхождения слово «ненцы» из «ненець» — человек. Ниже будут приведены сведения о происхождении названий некоторых народов.

Русские. Название происходит от слова «Русь», означавшего в древности, видимо, скорее южную часть древнерусского государства. Термин носил более политический, чем этнический, характер: так, в Повести временных лет говорится о славянских племенах «в Руси». Удовлетворительная этимология пока не найдена.

Украинцы. Часть территории нынешней Украины называлась в XII в. украиной, т.е. окраиной, пограничной территорией. К XVII в. это название перешло и на остальную часть территории нынешней Украины, а слово «украинцы» стало самоназванием народа. До воссоединения Украины с Россией украинцы, жившие на землях, подвластных Речи Посполитой, называли себя чаще русскими, противопоставляя себя тем самым полякам и литовцам и подчеркивая свою близость к русскому народу. В России в XVI—XVII вв. украинцев часто называли черкасами.

Белорусы. Часть территории, населенной этим народом, со второй половины XIV — начала XV в. носила названия Белой Руси, что противопоставляло ее Черной Руси (территория части современной Западной Беларуси) и Червоной Руси (Юго-Западная Украина). Происхождение этих «цветовых» обозначений пока не выяснено. С XVII в. термин «белорусы» утвердился за населением всей нынешней Беларуси.

Эстонцы. Древнее самоназвание народа — maarahvas — народ (нашей) земли. Эстами (aestui, aestii) их и их соседей — балтийские народы называл еще Тацит, а затем и скандинавы. Полагают, что название это происходит из балтских языков, в которых означало «жители у воды». С середины XIX в. слово «эстонцы» (eestlased) стало самоназванием.

Латыши (самоназвание — latviešu). Существует гипотеза, что название происходит от племен латгалов; этимология этнонима «латгалы» не выяснена.

Литовцы (самоназвание — lietuviai). Предполагают, что этноним происходит от древнего названия Немана (Нямунас) — Лейта, или Лиета, от литовского глагола litus — течь. Однако эта этимология не доказана.

Армяне (самоназвание — хай). Под названием хай известны с глубокой древности; с VI в. до н. э. упоминается этноним «армяне». Предания рассказывают о родоначальниках армян — Хайке и его сыне Арменаке, но этимология как самоназвания, так и этнонима «армяне» не выяснена.

Азербайджанцы (самоназвание — азербайджанлылар). Название по исторической области (у античных авторов — Атропатана). Точной же этимологии топонима нет.

Грузины (самоназвание — картвели). Легенда возводит самоназвание к легендарному герою-родоначальнику Картлосу. Русское название «грузины» от персидского «гурдж», по названию древнего народа, жившего на этой территории. Этимология этих этнонимов неясна.

Казахи. Точной этимологии нет; возможно, от тюркского слова «казак» — вольный (отсюда же русское «казаки»).

Киргизы (самоназвание — кыргыз). Древний этноним монгольского происхождения, этимология которого пока не установлена.

Туркмены. Существует несколько этимологий, связанных с разным переводом слова «мен»: тюркоподобные, чистые тюрки и т.п.

Узбеки. Происхождение этнонима связывают с именем золотоордынского хана Узбека (1313—1342), под властью которого была и часть Средней Азии.

Таджики. Точной этимологии нет; согласно одной из гипотез в основе название ираноязычного племени тай, впоследствии тази.

Англичане. По германскому племени англов, участвовавшему в V в. в англо-саксонском завоевании Британии. Полагают, что этноним происходит от древнегерманского *ang* — угол, поскольку англы жили на юге Ютландии, на самом ее краю.

Арабы. По названию Аравии (у римлян — Арабия). Арабское Билад аль-араб означает «Страна степей».

Испанцы. Этноним по стране, этимология же названия страны неясна. Вероятно, из баскского слова ezpana — берег, но есть и другие гипотезы.

Итальянцы. По стране Италии, которая в свою очередь получила свое название от обитавших на Апеннинском полуострове племен италиков.

Немцы. Так называют этот народ многие славянские народы (русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи и т. д.), а также венгры и румыны. В России XV—XVII вв. термином «немцы» называли все народы, говорящие на германских языках (шведы — «свийские немцы», голландцы — «голландские немцы»), а иногда и шире — всех западноевропейцев. Распространенная этимология — немые, т.е. не говорящие на славянском языке, но, возможно, это переосмысление. Самоназвание Deutsch из древнегерманского Thiuda — люди. Почти все соседи называют немцев не по самоназванию, а по одному из германских племен: итальянцы — tedesco (от «тевтоны»), французы — allemagne (от «алеманов»), финны — Saksa (от «саксов») и т. п.

Поляки. От жившего в равнинной местности западнославянского племени полян (ср. с киевскими полянами).

Румыны. По романам, переселенцам из Римской империи.

Турки. О происхождении этнонима существует много гипотез. По одной из этимологий — из терюк — человек, по другой — из названия шлема (так, одно из тюркских племен именовалось «черные клобуки»). Рассматривали этноним и как политический термин, обозначавший определенный союз племен.

Французы. По названию страны, которое в свою очередь происходит от западногерманского племени франков (полагают, что от слова, означавшего «свободные»), составившего ядро Франкского государства (VI—IX вв.), на основе которого сложилась впоследствии Франция.

Японцы (самоназвание — ниппон). От названия страны Япония (Ниппон), что в переводе означает Страна солнца или Страна восходящего солнца.

Как видно, лишь меньшинство этнонимов получает удовлетворительную этимологию. Это вполне понятно: этнонимы либо сами уходят корнями в седую старину, либо связаны с очень древними топонимами.

Историческая антропонимика. Историческая антропонимика — это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая личные имена и их системы в историческом развитии как факты истории общества и разрабатывающая методы использования антропонимических данных как исторического источника.

Не имея точного представления о характере системы личных имен того или иного периода или народа, историк рискует допустить фактические ошибки, он зачастую может даже спутать тезок или разделить надвое одно и то же лицо, выступающее под разными именами.

Особое значение имеют не отдельные личные имена, а именно *системы* личных имен. Так, современная русская антропонимическая система включает в наименование лица три элемента: имя, отчество и фамилию, при этом двойные имена не приняты, а двойные фамилии встречаются редко. Исландская же антропонимическая система состоит лишь из имени и отчества (в форме имени отца с прибавлением слова «сон» — сын) без фамилии, т.е. сын Свейна Бьернсона будет уже Свейнсоном. В большинстве же западноевропейских стран система именования состоит из имени и фамилии, но без отчества; вместе с тем там широко распространены двойные, тройные и т. д. имена. Своеобразна испанская система, где двойная фамилия обязательна и образуется из первых фамилий отца и матери. В антропонимическую систему входят и набор имен (именник), и большая или меньшая их распространенность, и мотивы наречения имени, и способы именования человека вне официального круга общения и т.п.

Антропонимические системы изменчивы. Быстрее всего меняется именник, хотя многие имена могут веками оставаться в числе фаворитов. Но может меняться и вся система как целое. Так, в России до XV—XVI вв. господствующий класс, а до середины XIX в. и значительная часть крестьянства были лишены фамилий. Зато в систему входили и вторые нехристианские имена, и дополнительное именование по деду.

В одно и то же время у разных социальных групп внутри одного и того же народа могут существовать разные антропонимические системы. Так, в XVI в. на Руси боярин мог именоваться Петром Васильевичем Морозовым, дворянин — Петром Васильевым сыном Морозовым, а крестьянин — Петрушкой Васильевым. И даже в официальных документах конца XIX — начала XX в., в эпоху значительной нивелировки антропонимии «господа» именовались с *«вичем»* а «народ» — без него: офицер или чиновник — Петр Васильевич, а мещанин или крестьянин — Петр Васильев.

На примере русской антропонимии (привлекая отчасти и материалы других народов) рассмотрим те возможности, которые открывает перед историком использование антропонимических материалов.

Древнейшая русская антропонимия известна лишь фрагментарно. На страницы летописи попадали прежде всего князья и другие представители господствующего класса. Анализ имен послов в договорах Руси с Византией в X в. показывает, что среди них преобладают неславянские прозвания, происхождение большинства из которых не вполне ясно.

Древнейшие славянские имена, общие для многих славянских народов, состояли, как правило, из двух корней, или основ. Отсюда

и их научное название — двуосновные имена. Такие имена (Святослав, Всеволод, Ростислав, Мирослав, Мечислав, Ратибор, Дорогобуд, Ярополк, Святополк, Ярослав, Брячислав, Вячеслав и т.п.) были характерны прежде всего для верхушки тогдашнего общества, главным образом для князей; их поэтому часто называют княжескими. Дохристианские имена дружинников и рядовых общинников также происходили от славянских корней, но имели одну основу: Добрыня, Гордята, Вышата и т. п. Иногда они носили (по крайней мере внешне) прозвищный характер: так, одного из воевод князя Владимира, упоминающегося в летописи под 984 г., звали Волчий Хвост.

Превращение в конце X в. христианства в официальную религию стало переломом в русской антропонимической системе. Обряд крещения включал и наречение имени из строго определенного перечня святых, помещенного в святцах — церковном календаре. Эти имена принято называть *календарными*. На Руси был принят календарь восточнохристианской (византийской) церкви (впоследствии она стала именоваться православной). Календарные имена поэтому называли на Руси греческими, хотя значительная их часть, пришедшая на Русь через посредство Византии, была иного происхождения: римского, древнееврейского и т. д. Многие из календарных имен прошли на Руси процесс адаптации, приспособления к русскому произношению: так, из Иоанна возник Иван, из Георгия (через Гюрга) — Юрий и Егор, из Иакова — Яков и т. д. Некоторые другие имена были также адаптированы, но в XVIII—XIX вв. победила официальная церковная форма, следы же адаптации сохранились в уменьшительных именах (Костя — от Костянтин, а не от Константин; Митя — от Митрий и т.п.) и в фамилиях (Ивонин из Ивона — от Иона).

Церковные имена распространялись с большим трудом. До XIII—XIV вв. большинство князей называлось старыми некалендарными именами, а полученные при крещении имена (молитвенные) порой даже сохранялись в тайне, чтобы избежать сглаза. Под своими мирскими, или русскими, именами (так назывались некалендарные имена) известны знаменитые киевские князья Владимир Красное Солнышко и Владимир Мономах, оба крещенные именем Василий. Ярослав Мудрый носил христианское имя Георгий (Юрий). Сын Юрия Долгорукого Мстислав и племянник Мстислава — Ярослав Всеволодич (отец Александра Невского) были Федорами. Внук Владимира Мономаха Всеволод Мстиславич был крещен как Гавриил.

Однако уже в средние века в святцы вошло некоторое количество дохристианских имен, принадлежавших князьям, причисленным к лику святых. Хотя все эти князья носили одновременно христи-

анские имена, в святцы они вошли под языческими (Владимир, Борис, Глеб, Всеволод, Игорь, Святополк), которые тем самым перешли в разряд календарных.

Нехристианские имена сохранялись как основные у самых широких слоев населения долгое время. Они встречались даже у духовенства. Так, новгородский священник первой половины XI в. даже в переписанной им книге религиозного содержания сам себя назвал крайне неблагочестивым языческим именем – Упырь Лихой. В XV–XVI вв. некалендарные имена были широко распространены среди дворянства; у части (особенно у князей и боярской верхушки) они употреблялись вместе с христианскими (от некалендарных имен не образовывались почетные формы отчества на *вич*), у многих – в качестве основных. Среди наиболее распространенных некалендарных имен русских дворян XVI в. были Меньшик, Третьяк, Истома, Замятня, Нечай, Постник, Шарап, Пятой, Ширяй, Булгак, Ждан, Русин, Молчан, Шестак, Невежа, Образец, Темир, Угрим, Улан[1]. Многие имена звучали с современной точки зрения оскорбительно и давались, вероятно, от сглаза. Так, встречаются люди с именами Дурак, Негодяй, Тать (вор) и Татище (ворюга), Брех, Плохой, Ляпун, Нехороший и т.п. Попадались и аналогичные Упырю Лихому двойные именования, иногда довольно почетные (например, Востра Сабля), но чаще весьма неблагозвучные: князь Иван Неблагословенной Свистун, князь Семен Иванович Шаховской Угреватая Рожа, Пролей Брага, Очунная (т.е. изумленная, очумевшая) Рожа и т.п.

До возникновения фамилий некалендарные имена, значительно более разнообразные, чем календарные, служили дополнительным опознавательным признаком. Этому помогало и то, что часто в семье существовала традиция давать детям имена как бы из одной серии, связанные друг с другом (этот обычай связанных имен прослеживается у многих, зачастую далеких друг от друга народов). Так, среди потомков боярина Андрея Кобылы мы встречаем Федора Кошку, Шевлягу (в говорах – кляча), Жеребца и т.п. Чулковы, Чеботовы и Ногавицыны были однородцами. Известны братья Козел и Капуста, Бархат и Аксамит (сорт бархата). В роду Травиных (потомки Травы) встречались Пырей, Щавей (т.е. щавель), Осока и Отава. Известны братья Свежина, Солонина, Буженина и Вятчина. В одной из семей у детей были этнонимические имена: Мордовин, Черемисин, Мещерин и Русин. В качестве некалендарных имен, особенно у непривилегированного населения, были распространены на-

---

[1] Приведены имена, которые по подсчетам автора носило более 1% дворян – носителей некалендарных имен в Дворовой тетради 1552 г.

звания животных (птиц, зверей, домашнего скота, насекомых и т.п.). Таково происхождение распространенных русских фамилий Баранов, Быков, Бычков, Волков, Воронин, Воронов, Голубев, Журавлев, Зайцев, Кабанов, Козлов, Комаров, Коровин, Коршунов, Кочетов, Лебедев, Лисицын, Медведев, Муравьев, Орлов, Петухов, Селезнев, Синицын, Сорокин, Уткин, Ястребов и т.п.

Во второй половине XV – середине XVI в. складываются фамилии у русских феодалов. Этот процесс не случайно совпал по времени с созданием единого государства. В небольших княжествах имени и отчества (порой с добавлением некалендарного имени) было достаточно, чтобы среди немногочисленных феодалов отличить одного от другого. Во второй же половине XV в. происходят глубокие изменения в структуре и организации господствующего класса: увеличивается его численность, разрастается аппарат государственной власти, устанавливается порядок прохождения службы. В этих условиях только имени и отчества уже недостаточно для феодала. В едином государстве складывается сложное законодательство о выкупе и наследовании земельной собственности, наследственными фактически были и поместья. Для обоснования прав на наследование и выкуп требовалась принадлежность к определенному роду, а доказать ее могло лишь родовое прозвание.

В закреплении за феодалами фамилий было заинтересовано и государство. Установление обязательной для всех феодалов службы требовало делопроизводства, составления списков служилых людей, в которых запись их только по именам и отчествам могла привести к путанице. Некалендарное же имя не фиксировало принадлежности феодала к определенному роду. Последнее было особенно важным в связи со складыванием в конце XV – первой половине XVI в. системы местничества, при котором для обоснования своей позиции были наиболее ценными службы членов того же рода.

Княжеские фамилии создавались в значительной степени на основе прилагательных, указывающих на землю или удел, где княжил тот или иной князь: князь Оболенский с этой точки зрения сначала не отличался от короля французского. Однако по мере превращения князей из независимых владетелей или полунезависимых вассалов великого князя в подданных государя всея Руси эти прилагательные отрывались от своей этимологии и становились фамилиями, указывающими уже не столько на владения князя, сколько на его происхождение из определенного рода. Князь Оболенский мог не иметь вовсе вотчин в Оболенском уезде, и во всяком случае они составляли лишь небольшую, порой не основную часть его владений, но по-прежнему так именовался. Прилагательное стало фамилией.

Для русских феодальных фамилий XV—XVI вв. характерно их разветвление. Почти каждая крупная боярская, княжеская или дворянская фамилия с течением времени распадалась на ряд новых. Особенно велико было разветвление в княжеских семьях. Типы этого разветвления были различны. Одни князья получали свои прозвания с формантом *-ский* по своим владениям, другие — с формантами *-ов, -ев, -ин* по именам (главным образом некалендарным) отцов и дедов. В каждом из княжеских родов обычно господствовал какой-то один тип разветвления, хотя встречались, как правило, оба. Так, большинство Оболенских носило патронимические (от имен предков) фамилии: Щепины, Немого, Телепневы, Овчинины, Кашины, Репнины и т.п. Это понятно: они еще в XIV в. перешли одними из первых на московскую службу, и их вотчины в родовом гнезде не сохранили черт удельных владений, а от их названий почти не образовывались фамилии. Иначе было дело у князей Белозерских: вплоть до первой половины XVI в. они сохраняли под общим сюзеренитетом Москвы власть над своим княжеством. Их вотчины возникли в результате дробления на части старинного белозерского княжеского домена, поэтому при разделах они и получали прозвания по своим вотчинам полуудельного типа: Амдомские, Ухтомские, Кемские, Карголомские, Белосельские, Вадбольские и т.п. Поскольку разные типы разветвления связаны с разным характером приспособления присоединенных территорий к порядкам в едином государстве, антропонимия может послужить своеобразным сигналом, индикатором для историка.

Русские некняжеские феодальные фамилии в основном патронимичны. Этим они резко отличаются от фамилий немецкого, французского и польского дворянства, происходящих от названий их замков и имений (при помощи предлогов *де* и *фон* и форманта *-ски*, имеющих одну и ту же функцию: образования прилагательного из существительного). Вероятно, в этой особенности отразилась менее тесная связь русского вотчинника со своими земельными владениями, чем у его французского, немецкого или польского собрата.

К XVII в. процесс складывания фамилий у феодалов закончился. Фамилия дворянина стала юридическим фактом, зачастую требовалось особое разрешение правительства для ее изменения. Так, родственники Лжедмитрия I Отрепьевы исхлопотали себе разрешение называться Нелидовыми, чтобы их не компрометировала одиозная фамилия. Дворяне Корсаковы, которые по пышной родословной легенде считались потомками выходцев из Италии, добились разрешения именоваться Римскими-Корсаковыми, чтобы резко отличить себя от менее знатных однофамильцев. Все это делалось только по разрешению царя. Но основная масса населения в условиях

господства натурального хозяйства не нуждалась в фамилиях. Лишь во второй половине XVII в. начинают возникать фамилии у оброчных крестьян и посадского населения. С введением при Петре I паспортов и более строгого учета населения все городское население и значительная часть черносошных (государственных) крестьян получили фамилии. Однако многие помещичьи крестьяне оставались без фамилий вплоть до отмены крепостного права. Уход на заработки требовал получения паспорта, в котором надо было проставить фамилию. Поэтому оброчные крестьяне получили их раньше барщинных.

Одной из самых распространенных фамилий крестьянского происхождения является фамилия Кузнецов (это общее явление — означающие также кузнеца Шмидт, Смит, Ковальский — самые распространенные польские, английские и немецкие фамилии): кузницы были всюду, и вместе с тем на несколько деревень обязательно приходился один кузнец. Однако остальные фамилии, происходящие от профессий, — городские. Иногда они явно ремесленного происхождения (Рыбаков, Сукновалов, Швецов и Шевцов — от «швец», означавшего иногда портного, а иногда сапожника, Кравцов — от «кравец» — портной, Скорняков, Бочаров и т.п.), а иногда трудно сказать, ремесленного или торгового. Делал свечи или только продавал их предок Свешникова? Был мастером изготовления или торговцем овчинами Овчинник, чьи потомки — Овчинниковы? Но во всяком случае фамилии этого типа (можно назвать еще фамилии Шапошников, Ирошников — ирха — замша, Кожевников, Прянишников, Рукавишников, Чеботарев и т.п) городского, посадского происхождения.

В конце XVIII — начале XIX в. появляются фамилии у духовенства. Эти фамилии особенно интересны тем, что именно из этой среды выходили многие представители русской разночинной интеллигенции, давшей целый ряд деятелей науки и культуры.

Многие фамилии духовенства, на первый взгляд, происходят от названий религиозных праздников и имен святых (Покровский, Рождественский, Петропавловский, Никольский и т.п.). Однако в действительности источником фамилий такого типа послужили названия церквей или приходов, а праздники или святые были в свою очередь источниками названий церквей. Эти фамилии, как и княжеские, возникли из простых прилагательных (Иван, благовещенский поп, или Петр, ильинский дьякон, превращались в Ивана Благовещенского или Петра Ильинского). Некоторые приходы чаще называли не по церкви, а по селу. Так, в пензенском селе Ключи в местной церкви служило несколько поколений одного рода. Внук ключевского дьякона Василий — знаменитый русский историк Ва-

силий Осипович Ключевский. Таково же происхождение фамилии исследователя и собирателя древнерусской письменности В.М.Ундольского (от села Ундол Владимирской губернии)

Другой тип фамилий духовенства — семинарские фамилии Вплоть до середины XIX в. тамошнее начальство считало возможным давать воспитанникам фамилии по собственному усмотрению В них часто хотели отразить качества, считавшиеся необходимыми для священнослужителя. Так возникли фамилии Тихомиров, Тихонравов, Добролюбов, Миролюбов, Любомудров, Сладкопевцев и т.п. Фамилии давались по экзотическим растениям (Кедров, Абрикосов), по местностям, упоминаемым в Библии (Иорданский, Иерусалимский), по тем или иным красиво звучащим словам и географическим названиям (Аравийский, Горизонтов, Европейцев, Парадизов, Розанов, Розов, Сатурнов). Поскольку в семинариях тщательно изучались древние языки, многие фамилии переводились на латынь или непосредственно производились от латинских корней· Модестов (скромный), Сперанский (Надеждин), Гиляров и Гиляровский (от «гилярус» — «веселый»), Флоринский и Флоренский (от «флора» — «цветы»), Беневоленский (перевод фамилии Добровольский) и т. д.

В XX век русские фамилии вступили уже устоявшимися. Облегчение процедуры смены фамилии в первые годы советской власти привело к тому, что многие сменили старые фамилии. Имелись случаи изобретения фамилий (например, первоначальная фамилия адмирала Ф.С.Октябрьского — Иванов). Стали фамилиями клички участников подполья Некоторые писатели поменяли свои фамилии на литературный псевдоним Но в целом современные фамилии стали вполне стабильными.

Глава 8

ГЕНЕАЛОГИЯ И СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЭТИКЕТА

Предмет и задачи генеалогии. Генеалогия — специальная, или вспомогательная, историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц, выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности. Возникла генеалогия из практических потребностей правящих классов, нуждающихся в закреплении своих родственных отношений по целому ряду причин. Знание родословия потребовалось для определения места лица на лестнице социальной иерархии. Оно было также необходимо для наследственного права, причем не только в области наследования имуществ, но и власти (династическое право). В Русском государстве XV–XVII вв. генеалогические знания были необходимы для решения местнических споров и тяжб о выкупе вотчин. В XVIII–XIX вв. генеалогические данные использовались также для доказательства прав лица или семьи на дворянское достоинство или титул.

Во второй половине XIX — начале XX в. в России значительно оживились генеалогические исследования. Однако многие авторы создавали родословия своих собственных родов порой на дилетантском уровне. Наиболее крупные представители генеалогической науки использовали генеалогические данные и для целей исторической науки (Н.П. Лихачев, Л.М. Савелов и др.). Главной целью их исследований было стремление подчеркнуть положительную роль дворянства в отечественной истории. Л. М. Савелов писал, что стремится напомнить и самому дворянству о его традициях службы престолу.

В конце XIX — начале XX в. создалась блестящая русская генеалогическая школа. Так, Г.А.Власьев создал фундаментальный труд «Потомство Рюрика» (опубликованный, к сожалению, лишь час-

тично), в котором содержались научно выверенные родословные многих княжеских родов. Л.М.Савелов успешно разрабатывал методику генеалогических исследований, начал публикацию обширного библиографического справочника по русской генеалогии. Н.П. Лихачев положил начало критическому источниковедческому изучению русских родословных книг.

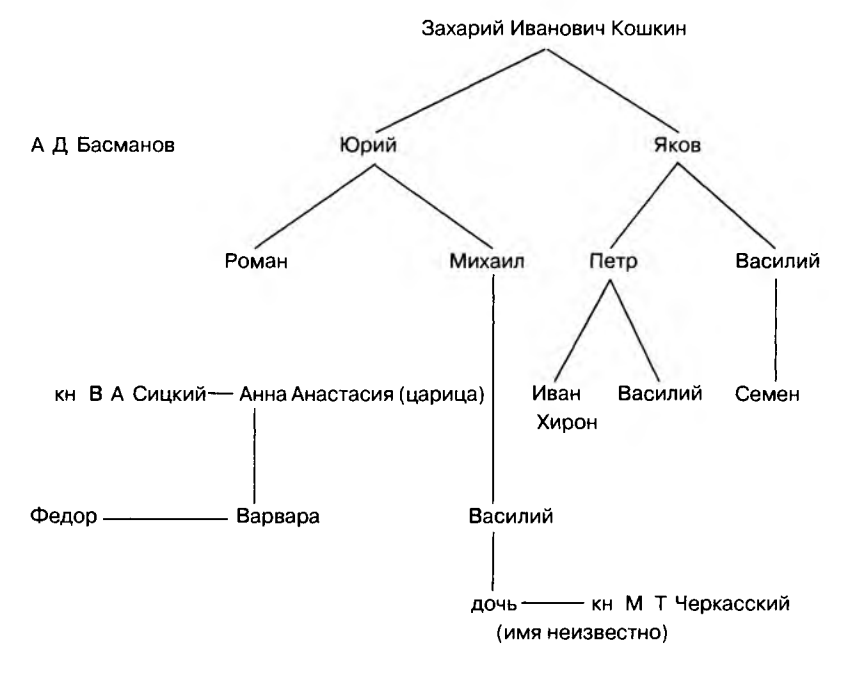
После революции наступил упадок генеалогических исследований. Многие старые генеалоги оказались в эмиграции или были репрессированы. К генеалогии относились настороженно, как к чуждой дворянской науке. Отрицательную роль сыграло господствовавшее в науке насаждавшееся сверху убеждение, что историк должен изучать лишь историю рабочего класса и крестьянства, исследования же по истории дворянства и буржуазии считались в лучшем случае неактуальными, а то и идеологически вредными.

В этих условиях настойчиво возрождал генеалогические методы исследования в исторической науке академик С.Б.Веселовский (1876—1952). Но большая часть его трудов по генеалогии была опубликована лишь посмертно. Большую роль в развитии генеалогии сыграл А.А.Зимин (1920—1980). Успешно применял генеалогию в своих трудах А.А.Введенский (1892—1965). Генеалогические методы широко используют в своих исследованиях Н.И.Павленко, В.Л.Янин и др. Специальные труды, посвященные русской генеалогии, принадлежат А.И.Аксенову, М.Е.Бычковой, С.В.Думину, Б.Н.Морозову, И.В.Сахарову и др. В связи с ростом внимания общества к своему прошлому оживился интерес к генеалогии и у людей, не связанных с историей профессионально. Создаются семинары и неформальные объединения любителей генеалогии, члены которых разрабатывают историю своих семей. Свидетельством повышения престижа генеалогии в общественном сознании стала конференция «Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования» (1989), первая за всю историю нашей науки, привлекшая несколько десятков участников, в том числе не историков по профессии.

Роль генеалогии в историческом исследовании определяется прежде всего тем, что человек выступает одновременно как основной субъект исторического процесса и объект исторического исследования. Все исторические закономерности проявляются через деятельность людей.

Особое значение имеет генеалогия для изучения политической истории периода феодализма. В средние века происхождение человека прочно прикрепляло его к определенной социальной группе, в значительно большей степени, чем в более поздние эпохи, определяло его поступки и мысли. Брачные связи между коронованными

особами — династические браки — играли важную политическую роль. Брачные связи на более низком уровне — между князьями и баронами, боярами и дворянами — также были важны. В ходе политической борьбы часто создавались соперничающие клановые группировки, и знание генеалогии помогает реконструировать отношения между ними. Можно привести пример, касающийся периода опричнины. В 1569—1571 гг. попадает в опалу большая группа приближенных Ивана Грозного, многие из них гибнут. Были казнены (или погибли в темницах) отец и сын Алексей Данилович и Федор Басмановы-Плещеевы, брат второй жены царя князь Михаил Темрюкович Черкасский с женой и сыном, Семен Васильевич, Иван Хирон и Василий Петрович Яковля, оказался в опале князь Василий Андреевич Сицкий. Следующая схема показывает, как тесно были связаны друг с другом все они:



Если учесть, что большинство опальных были опричниками и даже принадлежали к числу инициаторов создания этого учреждения, что Басмановы и Захарьины (Юрьевы и Яковля) происходили из старомосковского боярства (об этом термине см. ниже.), то напрашивается вывод, что в конце 60-х — начале 70-х гг. XVI в. старомосковское боярство, создавшее опричнину и возглавлявшее ее в

течение пяти лет, оказалось вынужденным уйти от руководства, оттесненное новыми приближенными грозного царя.

Генеалогические методы исследования дают возможность изучать историко-культурную среду, порождавшую деятелей того или иного направления общественной жизни. Так, к важным выводам относительно формирования декабристской идеологии пришел Н.Я Эйдельман, исследуя генеалогию Муравьевых и Луниных.

Классическая генеалогия прошлого ограничивалась в основном изучением дворянских родословных. Исследование генеалогии других сословий открывает перед историком новые широкие возможности Так, генеалогическое изучение буржуазии позволяет проследить ход формирования этого класса, выявить социальные группы, явившиеся его питательной средой. Изучение родословия Строгановых (А.А.Введенский), русских мануфактуристов в области металлургии (Н.И.Павленко), московского купечества (А.И.Аксенов) привело к важным общеисторическим выводам относительно темпа генезиса капиталистических отношений в России и хронологических рамок этого процесса. Так, прослеживаемое генеалогически постепенное одворянивание ранних буржуазных династий свидетельствует о стабильности феодального способа производства еще в первой половине — середине XVIII в.

Исследование процесса создания кадрового пролетариата (М.Г.Мейерович) также потребовало применения генеалогических методов (количество поколений предков, живущих в городе, связь с крестьянством и т.п.).

Н.И.Павленко также обратил внимание на то, что для изучения имущественной дифференциации и социального расслоения крестьянства, связи этих процессов с составом семьи, стабильности или подвижности социального статуса необходимо составление крестьянских генеалогий.

Генеалогия имеет важное значение и для архивного дела. При описании личных архивных фондов только знание родственных и семейно-брачных связей позволяет порой выявить, что разнородные на первый взгляд документы относятся к одному семейному архиву, что заставляет объединить их в одном фонде Генеалогические сведения дают возможность вместе с другими фактами опознать адресатов и отправителей писем, не имеющих точной атрибуции.

В области архивного дела генеалогия также открывает большие возможности для розыска новых документов, хранящихся у населения. В этом случае речь идет об установлении ныне живущих потомков известных деятелей прошлого и людей из их окружения. Блестящий пример такого использования генеалогии дают разыскания И.Л Андроникова, обогатившие нашу науку множеством новых ценных историко-культурных источников.

Методика генеалогического исследования. Родословия обычно представляют в виде генеалогических таблиц, схем и росписей.

Генеалогические таблицы дают наглядное представление о родословии. Они могут составляться в разных вариантах: от родоначальника — к потомкам, от одного из потомков — к предкам («родословное древо»); таблица может быть расположена вертикально и горизонтально. Существуют, наконец, родословные таблицы в кругах.

Несмотря на наглядность, таблицы слишком громоздки, в них трудно включать большое количество дополнительных сведений (в горизонтальные можно включать больше данных, чем в вертикальные, но все же далеко не все). Гораздо удобнее в этом отношении росписи. При составлении росписи каждый упоминаемый человек (поскольку при генеалогических таблицах чаще всего изучается родство по мужской линии, то обычно каждый мужчина) получает свой порядковый номер. При упоминании его детей дается ссылка на отцовский номер. Например:

1. Иван Васильевич
2. Иван Иванович Молодой 1
3. Елена Ивановна 1.

В последнее время стала распространяться более перспективная система нумерации росписей, при которой указываются номера всех предков по восходящей линии. Таким образом, без помощи таблицы видна степень родства двух любых лиц, записанных в росписи. Например, в росписи находим:

514/333/201/99/49/18/6/2/1 кн. Юрий Иванович Морткин.

515/379/202/100/50/18/6/2/1 кн. Василий Юрьевич Адашев Шехонский.

516/380/202/100/50/18/6/2/1 кн. Яков Тимофеевич Адашев Шехонский.

Из набора номеров устанавливаем, что первый приходится двум вторым пятиюродным братом, а В.Ю. и Я.Т.Шехонские — двоюродные братья.

В такой росписи возможно давать документированные сведения о том или ином лице в любом объеме и со ссылками на источники. В качестве примера можно привести отрывок родословной росписи князей Тверских, составленной В. Б. Кобриным.

38/27/20/12/8/4/2/1 Василий Михайлович **Холмский**. Упоминается в разрядных книгах в 1513 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг. — М., 1966. — С. 53.)

39/27/20/12/8/4/2/1 Иван Михайлович **Холмский**.

40/28/20/12/8/4/2/1 Семен Данилович **Холмский**. Упоминается в разрядах в 1495—1496 гг. (Разрядная книга 1475—1598 гг. —

С. 25, 26.) Умер до 1511 г. (Акты Русского государства 1505–1526 гг. – М., 1975. – № 78.)

41/28/20/12/8/4/2/1 Василий Данилович **Холмский**. Упоминается в разрядах в 1495–1509 гг. (Разрядная книга 1475–1598 гг., см. по указателю.) В 1504 г. ему принадлежало село Климятинское Скирманова стана Рузского уезда на границе с Сурожиком Московского уезда. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л., 1950. – № 95.) В 1507 г. обменял Иосифо-Волоколамскому монастырю деревни Дедовскую и Шалыгино Сестринского стана Рузского уезда на деревню Величково с одной пустошью Раховского стана того же уезда. (Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. – М., 1956. – № 36.) Умер до 1511 г. (Акты Русского государства 1505–1526 гг. – № 78.)

42/29/20/12/8/4/2/1 Иван Иванович **Холмский**.

43/30/21/14/9/2/1 Иван Юрьевич **Зубцовский**.

44/31/21/14/9/4/2/1 Михаил Борисович, последний великий князь тверской.

45/32/23/18/9/4/2/1 Андрей Борисович **Микулинский**. Около 1470-х годов обменял Андрею Федоровичу (№ 47) «землю» Коромысловскую в вотчине Отъездце на «земли» Афонасово и Сверчково Шиловского стана Тверской земли «к вотчине Городищу» (Микулину), доплатив 10 рублей, «с судом и поличным». (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. – М., 1952. – № 474.) Его вотчина Городище в Микулине стала к середине XVI в. дворцовым селом. (Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. II. – СПб., 1877. – С. 341–349.)

46/33/23/18/9/4/2/1 Михаил Федорович **Микулинский-Телятевский**. Упоминается в разрядах в 1477–1509 гг., вначале как «тверской князь», «с тверичи». (Разрядная книга 1475–1598 гг., см. по указателю.)

47/33/23/18/9/4/2/1 Андрей Федорович **Микулинский-Телятевский**. Около 1470-х годов он и его брат Юрий (№ 48) разделили вотчину умершего брата Василия (Вассиана) (№ 49) сельцо Колесниково с деревнями в Отъездце с условием: «по коя место земля, и по та места и суд, и поличное, и душегубство». (Акты социально-экономической истории..., т. I, № 475, 476.) Об отмене вотчины см. № 45.

48/33/23/18/9/4/2/1 Юрий Федорович **Микулинский-Телятевский**. О вотчине см. № 47.

49/33/23/18/9/4/2/1 Василий (Вассиан) Федорович **Микулинский-Телятевский**. Бездетен. О разделе его вотчины см. № 47.

Приведенный пример показывает, что роспись, уступая таблице в наглядности, превосходит ее по количеству возможных сведений

и ссылок на источники. Для родословного исследования поэтому часто бывает полезным составить и таблицу и роспись.

Исследователь, работающий в области генеалогии, использует разнообразные исторические источники, набор которых мало отличается от используемого в любой общеисторической работе. Вместе с тем некоторые источники носят специфически генеалогический характер или используются генеалогами наиболее часто. Родословные книги являются наиболее типичным генеалогическим источником. В России (по исследованиям М.Е.Бычковой) родословные книги появляются в середине XVI в., когда был составлен «Государев родословец» — официальный родословный справочник, состоявший из 43 глав, каждая из которых была посвящена одному роду. «Государев родословец» зафиксировал состав высшей аристократии XVI в. В дальнейшем возникали новые редакции родословных книг, включавшие порой большее количество родов, продолжавшие известия до более позднего времени. Последняя по времени официальная родословная книга — так называемая Бархатная книга конца XVII века.

Родословные книги — сложный для изучения источник. Прежде всего, в них встречаются многочисленные ошибки, часто связанные с невнимательностью переписчиков, пропускавших отдельные строчки монотонного текста. Легкость таких пропусков очевидна при самом беглом знакомстве с текстами родословных книг. Вот в качестве примера отрывок из родословной Волынских:

«А Борисовы дети: Семен, да Окинф и Полуехт, да Селиван, да Михайло, да Михайло же. А у большого у Борисова сына сын Игнатей. А Игнатьевы дети: Булгак, да Сава, да Василий. А у Булгака сын Тороп. А у Савы дети: Иван да Русин. А у другова сына Борисова Окинфеевича Окинф бездетен. А у третьего сына Борисова Дмитреевича Полуехта дети: Иван да Микита. А Ивановы дети Полуехтовича: Дмитрей, да Федор, да Микита, да Василей...»

В дворянских и боярских родословных уже в XVI в. появляются генеалогические легенды, особое распространение которых падает на XVII—XVIII вв. Большое их количество вошло в Бархатную книгу и в составленный в XVIII в. Гербовник, где при описании дворянского герба давались и краткие сведения о происхождении рода. Большинство легенд выводят происхождение дворянских родов из-за рубежа. Хотя, естественно, выезды на Русь из Западной Европы и с Востока встречались, однако, если поверить всей совокупности дворянских родословных легенд, мы окажемся перед странной картиной: полностью инонационального по происхождению господствующего класса. Чем менее знатным был род, тем более цветистой была его родословная легенда. Пожалуй, наибольшей бесцере-

монностью в сочинении своей легенды отличились мелкие дворяне Супоневы, родоначальником которых оказался некий «енералиссимус Суп», ставший в промежуток между двумя поездками на Русь испанским королем. Поиски знатных предков за рубежом вызывались опасением, что родоначальника, происхождение которого неизвестно, представители соперничающих родов могут «обвинить» в холопьем или «мужичьем» происхождении. Для обоснования родословных легенд и увеличения древности рода в XVII в. было создано значительное количество подложных грамот. Изготовление их продолжалось и в XVIII в.

Важным источником являются разрядные книги, в которые со второй половины XV в. записывались назначения на все важнейшие должности в военных походах, на службе по защите рубежей и при участии в некоторых придворных церемониях. Разрядные книги дают возможность генеалогу определить время деятельности и характер службы изучаемого лица. От подлинных разрядных книг до нас дошли лишь случайные, главным образом черновые, отрывки: в 1682 г. при отмене местничества подлинные разрядные книги были торжественно сожжены, ибо записи в них были главным основанием для вычисления служебного старшинства при местнических счетах. Дошедшие до нас разрядные книги разных редакций — это в основном списки с официальных разрядных книг, составленные частными лицами для собственного употребления. Поэтому в них встречаются ошибки как ненамеренные (путаница дат, ошибки в именах и отчествах, пропуски), так и ставящие своей целью возвышение одних и уничижение других родов. Используя разрядные книги, генеалог должен тщательно сличать разные редакции и списки.

Начиная с середины XVI в. составлялись разного рода списки служилых людей. В 1550 г. был издан указ о раздаче лицам из ближайшего окружения царя, не имевшим поместий и вотчин вблизи Москвы, подмосковных поместий. Число таких «лучших слуг» было определено в 1000 человек. Был составлен их список – Тысячная книга, включившая около 1080 человек, разделенных на три разряда — «статьи». Вне зависимости от того, была ли действительно осуществлена эта реформа (об этом существуют в науке разные точки зрения), список тысячников дает в руки исследователя первоклассный по своей объективности материал. В 1550 г. была составлена Дворовая тетрадь, полный список высшего слоя господствующего класса — «Государева Двора». В ней записано свыше 4000 человек. Дворовая тетрадь была действующим документом вплоть до 1560 г.: в нее вносились дополнения, вычеркивались те, кто выбыл из состава Двора, причем обычно указывалась причина: «умер», «стар и болен», «в полону» и даже «в холопех» и «в разбое пове-

шен». В обоих документах все дворяне расписаны по городам (т.е. по уездам), в которых они несли службы и где, как правило, располагались их основные земельные владения. Дают они также сведения о родственных отношениях записанных там лиц, что имеет особое генеалогическое значение. Так, три поколения рода Белкиных можно восстановить по записи: «Семен да Василий Андреевы дети Белкина. Семеновы дети Матюшко да Бориско, а Васильевы дети Богданко да Иванец». Начиная с середины XVI в. составлялись также списки придворных чинов — так называемые боярские книги. Чрезвычайно важны для генеалога регулярно составлявшиеся списки провинциальных дворян — десятни.

Для изучения генеалогии средневекового периода (до XVII в.) огромное значение имеют акты феодального землевладения, фиксирующие переход земельной собственности из рук в руки. В этих актах встречаются указания на дедов, а то и прадедов нынешних владельцев, в качестве свидетелей выступают их родные и двоюродные братья и племянники с указанием степени родства. Акты — это почти единственный источник, дающий материал о брачных связях, ибо при имени женщины обычно указывалось не только имя ее мужа, но и отца. Достоинством актов как источника является их объективность: указание на родственные отношения служит не целям дворянской спеси, а идентификации личности.

Генеалогические источники для изучения более позднего времени носят несколько иной характер. Здесь на первое место выдвигаются книги регистраций рождений, браков и смертей. Важное значение имеют также послужные списки, автобиографии и анкеты. В XIX в. были собраны и изданы надписи на могильных памятниках Москвы, Петербурга и некоторых других городов. Эти «некрополи» также дают ценные генеалогические сведения.

Восстановление недворянской генеалогии наталкивается на особые трудности. Купеческие роды, не говоря уже о крестьянских, посадских и рабочих, не вели своих родословных. Поэтому случаи, когда родословие удается восстановить более чем для трех-четырех поколений, являются скорее исключениями, чем правилом. Однако при изучении недворянских родословий особое значение приобретает исследование брачных связей между разными семьями. Это особенно важно ввиду динамичности сословного положения недворянских семей.

При изучении родословий необходимо учитывать некоторые генеалогические закономерности. Одна из них — родословный счет. Естественно, существует большое разнообразие в возрастном расстоянии между родителями и детьми. Так, Иван III стал отцом в 18 лет, а у польского короля Владислава-Ягайло в 77 лет родился

сын — будущий король Казимир IV. Однако в среднем можно считать, что на один век приходится три поколения по мужской линии и четыре — по женской, т.е. средняя разница в возрасте между отцом и ребенком 30—35 лет, а между матерью и ребенком — 25—30 лет. Чем больше поколений отделяют потомка от предка, тем ближе подходит разница в возрасте к среднему генеалогическому счету.

Генеалогический счет имеет важное значение для проверки истинности родословных. Если средняя разница между поколениями слишком сильно отличается от 30—35 лет, есть основания подозревать, что в родословной имеются ошибки.

Используется генеалогический счет и в этнографических и историко-культурных исследованиях. При установлении времени постройки крестьянского дома, изготовления предмета прикладного искусства владельцы часто могут сообщить лишь, что вещь была приобретена или дом был построен дедом, прадедом и т.п. Знание генеалогического счета позволит установить приблизительную дату.

С генеалогическим счетом связан и один парадокс. Если у человека, родившегося, например, в 1965 г., было двое родителей, родившихся около 1935 г., а в предыдущем поколении — четверо предков, родившихся около 1905 г., то количество предков возрастает в геометрической прогрессии. В результате мы получим следующие данные:

1965	1	1605	4 096	1245	16 777 216
1935	2	1575	8 192	1215	33 554 432
1905	4	1545	16 384	1185	67 108 864
1875	8	1515	32 768	1155	134 217 728
1845	16	1485	65 536	1125	268 435 456
1815	32	1455	131 072	1095	536 870 912
1785	64	1425	262 144	1065	1 073 741 824
1755	128	1395	524 288	1035	2 147 483 648
1725	256	1365	1 048 576	1005	4 294 967 296
1695	512	1335	2 097 152	975	8 589 934 592
1665	1024	1305	4 194 304		
1635	2048	1275	8 388 608		

Итак, возникает парадоксальная ситуация: у человека, родившегося в 1965 г., в конце X в. было предков больше, чем ныне живет на всем земном шаре. Разгадка этого парадокса проста: на самом деле предков во много раз меньше, ибо люди, часто не зная этого, вступают в брак с дальними родственниками. Правила православной церкви запрещали вступать в брак троюродному брату и сестре, но и из этого правила в сельской местности, где выбор женихов и невест был ограничен, зачастую делались исключения. В странах, где господствовало католичество, разрешались даже браки двоюродных брата и сестры.

Действие этого закона, который можно назвать законом редукции предков, лучше всего можно проследить на тех семьях, генеалогия которых лучше известна, — на коронованных. Так, среди предков испанского короля Альфонса XII на 14 разных местах стоит французский король Людовик XIV, умерший за 142 года до рождения своего потомка.

Русская генеалогия. Верхушку русского феодального сословия средневекового периода составляли княжеские роды. До конца XVII в. другие дворянские титулы в России не употреблялись. Слово «князь» общеславянское и первоначально означало главу племени или союза племен. Титулы в России до Петра I не жаловались и были только наследственными, поэтому большинство князей принадлежало к роду Рюриковичей или Гедиминовичей. Судьба потомков племенных славянских князей (упоминающийся в летописи древлянский князь Мал и др.) неизвестна. До середины XV в. титул князя носил лишь тот отпрыск княжеского рода, который был реальным главой княжества (не вступившие еще на престол сыновья князей назывались княжичами). Поэтому переход на службу к великому князю, превращение в боярина обычно влекли за собой утрату княжеского титула (так, потомками смоленских князей были не пользовавшиеся княжескими титулами роды Карповых, Коробьиных, Травиных, Ржевских, Толбузиных, Скрябиных).

Однако создание во второй половине XV в. Русского единого государства сделало возможным сохранение княжеского титула и за теми из князей, которые перешли в состав бояр, дворян и детей боярских. Термин «князь» из точного обозначения места в системе феодальной иерархии превратился в титул, не дававший сам по себе реальных выгод его носителю.

Все князья Рюриковичи были потомками прежде независимых князей, происходившими от сыновей Ярослава Мудрого. Их можно разделить на несколько ветвей. Все они происходили от двух сыновей Ярослава Мудрого: третьего сына — Святослава и четвертого — Всеволода.

Старший из сыновей Святослава Ярославича — Ярослав стал родоначальником рязанских князей. Из них в составе русского боярства XVI—XVII вв. остались лишь потомки удельных князей Рязанской земли — князья Пронские. Некоторые редакции родословных книг считают потомками рязанских князей и князей Елецких, но в других редакциях их выводят от другого сына Святослава Ярославича — Олега, княжившего в Чернигове. Роды черниговских князей ведут свое происхождение от трех сыновей Михаила Всеволодовича (он был праправнуком Олега Святославича) — Семена,

Юрия и Мстислава. Глуховский князь Семен Михайлович стал родоначальником князей Воротынских и Одоевских, тарусский князь Юрий Михайлович — Мезецких, Барятинских и Оболенских, карачевский Мстислав Михайлович — Мосальских и Звенигородских. Из князей Оболенских выделилось затем также немало княжеских родов, из которых наиболее известны Щербатовы, Репнины, Серебряные, Долгоруковы.

Значительно больше родов происходило от Всеволода Ярославича и его сына — Владимира Мономаха. Потомками старшего сына Мономаха — Мстислава Великого — были многочисленные смоленские князья (из них наиболее известны роды Вяземских и Кропоткиных).

Другая ветвь шла от Юрия Долгорукого и его сына — Всеволода Большое Гнездо. Старший его сын — Константин завещал своим сыновьям: Васильку — Ростов и Белоозеро, а Всеволоду — Ярославль. От старшего сына Василька — Бориса происходят ростовские князья (из них наиболее известны роды Щепиных, Катыревых, Буйносовых), а от второго сына — Глеба белозерские князья (среди них — князья Ухтомские, Шелешпанские, Вадбольские, Белосельские). У единственного наследника ярославского князя Всеволода Константиновича — Василия не было сыновей. Его дочь Мария вышла замуж за князя Федора Ростиславича из рода смоленских князей и принесла ему в приданое Ярославское княжество. Из числа их потомков наиболее известны Курбские, Кубенские, Сицкие, Шаховские, Прозоровские.

Другой сын Всеволода Большое Гнездо — Ярослав стал родоначальником нескольких княжеских династий. От старшего его сына Александра Невского через его сына Даниила пошла династия московских князей. Братья Александра Невского Андрей Суздальский и Ярослав Тверской стали основателями этих княжеских родов. Из суздальских князей наиболее известны князья Шуйские. (Некоторые родословные, впрочем, выводят Шуйских от сына Александра Невского Андрея.) Основная линия тверских князей пресеклась после бегства в Великое княжество Литовское последнего независимого великого князя Тверского Михаила Борисовича (1485 г.), но в состав русского боярства вошли потомки удельных князей Тверской земли — князья Микулинские и Микулинские-Телятевские, Холмские и др.

Младший сын Всеволода Большое Гнездо — Иван получил в удел Стародуб-Ряполовский (восточнее Владимира). Из князей Стародубских-Ряполовских наиболее известны роды Пожарских, Ромодановских и Палецких.

Другую группу княжеских родов составляли Гедиминовичи — потомки великого князя Литовского Гедимина (ум. 1341 г.), выехавшие в разное время на Русь.

Одна их ветвь происходила от старшего внука Гедимина — Патрикея Наримантовича. При Василии I в начале XV в. на московскую службу перешли два сына Патрикея — Федор и Юрий. Сын Федора — Василий по вотчинам на р. Хованке получил прозвание Хованского и стал родоначальником этого княжеского рода. Видные политические деятели Василий и Иван Юрьевичи назывались Патрикеевыми. Сыновьями Василия Юрьевича были Иван Булгак и Даниил Щеня — родоначальники князей Булгаковых и Щенятевых. Булгаковы в свою очередь разделились на Голицыных и Куракиных — от сыновей Ивана Булгака Михаила Голицы и Андрея Кураки.

Другая ветвь Гедиминовичей на Руси вела свое происхождение от сына Гедимина Евнутия. Его отдаленный потомок Федор Михайлович Мстиславский выехал на Русь в 1526 г.

От знаменитого великого князя Литовского Ольгерда, также сына Гедимина, вели свое происхождение Трубецкие и Бельские. Правнук Дмитрия Ольгердовича Трубецкого (по городу Трубчевску) Иван Юрьевич и его племянники Андрей, Иван и Федор Ивановичи в 1500 г. перешли в русское подданство вместе со своим небольшим княжеством. Внук брата Дмитрия Ольгердовича — Владимира Бельского — Федор Иванович выехал на русскую службу в 1482 г.

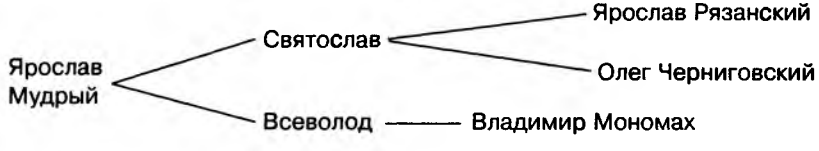
Все Гедиминовичи заняли на Руси высокое служебное и политическое положение и играли заметную роль в истории страны.

Происхождение княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей более наглядно изображено на схемах.

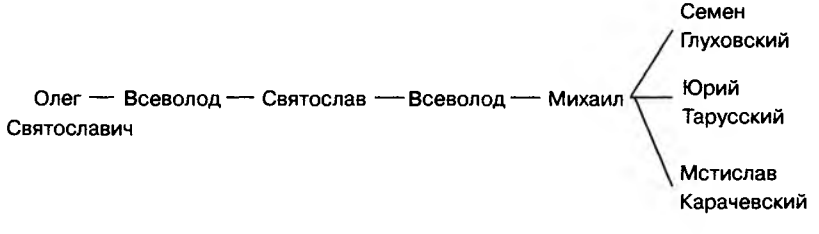
Таблица 1

Схема происхождения основных княжеских родов Рюриковичей

I



II



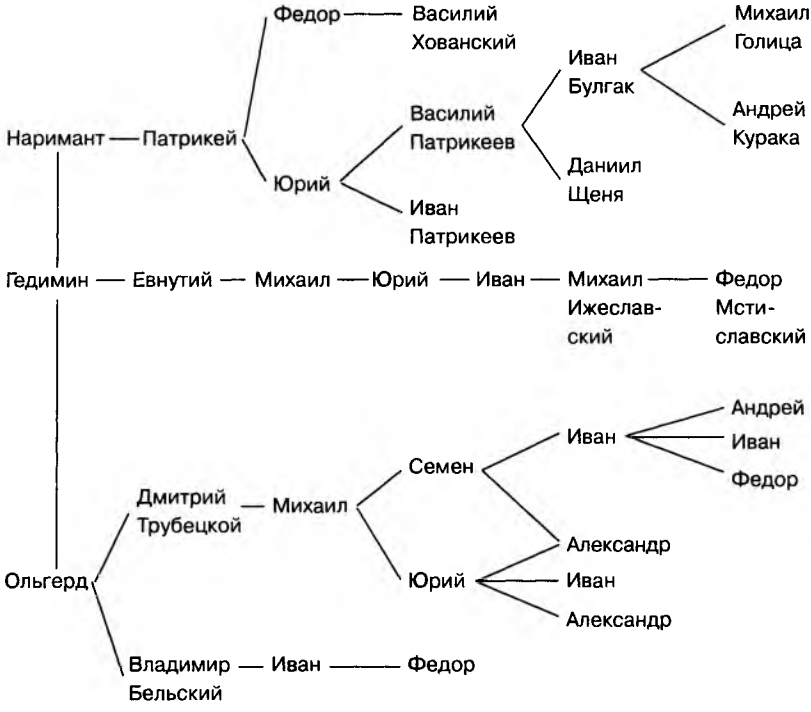
III

Кроме Рюриковичей и Гедиминовичей, княжескими титулами пользовались представители феодальной верхушки нерусских народов России и выезжие аристократы.

Следующим за князьями слоем аристократии было старомосковское боярство. Этим термином принято обозначать отпрысков тех старинных родов, предки которых были боярами во времена Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Это была та группа, которая активно помогала московским князьям в их борьбе сначала за усиление Московского княжества, а затем — за объединение русских земель. Это роды Бутурлиных, Морозовых, Салтыковых, Захарьиных (с ответвлениями — Юрьевы и Яковлевы), Плещеевых и др. Из этой среды выходили воеводы и наместники. Многие из этих размножившихся родов уже к рубежу XV—XVI вв. «захудали», растеряли в семейных разделах родовые вотчины, а в служебном отношении превратились в обычных детей боярских, хотя и сравнительно высокого ранга. Они постепенно смешивались с основной массой провинциальных служилых людей.

Таблица 2

Схема происхождения основных княжеских родов русских Гедиминовичей



Генеалогический состав массы русского дворянства в XVI–XVII вв. был довольно сложен. Наряду с обедневшими потомками старых боярских родов в него входили потомки бояр прежде независимых княжеств (так, рязанские дворяне Ляпуновы и Сунбуловы – потомки рязанских бояр, многие новгородские бояре оказались переселенными в Центральную Россию и стали там рядовыми дворянами). В состав дворян вошло и много бывших холопов, особенно княжеских. Холопы великих князей, по мере того как власть их из вотчинной превращалась в государственную, входили в состав класса феодалов. В Новгородской земле в конце XV в. были розданы поместья многим бывшим боярским холопам. Наконец, дворянами становились и выходцы из других социальных групп. Каждый принятый на службу и получивший поместное жалованье считался сыном боярским или дворянином. Особенно широко «верстались» по-

местьями люди из непривилегированных сословий в конце XVI в. в южных районах, где было необходимо организовать пограничную службу. Здесь (например, в Орловском уезде) бывали единичные случаи, когда помещик и его крестьянин были родными братьями. После Смутного времени правительство Михаила Романова довольно щедро раздавало поместья казачьей верхушке, стремясь нейтрализовать казачество.

Пестрота дворянского сословия, большая разница между его верхами и низами — и по возможностям службы, и в богатстве — приводила к тому, что некоторые дворяне сражались в войсках И.Болотникова, С.Разина и т.д.

Иерархия феодалов второй половины XV—XVII в. определялась местничеством. Положение человека на местнической лестнице определялось не абстрактной знатностью, а службой предков великим князьям и царям. Поэтому князь Рюрикович, чей род позже начал служить в Москве, мог занимать более низкое положение, чем отпрыск старомосковского боярского рода. Местничество определяло не конкретную должность, а взаимные отношения служилых людей. Если отцы, деды или даже прадеды (или другие старшие родственники) двух служилых людей были на совместной службе и один из них был подчинен другому, то это положение при всех других должностях и в иных ситуациях должно было сохраняться и для их потомков.

В XVI в. местничество касалось узкого круга высшей аристократии, но в XVII в. постепенно охватывает все более широкие слои феодалов. К середине XVII в. местничество стало уже серьезным препятствием для продвижения по службе способных и талантливых людей, запутывало до бесконечности отношения между феодалами и делало порой неразрешимой головоломкой составление «разряда» — списка назначений для того или иного похода или другой службы. Однако аристократия держалась за местничество. Только в 1682 г. по инициативе умного и решительного государственного деятеля князя В.В.Голицына «богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество» было отменено.

Еще более серьезные изменения в организации господствующего класса, приведшие к переменам в его генеалогическом составе, произошли в период утверждения в России абсолютной монархии в первой четверти XVIII в.

Монарх теперь получил право жаловать дворянские титулы. Титулованная знать состояла уже не только из «природных» князей, но и из приближенных, получавших титулы за заслуги перед престолом. Вместо одного титула князя появилось несколько титулов; их последовательность (от старшего к младшему) была такова: светлейший князь (князь с титулом «его светлости»), князь, граф, ба-

рон. (Последний титул жаловался сравнительно редко и в основном в XVIII в.) Первым в 1706 г. титул графа получил крупный полководец генерал-фельдмаршал Б.П.Шереметев. Титул князя был пожалован ближайшему сотруднику Петра I А.Д.Меншикову.

В первой четверти XVIII в. возникает и понятие «дворянское достоинство», устанавливается твердый порядок его приобретения. Помимо детей потомственных дворян, дворянами автоматически становились все офицеры, чиновники, достигшие чина коллежского асессора (равного военному чину майора), и лица, награжденные орденом. Эти меры были связаны с ростом в период становления абсолютизма государственного аппарата и необходимостью замещать важнейшие должности в правительственном аппарате дворянами. Дворянское сословие тем самым расширялось за счет наиболее способных или наиболее верных престолу выходцев из других сословий. Наряду с родовым дворянством возникло дворянство выслуженное, которое неофициально считалось менее почетным. Впоследствии А.С.Пушкин, подчеркивая старинное происхождение своего дворянства, иронически писал:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор,
Я просто русский мещанин

Здесь исключительно точно перечислены существовавшие в пушкинское время с 1722 г. источники выслуженного дворянства: академики и профессора никогда не имели чина ниже коллежского асессора

Впоследствии, в связи с тем что чины стали даваться значительно щедрее и количество дворян по чину резко возросло, в середине XIX в. были введены значительные ограничения. С 1845 г. потомственное дворянство в военной службе давал лишь чин майора, а в гражданской — статского советника (стоявший между полковником и генерал-майором); в 1856 г. дворянами становились в военной службе лишь полковники, а в гражданской службе — действительные статские советники (чин, равный генерал-майору). Кроме того, из орденов потомственное дворянство стали давать лишь высшие степени (которые все равно получали лишь те, кто уже имел право на дворянство по чину), орден св. Владимира (его также обычно получали лишь офицеры и чиновники высокого ранга) и орден св. Георгия (офицерский), дававшийся за исключительные военные заслуги.

Значительно менее, чем дворянская генеалогия, разработаны родословные данные о посадских людях и купечестве, крестьянстве и рабочих. Исследования в этой области только начинаются, поэтому в этой части придется ограничиться отдельными примерами.

В работах А.И. Аксенова изучен генеалогический состав московского купечества. Он установил частую смену его состава (наиболее распространенная продолжительность купеческого рода — 2—3 поколения), разветвленность брачных связей, игравших своеобразную роль средства первоначального накопления и регулятора экономических отношений между родами, интенсивность процесса одворянивания. М.М. Громыко реконструировала генеалогию нескольких купеческих семей Сибири. Здесь также уделено особое внимание брачным связям. Как заметила М.М. Громыко, в Сибири эти связи далеко не ограничивались одним городом: «Семьи с крупным капиталом были немногочисленны и стремились породниться». Функции купеческой семьи отличаются от обычных — это семья-компания и отношения внутри семьи — отношения между компаньонами в большом предприятии.

Крестьянская генеалогия Сибири изучалась В.А. Александровым и М.М.Громыко. Их исследования дают возможность проследить характер заселения Сибири, связь крестьянского населения с казачеством и служилыми людьми, характер «большой семьи» в сибирской деревне.

Генеалогию мастеровых петербургских казенных заводов XVIII — начала XIX в. изучала Л.Н.Семенова, проследив пути формирования российского предпролетариата. Ею выявлены два типа социальной эволюции: наследование большинством профессий и социального статуса отцов и переход наиболее способных в состав чиновничества и офицерства с получением некоторыми и дворянства. Генеалогии рабочих посвящена и работа П.А.Колесникова, сумевшего восстановить родословную небезизвестного Ивана Васильевича Бабушкина (1873—1906) на протяжении семи поколений вплоть до Ивана Семеновича Бабушкина, солевара Леденгского усолья в конце XVII — начале XVIII в. Изучение генеалогии И.В.Бабушкина важно тем, что дает возможность представить себе пути формирования кадров рабочих. Важно отметить несовпадение сословного и социального статуса: И.В.Бабушкин, будучи рабочим в седьмом поколении, по документам числился крестьянином.

Изучение генеалогии послереволюционного общества только начинается. Материалы по данной теме накапливаются в основном в публицистике, качество их научной обработки невысоко. Между тем много ценного для суждений о сущности послереволюционной власти дало бы генеалогическое исследование социального и национального состава государственного, партийного, военного аппарата в разные годы их эволюции. Серьезные исследования по этой теме еще впереди. И здесь открывается широкое поле деятельности и для учителя-историка, и для студента.

Системы социального этикета. Социальные отношения, как правило, оформляются определенными системами социального этикета: званиями, чинами, наградами, титулами, знаками различия и т.п. Определенное звание или титул обычно указывает на место его носителя в общественной иерархии, на заслуги перед государством или правящим классом. Особая одежда, часто форменная со знаками различия, знаки наград и т.п. дают возможность определить по внешнему виду носителя звания, лицо, награжденное орденом или медалью и т. д. Создание и развитие этих систем непосредственно связано с эволюцией социально-политического строя и является поэтому неотъемлемой составной частью исторического процесса. Вместе с тем знание систем социального этикета имеет прикладное значение. Историк, для того чтобы понять исторический источник (а зачастую и научное сочинение), должен знать, чем стольник отличается от боярина или окольничего, кем был коллежский секретарь или секунд-майор, высокой ли наградой была «Анна на шее». Разумеется, звания и награды советского времени историку как современнику известны лучше, но и здесь он должен суметь отличить, например, должность командарма или комдива (командующий армией, командир дивизии) от существовавших в нашей армии в 1935—1940 гг. званий высшего командного состава. Наконец, изучение форменной одежды и наградных знаков на портретах (живописных, графических, фотографических) дает возможность уточнить датировку изображения, а зачастую и опознать с большой долей вероятности личность портретируемого. Именно изучение особенностей военной формы послужило И.Л.Андроникову одним из оснований для того, чтобы установить, что на портрете неизвестного офицера изображен М.Ю.Лермонтов. В краеведческой работе учителю часто приходится иметь дело с фотографиями периода Великой Отечественной войны. Особенности форменной одежды здесь помогают установить время, к которому относится фотография. Например, фотография военнослужащего в погонах и с орденом Красной Звезды на левой стороне груди относится ко времени между февралем и июнем 1943 г.: погоны были введены в Красной Армии с февраля 1943 г., а орден Красной Звезды с 19 июня 1943 г. положено носить на правой стороне груди.

Постоянные чины, звания и титулы возникают в классовом обществе. Особенностью большинства из них является то, что первоначально они означали не звания и титулы, а реальные должности и только в дальнейшем оторвались от них. Так, титул князя когда-то обозначал племенного вождя, а затем реального главу княжества и лишь после создания единого государства стал почетным титулом, указывающим на происхождение. Должность королевского на-

местника в раннем средневековье означало слово «граф», превратившееся впоследствии в дворянский титул. Некогда каждый полковник командовал полком, а подполковник был его помощником, коллежский секретарь реально вел делопроизводство одной из двенадцати петровских коллегий и т.п.

Чины и титулы (не как показатель своеобразной должности князя и т. п.) зародились в России с образованием единого государства во второй половине XV в. Их развитие шло постепенно, и к началу XVII в. они в основном сложились в строгую систему. Единственным дворянским титулом был титул князя. Высшими чинами были думные: боярин, окольничий, думный дворянин и думный дьяк. Люди из наиболее знатных родов получали чин боярина сразу, минуя окольничего, для других чин окольничего был ступенькой к получению боярства, для третьих — венцом их карьеры. Думными дворянами становились царские приближенные, недостаточно знатные для чина окольничего или боярина. Некоторые из них впоследствии все же достигали окольничества, а знаменитый русский дипломат А.Л.Ордин-Нащокин, вошедший первоначально в Думу думным дворянином, стал в конце концов даже боярином.

Ниже думных чинов стояли чины дворцовые или придворные: стольники и стряпчие. Носители этих чинов бывали воеводами, составителями писцовых книг, участвовали в дипломатических миссиях и т.п. Дворцовые чины составляли часть московских чинов. Следующим за стряпчим был чин дворянина московского, за ним следовал жилец. Если дворяне московские постоянно находились в Москве в распоряжении царя для выполнения ответственных поручений, то жильцы жили в Москве (отсюда и термин «жилец») по очереди, неся караульную службу во дворце; они были всегда наготове для выполнения срочного поручения государя.

Основную массу дворянства составляли чины городовые, т. е. провинциальные («городом» в России XVI—XVII вв. называли уезд). Верхушку городовых дворян составляли дворяне выборные (или «выбор»), привлекавшиеся порой для московской службы, и дворовые.

Были чины и в стрелецком войске, но они являлись скорее еще должностями: полки возглавлялись полковниками, их помощниками были полуполковники (будущие подполковники), отдельными отрядами командовали головы и сотники.

В XVII в. возникают «полки нового строя» — рейтарские, драгунские и солдатские. Их командный состав носил уже воинские звания европейского типа: прапорщик (буквально — знаменосец), поручик (помощник капитана), капитан, майор, подполковник, полковник. Существовали и генеральские звания. Если первоначально

эти звания носили приглашенные на русскую службу иностранные офицеры, то со второй половины XVII в. появляются и русские офицеры и генералы. Известный военачальник Аггей Алексеевич Шепелев носил даже своеобразный чин думного генерала.

Реформы первой четверти XVIII в. привели к радикальному преобразованию системы чинов и званий. В 1722 г. был издан указ о Табели о рангах, отделивший военные чины от гражданских и разделивший их на 14 рангов, или классов. Табель о рангах в модифицированном виде просуществовала до Октябрьской революции.

К этому же времени относится и возникновение форменной одежды для армии и гражданских чиновников и знаков различия. В XVIII в. мундиры офицеров разных чинов различались по шитью на воротниках и галунами на бортах. В начале XIX в. появляются знаки различия в виде эполет. Однако эполеты первоначально определяли не чин, а группу чинов. Обер-офицерские эполеты (без бахромы) были одинаковы для всех обер-офицеров от прапорщика до капитана, штаб-офицерские (с бахромой из тонких нитей) — для всех от майора до полковника, а генеральские (густые, с бахромой из толстых витых нитей) — для всех генералов. На эполетах «свитских чинов» — генерал-адъютантов, генерал-майоров свиты и флигель-адъютантов — помещался вензель императора.

В 1827 г. были введены дополнительные знаки различия на эполетах в виде звездочек: чистый эполет без звездочек был знаком более высокого чина. У прапорщика была одна звездочка, у подпоручика, майора и генерал-майора — две, у поручика, подполковника и генерал-лейтенанта — три, у штабс-капитана (штабс-ротмистра) — четыре, у капитана, полковника и «полного генерала» (чины генерала от инфантерии, кавалерии, артиллерии и инженер-генерала) — чистые эполеты.

Нижние чины — солдаты и унтер-офицеры — носили не эполеты, а погоны, что резко отличало их от офицерского состава. Это создало особую опасность для офицера во время Крымской войны (1853—1856), когда стрелки неприятеля, оснащенные дальнобойными ружьями, могли выбирать себе мишенью людей в эполетах. Тогда для офицеров и генералов при повседневной форме были введены погоны. Обер-офицерские погоны имели один просвет, штаб-офицерские — два, генеральские изготовлялись из сплошного галуна особого переплетения. Количество звездочек на погонах осталось тем же, что и на эполетах. Эполеты же стали принадлежностью только парадной формы.

После октября 1917 г. все чины и звания, а соответственно и присвоенная им форма одежды были отменены и сохранялись лишь на некоторых территориях, контролируемых антибольшевистскими

Табель о рангах

Класс	Чины военные		Чины гражданские
	армейские	флотские	
I	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Государственный канцлер. Действительный тайный советник I класса
II	Генерал-аншеф (до 1796 г.), с 1796 г. генерал от: инфантерии, артиллерии, кавалерии; инженер-генерал	Адмирал	Действительный тайный советник
III	Генерал-лейтенант (в 1730-х гг. — конце XVIII в. генерал-поручик)	Вице-адмирал	Тайный советник
IV	Генерал-майор	Контр-адмирал (в первой четверти XVIII в. — шаутбенахт)	Действительный статский советник
V	Бригадир (до 1799 г.)	Капитан-командор (до 1799 г.)	Статский советник
VI	Полковник	Капитан 1-го ранга	Коллежский советник
VII	Подполковник, войсковой старшина (в казачьих войсках с 1884 г.)	Капитан 2-го ранга	Надворный советник
VIII	Майор; премьер- и секунд-майор (в 1731—1797 гг.); войсковой старшина (в казачьих войсках до 1884 г.). В 1884 г. чин майора отменен. С 1884 г. капитан, ротмистр (в кавалерии), есаул (в казачьих войсках)	Капитан 3-го ранга (в XVIII в.) Капитан-лейтенант (до 1884 г.. в 1907—1911 гг.) Старший лейтенант (с 1912 г.)	Коллежский асессор
IX	Капитан, ротмистр, есаул (до 1884 г.); штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул (с 1884 г.)	Капитан-лейтенант (в XVIII в.); лейтенант (с 1884 г.); старший лейтенант (1907—1911 гг)	Титулярный советник
X	Капитан-поручик (до 1778 г.), штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул (до 1884 г.), поручик, сотник (с 1884 г.)	Лейтенант (до 1884 г.), мичман (с 1885 г.)	Коллежский секретарь
XI	Поручик, сотник (до 1884 г.)		Корабельный секретарь (в XVIII в.)
XII	Секунд-поручик, унтерлейтенант (в XVIII в.). Подпоручик (с 1884 г.); корнет (в кавалерии), хорунжий (в казачьих войсках)	Мичман (до 1885 г.)	Губернский секретарь
XIII	Прапорщик (с 1884 г. только в военное время); корнет, хорунжий (до 1884 г.)		Провинциальный секретарь; сенатский, синодский, кабинетский регистратор (в XVIII в.)
XIV	Фендрик (в XVIII в.)	Мичман (в XVIII в)	Коллежский регистратор

правительствами. В Красной Армии новые звания первоначально не учреждались. Как красноармейцы, так и белогвардейцы не имели единообразной форменной одежды. Лишь часть антибольшевистских сил использовали старую форму русской армии. Постепенно ряд красных частей обмундировали единой формой одежды, появилась вскоре и эмблема на головных уборах — пятиконечная красная звезда с серпом и молотом.

В конце гражданской войны появились и должностные знаки различия, носившиеся первоначально на петлицах, нашивавшихся на рукава. С 1922 г. петлицы со знаками различия в виде треугольников, квадратов (кубиков), прямоугольников (шпал) и ромбов нашивали на воротники гимнастерок и шинелей. Должностные знаки различия были первым шагом на пути к установлению воинских званий: знаки различия были установлены применительно к строевым командным должностям, но ведь далеко не все лица командного состава занимали такие должности. Поэтому приходилось приравнивать должности друг к другу, как бы создавая определенные категории командиров.

22 сентября 1935 г. ввели персональные воинские звания в Красной Армии. Звания эти не были едиными для разных родов войск и служб. Существовало разделение на командный, начальствующий и военно-политический состав. В начальствующий состав входили инженеры и техники, интенданты, медики и юристы; командный состав делился на младший, средний, старший и высший; начальствующий и военно-политический состав — только на средний, старший и высший. Знаками различия были петлицы с треугольниками для младшего комсостава, кубиками — для среднего, шпалами — для старшего и ромбами — для высшего. В Военно-Морском Флоте звания различались по нашивкам из галуна на обшлагах кителя. Воинские звания младшего комсостава были следующие: командир отделения, помощник командира взвода и старшина (соответственно два, три и четыре треугольника). У лейтенантов и старших лейтенантов[1] — два и три кубика, у капитанов, майоров и полковников — одна, две и три шпалы, у комбригов, комдивов, комкоров и командармов 2-го ранга — один, два, три и четыре ромба, у командармов 1-го ранга — четыре ромба и звездочка, у маршалов Советского Союза — одна большая звезда на ромбовидной петлице (подробно о званиях см. в таблице). Присвоение воинских званий растянулось примерно на год.

---

[1] Здесь и далее называются только командные звания. Знаки различия у носивших соответствующие звания политического и начальствующего состава были аналогичны

Эта система вскоре претерпела изменения. В 1937 г. были введены звания младший лейтенант (один кубик) и младший политрук (два кубика). В 1939 г. были установлены звания подполковник и старший батальонный комиссар (три шпалы; у подполковника и полковника и полкового комиссара в связи с этим стало по четыре шпалы). После введения этих званий нарушилось соотношение морских званий и званий начальствующего состава с командным и политическим.

В 1940 г. были введены генеральские и адмиральские звания, в связи с чем были отменены особые звания военных инженеров и интендантов (от бригинженера и бригинтенданта и выше), но сохранились у политработников, медиков и юристов. Знаки различия генералов представляли собой ромбовидные петлицы со звездочками, от двух до пяти, соответственно у генерал-майоров, генерал-лейтенантов, генерал-полковников и генералов армии. К первым трем генеральским званиям прибавлялись указания на род войск или службу: например, генерал-майор артиллерии, генерал-майор интендантской службы, генерал-лейтенант инженерных войск, генерал-полковник бронетанковых войск, генерал-полковник авиации. На флоте были установлены звания контр-адмирала, вице-адмирала, адмирала и адмирала флота. Флотские командиры, не связанные непосредственно с плаванием (береговая артиллерия, береговые инженерные службы, морская авиация и т. д.), носили морскую форму, но имели общевойсковые звания.

Всего новые звания генералов и адмиралов получили около тысячи человек. Присваивались они довольно скупо. Не все комбриги стали генералами, некоторые из них и в первый год войны продолжали носить уже отмененное звание. Многие командармы 2-го ранга стали всего лишь генерал-лейтенантами. Вместе с тем один из трех генералов армии — Г.К.Жуков состоял в звании комкора (хотя остальные комкоры, как правило, становились генерал-лейтенантами): здесь сыграл роль полководческий успех Жукова в боях у реки Халхин-Гол.

В 1941 г., перед самым началом войны, изменились звания рядового и младшего комсостава. Для рядового состава было введено второе звание ефрейтора (на флоте — старший краснофлотец); ему полагались петлицы с красной продольной полоской и желтым металлическим треугольником, занимающим правый верхний угол. На таких же петлицах поверх продольной полоски располагались от одного до четырех треугольников у младших сержантов, сержантов, старших сержантов и старшин.

В 1942—1943 гг. была проведена унификация всех воинских званий. Политработники, медики, юристы, инженеры и интенданты по-

лучили общевойсковые звания. К некоторым званиям прибавлялось наименование службы (полковник административной службы, майор юстиции, капитан медицинской службы, старший лейтенант интендантской службы и т.п.).

В 1943 г. были учреждены также звания маршалов и главных маршалов родов войск — авиации, артиллерии, бронетанковых войск, инженерных войск и войск связи. После войны персонально для Сталина было учреждено звание генералиссимус Советского Союза (в то время во всем мире звание генералиссимуса носили еще Чан Кайши в Китае и Франко в Испании).

После войны изменения в системе воинских званий были невелики. В 1955 г. было установлено звание адмирала флота Советского Союза, приравненное к маршалу Советского Союза, а в 1972 г. для младших командиров сверхсрочной службы — звание прапорщика, к которому вскоре прибавилось звание старший прапорщик.

В 1943 г. для военнослужащих армии и флота были введены погоны, причем использованы с небольшими изменениями традиционные погоны старой царской армии. На погонах ефрейторов и сержантов (в старой армии — унтер-офицеров) звания различались поперечными нашивками — лычками. На погонах офицеров от младшего лейтенанта до капитана — один просвет и соответственно от одной до четырех звездочек, от майора до полковника — два просвета и от одной до трех звездочек большего размера; погоны генералов — из галуна с зигзагообразным переплетением с вышитыми звездами от одной до четырех (у генерала армии) и одной большой у маршалов. Над звездой у маршалов Советского Союза располагался вышитый цветным шелком герб СССР, у маршалов родов войск — эмблема рода войск, причем звезда на погонах главных маршалов заключена в венок.

Форменная одежда и звание были введены для многих ведомств. Так, «классные чины» (здесь термин, восходящий к Табели о рангах) получили дипломаты, причем к их форме полагались погоны с эмблемой в виде скрещенных оливковых ветвей. Военные звания (инженер-капитан, директор-полковник, генерал-директор и т.п.) и погоны получили железнодорожники. Форменная одежда присвоена работникам прокуратуры, министерств финансов и заготовок, шахтерам и многим другим.

В наши дни сохранились форменная одежда и должностные знаки различия у работников транспорта, звания и знаки различия в виде петлиц у работников прокуратуры. Есть форменная одежда также у работников лесного ведомства, таможенной службы, у дипломатов высшего ранга — чрезвычайных и полномочных послов и посланников при торжественных церемониях. Воинские звания с при-

бавлениями «милиции», «внутренней службы», «государственной безопасности» носят работники милиции, МВД.

К системам социального этикета относится и наградная система. На Руси до XVIII в. не существовало особых наградных знаков. В качестве наград употреблялись западноевропейские или специально изготовленные в России золотые монеты, которые нашивали на шапку как знак отличия. При Петре I в России появляются первые ордена и медали.

Воинские звания Красной Армии и Военно-Морского Флота. 1935 г.

Командный		Политический	Начальствующий
Армия	Флот		
		Средний	
Лейтенант	Лейтенант		Воентехник (техник-интендант) 2-го ранга; военфельдшер, младший военюрист
Старший лейтенант	Старший лейтенант	Политрук	Воентехник (техник-интендант) 1-го ранга; старший военфельдшер, военюрист
		Старший	
Капитан	Капитан-лейтенант	Старший политрук	Военинженер (военврач, военюрист, интендант) 3-го ранга
Майор	Капитан 3-го ранга	Батальонный комиссар	Военинженер (военврач, военюрист, интендант) 2-го ранга
Полковник	Капитан 2-го ранга	Полковой комиссар	Военинженер (военврач, военюрист, интендант) 1-го ранга
		Высший	
Комбриг	Капитан 1-го ранга	Бригадный комиссар	Бригинженер (-врач, -юрист, -интендант)
Комдив	Флагман 2-го ранга	Дивизионный комиссар	Дивинженер (-врач, -юрист, -интендант)
Комкор	Флагман 1-го ранга	Корпусной комиссар	Коринженер (-врач, -юрист, -интендант)
Командарм 2-го ранга	Флагман флота 2-го ранга	Армейский комиссар 2-го ранга	Арминженер (-врач, -юрист, -интендант)
Командарм 1-го ранга	Флагман флота 1-го ранга	Армейский комиссар 1-го ранга	
Маршал Советского Союза			

В Западной Европе ордена как вид награды также появились только в XVII в. Сходство терминов «орден» и «рыцарский орден» не случайно. В позднем средневековье западноевропейские монар-

хи учреждали свои рыцарские ордена, становясь их главами — гроссмейстерами или командорами. Рыцарь — член ордена (кавалер) носил его знак, как правило, в виде креста, на своей одежде. Включение в состав ордена было монаршей милостью и постепенно превращалось в награду. Со временем название «орден» перешло на орденский знак. Орден превратился в высшую награду. Однако определенные следы связи с рыцарским орденом остались. Дело не только в том, что награжденные именовались кавалерами, но и в том, что орден сначала автоматически давал дворянство (ведь рыцари — дворяне). С наследством ордена как организации связано и наличие нескольких степеней у орденов, причем степени эти часто имели свои названия: кавалерская, офицерская, командорская и т.п. Первоначально речь шла об иерархии рыцарей внутри ордена. Именно поэтому обычно орденами награждали последовательно от низшей степени к высшей, а при получении более высокой степени знак более низкой не носили, так же как майор не носит одновременно с майорскими капитанских знаков различия.

Однако к тому времени, когда ордена появились в России, они уже окончательно превратились в награды, хотя за награжденным стойко установилось именование «кавалер». Впоследствии даже в подписях употреблялся термин «кавалер» без указания ордена: например, «Иван Петров, статский советник и кавалер». Само слово «кавалер» стало означать человека, получившего награду. Современники рассказывают, что в царствование Павла I некий генерал Каннабих подписывался следующим образом: «Всемилостивейшего государя моего генерал-майор, св. Анны I степени и анненской шпаги, табакерки с вензелевым изображением его величества, бриллиантами украшенной, и тысячи душ кавалер».

Первый русский орден — св. Андрея Первозванного был учрежден Петром I в 1698 г. Он имел одну степень и вплоть до революции оставался высшим орденом. В 1714 г. был учрежден в честь императрицы Екатерины женский орден св. Екатерины из двух степеней, которым награждались придворные дамы (они носили своеобразное название «кавалерственные дамы»). В 1725 г. был учрежден орден св. Александра Невского (из одной степени); впоследствии (во второй половине XIX в.) он был фактически разделен на две степени: после награждения основным орденом через некоторое время могло последовать награждение знаками ордена, украшенными алмазами. Любопытна история ордена св. Анны. В 1728 г. умерла двадцатилетняя дочь Петра I Анна, бывшая замужем за герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским Карпом Фридрихом. Любящий супруг в 1735 г. учредил в ее память в своем герцогстве орден св. Анны. Сын Анны и герцога будущий Петр III стал в 1743 г. на-

следником русского престола, после чего орденом стали награждать и в России. В 1797 г. Павел I, культивировавший память своего отца и гольштейнской родни, ввел орден св. Анны в состав русских орденов. Он делился первоначально на три степени, а затем на четыре. Четвертой степенью награждались только офицеры за боевые заслуги: это был крест, который носили на эфесе сабли, украшенной темляком из орденской ленты.

Два новых ордена появились при Екатерине II: в 1769 г. орден св. Георгия (4 степени), которым награждали офицеров и генералов только за боевые заслуги, и в 1782 г. орден св. Владимира (4 степени). В 1797 г. Павел I принял на себя титул великого магистра Мальтийского ордена и начал награждать знаком этого ордена — св. Иоанна Иерусалимского. После 1817 г. награждение мальтийским крестом было прекращено.

С 1815 г. русские императоры были одновременно польскими королями (царями польскими) и награждали польских подданных польскими орденами Белого Орла и св. Станислава. После подавления восстания 1830—1831 гг. ордена Белого Орла и св. Станислава вошли в число российских императорских. Орден Белого Орла имел одну степень, св. Станислава — три. После этого новые ордена уже не появлялись.

В России существовало строго определенное старшинство орденов и их степеней, причем старший орден нельзя было получить до младшего. Единственным исключением был орден св. Георгия, который давался вне зависимости от наличия других орденов, его отсутствие также не служило помехой для награждения более высокими орденами.

Порядок награждения был следующим: Анны 4-й степени (только для офицеров), Станислава 3-й степени, Анны 3-й степени, Станислава 2-й степени, Анны 2-й степени, Владимира 4-й степени, Владимира 3-й степени, Станислава 1-й степени, Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени, Белого Орла, Александра Невского, Владимира 1-й степени, Андрея Первозванного. При наличии старшей степени ордена младшая, как правило, не носилась; зачастую (не в торжественных случаях) носился только старший орден. Степени различных орденов различались также местом ношения: знаки низших степеней носились на груди, вторые степени Станислава и Анны и третья и вторая Георгия и Владимира — на шее; к орденам Георгия и Владимира 2-й степени и к первым степеням остальных орденов полагались также звезды. Первые степени всех орденов носились на широкой ленте через плечо, а орден Андрея Первозванного — на цепи на шее.

Ордена могли иметь дополнительные украшения. Так, в разное время ордена, которыми награждались за боевые заслуги, могли ук-

Воинские звания Вооруженных Сил СССР

Сухопутные силы и ВВС	Военно-Морской флот[1]
Рядовой состав	
Рядовой	Матрос
Ефрейтор	Старший матрос
Сержанты и старшины	
Младший сержант	Старшина 2-й статьи
Сержант	Старшина 1-й статьи
Старший сержант	Главный старшина
Старшина	Главный корабельный старшина
Прапорщики и мичманы	
Прапорщик	Мичман
Старший прапорщик	Старший мичман
Младшие офицеры	
Младший лейтенант	Младший лейтенант
Лейтенант	Лейтенант
Старший лейтенант	Старший лейтенант
Капитан	Капитан-лейтенант
Старшие офицеры	
Майор	Капитан 3-го ранга
Подполковник	Капитан 2-го ранга
Полковник	Капитан 1-го ранга
Генералы, адмиралы, маршалы	
Генерал-майор	Контр-адмирал
Генерал-лейтенант	Вице-адмирал
Генерал-полковник	Адмирал
Генерал армии, маршал рода войск	Адмирал флота
Главный маршал рода войск	—
Маршал Советского Союза	Адмирал флота Советского Союза
Генералиссимус Советского Союза	

рашаться мечами; орденская лента могла иметь бант (Владимир с мечами; Анна с бантом и т.п.). В этом случае низшая степень ордена могла не сниматься при наличии высшей. Одно время на анненских крестах помещалась императорская корона как показатель повышения степени.

Орденами могли награждаться лишь офицеры и чиновники. Даже купцов за заслуги награждали не орденами, а медалями. С конца

---

[1] В Военно-Морском Флоте военнослужащие авиации и других родов войск и служб, не связанных с корабельной службой, носили общеармейские звания.

XVIII в. ордена стали получать и духовные лица, но рядовые солдаты и матросы не могли получать ордена. На высшие степени орденов, кроме членов царствующего дома, получавших высшие ордена при рождении, могли рассчитывать только генералы или чиновники генеральского ранга. Орден в России был не знаком отличия за особые заслуги (кроме Георгия и орденов «с мечами и бантами»), а просто положенным очередным поощрением по службе.

Вместе с тем существовали и награды для нижних чинов и купцов, крестьян и мещан. Для солдат и унтер-офицеров был в 1807 г. учрежден Знак отличия Военного ордена, носившийся на георгиевской ленте. Он был сделан по образцу ордена св. Георгия, но не был покрыт белой эмалью. Поэтому его часто называли солдатским Георгием. Солдаты, получившие эту награду (георгиевские кавалеры), пользовались льготами во время службы (были, в частности, освобождены от телесного наказания) и при выходе в отставку (получали значительную пенсию и включались в сословие почетных граждан). На практике не все эти льготы действительно применялись. Так, в 1820 г. в лейб-гвардии Семеновском полку вспыхнуло восстание, одной из причин которого было то, что командир полка полковник Шварц подвергал телесному наказанию георгиевских кавалеров. В 1856 г. Знак отличия Военного ордена был разделен на четыре степени. Кресты первой и второй степеней изготовлялись из золота, а третьей и четвертой – из серебра; на лентах первой и третьей степеней помещался бант. Солдат, награжденный всеми четырьмя степенями солдатского Георгия, именовался полным георгиевским кавалером, а четыре степени ордена составляли «полный бант». Этот орден (хотя официально он считался не орденом, а лишь знаком отличия) давался только за личную храбрость; зачастую он присуждался самому храброму солдату роты по выбору самих солдат. Многие из георгиевских кавалеров впоследствии стали видными военачальниками (маршалы Г.К.Жуков, К.К.Рокоссовский и др.).

Из других наград дореволюционной России надо отметить «пряжку за беспорочную службу»: четырехугольная колодка, обтянутая черно-красной владимирской лентой с наложенными на нее римскими цифрами прослуженного срока. Офицеры могли также получать наградное оружие с изображением ордена, с золотым эфесом (золотая сабля за храбрость).

Существовало также много медалей. Они не имели особой расцветки лент, и их было положено носить на ленте того или иного ордена. Некоторые были наградами для лиц непривилегированных сословий («За усердие»). Более высокой наградой считались медали, предназначенные для ношения на шее. Ими часто награждали богатых купцов за службу в городском самоуправлении.

Другим видом наградных медалей были медали за участие в той или иной боевой операции, которые получали все ее участники. Эти награды появились еще в XVIII в. Вспомним, что Ленский, навестив могилу отца Ольги и Татьяны бригадира Дмитрия Ларина, вспоминал: «Как часто в детстве я играл его очаковской медалью!»

Существовали и юбилейные медали. Они не были наградными, и все имевшие на них право могли их просто купить.

16 сентября 1918 г. был учрежден первый советский орден — орден Красного Знамени РСФСР, которым награждались за «особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Уже через две недели после учреждения, 30 сентября 1918 г. орденом Красного Знамени № 1 был награжден В.К.Блюхер, впоследствии маршал Советского Союза. Всего за годы гражданской войны В.К.Блюхер был пять раз удостоен этого ордена. Аналогичные ордена были учреждены и в ряде других советских республик.

В 1920 г. для награждения за достижения и отличия в труде был учрежден орден Трудового Красного Знамени РСФСР, а в последующие годы — аналогичные ордена в других советских республиках.

Через некоторое время после образования СССР появились первые общесоюзные ордена — Красного Знамени (1924) и Трудового Красного Знамени (1928). Однако до 1933 г. производились награждения и республиканскими орденами Трудового Красного Знамени. Вместе с тем республиканские ордена были приравнены к союзным.

Наградная система СССР складывалась постепенно. До Великой Отечественной войны были учреждены высший орден СССР — орден Ленина (1930), для награждения за заслуги в укреплении обороноспособности страны — орден Красной Звезды (1930), за трудовые заслуги — орден «Знак Почета» (1935), переименованный в 1988 г. в орден Почета. В 1934 г. было учреждено почетное звание Героя Советского Союза, при присвоении которого одновременно вручался орден Ленина, а с 1939 г. — и медаль «Золотая Звезда». Звание Героя Социалистического Труда — высшая степень отличия в области хозяйственного и культурного строительства — было установлено в 1938 г., а знак Героя Социалистического Труда — золотая медаль «Серп и Молот» — в 1940 г. Перед войной появились и первые медали СССР. В 1938 г. была учреждена юбилейная медаль «XX лет РККА», которой награждались находящиеся к 23 февраля 1938 г. в кадрах армии и флота военнослужащие — участники гражданской войны. В том же году были установлены военные медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» и гражданские «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Много новых орденов и медалей появилось в годы Великой Отечественной войны. Орденом Отечественной войны из двух сте-

пеней (1942) награждались за конкретные боевые подвиги солдаты и офицеры. Появились особые ордена для награждения за руководство войсками — Суворова (1942), Кутузова (1942), Богдана Хмельницкого (1943) из трех степеней и Александра Невского (1942) — одна степень. Орденами первых степеней награждались руководители операций фронтового и армейского масштаба, вторых — корпусного, дивизионного и бригадного, третьих — полкового и батальонного. Орденом Александра Невского награждались за руководство операциями полков, батальонов, рот и взводов. Высший полководческий орден «Победа» (1943) был предназначен для военачальников, чья деятельность привела к значительному изменению общего хода военных действий, кто руководил операциями в масштабе нескольких фронтов. Ордена Ушакова и Нахимова, из двух степеней каждый, учрежденные в 1944 г., предназначались для награждения адмиралов и офицеров Военно-Морского Флота. Одновременно для матросов и старшин были учреждены медали Ушакова и Нахимова.

Наряду с офицерскими орденами была учреждена и солдатская награда за личную боевую доблесть: орден Славы из трех степеней (1943), награждение которыми производилось последовательно — от третьей степени к первой. Орден Славы могли получить только рядовые и сержанты (в авиации также младшие лейтенанты). Оранжево-черная лента ордена Славы по раскраске идентична георгиевской, в этом ордене были возрождены традиции «солдатского Георгия».

Были установлены и новые медали. Для награждения участников партизанского движения была учреждена медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней (1943). Участники обороны городов-героев и других важнейших оборонительных операций награждались медалями «За оборону»: Ленинграда (1942), Москвы (1944), Одессы, Севастополя, Сталинграда (1942), Киева (1961), Кавказа, Советского Заполярья (1944). После окончания Великой Отечественной войны все военнослужащие Вооруженных Сил СССР были награждены медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» на черно-оранжевой «георгиевской» ленте, а труженики тыла — медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Тогда же были учреждены медали для участников наступательных операций — за взятие Будапешта, Кенигсберга, Вены и Берлина и за освобождение Белграда, Варшавы и Праги. Участники заключительного этапа второй мировой войны были награждены медалью «За победу над Японией».

Во время Великой Отечественной войны были учреждены также правительственные награды для многодетных матерей: звание

мать-героиня и соответствующий орден для матерей, родивших и воспитавших десять детей, орден «Материнская слава» трех степеней и «Медаль материнства» двух степеней (1944).

Массовый героизм советских людей в годы борьбы с фашизмом, учреждение наград за участие в боевых операциях для массового награждения потребовали изменений в порядке ношения орденов и медалей, подчас уже не помещавшихся на груди у награжденных. В 1943 г. было установлено, что все медали и часть орденов носятся на левой стороне груди, а остальные ордена — на правой. Для орденов, носящихся на левой стороне груди, и медалей были введены пятиугольные колодки, обтянутые цветными лентами, к которым и прикреплялись наградные знаки. Колодки соединяются друг с другом так, что ордена и медали слегка перекрывают друг друга, занимая меньше места. Ордена, носимые на правой стороне груди, не имеют колодок и привинчиваются к одежде. Ордена и медали носят обычно лишь в торжественных случаях, в повседневной же обстановке их заменяют планки с лентами соответствующих цветов (орденам, не носимым на лентах, также присвоены для ношения на планках определенные расцветки лент). Установлена определенная последовательность расположения орденских лент на планках в порядке старшинства.

В послевоенные годы были учреждены новые ордена и многие медали. В 1967 г. был учрежден орден Октябрьской революции, ставший второй по значению после ордена Ленина правительственной наградой. В 1972 г. был введен орден Дружбы народов. Им награждались не только граждане СССР, но и некоторые деятели зарубежных стран. Два новых ордена были введены в 1974 г.: орден Трудовой Славы для награждения рабочих и колхозников (инженерно-технические работники и специалисты этим орденом не награждались) и орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Оба ордена имели три степени, и награждение производилось в последовательном порядке.

В 1970 г. была учреждена юбилейная медаль «За доблестный труд (За воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Существовали медали «За отличие в воинской службе» двух степеней, «За отличную службу по охране общественного порядка», «За укрепление боевого содружества». За конкретные подвиги производили награждение медалями «За отвагу на пожаре» и «За спасение утопающих». В разное время были учреждены медали для награждения участников важнейших мероприятий — восстановления предприятий черной металлургии юга и угольных шахт Донбасса, освоения целинных земель, строительства БАМа, преобразования Нечерноземья РСФСР, освоения недр и развития неф-

тегазового комплекса Сибири. Особые медали имелись для награждения ветеранов труда и Вооруженных Сил. Существовали юбилейные медали: в честь 20-летия, 30-летия и 40-летия победы в Великой Отечественной войне, 30-, 40-, 50-, 60- и 70-летия Вооруженных Сил СССР, 50-летия советской милиции, в память 800-летия Москвы, 250-летия Ленинграда и 1500-летия Киева. Существовали ведомственные медали «За безупречную службу» трех степеней, учрежденные Министерствами обороны и внутренних дел и Комитетом государственной безопасности. Медалью 3-й степени награждались за 10 лет безупречной службы, 2-й — за 15, 1-й — за 20 лет.

В конце войны, в 1944 г., было введено награждение военнослужащих орденами и медалями за выслугу лет: за 10 лет беспорочной службы — медалью «За боевые заслуги», за 15 — орденом Красной Звезды, за 20 — Красного Знамени, за 25 — орденом Ленина, за 30 — вторым орденом Красного Знамени. Вслед за тем в 1945— 1948 гг. были введены награждения орденами и медалями за выслугу лет для многих других категорий: шахтеров, учителей, врачей, научных работников и т.п. Тогда же был установлен порядок награждения работников сельского хозяйства, при котором достижение определенных результатов автоматически обеспечивало награждение тем или иным орденом или медалью, а то и присвоение звания Героя Социалистического Труда. Так как награждение производилось ежегодно, то у некоторых председателей колхозов, бригадиров за 5—6 лет появлялось по нескольку одинаковых высоких орденов. Все это приводило к падению престижа наград, лишало их уважения.

В 1958 г. был принят указ, отменивший награждение за выслугу лет и за достижение определенных показателей в сельском хозяйстве. Однако инфляция наград набрала через некоторое время новую силу. Чем выше было положение того или иного лица в государстве, тем более щедрым дождем сыпались на него награды. Так, Н.С.Хрущев был трижды Героем Социалистического Труда. У Л.И.Брежнева было уже пять золотых звезд. К тому же, в нарушение статуса, он был награжден орденом «Победа», который полагался «за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии».

Широко распространилось награждение «в связи со столько-то летием со дня рождения». На высокую награду мог рассчитывать любой секретарь обкома, министр, генерал высокого ранга, писатель, пользующийся благосклонностью начальства, по достижении 50, 60, 70 лет. Один из генералов был удостоен к 60-летию звания Героя Советского Союза; людям, прочитавшим указ, оставалось гадать, какой подвиг, не отмеченный своевременно наградой, совершил в го-

ды Великой Отечественной войны молодой лейтенант и почему он стал известен лишь тогда, когда герой достиг высокого звания и почтенного возраста.

Инфляцию наград увеличивали массовые награждения по итогам пятилеток. Ордена и медали в них распределялись по разнарядкам, конкретные заслуги награжденных оставались неведомыми коллективам, которые порой даже не знали о награждении.

В 1988 г. были отменены массовые награждения, в том числе по итогам пятилеток, отменено награждение в связи с юбилеями «в период трудовой деятельности» юбиляров. Установлено, что не осуществляется повторное награждение Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда медалями «Золотая Звезда» и «Серп и Молот». Между двумя награждениями орденом или медалью должно пройти не менее пяти лет, что не распространяется на тех, кто награждается «за мужество и отвагу, проявленные при выполнении гражданского и воинского долга». Другое важное нововведение состояло в том, что ордена теперь могли получать лишь конкретные люди.

Одновременно был учрежден орден «За личное мужество», которым награждаются «за мужество и отвагу, проявленные при спасении людей, охране общественного порядка и социалистической собственности, в борьбе с преступностью, стихийными бедствиями и при других чрезвычайных обстоятельствах».

Распад СССР привел к появлению орденов и медалей новых государственных образований, возникших на его обломках.

В 1992 г. было установлено почетное звание Героя Российской Федерации. При награждении этим званием вручается знак особого отличия — медаль «Золотая Звезда» Героя Российской Федерации. Она является высшей наградой России и по внешнему виду не отличается от «Золотой Звезды» Героя Советского Союза. В 1994 г. учрежден ряд новых российских орденов: орден «За заслуги перед отечеством» из четырех степеней, орден Мужества, орден «За военные заслуги», орден Почета, орден Дружбы, орден маршала Жукова. Появился также знак отличия «За безупречную службу».

При создании этих наград, особенно первых трех, широко использованы традиции дореволюционных российских орденов. Знак ордена «За заслуги перед Отечеством» изготавливается из серебра с позолотой и представляет собой четырехконечный равновеликий крест с расширяющимися концами, с лицевой стороны покрытый эмалью. На лицевой стороне знака, в центре — накладной позолоченный двуглавый орел. На оборотной стороне знака посередине — круглый медальон, по окружности которого девиз ордена: «ПОЛЬЗА, ЧЕСТЬ И СЛАВА», в нижней части медальона изображение лав-

ровых ветвей. Звезда ордена — серебряная восьмилучевая с гранеными полированными лучами. В центре — рельефное изображение двуглавого орла. По окружности — девиз ордена «ПОЛЬЗА, ЧЕСТЬ И СЛАВА». Орден первой и второй степени имеет знак и звезду; третьей и четвертой — только знак.

Знак ордена Мужества представляет собой равновеликий крест с закругленными концами, рельефным бортиком по краю и рельефными лучами. В центре — двуглавый орел. Знак ордена «За военные заслуги» представляет собой восьмиконечную звезду. В центре — рельефное изображение двуглавого орла.

В 1994 г. учреждены и новые медали России: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством», медали «За отвагу», «За спасение погибших», медали Суворова, Ушакова, Нестерова, «За отличие в охране государственной границы», «За отличие в охране общественного порядка». Еще в 1992 г. была учреждена медаль «Защитнику свободной России», а в 1993 г. — медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В 1997 г. учреждена медаль в память 850-летия Москвы.

Таким образом создается наградная система Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. – М., 1963. – Т. 2.

Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества. XVIII в. – М., 1993.

Антропонимика. – М., 1970.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М., 1944.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. – М., 1970.

Борисов (Ильин) И. В. Родовые гербы России. – М., 1997.

Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. – М., 1945 – Т. 17.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М., 1974.

Володомонов Н. В. Календарь: прошлое, настоящее, будущее. – М., 1987.

Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1968–1991. – Т. I–XXII (Издание сборника продолжается).

Гераклитов А. А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. – М., 1963.

Гербы городов России. Альбом-справочник / Сост. Н. А. Соболева и др. – М., 1998.

Древнерусское искусство. Рукописная книга. – М., 1974.

Зварич В. В. Нумизматический словарь. – Львов, 1978.

История и генеалогия: С. В. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. – М., 1977.

Каменцева Е. И. Хронология. – М., 1967.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. – М., 1973.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. – М., 1974.

Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков. – Л., 1962.

Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. – М., 1959.

Клепиков С. А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. – М., 1978.

Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 1984.

Костюхина Л. М. Книжное письмо в России XVII в. Б. г.

Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио. – М., 1994.

Леонтьева Г. А. Палеография, хронология, археография, геральдика. – М., 2000.

Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. – М., 1970.

Лукомский В. К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1947. – Вып. 17.

Лукомский В. К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. – 1939. – № 1/49.

Муравьев А. В. Русская палеография. – М., 1977.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966.

Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974.

Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). – М., 1965.

Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672. – СПб., 1903.

Пронштейн А. П. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками. – М., 1967.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. – Ростов-на-Дону, 1976.

Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий. – Новосибирск, 1993.

Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. – М., 1970.

Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI–XV вв. (Из истории народных знаний) // Советская энциклопедия. – 1949. – № 1.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948.

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. – М., 1964.

Селешников С. И. История календаря и хронология. – М., 1977.

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. – М., 1981.

Соболева Н. А. Русские печати. – М., 1991.

Соболева Н. А. Старинные гербы Российских городов. – М., 1985.

Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. Очерки истории государственной символики России. — М., 1993.

Советская историческая энциклопедия. Статьи «Генеалогия», «Геральдика», «Звания воинские», «Календарь», «Метрология», «Нумизматика», «Ордена и медали СССР», «Хронология», «Чины, звания и титулы в России». — Т. 1—16.

Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. — Л., 1963.

Спасский И. Г. Русская монетная система. — Л., 1970.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? — М., 1985.

Суперанская А. В. Имя — через века и страны. — М., 1990.

Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. — М., 1982.

Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. — М., 1946. — Т. 19.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают. — М., 1963.

Черепнин Л. В. Русская метрология. — М., 1944.

Черепнин Л. В. Русская хронология. — М., 1944.

Черепнин Л. В. Русская палеография. — М., 1956.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М., 1969.

Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии. — М., 1974.

Шепелев Л. Е. Отмеченные историей чины, звания и титулы в Российской империи. — Л., 1977.

Шорин П. А. Монеты СССР. — М., 1971.

Шур Я. И. Когда? Рассказы о календаре. — М., 1968.

Щепкин В. Н. Русская палеография. — М., 1967.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. — М., 1967.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту. — М., 1975.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. — М., 1970. — Т. 1—2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Палеография и археография 26

Глава 2. Нумизматика 102

Глава 3. Сфрагистика 176

Глава 4. Геральдика. Вексиллография 213

Глава 5. Метрология 247

Глава 6. Хронология 279

Глава 7. Историческая ономастика 303

Глава 8. Генеалогия и системы социального этикета 328

Литература 364

Учебное издание

Леонтьева Галина Александровна,
Шорин Павел Александрович,
Кобрин Владимир Борисович

Вспомогательные исторические дисциплины

Учебник для студентов высших учебных заведений

Редактор *В. В. Артемов*
Зав. художественной редакцией *И. А. Пшеничников*
Художник обложки *М. Л. Уранова*
Компьютерная верстка *А. И. Попов*
Корректор *Н. В. Белозерова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.005750.08.02 от 21.08.2002.
Сдано в набор 06.09.99. Подписано в печать 18.11.99.
Формат 60×88/16. Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 22,54.
Тираж 10 000 экз. (2-й завод 10 001—20 000 экз.).
Заказ № 2865

Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС».
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru
http://www.vlados.ru

Государственное унитарное предприятие
Областная типография «Печатный Двор».
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Г. А. Леонтьева
П. А. Шорин
В. Б. Кобрин

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПАЛЕОГРАФИЯ
АРХЕОГРАФИЯ
НУМИЗМАТИКА
СФРАГИСТИКА
ГЕРАЛЬДИКА
ВЕКСИЛЛОГРАФИЯ
МЕТРОЛОГИЯ
ХРОНОЛОГИЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА
ГЕНЕАЛОГИЯ
СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЭТИКЕТА

ISBN 5-691-00495-6
9 785691 004957

ВЛАДОС